

Годъ 16-й.

Кн. LXIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЪНІЕ.

Издание Этнографического Отдѣла
Императорского Общества Любителей Естествознанія,
Антropологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1904, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. Ф. Миллера

и

Поварища Предсѣдателя К. А. Янукка.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Комиссіоверы ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естество-
занія въ Москвѣ. Тверская, Чамонинскій пер., с. д.
1905.

Печатано съ разрешенія Совета Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографии.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Школа, образование и литература у российскихъ мусульманъ. А. Е. Крымская	1
II. Общинные порядки у вотяковъ Мамадышского уѣзда. С. К. Кузнецова	24
III. Что такое Овсень? А. В. Маркова	50
IV. Гиляки. VI. Родъ. VII. Механизмъ рода. VIII. Междуродовые отношения. Л. Я. Штернберга.	66
V. Смѣсь:	
1. Программа для собирания свѣдѣний о родильныхъ и крестильныхъ обрядахъ у русскихъ крестьянъ и инородцевъ. В. Н. Харузиной	120
2. Похоронные обряды у корейцевъ	157
3. Пѣздка къ казакамъ-грузинамъ въ Терскую область. Д. И. Аракчіева	164
VI. Критика и библіографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.	
Ratzel. Ueber Naturschilderung. Е. Н. Е—ой (168).—Агадонъ. Учебникъ тюркменского наречія съ приложениемъ сборника пословицъ и поговорокъ тюрокиенъ Закасп. обл. А. А. Семенова (168).—„Keleti Szemle“—Revue Orientale. 1904. 1. С. К. К—ова (172).—Archiv für Religionswissenschaft“. 7 В., III и IV Hest. 8 В, 1 Н. Е. Н. Е—ой (174).—Hunter. The India of the Queen. А. А. С—еа (176).—Internationale Archiv für Ethnographie В. XVII 1—2. Е. Н. Е—ой (176).—Сецикій. Куджинские переселенцы пограничной съ Китаемъ полосы. Вл. В. (177).—Шишовъ. Сарты. Вл. В. (179).—Григорьевъ. Архангельскія былины и историческія пѣсни. Н. В. В—са (181).—Ионовъ. Пѣздка къ майекимъ тувусамъ. Пекарскій. Пѣздка къ привалскимъ тунгусамъ. Вл. В. (186).—Живая Старица. Годъ XIV, 1 и 2 (186). Никифоровъ. Стихинские чуваши. Вл. В. (187).—Лисенко. Очерки домашнихъ промысловъ и ремесъ Полтавской губ. Вып. III. Е. Н. Е—ой (188).—Памятная книжка Смоленской губерніи на 1905 г. (189).—Михъ.	

Историко-географический словарь Саратовской губерніи, т. I, вып.	
4. С. К. Кузнецова (190).—Крымскій. Филология и Погодинская гипотеза. В. Б. (192)	169
2. Обзоръ газетъ и журналовъ	194
3. Новости этнографической литературы	205

VII. Хроника:

† Н. М. Мартыновъ.—† В. Тачановскій.—† В. Л. Беренштамъ.—† Д-ръ Бартельсъ.—† Э. Шлагинтвейнъ.—† Г. Coillard.—† А. Stübel.—Премія имени М. И. Михельсона.—Премія проф. А. А. Котляревскаго.—Двадцатипятилѣтие «Памятныхъ книжекъ Вятской губ.» и Н. А. Спасскій (<i>Д. З-нина</i>).—Изъ области цензуры русской народной пѣсни.—Новое музыкально-этнографическое изданіе.—«Южная рѣчъ».—Новый немецкій этнографический журналъ.—Художественно-этнографический музей въ Гуцульщинѣ.—Рѣдкая коллекція кружевъ.—Изъ области материальной культуры въ Хорватіи.—Исторія польского искусства.—На мѣстѣ древняго кельтскаго царства.—Важныя доисторические находки въ Швейцаріи.—О «1001 ночи».—«Анналы исlam'a».—«Степное законодательство».—Моленіе на мордовскомъ пчельнику.—Экспедиція для изученія сибирскихъ остиаковъ.—Областный музей и библиотека въ Ахшабадѣ.—О горныхъ таджикахъ.—Населеніе Индіи.—По классической археологіи и искусству.—Введеніе археологии въ школѣ.—Программа Археолог. международ. конгресса въ Аеннахѣ.—Въ микенскихъ раскопкахъ.—Изображеніе Орфея.—Раскопки святилища Аммона.—«Змѣиная богиня» и культь креста у пелагическихъ грековъ.—Законы вавилонскаго царя Хаммураби.—Къ изученію еврейской народности.—Еврейское населеніе Россіи.—Къ изученію быта франкфуртскихъ евреевъ.—Вторая серія «Талмуда».—Закончившійся 2-й международный конгрессъ по исторії религій.—Нравственный кодексъ Японіи.—О развитіи японской лирической поэзіи.—Къ исторіи искусствъ Дальнаго Востока.—Китайские амулеты.—Къ этнографіи Австралии.—Палеонтологическая изысканія Блаача въ Австралии.—Истекаютъ на Івѣ.—Къ этнографіи Африки.—Изученіе карликовыхъ племенъ Африки.—Къ этнографіи Бразиліи.—Материальная культура американскихъ племенъ.—Населеніе Гренландіи	209
---	-----

VIII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографического Отдѣла и другія

Школа, образованность и литература у российскихъ мусульманъ¹⁾.

(Культурно-этнографический очеркъ).

Прежде чѣмъ говорить о школѣ, образованіи, наукѣ и литературѣ мусульманъ Россійской Имперіи, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что большая часть ихъ по своей расовой крови—турко-татары. На 17 миллионовъ российскихъ мусульманъ²⁾ найдется всего около 3 миллионовъ мусульманъ иранской или туземно-кавказской крови³⁾; остальные же 14 миллионовъ, что составляетъ около $\frac{5}{6}$ всего российского мусульманства,—это турко-татары, преимущественно чистокровные и недаровитые, и лишь кое-гдѣ смѣшанные съ элементомъ иран-

1) Оригиналь статьи напечатанъ по-малорусски въ книгѣ „Мусульманство“ проф. Крымскаго (=88—90 книжка львовскаго издательства „Літературно-Наукова Бібліотека“ (1904), недопускаемаго въ Россію, какъ и всѣ малорусскія австрійскія пізданія). Въ виду ближайшаго интереса этой статьи именно для русской, а не для австрійской публики, здѣсь дается ея переводъ, сдѣланныи А. А. Разумовскимъ и дополненный авторомъ.

Ред. „Этногр. Обозр.“

2) Въ эту цифру я включаю также и тѣ 3 миллиона мусульманъ, которые составляютъ народонаселеніе вассальныхъ русскихъ ханствъ Хивинскаго и Бухарскаго.

3) И эти всѣ понимаютъ одно изъ сосѣднихъ татарскихъ или тюрскихъ парѣй, такъ-что даже забываютъ свою родную рѣчь. На нашихъ глазахъ пропадаетъ, напримѣръ, персидско-тальшиское и персидско-татское парѣйе на Кавказѣ, замѣняясь тюркскимъ азербайджанскимъ парѣйцемъ. Вообще слѣдуетъ заметить, что тюркское азербайджанское парѣйе является для цѣлаго Кавказа (и для христіанскаго въ томъ числѣ) рѣчью международной, такъ же какъ въ Европѣ французскій языкъ. Русскій языкъ все еще не достигъ на Кавказѣ такой же международной роли: онъ преобладаетъ въ городахъ, но не въ селахъ.

скимъ (въ Туркестанѣ и Закавказье) или съ какимъ-нибудь инымъ (напр. малорусскимъ, итальянскимъ и греческимъ въ Крыму). Напомню также, что не всѣ россійскіе мусульмане живутъ одинаковое время подъ властію Россіи и, слѣдовательно, подъ вліяніемъ русской культуры: тѣ татары, которые живутъ по Волгѣ съ ея большими сѣверо-восточными притоками и въ Сибири, подпали подъ власть Россіи давно (это—остатки прежнихъ татарскихъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго съ Золотой Ордой и Сибирскаго); тюрко-татары уральские, оренбургские и прочие степные кочевники покорены Россіей уже позднѣе; крымскіе татары—только въ концѣ XVIII в.; кавказцы—нѣкоторые сто, нѣкоторые полсотни лѣтъ тому назадъ и даже менѣе; надъ Туркестаномъ же Россія владычествуетъ всего какихъ-нибудь лѣтъ тридцать. Разсуждая математически, мы должны бы были надѣяться, что наиболѣе европейски-образованными и прогрессивными должны быть тѣ татары, надъ которыми Россія господствуетъ около 400 лѣтъ, а наименѣнную образованность и наибольшую закоснѣлость должны имѣть мусульмане, подпавшіе подъ власть Россіи въ XIX столѣтіи. Однако практика обнаруживаетъ намъ совсѣмъ иное: поволжскіе и сибирскіе татары въ дѣлѣ образования идутъ позади, туркестанцы же, кавказцы и отчасти крымскіе татары въ этомъ отношеніи идутъ впереди.

Чѣмъ это объяснить? Можетъ быть, неодинаковыми расовыми качествами тѣхъ и другихъ? Конечно, въ извѣстной степени виновата расовая недаровитость чисто-туркской крови и большая даровитость крови, смѣшанной съ другими элементами; но кроме того вина также падаетъ и на самое Россію, или точнѣе, на ея руководящія сферы. Образованіе (да и не только образованіе!) татаръ поволжскихъ, сибирскихъ, а отчасти и крымскихъ Россія могла совсѣмъ спокойно запустить и забыть, такъ какъ они, благодаря своему долгому пребыванію подъ властію Россіи, сдѣлались смиренными и спокойными и никаку уже не могутъ политически отложитьсь отъ нея; между тѣмъ собственной свѣтской интеллигентіи, которая бы могла самостоятельно порадѣть о своемъ пародѣ, забытомъ правительственные сферами, у нихъ давно уже не стало, а тѣ единицы, которыхъ, живя по болышиимъ русскимъ городамъ (Казани, Рязани, Уфѣ, Симбирскѣ и пр.), совсѣмъ обрусили и отбились отъ своего народа, мы не можемъ

уже считать за татаръ¹⁾). Иное дѣло Туркестанъ и Кавказъ: здѣсь и простой народъ еще не забылъ своей недавней самостоятельности, и мѣстная интеллигенція, въ какомъ бы средневѣковомъ невѣжествѣ она ни находилась во время присоединенія этихъ странъ къ Россіи, имѣла и имѣть кромѣ свободолюбія также довольно развитое национальное сознаніе (точнѣе, сознаніе политическо-религіозное) и можетъ оказывать извѣстное сепаратистическое вліяніе и на простой народъ. Для того, чтобы уничтожить у мусульманъ этихъ, недавно покоренныхъ, странъ сепаратизмъ, русское правительство хочетъ ихъ сдѣлать русскими и думаетъ, что, пожалуй, единственное для этого средство—школьное образование въ русскомъ духѣ и съ русскимъ языкомъ. Что благодаря школамъ могло бы на самомъ дѣлѣ произойти обрусѣніе российскихъ мусульманъ—это правда; только, для этого нужно было бы основать школы массу, нужно было бы прямо-таки засыпать инородцевъ школами, какъ, напримѣръ, это дѣлаетъ Пруссія по отношенію къ славянамъ. У насъ же, хотя и понимаютъ роль школъ въ дѣлѣ обрусѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боятся школъ: вѣдь даже коренной великороссъ остается приблизительно еще въ средневѣковомъ невѣжествѣ и варварствѣ; боятся, вѣдь, что „грамота—мечь обоядуострый“,—какъ выражаются нѣкоторые ревнители обскурантизма. Поэтому, хотя русскія газеты сплошь да рядомъ жалуются на то, что правительство больше просвѣщаетъ окраины, чѣмъ коренный губерніи, приходится сказать правду, что окраинное образование и школьнное дѣло, какое бы обрусительное значеніе имѣ ни придавалось, поставлены совсѣмъ не такъ хорошо, чтобы ими могло быть достигнуто дѣйствительное обрусѣніе мѣстного окраиннаго мусульманства, въ особенности же низшихъ слоевъ.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были мотивы просвѣтительной российской дѣятельности, кое-что Россіей на этой почвѣ дѣлается: казенные школы основываются и среди мусульманства окраиннаго, и также,—хотя меньше,—среди мусульманства не-

1) Очень небеззainteresный даниный по вопросу объ отношеніи прежней Россіи къ просвѣщенію мирныхъ инородцевъ разбросаны въ брошюре П. Луппова: „Народное образование среди вогтяковъ со времени первыхъ извѣстій о нихъ до 1840-хъ годовъ“ (Вятка 1898). Рец. А. Максимова—въ „Этногр. Обозр.“ кн. 46, стр. 146.

окраиннаго. И въ результатаѣ мы видимъ теперь, по отношенію къ образованію, среди россійскихъ мусульманъ пеструю смѣсь, въ которой прежнее средневѣковое міровозарѣніе и невѣжество, поддерживаемое чисто мусульманскими „мектебами“ (начальными школками) и „медресами“ (училищами болѣе высокими), переплетается съ новоевропейской наукой, которая—въ однихъ мѣстахъ больше, а въ другихъ менѣе—проливается на мусульманъ изъ школъ, устроенныхъ мѣстной русской администрацией и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія,—школъ начальныхъ, среднихъ и даже изъ университетовъ.

Что касается настоящихъ очаговъ науки—высшихъ учебныхъ заведеній и университетовъ,—то мусульмане ими пользуются мало, въ виду того, что для поступленія въ высшія учебныя заведенія имъ нужноѣхать въ европейскую Россію: на мѣстѣ вѣдь у нихъ нѣтъ высшихъ учебныхъ заведеній¹⁾). Главный источникъ европейского образованія для россійскихъ мусульманъ—это школы среднія, имѣющіяся вездѣ, и какъ ни богата недостатками постановка образованія въ русскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, все же мусульманскія дѣти воспринимаютъ въ нихъ науку не худшую, а ту же, что и дѣти русскихъ, учащіяся въ тѣхъ школахъ.

Относительно министерскихъ школъ начальныхъ, нужно прежде всего замѣтить, что онѣ не пользуются никакой симпатіей россійскихъ мусульманъ, а во-вторыхъ приходится сказать, что онѣ и въ самомъ дѣлѣ не многаго стоять, главнымъ образомъ потому, что въ нихъ почти всегда господствовалъ и до сихъ поръ еще частенько господствуетъ безмысленный, такъ называемый „естественный“ методъ, состоящий въ томъ, что учитель преподаетъ и вообще говорить съ дѣтьми не на томъ языкѣ, который дѣти понимаютъ (это былъ бы методъ „переводный“, или, какъ его типично называетъ кое-кто, „гуманный“), а исключительно по-русски, чтобы дѣти такимъ образомъ пріучались къ русскому языку. И не научныя свѣдѣнія, а изученіе русскаго языка,— вотъ главная цѣль низшихъ министерскихъ школъ. Что изъ этого лжетъ „естественнаго“ метода (на самомъ же дѣлѣ противустре-

¹⁾ Во всѣхъ русскихъ университетахъ не найдется и сотни студентовъ мусульманъ.

ственного) не бывало проку, это издавна должны были видѣть и сами обrusители, но вмѣсто того, чтобы искренно сознать свою ошибку, главные заправилы министерскихъ школъ взваливали (и до сихъ поръ еще взваливаютъ) всю вину своихъ неуспѣховъ на агитаторскую конкуренцію яро-мусульманскихъ „мектебовъ“ и „медресъ“, куда мусульмане посылаютъ своихъ дѣтей съ несравненно большей охотой, чѣмъ въ министерскія школы. Въ послѣднее время неумолимая практика должна была показать и наиболѣе ярымъ руссификаторамъ, что „естественный“ методъ н., науки, ни ожидаемаго обrusенія не даетъ, и что даже обrusенія можно скорѣе достигнуть такъ называемымъ „гуманнымъ“ методомъ. Эту нехитрую тайну окончательно и, должно быть, безповоротно поняли по крайней мѣрѣ въ Туркестанѣ и въ степной Сибири, и теперь тамъ обращаются пріимущественно къ методу „гуманному“, а не къ „естественному“¹⁾. Въ большей или меньшей степени то же самое явленіе и ту же самую перемѣну мы видимъ и на Кавказѣ, гдѣ „естественный“ методъ, правда, еще не упраздненъ, но гдѣ попечитель кавказскаго округа (такъ мнѣ пришлось отъ него слышать) охотно предсталяетъ выборъ метода на волю самихъ учителей, потому-что для него важны только конечные результаты: нужно, чтобы ученики-инородцы, выходя изъ школы, умѣли правильно говорить и писать по-русски, а какимъ образомъ это достигается—„естественнімъ“ ли методомъ или какимъ-нибудь другимъ—это ужъ личное дѣло учителя. Во всякомъ случаѣ антипедагогическому „естественному“ методу кавказскій учебный округъ исключительно значенія не придается,—напротивъ, старается, чтобы учителя знали языкъ своихъ учениковъ. Округъ даже самъ печатаетъ начальныя руководства на инородческихъ языкахъ, такъ какъ все это должно скорѣе вести къ обrusенію. Никакой такой

¹⁾ Ср. „Очерки изъ исторіи развитія инородческаго образования въ Россіи“ А. Е. Алекторова въ „Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія“ 1904, іюль, отд. II, ст. 27—46. На стр. 40—41 авторъ разсказываетъ, какъ самъ былъ когда-то сторонникомъ „естественнаго“ метода и какъ онъ скоро долженъ быть убѣдиться во всѣхъ неудобствахъ этого антипедагогического метода. См. также „Исторический очеркъ русского образования въ Тургайской области“ А. Васильева (Оренбургъ, 1896). Но срв. также новѣйшую статью въ защиту „натурального“ метода, помѣщеннную тоже въ Жури. Мин. Нар. Просв. 1904, ноябрь.

педагогической заботливости не видно только въ тѣхъ, вышеупомянутыхъ мусульманскихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ нечего бояться инородческаго сепаратизма; должно быть, перемѣнъ тамъ въ скоромъ времени и не предвидится, и, хотя официальные же отчеты съ сожалѣніемъ констатируютъ, что, напримѣръ въ Вятской губерніи ¹⁾, дѣятельность русскихъ начальныхъ школъ между татарами „или совсѣмъ невѣрна, или малопригодна“ и что „къ сожалѣнію“ учителя русскихъ начальныхъ школъ для татаръ не знаютъ татарскаго языка ²⁾), однако, по всѣмъ признакамъ, такое положеніе дѣла будетъ тамъ и дальше продолжаться. На этомъ мы можемъ и ограничить свою общую характеристику начальныхъ казенныхъ школъ.

Само собой разумѣется, что нельзя считать настоящимъ образованіемъ тотъ результатъ (изученіе русскаго языка), къ которому прежде всего стремятся эти министерскія народныя школы для инородцевъ; но нельзя отрицать, что, кромѣ этого знанія, русскія министерскія школы незамѣтно и невольно прививаютъ мусульманамъ еще и кое-какіе европейскіе взгляды, да и одно изученіе русскаго языка пролагаетъ татарину дорогу для дальнѣйшаго образованія. Вышедши изъ школы, иной (хотя, конечно, не каждый) можетъ читать русскія книги и изъ нихъ почерпать полезныя научныя свѣдѣнія, иной будетъ въ состояніи поступить въ гимназію или въ какое нибудь другое средне-учебное заведеніе; относительно же средней школы мы ужъ указывали выше, что она специальнѣ обруслительной миссіи на себя не беретъ, потому что предназначается прежде всего для природныхъ русскихъ, и мусульманскій мальчикъ можетъ получить въ ней образованіе если и не вполнѣ дѣйствительное, то по крайней мѣрѣ не худшее, чѣмъ коренные русскіе.—Изъ среднихъ школъ нѣкоторые мусульмане поступаютъ, какъ сказано, и въ университетъ или въ другія высшія учебныя заведенія.

Такимъ-то образомъ мусульмане, подданные Россіи, мало-помалу европеизируются,—не очень скоро и не всѣ въ одинаковой степени, а все же европеизируются, и намъ слѣдуетъ, послѣ

¹⁾ Ср. интересную и богатую подробностями статью А. П. Апостасіева „Вятскіе инородцы и ихъ школы“ въ „Журналѣ Министерства Народн. Пропаганды“ 1904 г. июль, II, стр. 75—103.

²⁾ Стр. 81, стр. 88 тамъ же.

сдѣланной выше общей характеристики, нѣсколько болѣе детальными и частными образомъ бросить взоръ на состояніе образованія отдѣльныхъ российскихъ областей, населенныхъ мусульманами.

Особенно интересную картину даетъ намъ Туркестанъ, объ успѣхахъ котораго въ общихъ чертахъ мы уже упомянули. До русскаго владычества Туркестанъ былъ одной изъ самыхъ обскурантныхъ и наиболѣе заскорузлыхъ мусульманскихъ странъ. Пожалуй, число „мектебовъ“ и „медресть“ въ Туркестанѣ было гораздо большее, чѣмъ, напримѣръ, въ Персіи, но зато и невѣжества какъ въ этихъ школахъ, такъ и виѣ ихъ стѣнь, также было гораздо больше, чѣмъ въ той же Персіи, несмотря на то, что туркестанскіе (а именно бухарскіе) улемы считали себя лучшими богословами всего мусульманскаго міра. Какъ известно, народонаселеніе Туркестана состоитъ изъ элементовъ тюркскаго и иранскаго. Школьное дѣло и наука въ Туркестанѣ находились преимущественно въ рукахъ элемента иранскаго, и эта наука была ничто иное, какъ обрывки свѣдѣній и знаній средневѣковаго Ирана; — слѣдовательно, туркестанскіе иранцы, точно также какъ и иранцы персидскіе, застыли было въ воззрѣніяхъ и знаніяхъ еще XIV в. Что же касается тюркскаго населенія, во времена самостоятельности Туркестана, то, по словамъ Вамбери, который проникъ въ Среднюю Азію, переодѣвшійся мусульманскимъ дервишиемъ, оно было „окутано мракомъ, чернымъ какъ смола“. Настало русское господство. Прежнихъ мусульманскихъ „мектебовъ“ и „медресть“ русская администрація не уничтожила, сохранивши за ними ихъ религіозный характеръ. Эти мусульманскія школы остались такими же, какими были раньше, съ той же прежней наукой и съ тѣми же порядками¹⁾, — вотъ развѣ что должны были подчиниться извѣстному надзору русскихъ школьніхъ властей, которая подчасъ пріѣзжаютъ къ нимъ для ревизій; да кромѣ того, въ силу практическо-житейской необходимости, въ „медресахъ“ введено вдобавокъ къ прежней скола-

¹⁾ См. статью Ф. М. Керенского: „Медресе Туркестанскаго края“ въ „Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія“ 1892, ноябрь, II. ст. 18—52. Ср. также статью А. Анастасіева: „О татарскихъ духовныхъ школахъ“ въ „Русской Школѣ“ 1893, декабрь, ст. 126—137 и его же выше упомянутую: „Вятскіе инородцы и ихъ школы“, ст. 92—103, въ „Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія“, 1904 іюнь.

стической наукъ преподаваніе русскаго языка, такъ какъ безъ знанія русскаго языка нелегко составить даже духовно-мусульманскую карьеру¹⁾). Однако, сохрания за мусульманскимъ духовенствомъ его „мектебы“ и „медресы“, русская администрація въ противовѣсъ имъ основала свои школы свѣтскія и, какъ говорить официальный отчетъ за 25 лѣтъ, „вѣрить, что сдѣлала все возможное для того, чтобы привлечь дѣтей туземцевъ къ русскимъ школамъ и дать имъ надлежащее образованіе“²⁾). „Всё возможное“... это сказано слишкомъ самонадѣянно, такъ какъ очень легко можно было бы основать школы въ десять разъ больше, чѣмъ сколько есть, и совсѣмъ неосновательно оправдываетъ себя официальный отчетъ, говоря, что если русское школьніе дѣло стоитъ въ Туркестанѣ не на высотѣ, то въ этомъ, будто бы, скорѣе виновата закоренѣлость и неподготовленность самихъ туземцевъ, а не мѣропріятія мѣстной администраціи, такъ какъ послѣдняя, со временемъ покоренія края не переставала заботиться объ образованіи мѣстнаго населенія³⁾). Но, пускай даже заботы школьніе администраціи въ Средней Азіи и не будуть „всё возможное“, онѣ тѣмъ не менѣе значительны, и официальный отчетъ недаромъ отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующее:

„Открыты интернаты при городскихъ школахъ съ вакансіями для туземныхъ дѣтей; также открыть интернатъ при учительской семинаріи, въ Ташкентѣ же быть такой пансионъ, гдѣ дѣти подго-

1) Даже на должностіи сельскаго муллы русская администрація утверждаетъ большей частью тѣ лица, которые знаютъ русскій языкъ. Что же касается высшей мусульманской іерархіи, то для нея обязательно знаніе русскаго языка.—

2) С. Граменицкій: „Очеркъ развитія народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ“ Ташкентъ, 1896. Авторъ—директоръ народныхъ школъ въ Сыръ-Дарьинской области.

3) Конечно, мы охотно вѣримъ, что фанатическая мусульманская закоренѣлость составляла конкуренцію и ставила русскому школьному дѣлу значительныя преграды въ такихъ центрахъ, какъ положимъ, Ташкентъ, Самаркандъ и др. Но подобныхъ преградъ не могло быть для русскаго школьнаго дѣла, напримѣръ, въ Акмолинской, Семирѣчепской и Семипалатинской областяхъ; однако и здесь—что мы видимъ? Въ то время, когда Граменицкій писалъ свой отчетъ, на два миллиона населенія въ упомянутыхъ трехъ обширныхъ областяхъ было только 290 начальпихъ школъ—городскихъ и сельскихъ, съ 12,628 учениками.—Срв. еще небольшую статейку М. Куллиннова: „Начальная школа въ Акмолинской области“—въ 26-ой книжкѣ „Записокъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географического Общества“ (Омскъ 1899).

тovлялись для поступлениa въ школы и гдѣ жили также и послѣ поступлениa въ избранную школу; открыто 28 особыхъ „русско-туземныхъ“ школъ съ интернатомъ для туземныхъ воспитанниковъ, а при 6-ти изъ нихъ и при 13-ти городскихъ училищахъ открыты вечерніе курсы для обученія взрослыхъ туземцевъ¹⁾. Эту картину нужно дополнить указаниемъ, что въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ русское школьнное начальство сдѣлало еще нѣсколько дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ отношеніи, и среди такихъ шаговъ особенно нужно отмѣтить составленіе специальныхъ школьнныхъ руководствъ для киргизовъ, сартовъ, узбековъ и др.¹⁾ и экскурсіи туркестанскихъ учениковъ вмѣстѣ съ учителями въ большиe города Европейской Россіи съ тою цѣлью, чтобы дѣти воочію увидѣли плоды русской культуры. Нечего и говорить, что русская администрація, сама стараясь привлечь въ свои школы туземцевъ, не издаётъ относительно нихъ никакихъ ограничительныхъ законовъ;—это великодушіе мы будемъ въ состояніи надлежащимъ образомъ опѣнить, если для сравненія припомнимъ, какъ затруднено поступлениe въ русскія школы другимъ нехристіанамъ—евреямъ²⁾). И вотъ, при такой постановкѣ русского учебнаго дѣла въ Средней Азіи, мы теперь видимъ, что тамъ не только иранскій элементъ, но даже и элементъ тюркскій, тотъ самый элементъ, который во времена Вамбери былъ „окутанъ мракомъ, червымъ какъ смола“, всѣ больше и больше приближается къ новоевропейскому просвѣщенію. Обогащаются числомъ мусульманъ не только начальнныя низшія школы: даже въ среднихъ русскихъ школахъ (въ Ташкентѣ и сосѣднемъ Оренбургскомъ краѣ) можно вмѣстѣ съ русскими встрѣтить ужъ не мало туземцевъ обоихъ половъ, а въ военныхъ корпусахъ края еще больше³⁾). Брать и сынъ бухарскаго эмира воспитались по

¹⁾ Относительно послѣднихъ 10 лѣтъ школьнаго дѣла въ Средней Азіи см. упомянутую уже статью А. Алекторова: „Очерки изъ истории развитія инопродческаго образования въ Россіи“ („Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія“ 1904, іюль).

²⁾ Какъ известно, до послѣдняго времени по закону не дозволялось, чтобы евреевъ было въ школѣ болѣе 5%, обыкновенно же 3%.

³⁾ Хивинскій ханъ основалъ въ этомъ 1904 г. стипендію имени покойнаго, туркестанскаго генераль-губернатора Н. А. Иванова въ Ташкентскомъ кадетскомъ корпусѣ.

его желанию въ Петербургъ—въ пажескомъ корпусѣ. Въ русскихъ университетахъ можно по временамъ встрѣтить, напримѣръ, такихъ первобытныхъ сыновъ степей, какъ киргизы (для нихъ есть специальная стипендія).

Конечно, если смотрѣть на дѣло безотносительно, мы должны были бы сказать, что для тридцати слишкомъ лѣтъ русского владычества въ Туркестанѣ просвѣтительная европеизация среднеазіатского мусульманства оказывается еще очень и очень незначительна. Пожалуй. Но не будемъ смотрѣть на этотъ вопросъ лишь безотносительно, а сравнимте-ка, съ этимъ россійскимъ средне-азіатскимъ образованіемъ, россійское же образованіе по волжскихъ татарамъ, которые живутъ подъ властью Россіи чуть ли не 400 лѣтъ. Я уже говорилъ, что поволжские татары просвѣщены менѣе всѣхъ, а вотъ что свидѣтельствуетъ о нихъ официальный органъ Министерства Народн. Просвѣщенія: „Хотя татары вотъ ужъ нѣсколько вѣковъ живутъ вмѣстѣ съ русскими, они все же остаются нетерпимыми мусульманами, держать себя отчужденными, не хотять имѣть сношеній со своими сосѣдями, ни заимствовать отъ нихъ новаго міровоззрѣнія, нравовъ, обычавъ, формъ жизни и гражданственности. Татары покорились Россіи только политически, но не нравственно. Только внѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ, только по своему мѣсту жительства они—въ Европѣ, своей же жизнью, обычаями, стремленіями и вкусами они остаются сынами азіатскихъ степей и убѣждеными сторонниками просвѣщенія восточного, азіатского. Если выѣдете по татарскимъ селамъ Вятской губерніи, вы чувствуете себя турристомъ, какъ будто вы єдете по далекой чужбинѣ, гдѣ въ селахъ нѣтъ христіанскихъ церквей, гдѣ видно только угрумые, пизенькие и тонкіе минaretы, которые возвышаются надъ татарскими мечетями, гдѣ улицы тѣсны и кривы, а человѣческія жилища, построенные по особому типу, расположились кучками безъ всякаго плана и порядка, гдѣ людей можно увидѣть лишь въ особыхъ восточныхъ костюмахъ и гдѣ, наконецъ, не слыхать ни одного русского звука, а слыпно только твердую, незнакомую рѣчь совсѣмъ чужого племени. Живя изолированно—сплошными татарскими селами, татары Вятской губерніи мало и рѣдко имѣютъ спошенія съ русскими, развѣ только для торговли. Въ виду этого между татарами немногого найдется даже мужчинъ, которые бы

свободно и правильно говорили по-русски; въ виду этого татары совсѣмъ не перенимаютъ русскихъ обычаевъ, не учатся русской грамотѣ, не хотятъ и знать обѣ европейской наукѣ; они даже смотрять на насъ съ презрѣніемъ. Русскіе школьніе инспекторы совсѣмъ напрасно уговариваютъ татаръ, чтобы они въ своихъ селахъ основывали русскія начальныя школы или хоть бы въ своихъ „медресахъ“ и „мектебахъ“ открывали классы русскаго языка: всѣ ихъ увѣщанія большей частью не приводятъ ни къ чему. Главной причиной этого печального явленія оказывается прежде всего и больше всего мусульманскій фанатизмъ, а затѣмъ незнаніе татарскаго языка русскими школьніми инспекторами: они говорять черезъ переводчиковъ, оттого ихъ никто и не слушаетъ; кромѣ того, инспекторы никакъ не желаютъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что у татаръ уже есть свое особое міровоззрѣніе, настроеніе, бытъ, своя религія, литература, исторія, своя школа и культура: инспекторы этого не знаютъ, и ихъ везнаніе служитъ только во вредъ русскому учебному дѣлу среди татаръ. Что же касается духовныхъ мусульманскихъ школъ, то въ нихъ совсѣмъ не изучаютъ русской грамоты¹⁾. Муллы прямо заявляютъ инспекторамъ, что изученіе русскаго языка никогда не входило и не можетъ входить въ программу ихъ школъ, и что татары не будуть пускать своихъ дѣтей въ школы, если тамъ будутъ преподаватели помимо муллы, и если тамъ будутъ учить русской грамотѣ. Ученикъ ихъ мусульманскихъ школъ осужденъ знать только то, что знали авторы изучаемыхъ имъ статей, лѣтъ пятьсотъ, а то и тысячу тому назадъ,—больше знать ему воспрещается: грѣхъ. Эти его авторитеты не позволяютъ ему вѣрить въ тотъ порядокъ планетнаго вращенія, какой выяснепъ наукой, равно какъ въ законы, управляющіе естественными явленіями, въ силы природы и въ исторические факты, очищенные критикой отъ фантастическихъ примѣсей. Онъ долженъ знать, что есть семь сферъ небесныхъ, заселенныхъ небесными существами, что вся земля дѣлится па семь климатовъ и что Богъ призвалъ мусульманъ владѣть народами, потому что исторія, географія и космографія мусульманъ полны безмыс-

¹⁾ Авторъ говорить относительно сель. Въ большихъ городахъ (Казани, Уфѣ и др.) это дѣло стоитъ немнogo иначе.

ленныхъ сказокъ и фантастическихъ легендъ... Нѣтъ, просвѣтильная русская дѣятельность не должна дальше идти такъ, какъ шла до сихъ поръ¹⁾... Картина слишкомъ говорить сама за себя, и хотя въ большихъ городахъ (Казани, Уфѣ и др.) дѣло стоитъ немного лучше, но въ общемъ картина отъ этого не мѣняется²⁾. Что въ этихъ жалобахъ дѣятеля-обруса, —жалобахъ на косность татаръ въ дѣлѣ просвѣщенія,—нужно подъ терминомъ „просвѣщеніе“ повидать въ самомъ дѣлѣ просвѣщеніе, а не только обрусѣніе, это могутъ засвидѣтельствовать всѣ безпристрастные свѣдущіе люди. Между прочимъ то же самое, что говорить russификаторъ Анастасіевъ, говорить почти тѣми же словами и извѣстный крымско-татарскій дѣятель-патріотъ И. Гаспринскій, ярый прогрессистъ, но врагъ обрусѣнія. Въ своей заслуженной бахчесарайской газетѣ „Терджиманъ“ онъ очень часто скорбить по поводу того, что поволжскіе татары несравненно невѣжественнѣе туркестанцевъ³⁾ и кавказцевъ и даже несравненно невѣжественнѣе крымчаковъ, земляковъ Гаспринскаго⁴⁾.

¹⁾ А. Анастасіевъ: „Вятскіе инородцы и ихъ школы“—ст. 93, 92, 102—103, 83,—въ упомянутой выше юньской книжкѣ „Журнала Министерства Народн. Просвѣщенія“ 1904 г.

²⁾ Срв. у Н. Ашмарина въ изданіи подъ моей редакціей его „Очеркъ литеатурной дѣятельности казанскихъ татаръ-мюхаммеданъ за 1880—1895 годъ“ („Труды по востоковѣданію“, изд. Лазар. Инст. Вост. яз., вып. IV, М. 1901), стр. 35—36, въ сноскѣ.

³⁾ См., напримѣръ его позднюю и по-татарски и по-русски брошюру: „Мебади-и темеддюн-и ісламійат-и Рус“—„Проблески культурного движенія татаръ“, приложеніе къ 40 № „Терджиманъ“ 1901 г., гдѣ онъ говоритъ: „Въ 30-лѣтнемъ по времени присоединенія къ Россіи Туркестанскому краю школьнное дѣло идетъ лучше, глаше, чѣмъ въ Поволжье, присоединенномъ къ Россіи 400 лѣтъ тому назадъ! Это грустный, но несомнѣнныи фактъ“ (ст. 6). „По умственному состоянію и міровоззрѣнію масса паходится и попыни въ 14-омъ столѣтіи, застывъ на Птоломеевской системѣ, не признавая Кеплера, не зная Ньютона, при невозможныхъ понятіяхъ объ отишенихъ народовъ и государствъ“ (ст. 1). Цитирую Гаспринскаго по русскому тексту, а не въ переводѣ съ татарскаго, потому-что въ татарскомъ текстѣ все это сказано короче.

⁴⁾ Для иллюстраціи настроенія казанскихъ татаръ остановлюсь еще на самомъ недавнѣмъ фактѣ. Осеню прошаго 1904 года одинъ казанскій мулла—Галбевъ подалъ въ казанское уѣздное земское собраніе прошу о выдачѣ ему пособія на обученіе двухъ его сыновей въ казанскомъ городскомъ училищѣ. „Казанскій Телеграфъ“, сообщая этотъ случай, привѣтствуетъ его какъ пѣчто

Обращаясь къ Крыму, нужно предупредить, что, хоть и объ Крымѣ русское школьное начальство не очень заботится, но все же оно дѣлаетъ для его просвѣщенія нѣсколько больше, чѣмъ дѣлаетъ для Поволжья, а кромѣ того—крымскіе татары разшевелены теперь энтузиастией такихъ людей, какъ Гаспринскій съ группой его приверженцевъ,—людей, какихъ именно и недостаетъ Поволжью. Есть уже признаки, что Крымъ, какъ онъ самъ ни мало еще просвѣщенъ, со временемъ придется на помощь далекому Поволжью, и это не только благодаря энергіи такихъ крымскихъ дѣятелей, каковъ упомянутый уже Гаспринскій, но даже благодаря официальному русскому крымскому школьному дѣлу. Такъ, въ Симферополь—губернскомъ городѣ Крыма—есть учительская школа для татаръ, ведущаяся въ просвѣтительномъ русскомъ духѣ и подъ вѣдѣніемъ русского инспектора. Ежегодно она выпускаетъ около десяти человѣкъ (по крайней мѣрѣ столько ихъ вышло въ маѣ нынѣшняго 1904 года), подготовленныхъ для преподаванія въ мѣстныхъ „русско-татарскихъ“ школахъ. Къ сожалѣнію, имѣющихся русско-татарскихъ начальныхъ школъ въ Крыму чрезвычайно мало, новыхъ тоже не открываются, и учительскихъ вакансій для симферопольскихъ абитуріентовъ нѣть въ ихъ родномъ kraю;—и вотъ, въ то время какъ одна ихъ половина совсѣмъ отрекается отъ учительской карьеры и, зная русскій языкъ, Ѳдетъ искать дальнѣйшаго образования въ Москвѣ ¹⁾ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ ²⁾, или же поступаетъ на службу въ Симферопольскую Казенную Палату,—другая половина Ѳдетъ запять вакантныя учительскія мѣста среди своихъ единовѣрцевъ на сѣверѣ—въ Пермской губерніи (такъ сдѣлали прошлогодніе абитуріенты) или въ какой-нибудь другой изъ поволжскихъ губерній, гдѣ есть мусульмане, а то даже и въ Оренбургѣ ³⁾. Такимъ образомъ Крымъ приносилъ небывалое. Земское собрание отнеслось въ высшей степени сочувственно къ такому необычному ходатайству муиллы и ассигновало ему 120 рублей, какъ пособие для обучения его сыновей.

¹⁾ Интересно отметить—гдѣ именно. Одинъ поступаетъ въ Московское Строгановское Училище техническаго рисованія; другой—на курсы бухгалтеріи Езерскаго; третій—въ училище землемѣровъ.

²⁾ Одинъ поѣхалъ въ Каиръ, чтобы дочучиться въ „Азгар-ѣ“.

³⁾ Всѣ эти подробности взяты мною изъ „Терджиман-а“ лѣтъ пятидесяти года (1322=1904) №№ 48, 55 и 59.

сить просвѣщеніе своимъ далекимъ россійскимъ землякамъ... Однако, лучше было бы, если бы русскія школьнія власти, вмѣсто того, чтобы заставлять крымскихъ учителей идти на далекій сѣверъ, позаботились бы о томъ, чтобы въ самомъ Крыму увеличилось число татарско-русскихъ школъ и чтобы крымчаки (материалъ, по природѣ своей довольно прогрессивный, особенно въ прибрежныхъ городахъ) не были оставлены, какъ водилось до сихъ поръ, большей частью при той образованности, какую имъ даютъ устарѣлые средневѣковые мектебы и медресы съ ихъ учителями-муллами. Дѣло въ томъ, что та наука и тѣ порядки, которые господствуютъ въ крымскихъ мектебахъ и медресахъ, настолько комичны, что, если о нихъ пожелаетъ написать что-нибудь даже горячій патріотъ-татаринъ (лишь бы просвѣщенный, какъ напримѣръ Гаспринскій въ своемъ „Терджиманѣ“), то и тогда посторонній читатель можетъ подумать, что ему преподносятъ веселую смѣшную карикатуру, а не горькую жалобу, писанную сокомъ нервовъ и кровью сердца¹⁾. Правда, что такіе передовые образованные патріоты, какъ Гаспринскій, не сидятъ и не ждутъ, пока русское начальство устроитъ имъ хорошія свѣтскія школы, а своими силами стараются пропагандировать реформу въ тѣхъ духовныхъ мектебахъ и медресахъ, какіе уже есть въ Крыму²⁾. Кое-что имъ посчаст-

1) См. напримѣръ въ 44-омъ № „Терджимапа“ за текущій 1904 годъ статью „Зинджерліп медреседе пытихан“ (стр. 79—80) относительно майскихъ публичныхъ экзаменовъ пытиханаго года въ Бахчесарайской зинджерлійской медреѣ, которая считается лучшою во всемъ Крыму и которой самъ Гаспринскій признаетъ еще за сравнительно передовую (ср. „Проблеми культуриального движения татаръ“, стр. 6). По поводу этихъ яко-бы экзаменовъ Гаспринскій говоритъ, что лучше было бы позвать ихъ не экзаменами, а „пилавоѣдными засѣданіями“ (пилав меджлисей), такъ какъ учениковъ никто и не экзаменуетъ, а просто учителя и приглашенные гости собираются для того, чтобы поѣсть баранины съ рисомъ (пилавъ), и для виду кое-что спросятъ иѣкоторыхъ „сохтъ“ (учениковъ), а послѣ распускаютъ учениковъ на каникулы до самого октября.—„Не потому ли, — горько добавляетъ Гаспринскій, — отъ нашихъ медреѣвъ нѣтъ проку? Старая башня—старая утварь“.

2) Гаспринскій самъ былъ когда-то учителемъ и, преподавая русскій языкъ въ медресахъ и мектебахъ, могъ прекрасно узнать, чего недостаетъ этимъ школьнамъ. Потомъ, оставивши учительство и посвятивши себѣ своей газетѣ „Терджиманъ“ (осн. въ 1883 г.) и соствленію популярныхъ книжекъ, онъ никогда не

ливилось таки сдѣлать: благодаря пропагандѣ Гаспринского много мектебовъ оставило прежніе дидактическіе способы и, что важнѣе всего, прежній механическій способъ обучения грамотѣ по складамъ¹⁾, заставлявшій дѣтей тратить попусту 6—7 лѣтъ, а на мѣсто его ввели заимствованный отъ русскихъ звуковой методъ, по которому дѣти выучиваются скоро читать, такъ что оставленное время школьнічества могутъ употребить на усвоеніе полезныхъ свѣдѣній²⁾; эти внесенные Гаспринскимъ новые дидактическіе способы и новый методъ обученія чтенію прославлялись до такой степени, что въ Бахчесарай началиѣ ъздить татары и другіе тюрки изъ-за предѣловъ Крыма, съ пѣлью присмотрѣться къ бахчесарайскому мектебу, и теперь можно насчитать больше 500 новометодныхъ мектебовъ въ различныхъ областяхъ Россійской Имперіи: и въ Крыму, и на Поволжѣ, и на Кавказѣ, и за Кавказомъ, и въ Туркестанѣ, и даже въ Кульджѣ, подъ самымъ Китаемъ. Въ большинствѣ, однако, закоренѣлые крымскіе муллы не очень слушаютъ этихъ своихъ свѣтскихъ патріотовъ-новаторовъ и стремятся вести школьніе свое дѣло вполнѣ по-старинному, по-средневѣковому. И поэтому патріоты должны вести пропаганду европейскаго просвѣщенія между своими соотечественниками не черезъ школы, а透过 popularnyя книги, черезъ газеты, и принуждены громко сожалѣть, что въ ихъ Крыму школьніе дѣло поставлено не такъ, какъ въ Туркестанѣ и на Кавказѣ.

Относительно школьнаго дѣла въ Туркестанѣ я уже говорилъ выше довольно пространно, причемъ указалъ, что въ средней Азіи русская администрація на самомъ дѣлѣ потрудилась не мало для

забываль про педагогику и всегда посвящаетъ много внергіи педагогическімъ вопросамъ и дѣламъ.

1) Какъ когда-то и у насть учили: „буки—азъ“=„ба“, такъ и у мусульманъ: „бе—элиф“=„ба“, и т. д.

2) Быть можетъ, кому-нибудь изъ читателей такой фактъ, какъ введеніе нового метода обученія грамотѣ, можетъ показаться мелочью, не заслуживающею подчеркиванья; на самомъ же дѣлѣ, при консервативности мусульманскаго татарскаго общества, это—не мелочь. Сперва противъ Гаспринского возникла было оппозиція, возникли нареканія, его звуковой методъ называли покушеніемъ, па вѣковые устои и т. д. Ср. его „Проблемы культурнаго движенія татаръ“ стр. 4—русскаго текста (въ татарскомъ текстѣ этого отрывка итъ). Ср. также татарскую брошюру „Новый мечъ“ 1898, написанную противъ звукового метода.

просвѣщенія туземцевъ. Взглянемъ теперь и на Кавказъ. Это—страна, про которую смыло можно сказать, что тамъ мусульмане наиболѣе изъ всѣхъ россійскихъ мусульманъ имѣютъ европейское образованіе и значительно превосходятъ въ этомъ отношеніи не только крымскихъ, поволжскихъ и сибирскихъ татаръ, но даже и тюрковъ среднеазіатскихъ, для просвѣщенія которыхъ такъ много дѣлается Россіей. Эта успѣхъ объясняется не только ревностными стараніями просвѣтить туземцевъ, проявляемыми со стороны кавказскаго попечителя и администрації¹⁾, но и этнографической особенностью кавказскихъ мусульманъ: смыслью косной тюркской расы съ живой, прогрессивной и талантливой иранской расой. Чистая тюркская раса, сама по себѣ, не особенно прогрессивна и на Кавказѣ²⁾, но всюду, где кавказскіе тюрки смѣшиваются съ иранцами, успѣхи просвѣщенія прямо-таки бросаются въ глаза. На Волгѣ въ Казани (которую Москва покорила въ 1552 г.) не всегда найдется на три казанскихъ гимназіи три гимназиста-татарина; на Кавказѣ же въ Баку можно считать гимназистовъ-мусульманъ цѣлыми десятками; а въ далекомъ Закавказье, около границы Персіи, въ Шушѣ, половина учениковъ реальнаго училища—мусульмане³⁾. Въ этомъ (1904) году, когда вслѣдствіе тяжелой войны съ Японіей русское министерство фінансовъ дало денегъ на основаніе проектированного средне-техническаго училища въ Баку, богатый бакинскій мусульманинъ Тагіевъ принялъ всѣ расходы на себя (тысячъ 40—50), лишь бы это училище было непремѣнно открыто. Всѣхъ мусульманъ-студентовъ, которые находятся въ русскихъ университетахъ и въ высшихъ специальныхъ заведеніяхъ, бываетъ не менѣе 50—60 ежегодно; однако, если мы исключимъ изъ этого числа небольшое количество студентовъ-киргизовъ-стипендіатовъ, то увидимъ, что остальные—чуть ли не всѣ изъ южной Россіи: нѣкоторые—изъ Крыма,

¹⁾ Какъ известно, Кавказскій учебный округъ принятъ считать наилучшимъ во всей Россіи, наиболѣе прогрессивнымъ и наилучше поставленнымъ въ педагогическомъ отношеніи.

²⁾ Срв. кос-какія мѣста статьи „Грамотность въ горахъ Дагестана“, подписанной „Туземецъ“ въ „Этногр. Обоз.“, кн. 44 (=1900), стр. 106—120. Также статью А. Захарова—о народномъ обученіи у татаръ закавказскихъ, въ Сборникѣ мат. для опис. плем. и мѣст. Кавк., вып. IX.

³⁾ Ср. П. Гаспринскій: „Проблемы культурнаго движенія татаръ“ стр. 6.—

а большинство—съ Кавказа. То же самое мы должны сказать и относительно медичекъ-курсистокъ. Впрочемъ, мусульманокъ съ высшимъ образованіемъ не найдется еще и десяти; зато мусульманокъ со среднимъ образованіемъ (институтскимъ или гимназическимъ) можно было уже лѣтъ десять тому назадъ насчитывать десятками;—и здѣсь кавказки шли впереди. Теперь въ Баку есть специальное мусульманское „Александрийское женское русско-татарское училище“, которое основано съ разрѣшениемъ кавказского попечительства на деньги Тагіева; учителя и учительницы въ немъ—мусульмане, но дѣло ведется въ прогрессивно-просвѣтительномъ духѣ; русское школьнное начальство наблюдаетъ за нимъ, бываетъ на экзаменахъ и остается удовлетвореннымъ, потому что преподаваніе стоитъ въ „Александрийскомъ женскомъ русско-татарскомъ училищѣ“ хорошо, а тотъ мусульманскій духъ, который проводится въ немъ, не сбѣтъ вражды противъ европеизма и russкости¹⁾. Мнѣ известно отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, что ему очень хотѣлось бы открыть въ своемъ районѣ, гдѣ-нибудь на Кавказѣ, мусульманскую высшую семинарію или духовную академію, чтобы русскіе муллы для получения высшаго мусульманско-духовнаго образованія не должны былиѣздить въ Константинополь или каирскій Азхаръ²⁾. Конечно, это такое дѣло, въ которомъ недостаточно только одной доброй воли попечителя,—нужно, чтобы инициатива исходила отъ самихъ мусульманъ, а то даже и отъ духовенства; но можно надѣяться, что съ кавказскими мусульманами удастся уладить и это дѣло, какъ оно ни щекотливо³⁾. Какое сильное довѣріе имѣютъ кавказские мусульмане къ русской наукѣ, можно судить по тому факту, что одинъ ихъ мулла (правда, не тюркъ, а персъ; я не хочу называть его имени)⁴⁾, привезши изъ Мекки святую пълебную воду изъ колодца Земземъ, послалъ ее въ петербургскую Академію Наукъ для химическаго анализа.

¹⁾ Ср. статью объ экзаменахъ пынѣшнаго года въ „Терджиманѣ“ 1904 (1322), № 43, стр. 77: „Бакунънъ Александрийски кызы мектебинде имтихан“.

²⁾ Объ этой школѣ см. мою статью: „Всемусульманскій университетъ при мечети Азхаръ въ Каирѣ, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная дѣятельность“. Москва, 1903, съ тремя иллюстраціями (оттискъ изъ II тома „Древностей Восточныхъ“).

³⁾ Ср. „Терджиманѣ“ 1904 (1322) № 90, стр. 182.

⁴⁾ Онъ—авторъ многихъ популярно-научныхъ книгъ и хрестоматій.

Состоянію просвѣщенія россійскихъ мусульманъ не совсѣмъ соответствуетъ ихъ литература, которую мы можемъ, по примѣру ея авторовъ, называть „новотатарской“, хотя нѣкоторыя ея произведенія пишутся по-персидски; она не богата, потому что очень молода. Всего лѣтъ тридцать тому назадъ свѣтскіе мусульманскіе интеллигенты (точь-въ-точь какъ старое вымирающее теперь поколѣніе украинофиловъ) не умѣли писать на своемъ языкѣ, а только по-русски (да, впрочемъ, и до сихъ поръ не все умѣютъ). Мусульманскими писателями въ Россіи прежнихъ времень являлись или одни муллы, или начетчики-полудуховные, или, изъ свѣтскихъ людей, лица совсѣмъ малограмотныя¹⁾, и поэтому литература тѣхъ русскихъ мусульманъ (ее мы будемъ называть „старотатарской“) была почти исключительно схоластической, заимствованной отъ средневѣковыхъ арабовъ и персовъ, или (во время паломничества въ Мекку) отъ тюрковъ-османовъ; она и писалась часто на арабскомъ или персидскомъ языкѣ, а если писалась и по-татарски, то такимъ труднымъ и смѣшаннымъ языкомъ, что половина словъ была арабскими и персидскими. Не далѣе, какъ четверть столѣтія тому назадъ, всю свѣтскую печатную литературу мусульманскаго народа населенія Российской Имперіи составляли только *три* книги свѣтско-литературного содержанія: изъ нихъ двѣ были напечатаны въ Казани (одна—„Биликъ“=Знаніе, которую составилъ русскій нѣмецкотюркологъ, теперь членъ Петербургской Академіи Наукъ, Радловъ, другая—календарь Кайюма Насырова), третья книжка была напечатана въ Тифлісѣ (это—комедія Мирзы Фетхъ-Али-Ахундова, съ русскимъ переводомъ); сверхъ того, имѣлись напечатанными также нѣкоторыя повѣсти лубочно-сказочнаго содержанія: „Tâхеръ и Зехрâ“ и т. п., которая въ счетъ не могутъ идти. И вотъ, при такомъ положеніи дѣлъ зародилась такъ называемая „новотатарская“ литература, началось новое литературное пробужденіе русскаго мусульманства, ряды котораго сразу пополнились нѣсколькими миллионами, вслѣдствіе покоренія Туркестана и завершенія покоренія и разширенія Кавказа (окончательно послѣ войны съ Турцией 1877—1878 г.). Прежде всего въ Баку

¹⁾ Эти русскіе мусульмане были тогда преимущественно татары поволжскіе, крымскіе, степные и сибирскіе. Отъ Туркестана была покореной тогда только маленькая часть, а отъ Кавказа—мѣстности преимущественно христіанскія.

Хасанъ-бекъ-Меликовъ основалъ татарскую газету „Икинджи“ (Пахарь), которая должна была вспахать ново-просвѣтительнымъ плугомъ простонародную татарскую ниву, лежавшую вѣковѣчно цѣлиной. Эта газета издавалась не долго, но все таки успѣла хоть немного разшевелить русское мусульманство¹). Вскорѣ выступилъ на сцену часто упоминаемый нами крымскій мусульманинъ Исмаилъ Гаспринскій, теперь очень заслуженный и всѣми уважаемый дѣятель, а тогда еще молодой учитель, человѣкъ просвѣщенно-передовой, талантливый, демократъ, симпатичный и искренній. Онъ еще въ 1881 году напечаталъ по-русски брошюру: „Русское мусульманство“, гдѣ сформулировалъ тѣ задачи, какія стоятъ передъ прогрессивнымъ русскимъ мусульманиномъ, и между прочимъ призывалъ всѣхъ образованныхъ татаръ, чтобы они, обратившись къ языку простого народа, составляли или хоть бы переводили всякія книжіцы научно-практическаго (напр. техническаго), научно-просвѣтительного и литературного содержанія; далѣе же, съ 1883-го года, Гаспринскій началъ издавать прогрессивную газету „Терджиманъ“ (съ параллельнымъ другимъ заглавіемъ: „Переводчикъ“) на двухъ языкахъ—русскомъ и татарскомъ, обще-политического, публицистического, научного и беллетристического содержанія; теперь эта газета пользуется чрезвычайнымъ вліяніемъ и вездѣ распространена, какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Россіи,—гдѣ только есть мусульмане,—равно какъ и въ сѣверной Персіи и даже въ Китайскомъ Туркестанѣ²). Гаспринскому выпала честь оказаться предтечей и выразителемъ того рѣшительного прогрессивно-образовательного настроенія, которое тогда, во время обrusительно-реакціоннаго теченія 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, начало то здѣсь, то тамъ пробуждаться отпорнымъ образомъ между русскими мусульманами; и если 25 лѣтъ тому назадъ у русскихъ мусульманъ было только три новотатарскихъ печатныхъ свѣтскихъ книжекъ, то теперь ихъ

1) И. Гаспринскій: „Мебади-и темеддюн-и исляміян-и Рус“=„Проблемы культурного движения татаръ“, стр. 1.

2) За исключеніемъ корреспонденціи всю ее обыкновенно пишетъ самъ Гаспринскій, да и корреспонденціи самъ же онъ и переводить на русскій языкъ, которымъ владѣть лучше, чѣмъ иной природный русскій. Только съ прошлаго года, когда газета обратилась изъ еженедѣльной въ полунедѣльную, явилось еще нѣсколько постоянныхъ главныхъ сотрудниковъ.

больше 300, т. е. во сто разъ больше, чѣмъ было раньше¹⁾. Самая большая группа этихъ новотатарскихъ книгъ²⁾ имѣть характеръ популярно-научный (географія, начальная физика, астрономія, гигіена, практическіе полезные совѣты и т. д.), другая группа—руководства дѣльного содержанія и съ дѣльными дидактическими методами; третья группа (наименьшая)—беллестристика: романы, повѣсти, рассказы, театральная пьесы,—преимущественно комедіи, гдѣ осмыываются всякие устарѣлые взгляды, нравы и привычки мусульманъ³⁾). Въ виду того, что русскіе мусульмане съ дипломированнымъ образованіемъ обыкновенно не умѣли писать на языкѣ своего народа, авторами этихъ книгъ, за малымъ исключеніемъ, бывали до сихъ поръ люди безъ дипломированного русского образованія; это—энергичные самоучки, которые, не учившись ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, своими личными стараніями или только съ помощью низшихъ школъ выучили русскій языкъ, усердно принялись за чтеніе русскихъ книгъ и пишутъ по ихъ образцу вышеупомянутыя свои книжки. Большинство этихъ новотатарскихъ писателей—люди не духовные, а свѣтскіе, однако же изъ высшаго круга (купцы, учителя низшихъ школъ и т. п.), и лишь меньшинство—переводовые муллы; только въ новѣйшемъ, самомъ молодомъ поколѣніи мы встрѣчаемъ татарскихъ писателей ужъ и съ высшимъ образованіемъ. Само собой разумѣется, что, кто захочетъ критиковать или осмыивать всѣ эти новотатарскія или иныя россійскія новомуслыманскія произведенія, переводы и компиляціи,

¹⁾ Перечень ихъ можно найти въ брошюре: „Проблемы культурного движенія татаръ“ ст. 8—12 русского текста, ст. 9—15 татарского текста. Мусульманскихъ типографій до 1880 г. было двѣ: въ Казани и Тифлисѣ; а теперь онѣ есть и въ Петербургѣ, и въ Оренбургѣ, и въ Баку, и въ Бахчисараѣ, не считая тѣхъ русскихъ типографій, гдѣ тоже печатаются книги татарскимъ шрифтомъ.

²⁾ написанныхъ то па томъ, то на другомъ изъ тюркскихъ парѣчій, или по-персидски.

³⁾ Если бы кто пожелалъ ближе ознакомиться съ той частью этой литературы, которая печаталась въ Казани, то для ознакомленія съ нею можно посовѣтовать редактированный мною „Очеркъ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ-могаммеданъ“ Н. Ашмарина, Москва 1901 (= „Труды по востоковѣданію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ восточныхъ языковъ“, вып. IV). А для Кавказа и Закавказья можно указать интересную брошюру Фридриха-бека Kochарлинскаго: „Литература азербайджанскихъ татаръ“, Тифлисъ, 1903 г.

тотъ можетъ найти себѣ широкое поле для острословія¹⁾). Но кто пожелаетъ всмотрѣться въ эту литературу безъ зубоскальства, тотъ долженъ будеть согласиться съ Гаспринскимъ, который говоритъ: „По всѣмъ этимъ книгамъ проходитъ единая тенденція,—тѣмъ или другимъ способомъ призвать людей къ знанію, обновленію, просвѣщенію. Не сердиться и не претендовать нужно на этихъ писателей,—каждый строить такъ, какъ умѣть,—а нужно ихъ искренно цѣнить... нужно цѣнить уже хотя бы ни по тому одному, что они пишутъ не для образованнаго общества,котораго (т. е. сознательно-національнаго) среди нашихъ мусульманъ еще покамѣстъ нѣтъ... а для простого народа²⁾.“ Къ словамъ Гаспринскаго надо добавить, что еще больше мы будемъ цѣнить передовыя просвѣтительныя стремленія этихъ писателей-самоучекъ, не имѣющихъ дипломнаго образовательнаго ценза, если вспомнимъ, что половина ихъ—люди расы малоодаренной, неталантливой, тюркской, которая науку и образованіе воспринимаетъ не легко, только съ большими напряженіемъ энергіи и трудолюбія. Глубоко уважать эту энергію и ея литературные результаты мы должны также потому, что россійскія обстоятельства, среди которыхъ приходится работать этимъ ново-татарскимъ писателямъ, очень для нихъ неблагопріятны, и не откуда имъ ждать помощи, развѣ что отъ своего простого народа, когда онъ со временемъ просвѣтится. Вѣдь на помощь отъ русскаго начальства, очевидно, надѣяться нельзя: оно можетъ для татаръ основывать школы, въ виду ихъ обрусительнаго значенія, но не можетъ поддерживать нерусскую литературу. Если въ глазахъ русскихъ властей, по словамъ Щедрина, даже своя русская лите-

¹⁾ Въ бельетристикѣ, напримѣръ, татарскіе писатели вмѣсто того, чтобы брать себѣ за образецъ міровые русскіе литературные таланты, охотно подражаютъ русскимъ переводамъ бульварныхъ французскихъ романовъ (очевидно, благодаря ихъ интересной фабулѣ). Подчасъ они (напримѣръ, казанецъ Бигзевъ) пишутъ романы изъ жизни самыхъ интеллигентныхъ, даже столичныхъ круговъ и, не зная обычаевъ и психологіи университетскихъ людей, пишутъ о нихъ такое, что и читать немножко смѣшино. Въ научной терминологіи у нихъ подчасъ встречаются такие юмористичные термины, какъ „икс-луч“ (Рентгеновские лучи),— слово, живьемъ выхваченное изъ русскаго (иксъ-лучи);—это въ персид. научной хрестоматіи Талибова.

²⁾ „Проблемы культурнаго движенія татаръ“, стр. 2.

ратура „является одною изъ тѣхъ прискорбныхъ и жалкихъ потребностей, которыя, подобно домамъ терпимости, допускаются въ обществѣ только, какъ необходимое зло“¹⁾, то что же говорить о литературѣ нерусской? ей русскія власти ставятъ однѣ только преграды. Единственную надежду, какъ сказано, могутъ возлагать татарскіе писатели на простой народъ, если имъ удастся просвѣтить его; однако, покамѣсть, этотъ народъ остается еще очень непросвѣщеннымъ, а тѣ единицы, кому посчастливилось добиться лучшаго соціального положенія и получить русское среднее или высшее образованіе, чаще всего чувствуютъ себя настолько обрусѣлыми, что имъ до татарской литературы мало и дѣла; отъ духовенства же, имѣющаго кое-какое восточное образованіе, рѣдко можно ждать помощи, больше же приходится видѣть только вражду противъ новшествъ. И если, несмотря на всѣ такія неблагопріятныя обстоятельства, все же мы видимъ очевидный ростъ и прогрессивное развитіе ново-татарской литературы, то мы должны только уважать ее, какъ она еще ни бѣдна. Кромѣ того, тотъ фактъ, что молодое поколѣніе русской мусульманской интеллигенціи, воспитавшееся ужъ и въ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, начинаетъ примыкать къ ново-татарской литературѣ, основанной ихъ малообразованными отдами-самоучками,—этотъ фактъ обезпечиваетъ ново-татарской литературѣ соответствующую свѣтлую будущность и служить порукой хорошаго дальнѣйшаго развитія, хотя, конечно, безъ блестящихъ талантовъ. И если даже теперь литература русского мусульманства имѣть вліяніе также на тюркское населеніе въ предѣловъ Россіи (въ сѣверной Персіи, въ китайскомъ Туркестанѣ), которое, благодаря торговымъ, экономическимъ сношеніямъ, составляетъ вмѣстѣ съ русскими подданными (ихъ 17 миллионовъ) одну громадную цифру въ 24—26 мил., то можно навѣрное сказать, что далѣе литература русскихъ мусульманъ, все болѣе и болѣе развиваясь, все болѣе и болѣе будетъ пріобрѣтать вліяніе между нероссійскими тюрками и, распространяя среди нихъ идеи прогресса, заимствованныя отъ русскихъ, не только послужить благу человѣчества, но даже

¹⁾ ІЦедринъ: „Признаки времени“, ст. 505 (въ полномъ изданіи сочиненій, т. VII-ой).

самой Россіи принесетъ честь. Или кто знаетъ? Но явится ли когда нибудь литература россійскихъ мусульманъ источникомъ прогрессивныхъ идей и для законывшей самостоятельной Турци? Вѣдь казанскій ли татарскій, азербайджанско ли татарскій или бухарскій языкъ турки-османы поймутъ!.. ¹⁾).

А. Крымскій.

¹⁾ Теперь, пока что, дѣло стоитъ наоборотъ: изъ частныхъ отношеній я могъ констатировать у нѣкоторыхъ россійскихъ мусульманскихъ единицъ известное знакомство съ литературой османской. Въ такомъ случаѣ можно было бы даже возбуждать вопросъ: не имѣть ли иногда османская литература вліянія на русскихъ мусульманъ? Однако, вообще говоря, никакого болѣе или менѣе общаго вліянія, происходящаго отъ новой османской литературы на русское мусульманство, нельзя отмѣтить. Если на комъ и можно прослѣдить такое вліяніе, то это на мулахъ, да и то вліяніе не новой, а старой, еще сколастической османской литературы.

Общинные порядки у вотяковъ Мамадышского уѣзда Казанской губерніи.

Кто открылъ общину у нашихъ инородцевъ? Неточности первоначальныхъ извѣстій объ этомъ предметѣ. Отсутствіе новѣйшихъ свѣдѣній о вотской общинѣ. — Районъ наблюденій автора. Исторія вотяковъ въ предѣлахъ Мамадышского уѣзда. Способы собираніи свѣдѣній. Разповѣдности общинныхъ порядковъ. Свобода передвиженій вотскаго населенія встарину. Законъ 1864 года. Подсѣчное хозяйство и захватный способъ землепользованія. Колонизація вотскихъ земель русскими. Министерскій циркуляръ 1871 г. и насильственное причисленіе русскихъ колонистовъ. Характеристика чисто-вотской общины. Начало передѣловъ земли послѣ ревизіи 1858 г. Оскудѣніе угодій. — Вотская община—*бускѣль*, *мір* и деревенское сосѣдство—*исѣкаымъ*. Первоначальный составъ *бускѣля*—кровные родственники. Трехпольная система хозяйства. Конь или участокъ (*утымъ*, *райд*, *дасад*) и полоса (*акиа*). Вотская терминологія для обозначенія почвъ по качеству и минералогическому составу. Роль жребія (*жеребѣ*, *шабаїл*) при передѣлахъ земель. Описаніе того и другого способа жеребьевки. Интересъ, представляемый изученіемъ наяву полевыхъ угодій. Инструменты, съ помощью которыхъ совершаются измѣреніе полосъ: веревка и сажень. Вотская межа между полосами. Хранитель поля (*бусы утмысъ*), богъ и богиня пахатной земли (*Кычайн* или *Му кычайн*), хранитель межи (*межж утмысъ*). Легенда о богинѣ *Му кычайн*. — *Подэм нус-мѣтка* для полосы. Дѣление полосы на гоны (*вѣтлодс*). — Вотское землемѣріе. Способы вычислениія площадей: 1) прямоугольного треугольника, 2) ромбoidalпаго параллелограмма, 3) косоугольного четыреугольника, 4) неправильного четыреугольника съ однимъ прямымъ угломъ, 5) разносторонняго пятиугольника, 6) круга, 7) полукружности и 8) эллипса. Откуда ведутъ свое происхожденіе вотскіе приемы вычислениія площадей? Ошибки при измѣреніи площадей. Ссоры по поводу обмѣра. Сходка (*кемѣш*). Крикуны на сходкѣ (*пасыкѣт чыртѣй*). Повѣрка величины надѣловъ и штрафы. Коренной передѣль земель. — Особенности вотскаго общиннаго быта. Земледѣльческие праздники. Вотскія суетвія, связанныя съ земледѣліемъ. Помочь. — Луга заливные (*возъ*) и лѣсные (*сайкѣмъ*). Способы уборки аревдованныхъ сѣнокосовъ. Выгоны. — Яровой и озимой сѣвъ. Вывозка удобрений. Вотская соха (*зерѣ*). — Лѣсь (*кыләс*) и лѣсное хозяйство. Штрафы за самовольную порубку. Мірская заготовка лѣса и дровъ. Подворные лѣсные участки. Выращиваніе лѣса

на поляхъ. Бортевые деревья. Родовые рощи (*луд*). *Бадзым луд*—главная молитвенная роща мамадышскихъ вотяковъ.—Мірскія повинности. Сборъ на надобности языческаго культа, на поддержаніе родового шалаша (*бадзым квад*). Смѣта на языческое жертвоприношеніе. Сборщики на жертвенные надобности.—Общинное пользованіе водой. Измѣреніе водного запаса. Водяная очередь. Сроки пользованія водой.—Общинная мельница. Устройство мельницы. Мельничные цапы. Очереди помола. Контрольные бирки. Роль мельника. Распределеніе мельничныхъ доходовъ. Заключеніе.

Чѣмъ дальше углубимся мы въ изученіе нашихъ инородцевъ, тѣмъ скорѣе придемъ къ заключенію, что мы удивительно мало знаемъ ихъ быть и что много еще нужно положить труда, чтобы сказать себѣ: теперь для насъ все ясно. И въ области вѣрованій инородцевъ, и въ условіяхъ экономического ихъ быта для насъ много темнаго, загадочнаго. Возьмемъ хотя бы инородческую общину, въ частности—общину вотскую.

По странной ироніи судьбы, на инородческую общину въ Россіи впервые обратилъ внимание нѣменецъ—баронъ *Гакстгаузенъ*¹⁾, отмѣтившій съ большими неточностями общинные порядки у горныхъ черемисъ и чувашъ. И тутъ, стало быть, не обошлось безъ вмѣшательства варяговъ... Долго пробавлялись мы его свѣдѣніями. Первоначально огласилъ ихъ *Бабстъ* въ „Рѣчной области Волги“, потомъ они перешли въ „Волгу“ *Раюзина*, въ учебникъ географіи Россіи *Лебедева*²⁾, наконецъ въ книгу *Мунтъ-Вамевої*, „По великой русской рѣкѣ“. Минъ помнится даже, что свѣдѣнія географіи Лебедева опровергались кѣмъ-то въ печати изъ учителей-инородцевъ. Дѣло въ томъ, что *Гакстгаузенъ*, введенный въ заблужденіе земскимъ исправникомъ *Фененко*, невѣрно истолковалъ одно явленіе въ горно-черемисской общинѣ, и у него получилось, будто черемисы всѣ продукты земледѣлія свозятъ въ домъ богатаго черемисина, такъ называемаго *коштана*, складываютъ ихъ въ его амбары, а онъ изъ этихъ запасовъ платить подати, выдаетъ на посѣвъ, на пропитаніе отдѣльныхъ семей и т. д. Нѣчто подобное, правда, существуетъ у инородцевъ, но совсѣмъ въ иной формѣ, о которой я скажу далѣе. Между тѣмъ образъ „коштана“—мірского воротилы—данный *Гакстгаузену*

¹⁾ Исследованіе внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи. Переводъ Рагозина. Томъ I. Москва. 1870. Стр. 300. По-русски вышелъ одинъ только этотъ томъ.

²⁾ Географія Россійской имперіи. Изданія 1876 и 1877. Стр. 144.

зеномъ, до сихъ поръ носится въ воздухѣ, и многіе, особенно иностранцы, какъ *Roskoschny* въ своей книгѣ (*Volga und ihre Zuflüsse. Leipzig. 1887*), принимаютъ его до сихъ поръ на вѣру, а учебникъ *Лебедева* прививаетъ ложный взглядъ на дѣло учащемуся юношеству.

Перехожу собственно къ вотской общинѣ.

Въ обширной русской литературѣ обѣ инородцахъ вообще и вотякахъ въ частности мы напрасно стали бы искать свѣдѣній объ общинѣ. Эта область еще не затронута, хотя, по совѣсти, пора бы: старый укладъ вотской жизни круто измѣняется; въ инородческія селенія проникаетъ волна русскихъ переселенцевъ, и мы скоро не узнаемъ этихъ старыхъ порядковъ...

Мои наблюденія надъ вотскою общиной довольно стары: они относятся къ 1883 г., когда я, вмѣстѣ съ другими, подъ руководствомъ Н. Ф. Анненского, производилъ (по порученію Казанского губернскаго земства) подворную перепись голодающаго вотского населения въ двухъ волостяхъ Мамадышскаго уѣзда—Староюмъинской и Петропавловской. Перепись заняла у меня два мѣсяца, но въ немногіе свободные промежутки мнѣ удалось записать и наблюсти много такого, что, собственно говоря, не входило въ программу изслѣдованія, какъ напр., и то, что предлагается вниманію читателя.

Прежде всего—немножко исторіи. Вотскія поселенія Мамадышскаго уѣзда, какъ и сосѣднаго съ нимъ Казанскаго, составляютъ только остатки того сплошного вотского населения, которое занимало добрую половину Казанскаго и почти весь Мамадышскій уѣздъ. Въ пору покоренія Казани (1552 г.), вотяки густо сидѣли въ этихъ мѣстахъ, а въ теперешнемъ заштатномъ городѣ *Арскъ*¹⁾ они имѣли даже крѣпость. Уже въ эпоху татарскаго владычества вотяки терпѣли отъ насильственной колонизации татаръ и до сихъ поръ питаютъ къ нимъ враждебныя чувства. Какъ сѣвериѣ, въ предѣлахъ Вятской губ., подъ давлѣніемъ черемисъ, державшихъ руку татаръ, такъ и здѣсь—подъ

1) Отъ *ары*—„шершель“; такъ зовутъ татары вотяковъ, нѣкогда оказавшихъ упорное сопротивленіе ихъ поступательному движенію. Сами вотяки до сихъ поръ называютъ татаръ *бичѣр*, т. е. „булгаринъ“; отъ этого почетнаго титула не прочь и сами татары, величающіе себя *булгарык*, т. е. производить себя отъ волжскихъ булгаръ.

чисто татарскимъ давленіемъ, вотяки подались на востокъ—въ Малмыжскій и Елабужскій уѣзды Вятской губ. На старыхъ мѣстахъ осталось всего 8—10 родовъ, изъ которыхъ роды *Юмъя* и *Нымъя*, какъ хранители мѣстной вотской святыни—священного „бадзым-луда“, расположеннаго на древнемъ, обширномъ и обнесенномъ рвами городищѣ, притомъ какъ роды многолюдные, образовавши по нѣсколько деревень, ни за что не хотѣли выселиться изъ родныхъ предѣловъ. Объ нихъ то и будетъ моя рѣчь.

На первыхъ порахъ свѣдѣнія объ общинахъ добывались мною туго, но когда я удачно распуталъ нѣсколько семейныхъ неурядицъ и устроилъ до 15 семейныхъ раздѣловъ, ко мнѣ образовалось вполнѣшее довѣріе; оно простерлось потомъ до того, что ко мнѣ нѣсколько разъ прїѣзжали отсюда вотяки въ Казань потолковать о своихъ нуждахъ. Помогало отчасти и мое небольшое знаніе языка, которое вообще служить могучимъ подспорьемъ для этнографа.

Въ общинномъ землевладѣніи у вотяковъ, какъ у русскихъ, черемисъ и татарь, существуютъ не вездѣ одинаковые порядки. Объясняется это или укоренившимися издревле обычаями, или географическимъ положеніемъ общины, или, наконецъ, разноплеменностью ея состава. Иногда такъ и кажется, что какое-нибудь раздѣлочное различие вызывалось стремлениемъ къ лучшему порядку, стремлениемъ, создавшимся иногда самостотельно, иногда подъ влияниемъ русскихъ новоселовъ. Староюмынская община—не чисто вотская; въ составъ ея входили уже въ ту пору три дома русскихъ; подобное явленіе (присутствіе ничтожнаго % русскихъ) наблюдается почти во всякой вотской общинѣ, какъ въ описываемой мѣстности, такъ и всюду. Этотъ фактъ даетъ мнѣ право познакомить читателя съ исторіей водворенія русскихъ среди вотяковъ.

Въ далекія времена, когда еще не установилась у вотяковъ вполнѣ осѣдлая жизнь, подсѣчное хозяйство, т.-е. разработка пашни изъ-подъ лѣса, было преобладающей системой хозяйства. Истошивши „новочистъ“ годовъ въ 10—15, вотякъ переселялся куда-нибудь по сосѣдству, а оттуда черезъ такой же срокъ еще на новое мѣсто. По словамъ стариковъ, въ ту пору выSELLялись на починокъ большими, нераздѣльными семьями, состоявшими человѣкъ изъ 20 работниковъ; такой семье переселяться было легко

Лѣтъ черезъ 50 вотская семья возвращалась на старое пепелище, гдѣ успѣвалъ вырости матери лѣсъ, который теперь снова расчищался. Вотъ почему еще и теперь встрѣчаются среди полей или въ лѣсу остатки „старыхъ вотскихъ поселеній“ (*вуж гурт*), въ видѣ кирпичей, овинныхъ ямъ и т. д. Часто со своихъ надѣльныхъ земель вотяки переселялись временно въ казенные лѣса, гдѣ расчищали для себя большія площади подъ пашни и сѣнокосы. Законъ 1864 года положилъ конецъ устройству замокъ и самовольныхъ поселеній на казенныхъ земляхъ. Этимъ закономъ всѣ вотскія поселенія прикреплены были къ извѣстной мѣстности, а до того сплошь и рядомъ бывало, что весной было тутъ или тамъ селеніе, а осенью оно исчезало, будучи перенесено на новое мѣсто. Но былъ еще одинъ способъ, съ помощью котораго вотякъ удовлетворялъ свою страсть къ непосѣдливости.

Когда земли у вотскихъ общинъ было много и существовалъ еще чисто или только наполовину *захватный* способъ пользованія, тогда члены одной вотской общинѣ переселялись на починки и изъ деревни въ деревню самовольно, безъ всякаго разрѣшенія, по одному приглашенію многоземельныхъ селеній; послѣднѣе для того и приглашали съ себѣ сосѣдей, чтобы легче было вносить платежи за свои надѣлы, когда всякое обложение verstалось не по наличнымъ, а по ревизскимъ душамъ. Въ свою очередь селеніе, потерявшее своихъ выселившихся членовъ, должно было кого-нибудь пріискать на убытое мѣсто; если вотяковъ не находилось, скрѣпя сердце брали и русскихъ, лишь бы избѣжать раскладки за убылыхъ души. Но и кромѣ такихъ случаевъ русскіе попадали часто въ вотскія деревни то какъ ремесленники, то какъ временные арендаторы мельницъ или вымороочныхъ надѣловъ; въ послѣднемъ случаѣ они заводили осѣдлость, уплачивали подати и отправляли всѣ натуральные повинности, наравнѣ съ вотяками, а въ первомъ случаѣ пользовались землей и сѣнокосомъ за угощеніе, поставленное міру. Такихъ колонизаторовъ-русскихъ было достаточно по всей территории вотскихъ поселеній.

Съ теченіемъ времени вотяки пожелали избавиться отъ некоторыхъ подобныхъ арендаторовъ, къ нимъ формально не причисленныхъ, но начавшихъ проявлять чисто раззуаевскіе аппетиты. Посыпались многочисленныя жалобы по начальству со стороны

русскихъ. Послѣдствиемъ такихъ жалобъ явилось циркулярное предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ, данное всѣмъ губернаторамъ инородческихъ губерній отъ 26 іюня 1871 г. за № 6, на основаніи коего дозволялось всѣхъ самовольно проживающихъ болѣе десяти лѣтъ въ вотскихъ деревняхъ русскихъ колонистовъ причислить, за давностью проживанія, безъ пріемныхъ приговоровъ, а казеннымъ палатамъ разрѣшено сдѣлать перечисленіе этихъ русскихъ изъ старыхъ селеній на основаніи однихъ свѣдѣній волостныхъ правленій. Такимъ образомъ закрѣплены были въ вотскихъ обшинахъ всѣ переселившіеся къ вотякамъ до 24 ноября 1866 г. (когда вышелъ указъ о позем. устр. госуд. крестьянъ въ 36 губ.) русскіе колонисты. Благодаря этому циркуляру, въ колонисты вотской окраины попало много такихъ, которые жили только въ своихъ домахъ, а земледѣліемъ совсѣмъ не занимались; попало вообще достаточно самаго неподходящаго элемента.

Приселеніе добровольное къ вотякамъ совершалось также безъ особаго труда, лишь бы находились въ селеніи выморочныя души. Нужно сказать по совѣсти, что гдѣ русскихъ нѣть, тамъ больше сохранилось вотской патріархальности: такъ, напр., вотяки не допускаютъ бѣдняка до продажи его имущества за недоимки, а вносятъ за него родственники или (за отсутствіемъ таковыхъ) всѣмъ міромъ, даютъ имъ сѣмена для посѣва и лошадей для работы; помогаютъ и въ другихъ случаяхъ; путемъ благотворительности и очередного кормленія неимущихъ, вотяки уничтожаютъ у себя нищенство и т. д.

Въ доброе старое время (лѣтъ 70—50 назадъ), когда староюминская волость богата была лѣсами, землепользованіе, какъ я выше сказалъ, было *захватное*, т.-е. каждый вотякъ расчищалъ себѣ пашню изъ-подъ лѣсу, гдѣ хотѣлъ и сколько могъ. Очень многія селенія только послѣ ревизіи 1858 г. начали примѣнять раздѣль полей, да и то отчасти, главнымъ образомъ—для земель истощенныхъ, выпаханныхъ. Лѣса истреблялись безпощадно по мѣрѣ размноженія населенія, съ помощью не столько топора, сколько огня. Даже и послѣ ревизіи, когда расчищенные мѣста во многихъ деревняхъ пошли въ передѣль, новые расчистки, сдѣланные послѣ этого, не отбирались лѣтъ по 25—30. Многосемейные расчищали огромныя площади и сильно богатѣли. Но...

исчезли лѣса, поубавились угодья, и картина сильно измѣнилась: количество скота уменьшилось, древніе бобровые гоны и вообще звѣроловство отошли въ область преданія, пчеловодство или сократилось, или совсѣмъ уничтожилось, постройки (и вообще въ вотскихъ деревняхъ—неважны) обветшали; но вездѣ еще и теперь видна печать былого довольства, для многихъ домохозяевъ уже невозвратного...

Свою общину, т.-е. совокупность домохозяевъ извѣстнаго селенія, вотяки наз. *бускѣль*; въ деревняхъ съ значительною примѣсью русскаго населенія усвоенъ уже русскій терминъ—*мір*. Въ послѣднемъ случаѣ сосѣди по двору называютъ другъ друга *исѣкаѣн*. Слово *бускѣль*, кромѣ понятія „община“, значитъ еще „совокупностьсосѣдей“, но вотяки говорятъ, что прежде такъ назывались собственно не сосѣди, а сплошь живущая въ извѣстномъ околоткѣ кровная родня.

Въ старыхъ селеніяхъ всякий переулокъ и улица заселены членами одного только бускеля. Такой участокъ деревни наз. *шенѣл* = „конецъ“ или „улица“. Съ течениемъ времени, когда нѣкоторыя семьи вымираютъ, среди такого шенела видны пустыри съ одиноко стоящими подгнившими столбами. Безъ воли бускеля нельзя занять выморочную усадьбу. Шенель всегда имѣеть предикатъ, въ видѣ имени родоначальника данного бускеля, напр.: *Ядыгаръ шенѣл*—„Ядыгаровъ конецъ“. Сами домохозяева, значущіе по офиц. документамъ безъ фамилій, на самомъ дѣлѣ всегда имѣютъ семейное прозвище-фамилію, напр.: Кутѣй, Зайн, Герѣй, Бирзѣ, Конды, Палий, Торд, Камзѣй, Сѣмѣй, Юртѣй, Кудай, Кельдѣн, Минѣ-пи, Ожмѣг, Келѣй, Бисар, Чубык... Глубокой стариной вѣтѣть отъ этихъ прозвищъ, которыхъ сами вотяки теперь не понимаютъ.

Обыкновенно, всѣмъ, составляющимъ одинъ *бускѣль*, отводится въ полѣ одинъ участокъ или конъ, разбиваемый по дворамъ. Связанные близкимъ или отдаленнымъ родствомъ, члены бускеля жили дружно, другъ другу помогали, въ случаѣ нужды ссужали всѣмъ необходимымъ нуждающагося сочлену. Я еще имѣлъ возможность наблюдать такие бускели, производившіе отрадное впечатлѣніе полнымъ отсутствіемъ нищенства, трогательной заботой о безродныхъ старикахъ и старухахъ, которымъ по очереди давали для избы топливо, по очереди кормили... Ослабѣвшимъ

семьямъ вдовъ сообща весь бускель вспахивалъ и засѣвалъ полосы, сообща убиралъ имъ хлѣбъ и сѣно.

Вотяки придерживаются преимущественно трехпольной системы. Смотри по тому, какимъ хлѣбомъ поле засѣяно, оно называется: сезы—бусы (яровое), шер—бусы (озимое), сѣд—бусы (паровое). Каждое поле—бусы—разбито по числу буселей, на коны, дѣлянки или участки—утымъ, рад или дасд. Чѣмъ разнообразнѣе качество земли въ полѣ, тѣмъ больше этихъ дасд; число послѣднихъ увеличивается для того, чтобы справедливѣе разбить землю, сообразно качеству. Чѣмъ обширнѣе конь, тѣмъ больше полоса (анда) въ длину или ширину, смотря по формѣ коня. Многолѣтній опытъ учить вотяковъ, гдѣ земля родить лучше, гдѣ хуже, поэтому они стараются образовать конь по возможности изъ однородной земли. Но бываетъ, что при всемъ стараніи нельзя этого сдѣлать,—до того участокъ невеликъ по размѣрамъ и разнообразенъ по качеству почвы (напр.: каменистая чередуется съ глинистой и болотистой).

Кстати, о характеристикѣ качества почвы у вотяковъ. Какъ народъ, издревле занимающійся земледѣліемъ, вотяки имѣютъ богатую терминологію для обозначенія общихъ и специальныхъ свойствъ пахатной земли.

Термины общіе. Старое выпаханное поле, съ совершенно безплодной землей, наз. *кыршамъ*. Ровный, какъ скатерть, гладкій участокъ пашни наз. *чочатъ*. Низкое, потное мѣсто, гдѣ даже въ засуху бываетъ урожай, наз. *пукылъ*. Вновь расчищенная тучная земля наз. *сайкѣсъ*, а запущенная подъ сѣнокосъ лѣсная росчисть—*сайкѣмъ*.

Термины частные. 1) *Черноземъ*, или темная земля, съ нѣкоторою примѣсью перегноя (гумусъ), наз. *ыбѣтъ*. Болотистая черная земля—*илюр чуй*. Темная земля изъ-подъ обсохшаго болота—*лобисъ чуй*.

2) *Песокъ* вообще называется *мудъ*. Желтый песокъ—*чуж мудъ*. Сѣрий песокъ—*сед мудъ*. Бѣлый песокъ—*теди мудъ*. Крупнозернистый (бѣлый или желтый) песокъ на влажныхъ мѣстахъ—*кот мудъ*.

3) *Супесь* называется *муд пож* или *мудэн сурдъ*.

4) *Глина* вообще—*ылләмъ*. Глинистое обнаженіе, произведенное на поляхъ весеннюю водой—*ву ылләмъ*. Темная (почти черная), вязкая глина—*сед чуй*. Мокрая глина, залегающая на

каменистой подпочвѣ—*бу чуй, урыж*. Материкъ (красноглинистая почва) наз.—*юрт чуй*.

5) *Суглинокъ*. Сѣрый—*пурмъ чуй*; таковой же изъ-подъ еловаго лѣса, нѣсколько свѣтлѣе—*теди чуй*. Свѣтлый бѣлесоватый суглинокъ, какъ бы съ крапинами—*села мыл* (= „грудь рябчика“, т.-е. пестрая земля).

6) *Подзолъ* (слегка влажный подпочвенный песокъ—*бу луд* (= „водяной песокъ“) или *пени* (= „зола“)).

Столь богатая почвенная терминология сама по себѣ говорить уже за то, что вотяки—усердные хлѣбопашцы, хорошо умѣющіе разобраться въ качествахъ почвы. Такой подробной терминологии неѣть ни у черемисъ, ни у татаръ.

Всякое затрудненіе при раздѣлѣ коня по душамъ вотяки рѣшаютъ жребиемъ. Жребій бываетъ двухъ сортовъ: а) исконный славянскій „жребій“, вот. *жереба* или б) палка—*шабаша*, и сообразно съ этимъ у вотяковъ имѣется два способа жеребьевки. По первому способу каждый домохозяинъ на обрѣзкѣ или кускѣ липовой палки (биркѣ) вырѣзаетъ свою тамгу, а грамотные даже пишутъ имя и фамилію карандашемъ; затѣмъ всѣ жеребы кладутся въ шляпу и тщательно перемѣшиваются. Держащій въ рукахъ шляпу потряхиваетъ ее, а въ это время кто-нибудь снизу ударяетъ слегка по шляпѣ или даетъ щелчокъ, чтобы выпала бирка: чья бирка выпадетъ первою, тому достается въ кону первая полоса. Такъ идетъ до тѣхъ поръ, пока въ шляпѣ не останется одна единственная бирка: этой послѣдней биркѣ отдается и послѣдняя въ кону полоса. Никто уже не имѣеть теперь права заявлять претензію, если до жеребьевки $\frac{2}{3}$ голосовъ согласны были на этотъ способъ раздѣла земли. Какъ курьѣзъ, отмѣчу, что иногда, при очень усердномъ щелчкѣ, вылетаетъ сразу двѣ или три бирки; ихъ или кладутъ обратно въ шляпу, или прибѣгаютъ уже къ *шабаша* (палка аршина въ $1\frac{1}{2}$ длиною). Одинъ изъ состязающихся о полосѣ подбрасываетъ вверхъ тонкую палку, которую двое стараются поймать поперекъ. Кто поймасть ближе къ нижнему концу палки, тотъ и держитъ ее въ этомъ мѣстѣ, а остальные двое захватываютъ одинъ за другимъ палку выше, придвигая свою скатую руку плотно къ нижней; такъ перехватываютъ до самого верхняго конца. Кто взялъ палку за

самую верхушку, такъ что слѣдующему уже не за что уцѣпиться, тому и достается первая изъ спорныхъ полосъ, и т. д.

Число коновъ въ каждомъ полѣ далеко не одинаково, благодаря качеству земли. Встрѣчаются деревни, въ которыхъ на трехполье насчитывается до 90 коновъ, зато есть и такія, гдѣ не болѣе 20 коновъ. Въ первомъ случаѣ обиліе коновъ объясняется желаніемъ общины справедливѣ распределить земли, сообразно ихъ качеству; послѣдній случай указываетъ на то, что земля болѣе или менѣе однородна по степени урожайности. Обилие коновъ объясняется отчасти желаніемъ вотяковъ сохранить въ прежнихъ границахъ старыя урочища. При обиліи коновъ часто случается, что два или три считаются за одинъ, и въ каждомъ изъ нихъ нарѣзаются полосы только нѣкоторой части домохозяевъ. Каждое поле, независимо отъ того, ржаное оно (*шер бусы*), яровое (*сезы бусы*) или паровое (*сѣд бусы*), имѣть свое постоянное название, разъ навсегда ему усвоенное, напр.: *Вуж турт бусы* — „поле старой деревни“ (т.-е. гдѣ прежде стояла деревня); *Вылын бусы* — „верхнее поле“; *Нюк бусы* — „овражистое поле“. Каждое мельчайшее урочище носить особую кличку. Познакомившись съ топографическими названіями на территории данной вотской общины, вы узнаете отчасти ея исторію, потому что номенклатура урочищъ есть живая лѣтопись данной общины.

Беру на выдержку названія урочищъ одной только общины, именно коновъ и овраговъ.

- 1) *Шайтан ошмѣс* — „чертовъ ключъ“, потому что воююю его воду не могутъ пить ни люди, ни скотъ.
- 2) *Вылын луд* — „верхняя (по теченію рѣки) родовая роща“.
- 3) *Мынѣ ватдн* — „бросаніе куколъ“, т.-е. мѣсто, гдѣ, по принятіи христіанства, вотяки побросали своихъ идоловъ.
- 4) *Часовня дынь* — „мѣсто часовни“, кѣмъ-то въ старину тутъ поставленной и совершенно сгнившей.
- 5) *Иж вѣслн сик* — „лѣсь“, гдѣ приносятся въ жертву овцы“, хотя лѣсу тутъ давно нѣтъ.
- 6) *Бусы вѣсь* — „полевое мольбище“, гдѣ при началѣ пашни совершается жертвоприношеніе.
- 7) *Эшмат луд* — „Эшматова родовая жертвенная роща“. Родъ Эшматовъ давно вымеръ, отъ рощи нѣтъ и слѣдовъ.

8) *Биңәр сик*—„татарскій лѣсъ“, въ углу поля, обращенномъ къ сосѣдней татарской деревнѣ.

9) *Сыцян нюк*—„покрытый иснраженіями оврагъ“ (проходящій среди полей, почему всѣ стремятся здѣсь уединиться).

10) *Чиган балаган*—„цыганскій балаганъ“. Случайно остановившіеся тутъ цыгане-кузнецы зазимовали, а потомъ пріѣзжали еще разъ или два и оставили по себѣ память.

11) *Гондыр тумсем нюк*—„оврагъ съ медвѣжьей берлогой“. Надо замѣтить, что здѣсь медвѣди перестали водиться уже болѣе полуостолѣтія.

12) *Кабак выр*—„кабацкій уголь“, потому что участокъ этотъ (по малой его величинѣ, не пригодный для раздѣла) всегда пропивался міромъ, какъ и вообще большинство небольшихъ отрѣзковъ.

Смотря по величинѣ коня, ширина полосы (*аниа*) колеблется отъ 1 арш. до 5 саж. и болѣе па душу. Дробленіе коня на полосы (или разбивка) совершаются съ помощью веревки, на которой узлами или пришитыми цвѣтыми лоскутьями отмѣчены аршины и сажени. Обыкновенно стараются употреблять 10-саженную веревку. Но еще чаще употребляется оригинальная вотская сажень, въ видѣ огромной печатной буквы А, длинныя стороны которой имѣютъ по 1 саж. длины, а разстояніе между ножками = 1 арш. Этотъ инструментъ вотского изобрѣтенія оригиналенъ до чрезвычайности, но и удивительно удобенъ: производя измѣренія, нѣть нужды наклоняться къ землѣ, что скоро утомляеть; а кроме того эта сажень, сколоченная изъ тонкихъ рамокъ, очень легка для переноски. При наѣзкѣ наъ надѣла вычитается обыкновенно узкая полоса земли, отводимая подъ межу, примерно до четверти аршина. Обходя поля, вы сразу узнаете вотское поле и вотяка, крѣпко чтущаго замѣты предковъ: у него межа всегда широка, чтобы *Кылдысінъ* (или *Кылчанъ*), добросѣйство, иногда представляемое въ видѣ богини—*му Кылчанъ* = „богини земли“, равно и *бусы утысъ* = „духъ хранитель полей“, а особенно *межа утысъ*—„блеститель межи“ свободно могли прогуливаться по межѣ и наблюдать за посѣянными полями. Теперь на этотъ счетъ у вотяковъ замѣчается уже вольнодумство, и иные изъ чихъ не очень-то вѣрятъ въ Кылчана и Утысъ. Но

большинство блюдетъ еще завѣты старины, и иногда приходится слышать по этому поводу любопытныя легенды.

Вотякъ Михей Сидоровъ (дер. *Ныръя*) рассказывалъ мнѣ въ 1883 г. про себя такой случай. Шелъ онъ по своей межѣ, заросшей травой и покрытой цветами, шелъ и молча любовался густой рожью на своей полосѣ, которая только что наливалась. День стоялъ ясный, тихій: солнышко грѣло чуть замѣтно волнующуюся рожь, а въ воздухѣ, высоко надъ головою, пѣли жаворонки... Вдругъ Михей какъ будто на что-то наступилъ: смотрѣть подъ ноги—нѣть ровно ничего... Только ступилъ онъ еще шага два, какъ вдругъ заплачетъ ребенокъ, да такъ жалобно! Посмотрѣль Михей впередъ и назадъ по межѣ и диву дался—нѣть никого!.. Чѣмъ бы это значило?—думаетъ онъ. Вдругъ предъ нимъ показалась благообразная молодая женщина въ бѣлой вотской одеждѣ. „Ты, говорить, когда ходишь по межѣ, пой или говори что-нибудь, чтобы мой ребенокъ успѣль отползти съ дороги, а то ты вонъ отдавилъ ручку моему сыну“ И исчезла...

Можно слышать на эту тему и другіе разсказы, которымъ вотяки придаютъ вѣру.

Чтобы легче узнать свою полосу, каждый втыкаетъ въ нее у дороги колышекъ съ своей тамгой—*подэм пус*. Если полоса очень длинна, лошадь, пожалуй, не вытянетъ борозды за одинъ духъ; поэтому, чтобы дать лошади вздохнуть, чтобы пахарь могъ очистить сошники да закурить трубку, дѣлять такія полосы на гоны—*ветлос*, отъ 20 до 25 саж. (рѣдко въ 15 саж.) длиною. Гдѣ смыкаются гоны, можно сразу замѣтить, идя вдоль полосы: обыкновенно въ этомъ мѣстѣ замѣтна небольшая поперечная „припухлость“, происшедшая отъ того, что при остановкѣ пахарь вытряхиваетъ сошники. Съ годами этотъ валь все возвышается, поэтому обыкновенно мѣсто смыканія гонъ лѣтъ черезъ пять мѣняется, а валь понемногу разносится сохой по полосѣ. всякая полоса однимъ концомъ непремѣнно примыкаетъ къ дорогѣ, чтобы, пробираясь на свою полосу, вотяку не приходилось топтать чужой земли. Точно также одинъ конь отъ другого отдѣляется полосой земли, достаточной для проѣзда съ сохой, бороной или телѣгой.

Въ практикѣ вотскихъ передѣловъ встрѣчаются крайне оригинальные приемы вычисленія площадей. Когда дѣлится ровный

конъ, съ болѣе или менѣе прямоугольнымъ очертаніемъ, дѣло элементарно просто: каждая полоса на 1 душевой надѣль, при 1 саж. ширины и 50 саж. длины, должна имѣть 50 кв. саж. на душу, 100—на двѣ дупи, 150—на три души и т. д. Но если конъ имѣеть неправильная очертанія, изъ него предварительно вырѣзается правильная фигура, разбиваемая на полосы, а въ отрѣзкахъ для каждого получающаго надѣль особо вычисляется площадь и разбивается на куски, которые имѣли бы квадратную поверхность нужной величины. Мы встрѣчаемся такимъ образомъ съ чисто вотскимъ землемѣрнымъ искусствомъ, которое навѣрно поразить читателя оригинальностью пріемовъ при вычислениі геометрическихъ площадей. Даже у русскихъ не встрѣчалъ я стремленія къ такой точности, а математикъ навѣрное причислилъ бы такой способъ къ самымъ архаическимъ агримензорнымъ пріемамъ, которые когда-либо существовали. Я думаю, что для этого есть достаточныя основанія. Правда, вотскія измѣренія почти вездѣ даютъ болѣе или менѣе крупную ошибку, но это неважно для цѣлей практическихъ. Меня смущаетъ одинъ крупный (хотя случайный) недочетъ: я не записалъ названій этихъ геометрическихъ фигуръ, а между тѣмъ подобные названія существуютъ у вотяковъ, какъ и у черемисъ.

Перейдемъ теперь къ описанію этихъ вотскихъ способовъ измѣренія площадей, составляющихъ сомнительной величины отрѣзки отъ коновъ, причемъ замѣтимъ, что при повѣркѣ вотскихъ вычисленій мы держались „Руководства къ геометрії“ Пржевальского.

Случай I. Площадь въ формѣ прямоугольнаго $\triangle ABC$. Катеты AB и BC перемножаются другъ на друга и произведеніе дѣлится пополамъ. Положимъ $AB = 10$ саж., $BC = 22$ с. Перемноживъ, найдемъ 220 саж., которая нужно раздѣлить на $2 = 110$ кв. с. Это будетъ въ то же время *истинная геометр. величина*. (Рис. I).

Случай II. Площадь въ формѣ параллелограмма (ромба) $ABCD$. Основаніе $AD = 21$ саж., помножается на $AB = 12$ саж. (такимъ образомъ AB принимается за высоту косого четырехугольника) и произведеніе 252 выражаетъ квадр. площадь фигуры. Здѣсь вотскіе землемѣры допускаютъ ошибку, примѣняя способъ вычислѣнія площади прямоугольника (= произведенію основ. \times высоту). Въ данномъ случаѣ *косая сторона AB не будетъ высотой*, кото-

рая на самомъ дѣлѣ $aB = 10$ с. (а не 12 с.). Перемноживъ $AD \times aB$ (21×10), получимъ 210 кв. с., т.-е. мѣрщики присчитываютъ 42 кв. с. лишней земли. (Рис. II).

Случай III. Площадь въ формѣ неправильного косоугольного четырехугольника $ABCD$. Сначала измѣряется $AD = 20$ с., потомъ $DC = 8$ с., сумма ихъ = 28 дѣлится на 2 = 14. Это частное умножается на $AB = 10$ саж. Такимъ образомъ площадь фигуры выразится цифрой 140 с. И здесь мѣрщики допускаютъ ошибку: было бы несравненно вѣрнѣе раздѣлить фигуру по линіи AC на два треугольника и взять $\frac{1}{2}$ произведения высоты каждого на его основаніе. Площадь $\triangle ACD = AC$ (18 с.) $\times CD$ (8 с.) = $\frac{144}{2} = 72$ кв. с. Площадь $\triangle ABC = AB$ (10 с.) $\times BC$ (11 с.) = $\frac{110}{2} = 55$ с. т.-е. $72 + 55 = 127$ кв. с. Такимъ образомъ, вотскій мѣрщикъ обсчитался на $140 - 127 = 13$ кв. саж. (Рис. III).

Случай IV. Площадь въ формѣ неправильного четырехугольника $ABCD$, одна сторона которой перпендикулярна основанію. Сначала измѣряется AD (15 с.), потомъ BC (10 с.) и сумма ихъ дѣлится на 2 ($15 + 10 = \frac{25}{2} = 12\frac{1}{2}$). Потомъ измѣряются BA (6 с.) и CD (8 с.) и сумма ихъ тоже дѣлится на 2 ($6 + 8 = \frac{14}{2} = 7$). Теперь оба частныхъ перемножаются и получается, что площадь фигуры $12\frac{1}{2} \times 7 = 87\frac{1}{2}$ кв. саж. Здесь будетъ самая ничтожная ошибка, ибо если мы раздѣлимъ фигуру диагональю на 2 треугольника и вычислимъ особо площадь каждого, то площадь всей фигуры будетъ = $\frac{(AD \times DC)}{2} + \frac{(AC \times aB)}{2} = \frac{15 \times 8}{2} + \frac{18 \times 3}{2} = \frac{120}{2} + \frac{54}{2} = \frac{174}{2} = 87$ кв. с. (Рис. IV).

Случай V. Площадь въ формѣ разносторонняго пятиугольника $ABCDE$. Сначала проводится диагональ BD , положимъ = 8 с. и измѣряются всѣ стороны пятиугольника, причемъ $AE = 5$ саж., $BC = 9$ с., $CD = 8$ с., $AB = 15$ с. Прежде всего измѣряется нижний четырехугольникъ $ABDE$: сумма сторонъ $AE + BD$ дѣлится на 2, т.-е. $5 + 18 = \frac{23}{2} = 11\frac{1}{2}$ кв. с. Частное $11\frac{1}{2}$ умнож. на AB , т.-е. $11\frac{1}{2} \times 15 = 172\frac{1}{2}$, кв. с. Потомъ BC умножается на DC

и произведение дѣлится на 2, т. е. $9 \times 8 = \frac{72}{2} = 36$ кв. саж. Теперь складывается $36 + 172\frac{1}{2} = 208\frac{1}{2}$, кв. саж. И здесь будет ошибка въ вычислении площади, такъ какъ нижняя фигура—трапеция; стало быть, площадь ея равна полусуммѣ параллельныхъ сторонъ, умноженной на высоту, т.-е. $\frac{(5+18)}{2} \times 10 = \frac{23}{2} \times 10 = 115$ с.

А вся \square равна $36 + 115 = 151$ кв. саж. (Рис. V).

Возьмемъ другіе случаи.

Если въ кону не хватаетъ земли для чьей-нибудь полосы, то вотяки для удовлетворенія нуждающагося отбираютъ у богатѣевъ чищобы (чищобы), чаще всего имѣющія форму круглую или овальну. Иногда отбираютъ чищобу цѣликомъ, иногда половину. Въ томъ и другомъ случаѣ нужно определить площадь отбираемой земли, чтобы не обидѣть (не дать менѣе) того, кому предназначается, чтобы была выдержана норма надѣла.

Случай VI. Чищоба имѣетъ форму круга. Для измѣренія площади круга вотяки проводятъ взаимно пересѣкающіеся діаметры (подъ прямымъ угломъ), измѣряютъ длину діаметра и умножаютъ его самого на себя, словомъ, вычисляютъ площадь круга, какъ площадь прямоугольника—съ явной ошибкой. Извѣстно, что геометрически площадь круга измѣряется иначе: она равна половинѣ произведенія окружности на радиусъ. Если допустимъ, что діаметръ данной чищобы 20 с., а радиусъ = 10 с., то, по вотскому измѣренію, площадь ея будетъ $20 \text{ с.} \times 20 \text{ с.} = 400$ кв. с. Между тѣмъ слѣдуетъ взять $7\frac{1}{3}$ разъ радиусъ чищобы (окружность), помножить на радиусъ и раздѣлить на 2, т.-е. $\frac{73\frac{1}{3}}{2} \times 10 = 733\frac{1}{3} : 2 = 366\frac{2}{3}$ кв. с. Будетъ разница: на $33\frac{1}{3}$ кв. с. больше дѣйствительной площади. (Рис. IV).

Случай VII. Отъ чищобы круглой формы нужно отрѣзать половину и узнать площадь этой половины. Проводится діаметръ АС, дуга дѣлится пополамъ въ точкѣ В и проводятся хорды АВ и ВС, изъ коихъ каждая дѣлится пополамъ. Положимъ, что АС = 15 с. ВС = 10 с. Вотяки множатъ 10×15 и дѣлять произведеніе пополамъ, т. е. $\frac{150 \text{ кв. с.}}{2} = 75$ кв. саж. Если перпендику-

ляры = 4 с., а хорды = 10 с., то вотяки дѣйствуютъ съ сегмен-

тотъ, какъ съ треугольникомъ: $4 \times 10 = 40$ кв. с., но не дѣлать почему-то на 2, т. е. $40 \times 2 = 80$ кв. саж. Отсюда $80 + 75 =$ всего 155 кв. с., т. е. съ ошибкой противъ площади круга $\left(\frac{225}{2} = 112\frac{1}{2}\right)$ на $43\frac{1}{2}$ кв. с. (Рис. VII).

Случай VIII. Чищоба овальной формы. Для определенія такой площади вотяки проводятъ продольный диаметръ BD и поперечный AC, оба измѣряютъ и $\frac{1}{2}$, продольного диаметра умножаютъ на поперечный. Если BD = 20 с., AC = 5 с., то площадь будетъ, по мнѣнію потскихъ мѣрщиковъ, $\frac{20}{2} \times 5 = \frac{100}{2} = 50$ кв. с. И здѣсь будетъ крупная ошибка, повѣримъ ли мы помошью построенія 4Δ , или построеніемъ \square и вычислимъ ихъ площади. (Рис. VIII.)

Вотяки безсильны сами сдѣлать повѣрку своихъ измѣреній: имъ самимъ кажется иногда, что измѣреніе невѣрно, но доказать этого они не могутъ. Часто тотъ, кому такая площадь отводится, чувствуетъ ошибку и начинаетъссору;ссора переходитъ въ отборную ругань, а потомъ начинается драка: подерутся и помирятся. Иногда драка случается много позднѣе, когда новый хозяинъ чищобы по количеству высѣянныхъ сѣмянъ заключаетъ, что площадь ея значительно меньше, нежели выходило по разсчету мѣрщиковъ, и вымѣщаетъ на послѣднихъ свою лосаду.

Эти оригинальные вотскіе способы измѣренія площадей за-служиваютъ, на мой взглядъ, внимательного изученія. Нѣчто подобное, но въ еще болѣе грубой формѣ, существуетъ у че-ремисъ; но на этомъ пока я не буду останавливаться. Интересна и другая сторона вопроса: откуда могли заимствовать вотяки эти способы геометрическихъ измѣреній? Геометрическаго приема (правда несовершенного) нельзя здѣсь отрицать, но отъ кого и когда вотяки могли заимствовать подобные способы измѣренія площади? Дѣло темное, и для рѣшенія его необходимо, по моему убѣжденію, вмѣшательство математика *).

1) Нѣкоторый свѣтъ проливаются на дѣло приемы измѣреній земельныхъ участковъ у сартовъ Сыр-Дарыинской области, замѣченные г. Закънинымъ (см. его ст. „О способахъ измѣренія земель у туземцевъ средней Азіи“ въ вып. III „Материаловъ для статист. Туркест. края“, стр. 153 слѣд. Сиб. 1874). Но статья Закънина излагаетъ этотъ вопросъ г. Шишковъ въ своей книжкѣ, составляющей

Вернемся къ общиннымъ порядкамъ вотяковъ. Недовольный размѣрами своей полосы обращается къ старостѣ, съ просьбой о провѣркѣ надѣловъ, отказываясь (въ противномъ случаѣ) платить подати; или же онъ обращается къ десятскому, прося со-брать сходку (*кенеш*), и на ней приносить міру свою жалобу. Къ жалобщику примыкаютъ другіе недовольные, происходит перебранка, въ которой принимаютъ особенное участіе горланы или крикуны (*насыкът чырты*—„широкая глотка“). Когда перевѣсить трезвое большинство, дѣлается постановленіе о повѣркѣ надѣловъ, но для этого жалобщику непремѣнно нужна заручка со стороны обширной родни или богатыхъ вотяковъ, иначе дѣло не выгоритъ. Если при повѣркѣ надѣловъ окажется, что со-ѣдь жалобщика завѣдомо владѣль излишкомъ, то его штрафуютъ въ пользу міра (а не жалобщика: странная логика!), и деньги идутъ на расходы по языческимъ жертвоприношеніямъ.

Общій (коренной) передѣлъ всѣхъ угодій совершается по разнымъ причинамъ: 1) вслѣдствіе неожиданного прироста населенія, благодаря новоселамъ; 2) по причинѣ разрастанія семей, въ которыхъ явились новые работоспособные члены и 3) вслѣдствіе убыли населенія отъ повальныхъ болѣзней или переселенія въ Сибирь, когда нѣкоторымъ домохозяевамъ становится трудно справляться со своимъ яадѣломъ. Обыкновенно, 15-лѣтнимъ парнямъ уже дается душевой надѣль; вдовамъ отводятся надѣлы для прокормленія дѣтей, а въ большихъ семьяхъ у 60-лѣтнихъ стариковъ, если они слабы, надѣлы отбираются.

Жизнь вотской общины течетъ нѣсколько своеобразно, по сравненію съ русской: у русскихъ никто не стѣсненъ началомъ работы, а вотяки (какъ чуваши и черемисы) не могутъ, напр., начать весенней пашни, не совершивъ всѣмъ міромъ языческаго обряда, наз. *геры поттөн* („поднятіе сохи“); кончить пашню

т. XI „Сборника матеріаловъ для статистики Сыр-Дарьинской области“. Ташкентъ. 1904. См. стр. 199—205.

Сравнивая приемы вотского измѣрепія площадей съ сартовскими, я нашелъ полное сходство только въ измѣрениіи площади параллелограмма и неправильнаго четыреугольника съ однимъ прямымъ угломъ. Въ остальномъ есть разница.

Однако и частичное сходство даетъ уже ключъ къ объясненію происхожденія вотскихъ землемѣрныхъ приемовъ, азіатское происхожденіе которыхъ несомнѣнно. Но вопросъ: черезъ чье посредство способы эти достигли до вотяковъ?

нужно также вѣмъ вмѣстѣ. У вотяковъ и начало каждой полевой работы, и окончаніе ея назначаются сходкой (*женеш*) всей общины; въ силу этого обычая, никто (кромѣ русскихъ новоселовъ) не начинаетъ полевыхъ работъ въ одиночку, никто не смѣеть работать въ то время, когда остальные молятся на жертвоприношениі; даже всевозможныи суевѣрія должны соблюдать всякий вотякъ, иначе—за несоблюденіе всего требуемаго обычаемъ и языческою вѣрою—бускѣль подвергнетъ его денежному или водочному штрафу въ пользу мѣра.

У вотяковъ повсемѣстно существуетъ много специальныхъ земледѣльческихъ суевѣрій. Такъ, напр., отъ начала цвѣтенія рожи и до конца наливанія зерна, съ 25 юна по 20 июля, нельзя мыть бѣлья, черпать воду окрашенными въ черную краску или сдѣланными изъ темной жести ведрами, особенно же—чугунными котлами, а раньше Петрова дня нельзя косить траву; рыть землю въ это время грѣшно: она всѣ соки отдаетъ хлѣbamъ, и не слѣдуетъ ее въ это время тревожить. Къ специальному земледѣльческимъ суевѣріямъ нужно причислить кражу земли и сноповъ съ полосы у тѣхъ членовъ общины, у которыхъ хлѣбъ вообще рождается хорошо: это дѣлается для того, чтобы присвоить себѣ частицу чужого счастія. Съ этой же цѣлью вотячки воруютъ снопы льна, если свой не рождается, крадутъ въ ночь на Ивановъ день (24 юна) огородные овощи, даже воруютъ изъ клѣтей печеный хлѣбъ, если свой печется неудачно. Во всѣхъ этихъ кражахъ вотяки со временемъ сознаются, но упорно умалчиваютъ, если случится имъ украдь горсть земли съ чужой полосы и перебросить ее на свою, чтобы отъ сосѣда отнять часть плодородія его полосы.

Въ силу такихъ оригинальныхъ суевѣрій съ одной стороны, а съ другой—въ силу требованій общины о началѣ и концѣ работъ, маломощные домохозяева не въ состояніи управляться вбѣ время съ полевыми работами и вынуждены прибѣгать къ помочамъ. Помочь вотская—явленіе, аналогичное съ русскою помочью. Дѣлаютъ помочи или по малосилу собственной семьи, или за невозможностью получить рабочія руки за плату. Помочь хотя и выгодна, потому что помочане работаютъ бесплатно, но приглашенные, считая помочь праздникомъ съ обильнымъ угощениемъ, работаютъ не очень усердно, являясь утромъ довольно

поздно (съ 9 часовъ); особенно лѣниво работаютъ женщины, проводящія большую часть времени въ пустыхъ разговорахъ, если среди нихъ нѣтъ хорошаго заправилы, который мягко, но настойчиво просить работать и увлекаетъ къ этому всѣхъ собственнымъ примѣромъ. Наилучшимъ средствомъ прервать пустыя бесѣды служить пѣніе. Любопытно, что вотяки въ этомъ случаѣ поютъ чаще русскія пѣсни, чѣмъ свои, потому что пѣсенный складъ вотской пѣсни совсѣмъ особенный; пѣсня эта требуетъ больше плавности, медленности, почти совсѣмъ замирастъ въ цезурѣ (сердина стиха), а размашистая русская пѣсня, особенно риомованная, далеко сподручнѣе для работы.

Многое въ усердіи помочалъ зависить отъ предстоящаго угощенія. Въ среднемъ на угощеніе 30 человѣкъ тратится около $\frac{1}{2}$, ведра водки. Предъ обѣдомъ выпивается не болѣе чарки на человѣка ($\frac{1}{2}$, стакана). На голодный желудокъ помочанинъ ни за что работать не будетъ: передъ работой онъ непремѣнно завтракаетъ, и главную роль на этомъ вотскомъ завтракѣ играетъ овсяный кисель. За обѣдомъ горячихъ кушаній не полагается, ибо въ полѣ это невозможно: бываетъ обыкновенно холодная мясная окрошка на квасу, яйца, лукъ зеленый, молоко, пироги, шаньги, а въ придачу $\frac{1}{2}$, стакана водки. Вечеромъ, возвращаясь съ поля, помочане поютъ *непремѣнно вотскія пѣсни*, и каждый проходить сначала къ себѣ домой, чтобы принарядиться, а затѣмъ уже идти на ужинъ. За ужиномъ водкой угощаются далеко щедрѣ, — по чайной чашкѣ и по двѣ на человѣка, а потомъ подаются сколько угодно пива. Обычныя блюда на ужинѣ: горячія щи, каша разныхъ сортовъ, жареное мясо, гусь, утка и проч.

Быть на помочи обязательно для ближайшихъ родственниковъ, кумовей и гостей, если они случайно къ этому времени приѣхали.

Вотскія общины въ изслѣдованнымъ мною районѣ сравнительно еще недавно отличались многоземлемѣiemъ: случалось, что на душу надало до 25 десятинъ, при чѣмъ $\frac{1}{3}$ приходилась на лѣса (*нюлэс*), $\frac{1}{3}$ на луга (*возъ*). Но не всѣдѣ въ этой мѣстности есть рѣчки, потому въ староюльинскомъ районѣ луга (*возъ*) большою частью не заливные, трава родится тощая и сухая, а стало быть — малопитательная. Только на чищобахъ изъ-подъ лѣса, запущенныхъ подъ луга (такая чищоба наз. *сайкѣм*) трава родится лучше. Но такихъ сайкемовъ вообще мало, а косять больше по дну овра-

говъ, по опушкамъ лѣса или на лѣсныхъ полянахъ, на гуменинкахъ и телятникахъ, а также на крутыхъ склонахъ, непригодныхъ для пашни. Сѣнокосъ начинается всегда послѣ Петрова дня (29 іюня), потому что рѣдко трава созрѣваетъ раньше. Недостатокъ своихъ луговъ побуждаетъ вотяковъ арендовать въ казенныхъ лѣсахъ сѣнокосные поляны. Такіе покосы убираются на артельномъ началѣ, причемъ скошенное и высохшее сѣно сначала складывается въ копны, вѣсомъ въ 5—6 пуд., а потомъ эти копны дѣлятся по числу пайщиковъ, внесшихъ арендную плату. Раздѣленное сѣно складывается въ большой продолговатый стогъ — зурдѣ (русское „зардѣ“), но такимъ образомъ, что часть каждой пайщицы отдѣлена отъ соѣдской вертикально поставленными кольями. На поскотинѣ, отведенной для пастища скота, косить строго воспрещается, потому что если выкосить одинъ, другой, третій, то скоту ничего не останется; но если кому-нибудь по раздѣлу не досталось на лугахъ полосы, то (ввидѣ исключенія) ему даютъ полосу на поскотинѣ. Послѣ сѣнокоса на отавѣ пасется скотъ, равно и на ржаномъ или яровомъ полѣ, послѣ уборки хлѣба.

Весной скотъ пасется во всѣхъ трехъ поляхъ, пока не поправятъ изгороди и не начнется яровой сѣвъ. Сѣвъ этотъ тянется съ 25 апрѣля до 10 мая, но дней 5 уходитъ на жертвоприношеніе и заключительную пирушку. Мая сѣ 15 начинается поправка упавшей изгороди, а съ 10 іюня — паровая пашня. Нѣкоторые передъ паренемъ вывозятъ въ поле навозъ. Какъ только паровое поле вспахано, наступаетъ сезонъ потравъ, потому что скотъ, стѣсненный въ пропитаніи, ломастъ изгороди и травитъ хлѣбные поля въ своихъ и соѣднихъ деревняхъ. И тутъ не обходится безъ рукопашной расправы, а срѣдка дѣло идетъ въ волостной судь, но чаще сходятся на мировой. Озимой сѣвъ начинается съ 5 августа, а скотъ для пастищъ теперь перегоняется въ лѣсъ (гдѣ онъ есть). Въ началѣ зимы, особенно около Михайлова дня, большинство очищаетъ свои дворы и хлѣвы отъ навоза. Возять навозъ на дровняхъ, на которыхъ ставится плетенка или ярандаки (четырехугольный лубяной коробъ). Встарину вотяки вывозили навозъ прямо на лубкахъ, загнутыхъ корытообразно; но этотъ способъ сохранился только въ воспоминаніяхъ стариковъ.

Говоря о вотскомъ земледѣліи, я совсѣмъ забылъ дать опи-

сание вотской сохи. Объ этой сохѣ нельзя умолчать, благо она представляетъ такія особенности, которыя сами бросаются въ глаза. Какъ русская и всякая другая соха, вотская соха (*иерѣ*) состоитъ изъ: 1) сошниковъ или ральниковъ (*амѣз*), 2) шабалки (*шабалѣ*), 3) разсохи (*иерѣ кук*), 4) рогаля (*иерѣ кис*) и 5) обжей, или оглобель (забыть записать вотское названіе).

Вотскіе сошники всегда малы, узки, легки и вѣсомъ не болѣе $7\frac{1}{2}$ фунтовъ. На разсоху они надѣваются не наклонно, а почти горизонтально; поэтому точкой опоры у вотской сохи будутъ не острые концы сошниковъ, какъ у русской сохи, а вся нижняя поверхность ихъ. Снабженная слабо-вогнутой поверхностью шабалка круто укрѣпляется поверхъ лѣваго сошника. Обжи всегда прямые, тогда какъ у русской сохи правая всегда снабжена изгибомъ; при этомъ обжи прикрѣпляются къ хомуту съ помощью дуги, а у русской сохи гужи надѣваются на колышки, вдѣланнныя по концамъ обжей.

Главная особенность вотской сохи заключается въ томъ, что разсоха не вдолблена въ рогаль, а прикрѣплена къ послѣднему съ помощью ремней или бичевокъ и сохраняетъ подвижность, измѣнная по желанію величину угла между обжами и разсохой, начиная отъ 40° . Въ то время, какъ уменьшеніе или увеличеніе глубины вспашки достигается въ русской сохѣ опусканіемъ и подниманіемъ черезесѣдельника (т. е. обжей), въ вотской сохѣ это производится измѣненіемъ величины угла, образуемаго разсохой и обжами; величина угла регулируется крестообразною вязью или распоркой (*сирпѣ*), подвижно укрѣпленной къ срединѣ разсохи, а верхнимъ концомъ привязанной ремнями къ поперечинѣ, скрѣпляющей обжи. Поперечина эта ходить въ выемкѣ, продолбленной въ обжахъ, и зажата въ этой выемкѣ клиньями. Если клинья вставить спереди поперечины, то распорка подвинется ближе къ рогалю, и разсоха образуетъ большій уголь; если же клинья вставлены будуть позади поперечины, то уголь получится меныше. При маломъ углѣ будетъ мелкая пахота, при большомъ—глубокая.

Вотская соха очень легка на ходу, и управлять ею можетъ прямо ребенокъ, однако она непригодна для глубокой пашни, и съ нею трудно поворачиваться. Но она вѣситъ много-много 2 п. а русскую соху развѣ изрѣдка встрѣтишь въ $3\frac{1}{2}$, пуда, чаще

же большаго вѣса. Лошадь идетъ съ вотской сохой играючи, а русская соха ее быстро утомляетъ.

Гдѣ много лѣсу (*нюлэс*), тамъ вотяки совсѣмъ его не берегутъ; это—общее правило. Но гдѣ онъ значительно поубавился, тамъ вотяки начинаютъ задумываться и принимаютъ мѣры. Прежде всего составляется приговоръ, по коему назначается полѣсовщикъ и самовольная рубка штрафуется по рублю съ вершка (берется диаметръ въ вершинѣ бревна), а вырубленныя деревья продаются съ торговъ. Для члена своей общины эта кара смягчается штрафомъ до $\frac{1}{4}$ ведра водки. Обыкновенно рубка лѣса и заготовка дровъ совершаются въ вотской общинѣ въ февралѣ и началѣ марта. Количество бревенъ опредѣляется числомъ душъ, а дрова—извѣстнымъ разсчетомъ топлива на печь (примѣрно, сажени $1\frac{1}{2}$ на мѣсяцъ). Пробовали кой-гдѣ вотяки дѣлить лѣсъ на подворные участки, причемъ никто послѣ раздѣла не вмѣшивался въ дѣйствія отдѣльного хозяина. Но результаты получались плачевые: бѣднота вырубила весь строевой и дровянной лѣсъ на продажу, а потомъ потребовала черезъ 15 лѣтъ передѣла лѣсной площади. Иной за это время выростилъ у себя чудный лѣсъ, а теперь долженъ былъ отдать его задаромъ тому, кому выпадетъ шальной жеребій. Догадливые принялись теперь ростить лѣсъ на своихъ полосахъ, и успѣли въ этомъ, но всякий разъ когда заслушать о передѣлахъ полей, склонно рубить лучшія деревья. Тѣмъ не менѣе картина хлѣбныхъ полей много выигрываетъ отъ подобныхъ перелѣсковъ, растущихъ то на межахъ, то поперекъ полосы. Пріятно пройтись по такимъ полямъ: сохрания на поляхъ влагу, деревья служатъ для работающихъ мѣстомъ отдыха во время страды; скотъ спасается здѣсь въ жгучій полдень, а въ лощинахъ и оврагахъ лѣсъ поддерживаетъ многочисленные ключи свѣжей родниковой воды. Здѣсь же юится и дикая птица.

Тамъ, гдѣ лѣсъ сведенъ весь, до сихъ поръ кой-гдѣ уцѣлѣли бортевые деревья—вѣковыя сосны, липы и дубы, считающіеся собственностью владѣльца борти, который снабжаетъ дерево своею тамгой. Цѣлы еще луды—священные рощи, частныя и общественные, которыя свято оберегаются. Самая величественная такая роща бадзым-луд (или *курисъжон*) находится на земляхъ дер. Старой Южы. Къ святилищу, окруженному шестиугольной загородкой, ведеть грандіозная аллея изъ вѣковыхъ сосенъ, дубовъ,

лишь, а въ прилегающемъ оврагѣ растуть толстыя дикія яблони. Ничего подобнаго по величинѣ я не видѣлъ среди молитвенныхъ рощъ вотяковъ. Это—первоklassная святыня вотяковъ Казанской и западной части Вятской губ.; здѣсь совершаются каждые три года торжественное жертвоприношеніе *Салтѣн-дис'у*, состоящее изъ коровы, овцы и пары лебедей.

Остановимся еще на одной самобытной чертѣ, свойственной инородческимъ общинамъ, а въ частности—вотской общинѣ: на раскладкѣ сборовъ по языческимъ моленіямъ. Всякій членъ общины исполняетъ (кромѣ податей) натуральныя повинности: 1) очередныя подводы для разпаго начальства, 2) исправленіе дорогъ и мостовъ, 3) ночной обходъ, 4) дрова для церкви, 5) очередная квартира для проходящихъ, 6) служба по выбору, 7) исправленіе полевой изгороди; но несется еще специально языческая повинность: а) по содержанію общественнаго (родового) шалаша (*бадзым-квайл*) и б) по пріобрѣтенію всего нужнаго для жертвоприношеній. Шалашъ чинится и перестраивается на общий счетъ, имѣеть пожизненнаго блюстителя (*утысь*) и жреца (*восъсь*), преимущественно изъ потомковъ тѣхъ, кто основалъ шалашъ. Всѣ пользующіеся надѣломъ *обязаны* участвовать въ расходахъ на пріобрѣтеніе животныхъ для жертвоприношенія, совершаемаго по обычаямъ предковъ. Смѣта на этотъ предметъ въ важныхъ случаяхъ достигаетъ внушительныхъ размѣровъ. Положимъ, что, по заведенному изстари порядку, въ жертвоприношениі участвуютъ три деревни, съ общимъ числомъ въ 235 душъ, и допустимъ, что въ жертву нужно принести:

1 корову, цѣною въ	15 р. — к.
Пару гусей.	1 " 20 "
Пару утокъ	— " 50 "
Ярку или барана	3 " — "
<u>Итого скота на . . . 19 р. 70 к.</u>	

Всякаго рода печенія нужно на	5 р. — к.
Воску для свѣчъ	3 " — "
Меду для сыты	1 " — "
Кумышки изъ 3 пуд. муки	1 " 50 "
Водки $\frac{1}{2}$ ведра	3 " 50 "
<u>Итого припасовъ на . . . 14 р. — к.</u>	

Всего 19 р. 70 коп. + 14 р. = 33 р. 70 коп., т.-е. на 1 душу по $\frac{3370}{235} = 14\frac{1}{2}$ коп. Труды по изготавлениі напитковъ (кумышки и сыты), по печенію хлѣба и пироговъ въ счетъ обыкновенно не ставятся.

Это—при маломъ моленіи, а при большомъ раскладка достигаетъ болѣе крупныхъ цифръ.

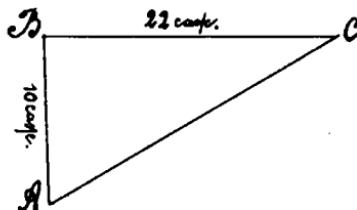
Деньги сбираются обыкновенно въ круглой суммѣ—по 15 коп., не по $14\frac{1}{2}$. У кого нѣть денегъ, тотъ даетъ мукой нѣсколько фунтовъ, сообразно базарной цѣнѣ; даютъ льномъ, овсомъ—чѣмъ придется. Собираютъ все это деревенскіе десятники или особенные выборные, которые потомъ продаютъ весь сборъ на базарѣ, иногда выше оцѣнки; тогда излишекъ поступаетъ въ ихъ пользу. Вотъ подобныхъ-то сборщиковъ у черемисъ на жертвенные надобности исправникъ *Фененко* и называлъ коштанами, симѣшавъ при томъ главного коштана съ верховнымъ жрецомъ, но вѣрно указавъ его мѣстожительство (Вятская губернія). Подобные сборы на жертвоприношенія совершаются 6 разъ въ годъ, т.-е. на душу падаетъ до рубля расходовъ на религіозныя языческія нужды. Въ этотъ же фондъ идутъ штрафныя депыги, взыскиваемыя съ отдельныхъ лицъ за разныя правонарушенія.

Любопытно общинное пользованіе водой, где нѣть рѣки. Мне пришлось встрѣтить только одну такую деревню — *Студеный Ключъ* въ 18 дворовъ, расположенную на горѣ, нѣкогда покрытой густымъ лѣсомъ, а теперь существующимъ въ жалкихъ остаткахъ. Воды прежде было много, а теперь меньше. Поэтому вотяки озабочились прежде всего опредѣлить суточный притокъ воды, измѣряя его съ помощью большой колоды (изъ нѣльзяго ствола сосны), вмѣщающей 50 ведеръ. Лѣтомъ такая колода наполняется въ сутки 6 разъ, зимой—только 4 раза, а въ морозы—и того меньше. Излишекъ воды стекаетъ изъ колоды въ большой срубъ и образуетъ запасной резервуаръ. Къ зимней нормѣ вотяки и приспособили свои водяныя потребности. Весь зимній суточный притокъ воды (200 ведеръ) они дѣлаютъ ежедневно такимъ образомъ: 1) для утренняго и вечерняго водопоя 100 ведеръ, 2) на приготовленіе кушанья—50 ведеръ, 3) на стирку бѣлля и баяю—50 ведеръ, итого 200 ведеръ на 18 дворовъ, т.-е. на дворъ 11 съ небольшимъ ведеръ. Порядокъ пользованія таковъ: а) утромъ поять

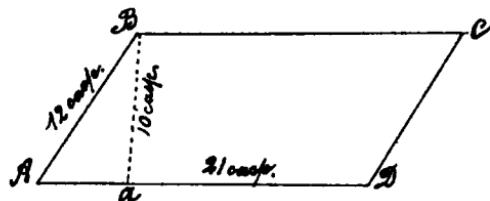
крупную и мелкую скотину (часовъ около 3 утра лѣтомъ и часовъ въ 5 зимой); b) часовъ въ 9 утра берутъ на разпяя хозяйственные надобности по кухнѣ; с) послѣ полудня берутъ воду для стирки и бани и d) часовъ около 5 вечера, а зимой немногого раньше (въ 4)—второй водопой скота. На недостатокъ воды не жалуются вообще, только зимой въ морозы случается недохватъ, да иногда у бабъ возникаютъ потасовки изъ-за очереди. Все-таки приходится быть разсчетливымъ и въ количествѣ употребляемой воды, и въ срокахъ пользованія ею на мѣстѣ для пойла и стирки бѣлья. Послѣдняя совершается въ той же большой колодѣ, изъ которой пить и скотъ.

Подобный же общинный характеръ носитъ пользованіе мельницей въ селѣ *Оштормо-Юмъя*, выстроенной сообща 3 деревнями: с. Оштормо-Юмъя, Студеный Ключъ и Старая Юмъя. При построении на каждую душу было положено по 3 бревна; балки, жернова и желѣзо купили на мірскія суммы и потомъ расходъ верстали по душамъ. Строили сами, опытному руководителю (уставщику) платили по 1 руб. въ день. Такъ какъ мельница стоитъ на землѣ с. Оштормо-Юмъи, а рѣчка *Батыка-шур* течетъ только по владѣніямъ села О.-Ю., не задѣвая полей Студенаго Ключа и Старой Юмъи, то за это ошторминцы взяли себѣ для помола первые 15 дней въ мѣсяцѣ, староюмъянцамъ дали 12 дней слѣдующихъ и 3 остальныхъ дня—студеноключинцамъ. Всѣ должны смолоть свой хлѣбъ въ очередные дни, которые заблаговременно разверстываются среди домохозяевъ по селеніямъ на кенешѣ (сходка). Пропустившій очередь не въ правѣ претендовать и долженъ ждать цѣлый мѣсяцъ. На самой мельницѣ на видномъ мѣстѣ висятъ бирки (липовая палки) для каждой деревни: на биркахъ вырѣзаны тамги домохозяевъ въ порядкѣ очереди, предоставленной каждому на сходкѣ, а подъ тамгами черточками отмѣчено число душъ. Мельникъ строго слѣдитъ за очередями; обыкновенно онъ—чужой человѣкъ, получающій опредѣленное жалованье—30 ф. муки въ день изъ общаго лопаточного съ мѣшковъ сбора (4 ф.). Мельникъ состоить на отчетѣ, и за всякую провинность можетъ быть оштрафованъ водкой, а то и уволенъ, хотя вообще поймать его въ плутняхъ нелегко. Сутки на мельницѣ разбиваются на 8 очередей, по 3 часа каждая. Душевой пай зерна долженъ быть смолоть на одномъ жерновѣ въ часть, а на 3 души—въ тѣ-

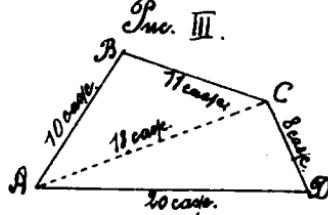
Pic. I.

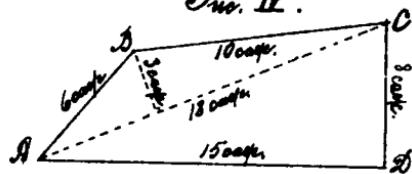
Pic. II.

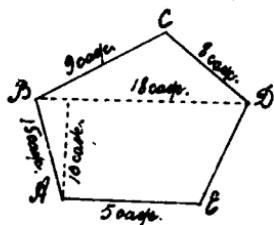
Pic. III.

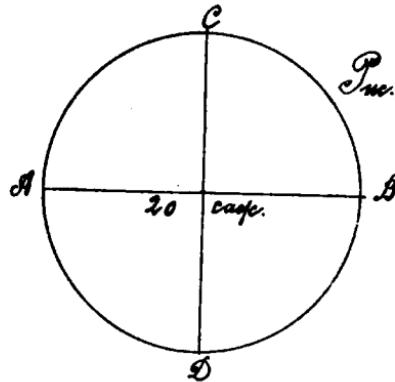
Pic. IV.

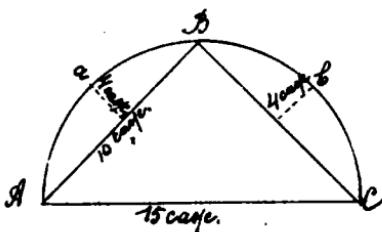
Pic. V.

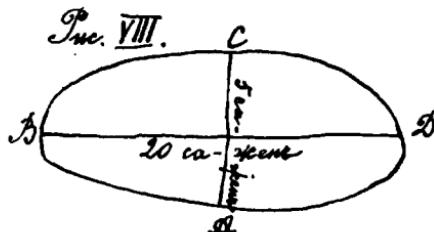
Pic. VI.

Pic. VII.

Pic. VIII.

ченіе 3-часовой очереди; затѣмъ наступаетъ другая очередь, которую можно купить, вообще—получить по соглашенію. Пайщики мелютъ по $\frac{1}{2}$ к. съ пуда, а посторонніе платятъ съ куля по лопаткѣ (4 ф.), т.-е. по $1\frac{1}{2}$ коп. съ пуда. Сборная мука дѣлится потомъ между деревнями по душамъ, продается на базарѣ, а деньги идутъ на мірскія нужды.

Этимъ я позволю себѣ закончить. Сознаю, что я не сказалъ не только того, что могъ бы, но и что долженъ былъ сказать о вотской общинѣ: напр., я совсѣмъ не говорилъ о семейныхъ раздѣлахъ и о дробленіи усадебъ при нихъ, не даль описанія типовъ домохозяйства у вотяковъ (богатый, достаточный, маломощный и бѣдный); не говорилъ о женскомъ вдовьемъ хозяйствѣ и о значеніи приданаго при семейныхъ раздѣлахъ. Обо всемъ этомъ поговорю когда-нибудь въ другой разъ.

С. Н. Кузнецовъ.

Что такое Овсень?

Послѣдними о празднике въ честь Овсени писали акад. Веселовскій (1883 г.), Потебня (1887), проф. Владимировъ (1896) и г. Аничковъ (1903). А. Н. Веселовскій (Разысканія въ области русского духовнаго стиха, VI—X, стр. 107), указывая на то, что названію „авсень“ было предложено нѣсколько объясненій, склоняется къ тому изъ нихъ, которое опиралось на обычай снять изъ рукава или мѣшка зерна различныхъ хлѣбныхъ растеній. Самое слово „усень“ (овсень, баусень, таусень и т. п., разнообразіе формъ г. Веселовскій объясняетъ образованіемъ ихъ изъ пѣсенного припѣва: да-ту-усень) авторъ производить отъ корня *съ*: снять, сравнивая форму усень съ причастіемъ сѣнъ. Далѣе (стр. 110) г. Веселовскій замѣчаетъ, что пока остается не разъясненнымъ отношеніе великорусского Усения къ латышскому *Ushing*, котораго свидѣтельства начала XVII в. называютъ богомъ, покровителемъ коней, а пѣсни сближаютъ съ св. Георгіемъ.

Потебня (Объясненія малорусскихъ и среднихъ народныхъ пѣсень, II, 37 и слѣд.) прежде всего, на основаніи грамоты XVII в., где встрѣчаются формы: *овсень*, род. п. *овсены*, *усень* и *таусень*, а также пѣсенныхъ позднѣйшихъ записей, рѣшаетъ, что это слово муж. рода. Далѣе онъ объясняетъ варианты пѣсенныхъ припѣвовъ: *таусень* = частица *ta* + *усень*; *тосень* = „гой усень“; съ объясненіемъ различныхъ формъ этого слова изъ пѣсенного припѣва да-ту-усень (акад. Веселовскаго) Потебня не соглашается; формы *баузень*, *ти́тусень* и *тусень* представляются ему наиболѣе загадочными, и онъ ограничивается предположеніемъ, что въ составъ второй формы входить частица *ти* (*хат*), а третья образовалась изъ та-усень. Относительно формы *овсень* Потебня говорить слѣдующее: „*овсень*, въ которомъ, если вѣрно

сближеніе съ лит. *ausz-ti* и пр., въ не можетъ быть отѣлено отъ съ глухимъ звукомъ (лит. *ausz* должно бы соответствовать *ус*), образовался изъ „ой усень“ или „о усень“. Даље Потебня отрицаеть высказанное впервые Снегиревымъ и затѣмъ принятое Терещенко, Калинскимъ и А. Н. Веселовскимъ сближеніе формы „овсень“ съ сѣньемъ овса или обсѣваніемъ вообще какими-либо хлѣбными зернами. Ни въ одномъ описаніи святочного обряда, сопровождаемаго овсеневыми пѣснями, не упоминается объ обсыпаніи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи и Малороссіи совершается обрядъ обсыпанья, но онъ отличенъ отъ колядованія и щедрованія и съ великорусскимъ обрядомъ въ честь Овсения не имѣть ничего общаго. Доказавши такимъ образомъ неправильность объясненія слова „овсень“ въ связи со словами „овесь“ и „сѣять“, Потебня, лишь съ небольшими измѣненіями, приводить свою этимологію этого слова, высказанную еще въ 1865 г. „За основную форму, говорить онъ, принимаю *ус-ен-ь*, съ суфф. какъ въ *треб-ен-ь*, *шыришень*, означающимъ производителя илиносителя (снабженного тѣмъ-то)... Слав. *у* правильно соотвѣтствуетъ литовско-латышскому *ai*; слав. *с* = лат. ¹⁾ *s* или литов. *š* (*sz*). Этимъ устанавливается сближеніе *ус* въ *уеень* съ лит. *ausz*, лат. *aus*“. Приведенный Потебнией литовскія и латышскія слова отъ этого корня означаютъ понятія: разсвѣтъ, утренняя заря, восточный вѣтеръ. Кромѣ того, онъ приводить другія слова того же корня: слав. *утро*, верхне-лужицкое название Пасхи, какъ весеннаго праздника, *jutry* (множ. ч.); латинск. *augetum* (золото); латинское, греческое,zendское и санскритское названія, означающія утро, утреннюю зарю и божество зари.

Объяснивъ такимъ образомъ слово *усень*, Потебня продолжаетъ: „Сближая по корню *усень* съ *утро* и *auszra* (утр. заря), трудно не вспомнить началъ колядокъ съ восхода солнца..., въ связи съ чѣмъ находится обычный припѣвъ колядокъ „ой, рано!“ Здѣсь Потебня отвлекается всторону отъ овсеневыхъ пѣсень и „безъ достаточныхъ оснований“ устанавливаетъ ассоціацію великорусского святочного обряда съ малорусскими колядами, въ чемъ онъ самъ же обвинялъ своихъ предшественниковъ (стр. 38). Но далѣе Потебня дѣлаетъ цѣнныя указанія. Связь утра, раз-

¹⁾ Въ подлинн. опечатка: „лит“; нужно было бы „лот.“ (латышскому).

свѣта и весны въ литовскихъ словахъ, образованныхъ отъ корня *aizg*, заставляетъ его признать вѣроятнымъ, что „*усенъ* могъ имѣть отношеніе къ весеннимъ праздникамъ и что имени этого нельзя отдѣлить отъ латышск. *usīns* (богъ пчель) и *usīnī* (мн. ч. день св. Георгія). Далѣе Потебня приводитъ указаніе г. Веселовскаго на „*Ушиня*“, покровителя коней, и заканчиваетъ свои замѣчанія слѣдующими соображеніями. „При сближеніи *усенъ* съ *usīns*, соответствіе русск. *у* латышскому *и* (а не *ai*) могло бы повести къ предположенію заимствованія, которое, однако, могло произойти лишь очень давно, когда смыслъ русск. слова былъ яснѣе“ (стр. 45).

Проф. Владимировъ (Введеніе въ исторію русской словесности, стр. 78) не много прибавилъ къ прежнимъ объясненіямъ овсеневыхъ пѣсень. Онъ замѣчаетъ, что „*tausenъ* представляетъ соединеніе *taij usenъ*“, но не объясняетъ, что такое частица *taij*. Повторяя сближенія Потебни и прибавляя къ нимъ указаніе на книгу Вольтера „Матеріалы для этнографіи латышскаго племени“, 1890 г., онъ признаетъ, что они „даютъ указаніе на свѣтовое значеніе *Усеня*“. Но онъ соглашается и съ производствомъ этого слова отъ корня *съ*. „Въ виду (?) сербскихъ овесъ, овсеница, овсикъ, овсень—русское *овсено*, дѣйствительно, стоить въ связи съ обрядомъ сѣять хлѣбныя зерна при пѣніи овсеневыхъ пѣсень на Васильевъ вечеръ, а *усенъ*—съ свѣтовымъ значеніемъ утраченного названія языческаго божества, отъ которого остался такой же эпитетъ *усенъ*, какъ ярило, кострома, кострубоинка и проч.“. Такимъ образомъ, г. Владимировъ попалъ назадъ въ сравненіи съ мнѣніями Потебни, который доказалъ, что обсыпаніе зернами не имѣть никакого отношенія къ овсеневому обряду.

Теперь мнѣ слѣдовало бы перейти къ характеристики взгляда на овсеневый обрядъ, высказанныхъ въ недавно появившейся работе г. Аничкова, но предварительно необходимо указать на старую, ненаучную по методу работы, книгу Фаминицына „Божества древнихъ славянъ“ (Спб. 1884), въ виду того, что г. Аничковъ пользуется сгруппированными здѣсь фактами (стр. 115—116, 248—253). Приведя рядъ овсеневыхъ пѣсень, Фаминицынъ сравниваетъ ихъ съ латышскими пѣснями, которая посвящены Усиню и поются въ день св. Георгія, 23 апрѣля. По пѣснямъ Усиню полагается самое почетное мѣсто за столомъ; онъ прино-

сить зелень на луга, кормить коней; онъ раскладываетъ большой костеръ, чтобы согрѣть міръ; онъ навѣщаетъ своихъ дѣтей разъ въ годъ; у него двое сыновей-ровесниковъ съ красными головами: когда люди работаютъ (въ полѣ), странствуетъ старшій; когда люди спятъ (или стерегутъ лошадей въ ночномъ), странствуетъ младшій; въ жертву Усиню приносятъ яицъ или пѣтуха, чтобы онъ холилъ коней и чтобы росъ хлѣбъ.

Кромѣ того, Фаминцынъ приводитъ описание обрядовъ, исполнявшихся до послѣдняго времени у латышей 23 апрѣля. Обряды эти состояли въ томъ, что утромъ въ конюшнѣ рѣзали пѣтуха, кровью его крошили дверной косякъ и овесъ, лежавшій въ ясляхъ; мясо варили и съѣдали. Вечеромъ этого дня въ первый разъ выгоняли лошадей въ ночное, тамъ зажигали огонь и ъли яипа, по которымъ гадали объ участіи лошадей. За ужиномъ хозяинъ произносилъ слѣдующія слова: „Пусть дѣшка Усинъ защититъ нашихъ коней и охранитъ ихъ отъ всякаго несчастія, отъ волковъ, болѣзней“ и пр. Объ отношеніи латышскаго обряда къ св. Георгію, въ день котораго, 23 апрѣля, онъ исполняется, Фаминцынъ говоритъ слѣдующее: „Главный Усиневъ праздникъ совпадаетъ съ главнѣйшимъ сельскимъ весеннимъ праздникомъ—св. Георгія, съ котораго начинается новый годъ сельско-хозяйственный. Св. Георгій же замѣнилъ въ христіанствѣ божество преимущественно весеннаго солнца. Характеристическую общую обоимъ черту составляетъ то, что оба они—и Усинъ, и св. Георгій—всадники“. Объяснивши этимологически слово „усинъ“ такъ же, какъ Потебня, Фаминцынъ прибавляетъ: „Слово Усинъ встрѣчается уже въ Изборникѣ Святослава (1073 г.): „Ахатис акы ѧсины (вместо „оусинъ“) есть“, т.-е. агатъ подобенъ усиню“ (стр. 252).

Обратимся ко взглядуамъ, высказаннымъ г. Аничковымъ (Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Ч. I. Отъ обряда къ пѣснѣ. Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. Акад. Наукъ. Т. LXXIV, № 2. Стр. 312—316). Указавъ на то, что толкованіе Усина, какъ языческаго бога, восходитъ къ XVII в., когда іезуиты называли Ушиня богомъ коней и передавали, что ему литовцы приносили въ жертву хлѣбъ и кусочки жира, которые они бросали въ огонь,—г. Аничковъ продолжаетъ: „Мнѣ кажется, однако, что достаточно внимательно прочесть пѣсни объ Усинѣ,

чтобы разъ навсегда оставить подобныя воззрѣнія. Мне хотѣлось бы подчеркнуть его чисто обрядовое значеніе... Если поставить пѣсни о немъ въ параллель съ замѣчаніями волочебныхъ пѣсенъ о св. Георгіи и Николаѣ, нельзя не прійти къ заключенію, что Усинъ есть чисто обрядовая фигура и, какъ большинство изъ нихъ, ничто иное, какъ олицетвореніе праздника: дѣйствительно, Усинъ въ пѣсняхъ дѣлаетъ то же самое, что каждый „праздничекъ“: онъ либо приносить съ собою известное благо и доставляетъ хозяину ту идеальную выгоду, которую онъ ждетъ себѣ съ наступленіемъ данного праздника, либо самъ совершасть обрядовое дѣйствіе, назначенное на этотъ день“.

Далѣе г. Аничковъ приводить нѣсколько пѣсенъ, которыя, по его мнѣнію, или имѣютъ календарное значеніе, или изображаютъ такія дѣйствія Усина (Юсения), которыя соотвѣтствуютъ обрядовымъ дѣйствіямъ, совершааемымъ въ дѣйствительности. Въ пѣснѣ о двухъ сыновьяхъ Усина съ красными головами онъ не видѣть ничего миѳического: „Появление сыновей Усина, говорить онъ, настѣнно, конечно, удивить не можетъ: это—обычное въ пѣсенному стилѣ усугубленіе образовъ; пѣсни поютъ и о матери св. Георгія, и о дочеряхъ Купалочки и весны“.

Затѣмъ г. Аничковъ высказываетъ мысль, что слово усинъ—не что иное, какъ эпитетъ св. Георгія. Пѣсня изображаетъ Усина въ видѣ воина въ бронѣ, на каменнообразномъ (камнеобразномъ?) конѣ, какъ изображается на иконахъ св. Георгія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ вмѣсто Усина упоминается св. Георгій:

«Пусть святой Юрій пасеть лошадей
И въ годъ выкорить ихъ круглыми».

Огюда авторъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Усинъ такимъ образомъ есть латышское название для св. Георгія, а вовсе не имя древняго языческаго бога, „аттрибуты котораго перешли на св. Георгія“. Заемствую у Фаминицына опредѣленіе агата въ Изборникѣ Святослава (при чёмъ допуская опечатку: юсинъ—вмѣсто юсина), г. Аничковъ пытается изъ этого опредѣленія вывести подтвержденіе своей мысли объ отношеніи Усина къ Георгію: „Въ видѣ опредѣленія драгоценнаго камня, говоритъ онъ, это слово не можетъ имѣть другого значенія, какъ чего-то

въ родѣ: свѣтлый, блестящій, и тутъ невольно вспоминается эпитетъ св. Георгія „свѣтлохрабрый“ и описание его, соотвѣтствующее его изображенію на иконахъ:

По колѣнъ ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локотѣ руки въ красномъ золотѣ,
Голова его вся жемчужная.

На отвошениі латышскаго обряда къ великорусскимъ овсеневымъ пѣснямъ авторъ не останавливается. Онъ признаетъ, что Авсень—русская форма латышскаго Усена, и указываетъ на то, что въ зимнихъ обрядахъ часто можно встрѣтить черты чисто-весеннихъ обрядовъ. Относительно смысла великорусского обряда авторъ выражается крайне неопределенно: „Если Ушинъ есть эпитетъ св. Георгія у латышей, у русскихъ Авсень могъ быть наименованіемъ другого такого же свѣтлаго и радостнаго обрядового представленія“.

Вотъ какіе взгляды высказаны были на разбираемые обряды. Главные выводы изъ указанныхъ статей сводятся къ слѣдующимъ пяти положеніямъ: 1) великорусскій овсеневый обрядъ въ основѣ своей—весенний (Потебня, Аничковъ); 2) слово *овсень* представляетъ собою эпитетъ (Владиміровъ, Аничковъ); 3) слово это—мужескаго рода (Потебня); 4) можно думать, что оно заимствовано латышами у русскихъ (Потебня); 5) въ латышскихъ представленіяхъ обѣ усинѣ нѣть ничего миѳического (Аничковъ).

Такъ какъ всѣ эти положенія были высказаны не съ полною очевидностью и только нѣкоторыми изъ указанныхъ мною авторовъ, я считаю не лишнимъ привести нѣсколько фактовъ, которые помогутъ выяснить смыслъ латышскаго и русскаго обрядовъ.

Что овсеневый обрядъ первоначально, дѣйствительно, былъ весеннимъ, на это прямо указываютъ многія овсеневые пѣсни, поющіяся теперь, какъ извѣстно, наканунѣ Васильева дня. Такъ, начало одной пѣсни указываетъ на то, что она пѣлась нѣкогда во время весенн资料的 половодья:

Широко Волга разливалася,
Круты бережки упималися

(т.-е. понималися; отсюда выраженіе „поѣмные луга“)¹⁾.

¹⁾ Саратовск. губ. М. Е. Соколовъ, Былины, историч. военные и др. пѣсни. Петровскъ. 1896. Стр. 8.

Нѣсколько пѣсень указываютъ прямо на то, что онъ прежде были пріурочены ко времени посѣва мака и пшеницы:

Посѣю ль я маку
Цѣлу десятину.
Таусень!

Кому макъ полоти?
Таусень!

Одна дѣвушка умненька:
Маковки не сорветъ.
Таусень! ^{1).}

Въ пѣснѣ, записанной въ Рязанской губерніи въ различныхъ вариантахъ, передается разговоръ между тѣми, которые поютъ пѣсню, и тѣми, къ кому они съ нею обращаются:

«Дома ли хозяинъ?»
— Его дома нѣту:
Онъ уѣхалъ въ поле
Пашеницу сѣять.—

«Сѣяся, сѣяся, пашеница,
Колосъ колосистый
Зерно зернисто.» ^{2).}

Послѣднее пожеланіе урожая варьируется такъ:

Зароди (v. дай) ему Богъ
Изъ полна зерна пирогъ ^{3).}

Подобнымъ пожеланіемъ заканчивается и овсеневая пѣсня изъ Тульской губерніи:

Ужъ дай тебѣ Богъ,
Зароди тебѣ Господь,

Чтобы рожь родиласъ,
На гумно свалиласъ ^{4).}

Очень сходныя пѣсни поются весною, и тогда онъ имѣютъ вполне определенный календарный смыслъ. На приведенную выше пѣсню о сѣяніи мака очень похожа весеняка Смоленск. губ.: свекоръ ходить по огороду, сѣть коноплю, а мнѣ ея не

¹⁾ Нижегородск. губ. Нижегородскій сборникъ, изд. Статистич. Комитета подъ ред. Гацкаго, т. II. 1869. Стр. 357.

²⁾ 35 пѣсень русского народа, изъ собранныхъ въ 1894—5 гг. Некрасовымъ и Истоминымъ. Переложилъ А. Лидовъ. № 4 (Скопинскаго уѣзда).

³⁾ См. приложение № 1; Шейнъ, Великоруссы въ своихъ пѣсняхъ и проч. I, 308, № 1040 (Зарайск. у.). Болѣе правильное выраженіе — въ количествѣ пѣснѣ. Тверской губ.: „А дай Богъ тому... Изъ полузерна пирогъ“ (тамъ же, № 1032). Во всѣхъ подобныхъ пожеланіяхъ на первомъ планѣ стоять гиперболизмъ. То же — въ семицкой пѣснѣ: Аничковъ, 354.

⁴⁾ Шейнъ, № 1041. Тоже самое мы видимъ въ пѣсняхъ Владим. губерніи. Труды Этнogr. Отд. IV, 72, № 6, 74.

брать¹⁾). Очень много великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малор. весеннихъ пѣсень, въ которыхъ выражается положенія урожая. Таковы троицкія пѣсни, приводимыя въ книгѣ г. Аничкова (стр. 353—354, 360). Можно еще привести великор. весняку Смол. губ.:

Зароди, Боже, жито густое,
Колосистое, ядренистое²⁾.

Подобная троицкая пѣсня записана во Владим. губ.:

Уродися на лѣто рожь съ овсомъ,
Со дикушей³⁾, со пшеницею⁴⁾.

Такія же пожеланія высказываются въ бѣлор. волочобной пѣснѣ (поются въ первый день Пасхи):

Роди, Божа, жито, жито и пшаницу,
Жито и пшаницу, усякаю пашницу⁵⁾,
Колосомъ колосисто, ядромъ ядристо...
Съ одного колоса бочка жита!⁶⁾

Въ другой волочобной пѣснѣ⁷⁾ говорится о томъ, что хозяинъ дома посыпалъ жито, потомъ поѣхалъ въ поле и увидѣлъ хороший урожай. Пожеланія волочобниковъ повторяются въ троицкой пѣснѣ:

Посью жито и ярову пшеницу:
Уроды, Боже, усяку пашницу!

Или, иначе:

Посiemъ жито, да нехай зародитца, Ище къ тому й ядрыстae⁸⁾.
И густее, колосистee,

Обратимъ вниманіе на то, что подобныя пожеланія урожая встречаются въ пѣсняхъ, поющихъся специально въ Юрьевъ день.

¹⁾ Шейнъ, Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ... I, 337.

²⁾ Тамъ же, 338, № 1179.

³⁾ Съ гречихой.

⁴⁾ Тамъ же, 359, № 1235.

⁵⁾ Хлѣбный злакъ.

⁶⁾ Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, 2; ср. 6.

⁷⁾ Тамъ же, 5, № 4.

⁸⁾ Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пипчуковъ, 50—51, №№ 332, 334.

Таковы болгарскаго и бѣлор. пѣсни, приведенные у г. Аничкова (стр. 339, 311). Можно еще указать извѣстную великокр. пѣсню, которую пѣли въ день св. Георгія, обходя засѣяннаго поля:

Юрій, вставай рано,	На буйное жито,
Отмыкай землю,	На ядренистое,
Выпускай росу—	На колосистое;—
На теплое жито,	

а также почти тождественную бѣлор. пѣсню:

Юрью святы, жито радзи!	Юрью святы, жито радзи! ¹⁾
А замкни травицу,	Зъ высподу сѣблисто,
А выпускь расицу;	Зъ верху колосисто ^{2).}

Замѣчательно, что почти того же содержанія — латышскія пѣсни обѣ Усинѣ, поющіяся въ день св. Георгія. Напримѣрь,

а) Усень—

Припѣсь деревьямъ листья, б) Я зарѣзахъ Усиню пѣтуха...
А землицѣ—зеленую траву. Чтобы росла рожь, рось ячмень ^{3).}

Наконецъ, тѣ же выраженія мы встрѣчаемъ въ литовской молитвѣ Богу Пергребію, которую читали еще въ XVI вѣкѣ въ тотъ же день св. Георгія: „Ты прогоняешь зиму, ты зеленишь поля и сады, покрываешь листвою рощи и лѣса; мы просимъ тебя, умножай хлѣбъ нашъ... чтобы онъ рось колосисто“ ^{2).}

Изъ этихъ сопоставленій видно, что латышскій обрядъ лучше сохранилъ смыслъ праздника наступленія весны. Великорусскій обрядъ обхожденія засѣяннаго поля въ день св. Георгія имѣть тотъ же смыслъ; но внослѣдствіи часть этого обряда была перенесена на 31-ое декабря. Теперь является вопросъ, каковы были основанія для такого перенесенія?

Высказывая мнѣніе, что слово Усинъ представляеть собою эпитетъ, прилагаемый къ св. Георгію, г. Аничковъ ссылается на опредѣленіе камня агата въ Изборникѣ кн. Святослава. Къ сожалѣнію, г. Аничковъ не потрудился заглянуть въ словарь старо-славянскаго языка; онъ бы узналъ, что слово *уисинъ*

¹⁾ Припѣсь повторяется.

²⁾ Тамъ же, 150, № 12.

³⁾ Аничковъ, I. c.

имѣеть вполне определенное значение: это—не что иное, какъ соединеніе слова *синій* съ частицей *у*. Эту частицу Буслаевъ въ своей „Исторической хрестоматіи“ (М. 1861, стр. 277) считалъ особой огласовкой предлога *въ*; впослѣдствіи (Русская хрестоматія, 9) онъ толковалъ *оу*, какъ частицу, означающую ослабленіе или уменьшеніе качества. Миклошичъ въ своемъ словарѣ¹⁾ признаетъ, что *оу* соединялось съ прилагательными для обозначенія уменьшительности, но оговаривается: „мы пишемъ *оу*, хотя, нужно сознаться, могутъ быть сомнѣнія въ правильности такого написанія, такъ какъ въ рукописяхъ, сохранившихъ различіе между *ж* и *оу*, не имѣется ни одного изъ этихъ прилагательныхъ“. Но нужно при этомъ замѣтить, что *ж* вместо *оу* встрѣчается только въ Изборникѣ 1073 г., да и тамъ не во всѣхъ случаяхъ.

Итакъ, слово *оусинъ* можно перевести „синеватый“; но является вопросъ: какой цвѣтъ разумѣли наши предки подъ словомъ *синій*? Миклошичъ въ своемъ словарѣ указываетъ три значенія этого слова: темный, темносиній и темнокрасный. У русскихъ, повидимому, преобладало послѣднее значеніе; это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Въ словѣ о полку Игоревѣ Святославъ видитъ во снѣ „синее вино“; какъ символъ крови, это, конечно,—красное вино²⁾). Въ Русской Правдѣ и въ смоленской грамотѣ 1229 г. слово *синъ* употреблено въ смыслѣ „имѣющій кровоподтекъ, синякъ“: „Аще придетъ кровавъ мужъ на дворъ или синъ... „Кто биеть друга дѣревъмъ, а будеть синъ любо кровавъ“...³⁾)

Въ словарѣ Шамвы Берынды, составленномъ въ XVII в. въ юго-зап. Россіи (Кievъ 1627) слово *синета* объяснено какъ темнокрасный цвѣтъ. Если *синъ* обозначало темнокрасный цвѣтъ, то *усинъ* должно было обозначать цвѣтъ просто красный. Но слово *синъ* иногда употреблялось въ значеніи „свѣтлый“, „яркий“: въ Словѣ о полку Игоревѣ синими названы молніи; слѣд. форма

¹⁾ Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-glaeso-latinum, 1029.

²⁾ Ср. эпитетъ въ малоросс. колядкѣ „червоне вино“: Потебня, Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень, II, 459. Повѣсть временныхъ лѣтъ, подъ 1064 г. „звѣзда бѣ аки кровава, проиляющи крови пролитье“.

³⁾ Буслаевъ, Историческая хрестоматія, 394, 351.

усинъ должна была обозначать также „свѣтлѣющій“, „не совсѣмъ яркій“¹⁾.

Теперь является вопросъ: почему слово со значеніемъ красный, свѣтлѣющій, вошло въ весеннюю обрядность, какъ обозначеніе праздника или миѳической личности, способствующей сельскому хозяйству? Чтобы разшить этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе на славянское названіе мѣсяца января или декабря „просинецъ“. Старослав. просинъцъ январь, просенъцъ декабрь; новослав. просинецъ, просимецъ, просенецъ январь; малорусск. просинецъ; хорв. просинацъ январь; сербск. просинацъ декабрь; чешск. просинецъ декабрь. Миклошичъ производить это слово отъ корня *си* (сіять), черезъ посредство предполагаемаго прилагательнаго * *сихъ* въ соединеніи съ суффиксомъ *ицъ*, которое сообщаетъ ему смыслъ существительнаго; *про* — обозначаетъ начало, какъ въ малорусск. *провесень* = начало весныяночъ²⁾. Слѣд., просинецъ обозначалъ то время, когда начинается увеличеніе дня; поэтому-то это слово прилагалось то къ январю, то къ декабрю. Въ доказательство правильности своего производства Миклошичъ приводить литовское названіе января *vasaris*, которое происходитъ отъ корня *vas* = сіять. Нужно замѣтить, что отъ того же корня происходитъ названіе лѣтнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ: латышск. *vasara* обозначаетъ лѣто, *pavasara* — весну, *vasaras menesis* — іюнь, *pavasaras* — мартъ; лит. *vasara* — лѣто, *pavasaris* — весну³⁾. Частица *ra*, употребленная здѣсь для обозначенія начала, предшествованія, обозначаетъ въ русскомъ языкѣ малую степень, недостачу⁴⁾, т.-е. то же, что и частица *у*. Можно предположить, что и у русскихъ были названія весенняго и лѣтняго мѣсяцевъ на основаніи солнечнаго свѣта; въ такомъ случаѣ, одинъ изъ весеннихъ мѣсяцевъ могъ носить имя усинъ, безъ суффикса *ецъ*, какъ чрѣвныъ (іюль) при старочешск. червеницъ, ярѣ (весна) при малорусск. ярецъ (май)⁵⁾. Замѣтимъ еще,

¹⁾ Ср. замѣчаніе Н. А. Яичука въ „Трудахъ Этнографического Отдѣла О. Л. Е., кн. VII, стр. 130. прим.

²⁾ Я думаю, что *про* — обозначаетъ не только начало, но и малую степень подобно частицѣ *у*, какъ въ словахъ: проблескъ, впроголодъ, впробѣль.

³⁾ Miklosich, Die slavischen Monatsnamen. Wien. 1867, стр. 15; Потебня, указ. соч. II, 41.

⁴⁾ Павѣтъе, паужинъ, падчерица, падубъ (ясень), память.

⁵⁾ Miklosich, стр. 7, 13.

что какъ на ряду съ „просинецъ“ являются искаженія „просенецъ“, „просимецъ“, такъ и на ряду съ формой „усинъ“ встрѣчаются „усень“ и „ба-усимъ“. Появленіе *вместо* и указываетъ на то, что слова эти прежде имѣли удареніе на первомъ слогѣ.

Если „усинъ“ обозначалъ одинъ изъ весеннихъ мѣсяцевъ, мартъ или апрѣль, а „просинъ“ или „просинецъ“ — одинъ изъ зимнихъ, декабрь или январь, то самое уже сходство этихъ названій могло повліять на перенесеніе русскаго весеннаго праздника на зимній. Конечно, празднованіе происходило въ опредѣленный день мѣсяца. И вотъ, дѣйствительно, мы видимъ, что словомъ *usini*¹⁾ латыши обозначаютъ день 23 апрѣля. Овсень тоже, несомнѣнно, обозначалъ опредѣленный день въ году. Объ этомъ можно судить, прежде всего, по аналогіи. Какъ припѣвъ къ великорусскимъ колядкамъ развился изъ названія дня 24 декабря „колядой“, такъ, можно думать, и припѣвъ „овсень“ появился вслѣдствіе того, что когда-нибудь такъ назывался канунъ Васильева дня, 31 декабря. Поющихъ овсеневыя пѣсни встарину приглашали словами: „мы рады Овсению, гостю жданому“; пѣвцы, конечно, — провозвѣстники праздника, приходящаго утромъ какъ будто *вместѣ* съ ними. Есть нѣсколько варіантовъ пѣсни о мощеніи мостовъ; въ одномъ изъ нихъ бояре мостять мосты для Овсения и Нового года:

Кому жъ, кому жъ ѣхать
По тому мосточку?

— Іхать тамъ Овсению
Да Новому году²⁾.

Овсень — здѣсь такое же олицетвореніе дня 31 декабря, какъ Новый годъ — олицетвореніе 1 января. Какъ уже указалъ акад. А. Н. Веселовскій³⁾, варіантъ этой пѣсни, въ которомъ *вместо* Овсения упоминается Василій, свидѣтельствуетъ о томъ, что св. Василій (1 января) замѣнилъ собою Овсения; отсюда этотъ святой — покровитель свиней, т. к. жертвенный поросенокъ колется на день св. Василія. Отсюда, конечно, происходитъ и странный, на первый взглядъ, образъ Василія:

1) Множ. чицло, какъ *Jutry* (Пасха), Госпожинки (время съ 15 авг. до 1 окт.), Филипповки (Рождественскій посты) и т. п.

2) Фамилпинъ, 244.

3) „Розысканія“, 109—110.

- «Кому по нимъ (мостамъ) ъздить?»
— Василю по нимъ ъздить?—
«На чемъ ему ъздить?»
— На сивецкой свинкѣ.—
- «Чѣмъ ее погонять-то?»
— Цуцимъ ¹⁾ поросенкомъ.—
«А чѣмъ ему взнудать-то?»
— Жирию кишкою ²⁾.—

Акад. Веселовскій сравниваетъ ъзду Василія по мостамъ съ малорусской колядкой, въ которой по мостамъ идутъ трое рождественскихъ святыхъ; конечно, эти святые—три рождественскихъ праздника: Рождество Христово, св. Василій, св. Іоаннъ. Въ бѣлорусской волочобной пѣснѣ—тотъ же образъ: по намощеннымъ мостамъ ъхала Пречистая съ свв. Юріемъ, Николой и Ильєй; далѣе перечисляются праздники, и между прочимъ: Юрій, съ росою, Никола жито родить, Илья съ новымъ хлѣбомъ ³⁾). Въ болгарской пѣснѣ къ св. Марії подходятъ три пастыря: св. Никола (6 дек.), св. Василій (1 янв.) и св. Іоаннъ (6 янв.); они собираются выстроить мосты черезъ Черное море, чтобы перейти на другой берегъ, гдѣ живутъ некрещеные люди, и ихъ крестить ⁴⁾). Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ—тотъ же образъ ⁵⁾: святые ъдуть или идутъ по мостамъ, чтобы оказывать людямъ благодѣнія; послѣднія заключаются въ тѣхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ или дѣйствительныхъ явленіяхъ, которые происходятъ въ сроки празднованія этимъ святымъ.

Выше я указалъ въ овесеневыхъ пѣсняхъ признаки перенесенія на 31 декабря весеннаго праздника. Какъ канунъ Васильева дня, праздникъ естественно привлекъ къ себѣ и св. Василія. Подобное перенесеніе мы знаемъ не только у великоруссовъ, но и у другихъ народовъ. Для насъ имѣютъ особое значеніе обряды съ плугомъ, совершаемые наканунѣ Васильева дня, въ день святой Меланіи. Извѣстны щедривки, въ которыхъ эти святые представляются или мужемъ съ женой, или сыномъ съ матерью; Ва-

¹⁾). Вар. „живымъ“. Вероятно, цуцимъ=грудной, отъ слова, „типа“, бѣлор. и болг. „цица“.

²⁾) Фамилия, 246. Указаніе, что и Овесень выѣжжаетъ па свинъ, неправильно: въ той пѣснѣ говорится о „молодцѣ-удальцѣ“.

³⁾) Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни, 4, № 3.

⁴⁾) Потебн., указ. соч. II, 485—6. Подъ св. Іоанномъ разумется, несомнѣнно, Іоаннъ Креститель. Ср. въ малор. колядкѣ, три святителя: Рождество, Василь, Иванъ Хреститель (тамъ же, 188, 239). Три пастыря въ малор. кол. Николай, Юрій, Богъ.

⁵⁾) Въ болг. пѣспю внесено историческій элементъ, измѣнившій смыслъ пѣсни.

силько пашеть поле, а Меланка ходить за стадомъ¹⁾. Въ другихъ щедривкахъ Василь ходить по полю и сѣть жито; пѣсни кончаются знакомымъ памъ пожеланіемъ:

Зароди, Боже, жито, пшеницю, Всяку пашницию ^{2).}

Итакъ, слово „усинъ“ — славянское, и перешло вмѣстѣ съ обрядомъ къ латышамъ, не имѣя опредѣленнаго миѳологическаго смысла. Но въ латышскомъ обрядѣ мы уже видимъ миѳической образъ: Усинъ — покровитель лошадей, пчель и весенней растильности; ему приносятъ жертву; онъ изображается всадникомъ на каменномъ конѣ; у него два сына: солнце и мѣсяцъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ русскихъ пѣсняхъ, слѣд., созданіе миѳа совершилось уже на латышской почвѣ. И въ этомъ нѣть ничего страннаго. Старая миѳологическая школа, связывавшая развитіе миѳовъ непосредственно съ развитіемъ языка, видѣла въ миѳахъ нѣчто первоначальное, древнее, но въ настоящее время нельзя сомнѣваться въ томъ, что миѳологическимъ представлѣніямъ всегда предшествовали реальныя. Представление о розовомъ свѣтѣ зари греки имѣли раньше, нежели олицетворили его въ розоперстой Эосъ; со словомъ Зевсъ они первоначально соединяли реальное понятіе неба, и только впослѣдствіи съ этимъ словомъ стало соединяться представление о верховномъ божествѣ; раньше, чѣмъ индійцы олицетворили огонь подъ именемъ бога Агни, они имѣли понятіе о реальномъ огнѣ, и прежде, нежели явился миѳ о Прометеѣ, уже существовало созвучное слово (санскр. *pramantha*), обозначавшее инструментъ, при помощи котораго огонь добывался посредствомъ тренія³⁾.

¹⁾ Веселовский, 105, 114; Потебня, II, 432.

²⁾ Веселовский 112—113; Довнар-Запольский, ук. с. 46, №№ 319, 320. Однажды Илья, съюзного въ Васильевъ день, представляетъ искаженіе пѣсни: Илья-пророкъ упоминается въ великор. подблюдной пѣснѣ, но тамъ онъ исполняетъ свое дѣло—считается въ полѣ споны (Потебия, II, 138).

³⁾ Тейлоръ, происхождение арийцевъ и доисторический человѣкъ. М. 1897. Стр. 304, 308—311, 321.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Пѣсня, записанная въ дер. Носово, Алпатской вол., Зарайского у. Рязанской губ. „Овсень кличутъ“ 31 декабря, послѣ обѣда, въ 1 часъ дня, мальчики и дѣвочки. Хозяйки подаютъ имъ пышки, блины, поросачи и телячии ножки; иногда даютъ денегъ. Въ дер. Чурилковъ ходятъ отдельно мальчики и взрослые дѣвушки; начинаютъ пѣсню здѣсь такъ: „Овсѣнь да Баусинъ! Дома ли хозяинъ?“ Въ дер. Барсукы ходятъ дѣвушки и молодыя бабы; собранное бабы продаютъ и покупаютъ водки. Здѣсь по-позднѣе ходятъ ряженые, въ соломенныхъ шляпахъ, съ елкой, украшенной лентами и разноцвѣтыми бумажками; дѣвушки собираютъ яйца и дѣлаютъ вскладчину яичницу; эти „короводы“ уже не имѣютъ отношенія къ Овсению, появились они только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. День 31 декабря называются „колядой“; напр., „на Коляду кличутъ Овсень“.

Ой, Афсень, Палусень!
 Мы и ходимъ по фѣмъ,
 Мы по (Носову) селу;
 Мы поищемъ, мы поищемъ
 Мы у (Павлова) двора.
 Яво дома нѣту:
 Онъ уѣхалъ фъ поля
 Пашаницу сѣять.
 Зароди яму Бояхъ
 Ись полна зярна пирохъ.
 Ни дадитъ пирога—

Мы корову за рога;
 Ни дадитъ ношку
 Въ верхнюю окошку,
 Сами ни достанимъ—
 Лопатку подставимъ.
 Жалутки въ печи сидѣть,
 На часъ глядѣть,
 И фъ кошель они къ наизъ хотятъ.
 Тетка (Прасковья),
 Подайти—ни ломайти.

№ 2.

(Пѣсня записана Н. В. Марковымъ въ дер. Мустафинъ Кузнецкаго у. Саратовской губ. Поютъ ее 31 декабря).

Бласлови-ко Богъ, завтра Новый годъ!
 Таусень, Таусенько! Дома ли хозяйка?
 Таусень, Таусень!
 Ея дома нѣту: на базаръ уѣхала,
 Таусень, Таусень! (припѣвъ послѣ каждого стиха).
 Торги торговати, товаръ закупати:
 А мужу-то шубка, а себѣ-ти юбка,

Сыновьямъ по шляпѣ, дочерямъ по лентѣ.
 Летѣлъ соколокъ черезъ батюшкинъ дворокъ,
 Уронилъ соколокъ съ ноги сапожокъ.
 «Ужъ ты (Машенька) сестрица, выдѣ, подай сапожокъ».
 — Мнѣ теперя недосугъ: я головушку чешу,
 Я къ обѣденкѣ спѣшу жениховъ выбирать.
 Хто бѣль да румянъ, тотъ и мой женихъ.
 У (Михайли-ти) была рожь хороша,
 Уколосиста, умолотиста:
 Изъ колосьевъ двѣ осьминки, изъ зернышка пирожокъ.
 Не подашь пирога—мы корову за рога;
 Не подашь лепешки—обольемъ окошки.

№ 3.

(Записано А. М. Листопадовымъ въ станицѣ Акишевской Земли Войска Донского). Наканунѣ Нового года толпа ребятья и девокъ спрашивается подъ окномъ: „Дома ли хозяинъ съ хозяюшкой? Дозвольте кликать авсень“.—Кликайтъ.—

У (Иванова) двора	Сы дитятачками (Сы рибятачками).
То-й-авсень! (припѣвъ послѣ	Ты (Иванъ) господинъ,
каждаго стиха).	Зарижай ружѣ,
Разливалася вода.	Да ты бей куну
Какъ на той-то водѣ	Сы кунятачками,
Тамъ плывать куна	Да сы малинькими
Сы кунятачками,	Сы рибятачками.
Да сы малинькими	

№ 4.

(Записано А. М. Листопадовымъ въ ст. Клѣтской той же области).

Мы ходили, мы гуляли по проулочкамъ,
 То-й-авсень!
 Мы искали, мы искали государевъ дворъ.
 То-й-авсень!..

(Дальнѣйшихъ словъ пѣсеннікъ не зналъ).

А. Марковъ.

ГИЛЯКИ.

(Изъ сообщений въ Географическомъ Обществѣ въ 1900—1 гг.)

VI 1).

Р о д ь.

Въ главѣ о семейство-родовомъ строѣ мы разсмотрѣли только одну сторону рода—строеніе его въ зависимости отъ нормъ брака. Въ главѣ о вѣрованіяхъ мы коснулись вліянія идей рода на религіозныя представленія.

Теперь разсмотримъ его во всей совокупности признаковъ, тектоническихъ и динамическихъ, морфологическихъ и соціально-духовныхъ, какъ одно цѣльное учрежденіе, регулирующее всѣ стороны жизни гиляка.

При этомъ въ нашемъ анализѣ мы считаемъ особенно поучительнымъ держаться той же системы, которой держатся сами гиляки при формулировкѣ своихъ представлений о родѣ.

Прежде всего интересенъ самыи терминъ, которыми гиляки выражаютъ понятіе „родъ“. Онъ гласитъ: яхаль, что буквально значить: ножны, футляръ,—удачный символъ единой утробы, единства происхожденія ¹⁾). Что касается признаковъ родового

1) См. „Этн. Обозр. 1904 г. № 2.

2) Крайне интересно, что близкій терминъ хала существуетъ и у соѣднихъ тунгусскихъ племенъ—ороковъ, орочей, гольдовъ, чегда, съ которыми гиляки имѣютъ пѣкоторая общія родственныя названія, какъ, напр., аки (ст. братъ)=ага (у тунгус. племенъ), несмотря на полную разнородность языковъ этихъ народовъ въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ.

союза, то гиляки формулируют ихъ съ удивительной лаконичностью, ярко рисующей вполнѣ сознательное отношение ихъ къ основному учреждению своего социального быта.

Если вы спросите любого гиляка, почему онъ считаетъ такихъ-то (NN) своими сородичами, вы неизмѣнно получите одинъ отвѣтъ: „какъ же, у насъ ахмалькъ (тестъ)—одинъ (т. - е. общій), ымгі (зять)—одинъ, огонь—одинъ, горный человѣкъ, морской человѣкъ, небесный человѣкъ, земной человѣкъ и т. д. — одинъ, медведь—одинъ, чортъ—одинъ, тхусінд (вира)—одинъ, грѣхъ—одинъ“.

Анализъ этой формулы и приведетъ настъ въясненію содержанія родового союза.

1. Ахмальк—одинъ, ымгі—одинъ: тестъ общій, зять общій. Тестъ одного сородича—тестъ всему роду. Зять одного сородича—зять всему роду. Каждый родъ принципіально береть женщинъ изъ одного опредѣленного рода и въ свою очередь отдаетъ своихъ женщинъ въ другой, тоже точно опредѣленный родъ. Общий тестъ означаетъ *общее* право каждого поколѣнія сородичей на соответствующее поколѣніе женщинъ рода—ахмальк, а общій зять—обязанность отдавать своихъ женщиковъ роду—ымгі. Только мужчины постоянный элементъ рода, женщины—элементъ, либо уходящий изъ рода, либо приходящий извнѣ. Отсюда вся „физиологическая“ конструкція рода—экзогамность, агнатность, общія права и обязанности относительно женщинъ, взаимные супружескія права братьевъ и т. д.

Такимъ образомъ гиляцкій родъ—союзъ родственниковъ по мужской линіи, агнатовъ, берущихъ женъ изъ другого опредѣленного рода, отдающихъ своихъ женщинъ въ третій и связанныхъ между собою цѣлымъ рядомъ взаимныхъ правъ и обязанностей въ области брачно-половыхъ нормъ.

Но это только формальный остовъ этого родственного союза: въ плоти и крови всѣхъ вытекающихъ изъ него послѣдствій онъ гораздо глубже, интимнѣе и крѣпче, чѣмъ это можетъ показаться съ первого взгляда. Прежде всего надо имѣть въ виду, что, несмотря па принципъ агнатства, сородичи связаны родственными узами не только по отцу, но и по матери. Это слѣдуетъ непосредственно изъ самаго тезиса общиности тестя. Ибо, разъ *каждое*

поколѣніе сородичей („братьевъ“) женится на соотвѣтствующемъ поколѣніи женщинъ („сестеръ“) одного рода—ахмальк, то и матери этихъ сородичей, въ свою очередь, между собою сестры. Далѣе, жены сородичей, несмотря на то, что онѣ, сообразно агннатному принципу рода, являются какъ бы совершенно чуждымъ элементомъ, въ дѣйствительности состоятъ въ близкомъ когнатномъ родствѣ со своими мужьями: мужъ и жена, какъ мы знаемъ, обыкновенно — соотвѣтственно дѣти сестры и брата, — родныхъ или болѣе отдаленныхъ степеней—и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ когнатные братья и сестры. Такимъ образомъ мужской и женскій элементъ далеко не чужды другъ другу, связанные лишь бракомъ элементы, а, наоборотъ, интимно-связанные помимо брака кровнымъ родствомъ. Мало того, въ силу того же положенія объ единствѣ „тестя“, всѣ вошедши въ родъ женщины—между собою агннатныя родственницы, либо сестры, либо тетки и племянницы, такъ что оба элемента—мужской и женскій, каждый въ отдѣльности и оба вмѣстѣ спланированы крѣпкими интимными узами родства, которые, конечно, глубоко отражаются и на всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ членовъ рода между собою.

На эти отношенія не повлияли и тѣ упомянутыя нами въ свое время обстоятельства, благодаря которымъ отдѣльнымъ членамъ рода въ концѣ концовъ въ силу необходимости приходится иногда брать женъ и за предѣлами единаго первоначального рода-ахмальк.: общій духъ и общія нормы остались тѣ же.

Но цементъ, скрѣпляющій союзъ родственниковъ въ нерушимую организацію рода, кроется не въ одномъ только формальномъ сознаніи общности происхожденія и родства и не на однихъ только формальныхъ нормахъ брака, ибо сами по себѣ онѣ не настолько сильны, чтобы удержать изъ поколѣнія въ поколѣніе людей въ замкнутомъ наследственномъ союзѣ. Причины гораздо глубже. Прежде всего—это религіозная санкція, играющая столь важную роль въ глазахъ первобытного человѣка, санкція первоначально не самаго родового союза, а тѣхъ брачныхъ нормъ, которыхъ создали родъ. Принципъ, что каждый долженъ брать женъ изъ рода матери, что жена должна быть кровной родственницей мужа—принципъ религіозный, принципъ, интимно связанный съ культомъ предковъ, въ частности съ культомъ матери. Захватъ замужней женщины—такое же религіозное преступ-

ление противъ рода похищенной, какъ убийство сородича: борьба за ея возвращеніе или, по крайней мѣрѣ, требованіе виры обязательно, какъ и въ дѣлахъ мести, до третьяго поколѣнія!

Разъ указанный принципъ былъ сознанъ и сталъ непреложнымъ императивомъ жизни, то естественнымъ послѣдствиемъ его явилась экзогамія, а экзогамія—основа рода.

Но экзогамія у гиляковъ, какъ это мы видѣли, не просто только обязанность брать женъ виѣ своего рода. Она даетъ человѣку цѣлый рядъ правъ, играющихъ въ его жизни огромную роль.

Извѣстно, что добываніе жены одно изъ самыхъ трудныхъ дѣлъ въ жизни первобытного человѣка. Женщинъ обыкновенно меньше, чѣмъ мужчинъ. За женщину надо платить, а тутъ еще богачи захватываютъ себѣ по многу женъ. Бѣдному человѣку—а такихъ большинство—добыть жену при такихъ условіяхъ дѣло крайне нелегкое, ему приходится для этого нерѣдко прибѣгать къ приемамъ, при которыхъ онъ рискуетъ даже жизнью.

Нормы гиляцкаго рода даютъ каждому гиляку право на женщинъ рода-ахмалькъ, въ частности на дочерей братьевъ своей матери: это его религиозная обязанность и право вмѣстѣ съ тѣмъ. Калымъ въ такихъ случаяхъ если не формальность, то бремя, на раздѣленіе котораго каждый всегда въ правѣ расчитывать со стороны своихъ сородичей, заинтересованныхъ, какъ и онъ самъ, на бракѣ его изъ опредѣленнаго рода, рода матери. Въ худшемъ случаѣ, пока человѣку не удалось обзавестись собственной семьей, семьи его старшихъ братьевъ, сообща съ которыми онъ дѣлить право на женщинъ рода-ахмалькъ,—его семья, ихъ жены—его жены, на которыхъ онъ имѣеть законныя супружескія права. Умираетъ женатый гилякъ, его жена безъ всякаго калыма переходитъ къ одному изъ младшихъ его братьевъ по выбору рода.

Это все преимущества, которыя играютъ первостепенную роль въ глазахъ первобытнаго человѣка. Вѣнцомъ этихъ преимуществъ является соціальная привилегія каждого сородича не опасаться за участіе своей жены и дѣтей послѣ его смерти. Его жена и дѣти и при жизни юридически, а часто и фактически—жена и дѣти его младшихъ братьевъ: такими они останутся и послѣ его смерти: одинъ изъ братьевъ, по рѣшенію рода, замѣнить его въ правахъ и обязанностяхъ мужа и отца, и, даже за отсутствіемъ

у покойника младшихъ братьевъ, кормилицемъ его семьи явится одинъ изъ „старшихъ“. Это непреложный законъ рода.

Таковы выгоды, которые даеть родовой союзъ въ силу одного только принципа родства и непосредственно вытекающихъ изъ него брачныхъ нормъ. Совершенно естественно, что благодѣяниями этими могутъ пользоваться только лица, имѣющія на то право въ силу родства. Фактъ рожденія отъ сородича—единственный *justus titulus* для причисленія къ роду. Бѣтк-хаврид—человѣкъ безъ отца, т.-е. внѣбрачно рожденный, незнающій, кто его отецъ,—человѣкъ *бездонный*, парій, бремя для себя и для другихъ. Не знающій отца, слѣдовательно, не знающій, къ какому роду онъ принадлежитъ, не знаетъ поэтому, какія женщины могутъ быть его женами и какія запретны, и невѣдомо для себя и другихъ можетъ нарушить священные половыя нормы, навлекая на всѣхъ неисчислимые бѣдствія. Къ счастію, фактически людей, не знающихъ своего отца, не существуетъ. Если девушка забеременѣеть внѣ брака, её побуждаютъ назвать отца будущаго ребенка. Узнавъ, кто онъ, заставляютъ его жениться на соблазненной, чему онъ только радъ, потому что въ такомъ случаѣ меньше затрудненій при уплатѣ калыма. Въ случаѣ запирательства со стороны девушки, новорожденаго убиваютъ, и родъ спасеніе отъ грѣха и несчастія.

По гиляцкому роду не удалось сохранить въ полной чистотѣ и неприкосновенности принципа родства. И ему, какъ и родовымъ союзамъ всѣхъ другихъ народовъ, пришлось дѣлать отступленія и примириться съ институтомъ адопціи, съ принятиемъ времія отъ времени въ свои вѣдра лицъ чужеродныхъ.

Произошло это различными путями: Могло случиться, что эпидемія обезлюдила родъ и поставила горсточку людей лицомъ къ лицу со всѣми случайностями, которымъ подвержены слабые численностью союзы. Могъ родъ обезлюдиться послѣ жестокой войны, оставившей немного мужчинъ и массу вдовъ, пощаженныхъ, въ силу международнаго права гиляковъ, побѣдоноснымъ врагомъ. И если при этихъ обстоятельствахъ находились остатки какого-нибудь другого рода, оказавшагося въ такомъ же безпомощномъ положеніи и не состоявшаго съ первымъ въ отношеніяхъ ахмальк и ымгі, то сліяніе совершалось къ обоюдному удоволь-

ствію: адоптированные обыкновенно женились на вдовахъ сородичей и тѣмъ самымъ присоединялись къ родовому огню и родовому союзу. Но это случаи болѣе или менѣе экстраординарные. Самый обыкновенный случай адоптированія—тотъ, когда пріемышъ рода является иноплеменникъ, почему-либо бѣжавшій изъ своего рода и поселившійся среди чуждаго рода. Долгое сожительство, привычка, симпатія, помощь при родовыхъ праздникахъ, наконецъ, женитьба на мѣстной вдовѣ приводятъ къ окончательному адоптированію. Крайне любопытный случай адопціи представляется тогда, когда два лица изъ разныхъ родовъ женаты на двухъ сестрахъ, что по правилу можетъ случиться только съ членами одного рода. Вліяніе родового принципа „общаго тестя“ такъ сильно, что дѣти такихъ лицъ считаются братьями и сестрами, своихъ тетокъ зовутъ матерями и не могутъ вступать другъ съ другомъ въ бракъ. Получается фикція родовыхъ отношений. При благопріятныхъ условіяхъ, когда, напр., такія лица сожительствуютъ въ одной деревнѣ, и одно изъ этихъ лицъ совершиенно оторвано отъ своего рода, то кончается тѣмъ, что они взаимно помогаютъ другъ другу при родовыхъ празднествахъ, или даже строять ихъ сообща, складываютъ кости медвѣдя въ одномъ мѣстѣ и, наконецъ, во 2-омъ или 3-емъ поколѣніи соединеніе родовъ совершилось.

Адопція играла огромную роль въ жизни гиляковъ. Я не знаю ни одного рода, преданія которого не сохраняли бы извѣстій о чужеплеменникахъ, какъ основателяхъ рода. Какъ это случилось, что отдельные адоптированные лица, вместо вкрапленаго элемента, очутились на первомъ планѣ основателей рода, я уже обѣ этомъ говорилъ въ первой главѣ, указывая на то, что пришельцы, какъ болѣе энергичный элементъ, приносили съ собою большую стойкость въ борьбѣ за существование и *à la longue* переживали менѣе стойкихъ, ослабленныхъ уже и постепенно вымиравшихъaborигеновъ. Таковъ, быть можетъ, законъ извѣстного запаса расовой энергіи, которая при неблагопріятныхъ условіяхъ въ концѣ концовъ истощается. Эта судьба, конечно, не минеть и потомковъ пришельцевъ, которыхъ будуть замѣнены въ свою очередь новыми, если до того племя въ цѣломъ сумѣетъ сохранить свое существованіе.

Теперь я прибавлю только къ тому, что говорилъ раньше,

слѣдующее. Можетъ показаться страннымъ, почему родъ, сложившійся изъ аборигеновъ и потомковъ пришельцевъ, все-таки основателями своими считаетъ категорически первыхъ, а не послѣднихъ. Но дѣло объясняется вотъ чѣмъ. При слiяніи рода съ пришельцемъ, старое чувство родства продолжаетъ свое дѣйствіе. Потомки обѣихъ сторонъ, выполняя свои родовыя обязанности, тѣмъ не менѣе не инкорпорируются, а продолжаютъ держаться отдѣльными группами, ведя каждая по традиціи свой счетъ родства. Это мнѣ пришлось неоднократно наблюдать въ тѣхъ родахъ, въ которыхъ сохранилось потомство аборигеновъ и пришельцевъ. Въ сел. Танги, напр., населенномъ представителями одного рода, одна половина (наиболѣе цвѣтущая) ведетъ свое происхожденіе отъ пришельца-айна, другая считаетъ себя аборигенами. Когда вторые съ теченіемъ времени вымрутъ—чтѣ уже и теперь замѣтно—естественно, что первые, которые останутся единственными представителями рода, съ полнымъ правомъ будутъ называть своими основателями айновъ. И такъ вездѣ.

Обыкновенно, впрочемъ, составъ рода единообразенъ, случаи адопціи довольно рѣдки, а прошлые явленія эндосмоса и экзосмоса давнимъ давно стушевались за туманами преданія и на крѣпость сознательного родственаго союза никакого вліянія не обнаруживаются.

2. Огонь одинъ. Общность родового огня—символъ родового единства. Какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и у гиляковъ огонь—родовое божество. Въ каждомъ очагѣ сидѣть, по однимъ представленіямъ, старуха огня, родонаучальница данного рода, по другимъ—старикъ со старухой и ихъ потомство. Роль этихъ „хозяевъ огня“ не въ одномъ только благотворномъ дѣйствіи благодѣтельной горячей стихіи. Какъ божественные родонаучальники рода, они въ почетѣ не только у живущихъ сородичей, но и у тѣхъ, которые, отошедши въ другой мiръ, стали родовыми богами другихъ стихій, лѣса, моря и т. д. и черезъ нихъ могутъ оказывать могучее вліяніе и во всѣхъ сферахъ человѣческаго существованія.

Хозяинъ или хозяйка огня, такимъ образомъ, не только божество, грѣющеющее человѣка и охраняющее его домашній очагъ отъ всякихъ злыхъ козней духовъ, но и являющееся посредни-

комъ¹⁾ между сородичами и всѣми многочисленными божествами, имѣющими вліяніе на судьбу человѣка.

Во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни—въ случаѣ болѣзни, на охотѣ, передъ отправленіемъ въ опасный путь и т. д., сородичъ бросаетъ въ огонь свои скромныя жертвы—листикъ табаку, сладкій корень, каплю араку, и просить старуху огня исполнить его просьбу. А она уже знаетъ всѣ ходы, чтобы просьба къ тому или другому родовому божеству—если это виѣ сферы ея непосредственнаго воздействиѣа—дошла по назначенію.

Чтобы понять реальнаяя основы „родового“ отношенія къ хозяину огня и его функциямъ, нужно имѣть въ виду слѣдующее: 1) покойники предаются сожженію, т. е. общему хозяину огня, который своихъ любимцевъ можетъ принимать въ свой родъ, такъ-что эти послѣдніе становятся въ свою очередь „хозяевами“ родового огня; 2) такими же хозяевами въ частности становятся и всѣ погибшіе отъ молніи²⁾ и пожара; 3) представление о „старухѣ“ (хозяйкѣ) родового огня вместо „хозяина“—далекій отголосокъ материнскаго рода; 4) „универсальность“ огня, способность его къ быстрому распространенію, многоязычие его (языки пламени), которое вѣѣ первобытные люди (ср. Ригвѣдды) понимаютъ въ самомъ реальному смыслѣ—даютъ „огню“ специальные преимущества надъ прочими „хозяевами“—именно способность къ быстрой и краснорѣчивой передачѣ порученій и просьбъ; наконецъ, 5) огонь—согрѣвающее и очищающее, т. е. отгоняющее злыхъ духовъ существо.

Внѣшимъ образомъ родовое единство огня выражается въ слѣдующемъ. Только сородичъ имѣеть право разводить огонь на очагѣ сородича. Только сородичъ имѣеть право выносить огонь изъ юрты. Чужеродный, закутивъ у родового очага, не можетъ выходить изъ юрты, не докутивъ своей трубки. Всякое нарушение этихъ правилъ неприкосновенности родового огня со стороны чужеродца неминуемо влечетъ опаснаго послѣдствія для сородичей и обязанность уплаты виры со стороны чужеродца.

¹⁾ Въ Ведахъ огонь (Агни) тоже играетъ роль посредника между людьми и богами; онъ заступаетъ за людей, онъ герольдъ, жрецъ.

²⁾ Любопытно, что подобное воззрѣніе существуетъ и у бурятъ: погибшій отъ молніи становится могущественнымъ и благодѣтельнымъ духомъ, которому приносятъ жертвы и возносятъ молитвы.

Каждый родъ имѣть свое родовое огниво, хранящееся у старѣшаго члена, и только этимъ огнивомъ можно добывать огонь, на которомъ варится мясо медвѣдя на играющемъ столь важную роль въ религиозной и родовой жизни медвѣжьемъ празднике. Когда роду приходится раздѣлиться, т. е. когда часть его вынуждена переселиться въ очень отдаленное мѣсто, старѣшина ломаетъ родовое огниво и половину вручаетъ старѣшему изъ выселяющихся, и только послѣ этого родъ формально раздѣленъ.

Хозяйка огня, какъ представительница рода „ахмалькъ“, играетъ немаловажную роль въ междуродовыхъ отношеніяхъ, связывая своимъ культомъ и покровительствомъ тотъ родъ, среди которого она обитаетъ и который она породила, съ тѣмъ, откуда она вышла и изъ поколѣнія въ поколѣніе приводить въ него дочерей своихъ братьевъ и ихъ потомковъ.

3. Горный, морской и т. д. человѣкъ одинъ—общность благодѣтельныхъ родовыхъ хозяевъ горы, моря, земли и т. д. Въ главѣ о вѣрованіяхъ мы уже выяснили природу и значеніе этого рода божествъ. Это не фантастические герои классическихъ родовъ, не тѣ туманныя миѳическія существа, родовые чествованія которыхъ являлись простой традиціонной обрядностью, а близкіе каждому живущему поколѣнію сородичи, которые либо погибли отъ того или другого рода неестественной смерти (въ водѣ, отъ звѣря лѣсного и т. п.), либо взысканные божествами, преждевременно были вырваны изъ жизни болѣе естественными путями, напр., умершіе будто-бы отъ тоски по возлюбившимъ ихъ горнымъ, морскимъ и т. п. людямъ.

Любимцы и избранныки „хозяина“ той или другой стихіи, отъ щедротъ которыхъ зависить все благополучіе гиляка, они послѣ смерти сейчасъ же переходятъ въ родъ соответствующаго „хозяина“ на довольно продолжительное время (у горныхъ людей, напр., до 2-ой своей смерти, т. е. на два поколѣнія) и все это время, конечно, специально благодѣтельствуютъ своимъ сородичамъ, послыая имъ звѣрей лѣсныхъ (горный человѣкъ), либо рыбу и морскихъ животныхъ (водяной, морской человѣкъ). И когда гилякъ говорить о какомъ-нибудь „горномъ“ или т. п. человѣкѣ, который его кормить, онъ именно имѣть въ виду своего сородича, который на памяти его или—самое большое—его отца или дѣда указанными выше путями очутился среди сонма

„хозяевъ“. Вѣкъ такого избранника не дологъ (самое большое 2 поколѣнія), и часто не успѣваетъ пріобщиться къ богамъ одинъ сородичъ, какъ за нимъ слѣдуетъ другой, третій и т. д.: случаи смерти отъ дикаго звѣря или на водѣ нерѣдки. Такимъ образомъ связь между живущимъ поколѣніемъ сородичей и ихъ божественными сородичами-благодѣтелями глубоко-живая, реальная. Многихъ изъ нихъ каждый зналъ лично или по живымъ воспоминаніямъ своихъ современниковъ; о нихъ повседневно ему напоминаютъ специальные памятники¹⁾, воздвигнутые благодарными сородичами.

Но связь рода съ его божественными сородичами не ограничивается штетомъ и благодарной памятью, узы эти коренятся вѣлѣре реальномъ и крѣпкомъ двигателѣ—вѣ самомъ инстинктѣ самосохраненія. Для гиляка нѣть болѣе несомнѣнной истины, чѣмъ та, по которой все его благополучіе, все, что даетъ ему природа за его отчаянныя усилия вѣ борьбѣ за существованіе, все это лишь вольный даръ боговъ, ему благодѣтельствующихъ; безъ ихъ благоволенія всѣ усилия человѣка остались бы тщетными. А боги-сородичи, какъ мы знаемъ, болѣе всего участвуютъ вѣ этомъ животворномъ благоволеніи, они истинные кормильцы рода, и нѣть важнѣе обязанности для каждого сородича, чѣмъ по мѣрѣ силы содѣйствовать этому благоволенію. Вотъ почему родовая жертвоприношенія и празднества, ежегодно правильно устраиваемыя горнымъ и морскимъ людямъ являются важнѣшими актами родовой жизни, вѣ которыхъ каждый во имя самосохраненія считаетъ своей священной обязанностью принимать самое горячее участіе.

Вѣ главѣ о религіи мы подробно останавливались на этихъ періодическихъ жертвоприношеніяхъ хозяевамъ моря и горъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что вся соціальная дѣятельность гиляка главнымъ образомъ посвящена приготовленіямъ къ родовымъ жертвоприношеніямъ и заботамъ о наиболѣе торжественному устроенію ихъ. Богатый и бѣдный одинаково по мѣрѣ силы

¹⁾ Памятникъ человѣка, задраннаго медвѣдемъ, служили Срубъ-медвѣжатникъ, вѣ которомъ останки погибшаго хранятся, по особому ритуалу (см. ниже, п. 6). Что касается людей утонувшихъ, то на мѣстѣ ихъ сожженія ставится лодка со всѣми принадлежностями морскаго и рѣчнаго промысла, причемъ весла помѣщаются стоймъ подъ угломъ другъ къ другу, дабы быть замѣтными издали.

и средствъ, не на страхъ, а на совѣсть, употребляютъ всѣ усилия, отказывая себѣ иногда въ послѣднемъ, чтобы жертвоприношенія были какъ можно обильнѣе и разнообразнѣе и празднества какъ можно торжественнѣе: въ этомъ общій интересъ всѣхъ и каждого.

Эта воспитавшаяся вѣками солидарность въ жертвоприношеннѣяхъ сородичамъ, эволюціонируя, становится принципомъ *родового* отношенія къ богамъ вообще. Когда даже по совершенно индивидуальному случаю, напримѣръ, болѣзни, гиляку приходится приносить жертву, онъ непремѣнно созоветъ даже издалека отлучившихся сородичей, дабы и имъ дать возможность воспользоваться благими послѣдствіями жертвоприношенія.

Принципъ общности родовыхъ божествъ, кормильцевъ рода, лежитъ и въ основаніи института гостепріимства и самой широкой братской взаимопомощи.

Всякому, знакомому съ институтомъ гостепріимства у первобытныхъ народовъ хотя бы по описаніямъ путешественниковъ, должно быть очевидно, что въ основѣ его должно лежать нечто большее, чѣмъ соціальный этикетъ или даже обычная симпатія къ ближнему. Арабъ, проявляющій у своего домашняго очага самое горячее гостепріимство даже къ врагу, по отношению къ которому во всякомъ другомъ мѣстѣ у него единственный императивъ—убийство, очевидно руководствуется мотивомъ болѣе властнымъ, мотивомъ, имѣющимъ за собою религіозное требование. То же должно сказать объ основѣ этого института и у всѣхъ другихъ первобытныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у гиляковъ. Гилякъ считаетъ своей обязанностью проявлять свое гостепріимство не только къ проѣзжему, не только къ дѣйствительно голодному, но и въ такихъ случаяхъ, гдѣ съ нашей точки зреянія въ проявленіи этого чувства нѣть никакой надобности. Сколько бы разъ на день ни появлялся сосѣдъ у его очага, въ какое бы время дня оно ни происходило, немедленно гостю предлагаются всѣ яства, какія имѣются у хозяина, ужъ не говоря о неизбѣжной пригоршнѣ табаку для трубы. Нѣть лишняго табаку, хозяинъ поочередно затягивается съ гостемъ изъ общей трубки. Особенно наглядно эти отношенія проявляются при употребленіи рѣдкихъ, дорогихъ блюдъ и лакомствъ. Если вы поднесете хозяину юрты рюмку водки, онъ никогда не позволитъ себѣ выпить ее одинъ, самъ онъ только пригубить, а далѣе уже она пере-

ходить ко всѣмъ обитателямъ дома, хотя бы ихъ было десятки человѣкъ, не исключая дѣтей, даже и грудныхъ: иначе, „самый большой грѣхъ, умереть можно“. Грѣхъ не угощать, не дѣлиться съѣдѣбнымъ. И причина ясна: „кормятъ“ человѣка, какъ мы видѣли, боги и, главнымъ образомъ, родовые боги, дающіе не одному человѣку, а цѣлому роду, приносящему ему жертвы и съ которыми онъ связанъ родовыми узами; поэтому ѿстъ, не дѣлаться съ присутствующимъ сородичемъ, и вообще не кормить его—„грѣхъ“ и непосредственный рискъ лишиться благоволенія боговъ-корильтцевъ. „Очагъ“ при этомъ играетъ недаромъ крупную роль. Въ огнѣ очага живетъ „хозянъ и хозяйка огня“, сородичъ или даже родоначальникъ, глазъ не спускающій съ того, что дѣлается въ домѣ; они же, какъ мы видѣли, посредники между родомъ и его родовыми богами, и иѣть ничего естественнѣе, что именно боги очага болѣе всего являются хранителями принципа гостепріимства.

Но не однимъ взаимнымъ „угощеніемъ“ ограничиваются узы сородичей, живущихъ милостями своихъ боговъ-сородичей, а дѣйствительнымъ самымъ широкимъ принципомъ общности земныхъ благъ. Если это не выражается въ чисто-коммунистической формѣ, то только потому, что въ этомъ иѣть никакой надобности. Жизнь настолько проста, условія добыванія пищи такъ просты, дары природы такъ широко и свободно лежать передъ каждымъ, что иѣть надобности въ коммунистическомъ производствѣ и распределеніи. Но принципъ все же въ полной силѣ. При общей охотѣ, напримѣръ, за морскими животными на одной лодкѣ, хозяинъ этой послѣдней, онъ же обыкновенно и самый искусный добытчикъ, получаетъ не больше послѣдняго подростка-гребца и, кромѣ того, часть добычи раздается и тѣмъ семьямъ, члены которой почему либо не могли участвовать въ охотѣ. Сушеная рыба, являющаяся главной пицей гиляка, рассматривается почти, какъ общая собственность, и всякий, у кого вышли запасы, береть ее у сосѣда безъ всякихъ возраженій. Во всякомъ случаѣ никто не голодаетъ, пока хоть у кого-нибудь изъ сородичей есть запасы. Стоитъ голодающему переселиться въ юрту имущаго сородича или даже просто захаживать къ нему 2—3 раза въ день, и съ нимъ безропотно будуть дѣлиться до послѣдней юкалы, до послѣдней пригоршни табаку.

Въ отношении къ предметамъ роскоши, какъ дорогія копья, сабли, ткани, шубы и т. п., больше индивидуализма, внесшаго новѣйшими условіями обмѣна, но въ дѣйствительно необходимыхъ случаяхъ, какъ для покупки жены, при уплатѣ виры, похоронахъ и т. п. каждый считаетъ своей непремѣнной обязанность жертвовать своимъ индивидуальнымъ богатствомъ для общеродовыхъ цѣлей.

Тотъ же принципъ общности имущественныхъ благъ сородичей лежитъ въ основаніи права наслѣдованія, основное правило котораго, что имущество сородича не должно выходить изъ рода. У гиляковъ въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ буквально извѣстный тезисъ XII таблицы: *Si suos heredes non habet, gentiles familiam habento!* За отсутствіемъ членовъ семьи, къ которымъ причисляются и „работники“, имущество переходить къ сородичамъ агната, хотя бы самымъ отдаленнымъ, исключающимъ даже наиболѣе близкихъ когнатовъ. Послѣдніе, по завѣщанію, могутъ получать только такъ называемый *шагунд*¹⁾, и то только такой, который неизбѣжно возвращается въ родъ завѣщателя, такъ что въ родъ *ымгі*, т.-е. тотъ, который у рода завѣщателя беретъ женъ и, слѣдовательно, платить ему калымъ, можно завѣщать только т. наз. *желзыныи шагунд*, который все равно вернется въ родъ въ видѣ калыма, а роду *ахмальк.*, роду тестей, можно завѣщать только *мѣховыи шагунд*, такъ какъ онъ возвращается въ родъ завѣщателя въ видѣ приданаго невѣсты.

4. Медвѣдь одинъ: общая обязанность сородичей въ откармливаніи медвѣдя и участіи въ медвѣжихъ праздникахъ, какъ по случаю убиенія домашнаго медвѣдя, такъ въ случаѣ добычи звѣря лѣсного. „Халь-гу, ут-гу, нарх мувс!“: „Сородичи, мужчины, будьте гостями!“ съ такимъ призывомъ обходять под-

1) „Драгоцѣнности“—имущество *sui generis*, состоящее изъ непотребляемыхъ предметовъ, пред назначеніи которыхъ только для исключительныхъ случаевъ, калыма, приданаго, выкупа, похоронъ. Дѣлится на: 1) „шагунд“ *жемльныи*—большіе чугунные котлы, орнаментированные серебряной инкрустацией копья, дорогія японскія сабли, кольчуги и т. п.—идетъ главнымъ образомъ на калымъ; 2) *мѣховыи*, состоящій изъ дорогихъ мѣховыхъ шубъ, идущихъ главнымъ образомъ на приданое; 3) *шелковыи*—китайскія шелковые матеріи и одежды, въ которыхъ облачаются въ торжественныхъ случаяхъ и обряжаются покойникъ.

ростки по юртамъ, призываю сородичей ко вкушению священной трапезы убитаго въ лѣсу медвѣдя и яствѣ, сообща изготовленныхъ по этому случаю цѣлымъ родомъ.

Важность общихъ правъ и обязанностей по медвѣжьему празднику, какъ исключительной привилегіи рода, непосредственно вытекаетъ изъ того, что мы говорили по этому поводу въ главѣ о религіи и о родовыхъ богахъ. Какъ мы видѣли, медвѣжій праздникъ характеризуется двумя основными чертами: во 1-хъ, чествованіемъ самой личности медвѣдя, какъ возможнаго сородича „горнаго“ человѣка и, слѣдовательно, и возможнаго собственнаго сородича или его потомка, перешедшаго въ родъ горныхъ хозяевъ, и во 2-хъ, передачей черезъ него разныхъ даровъ горному хозяину и его роду и, слѣдовательно, богу-сородичу, кормильцу. Такимъ образомъ медвѣжій праздникъ имѣть несравненно большее значеніе для благополучія рода, чѣмъ другія родовая жертво-приношенія и празднества, потому что жертвы идутъ къ самому высшему хозяину горъ, главному распорядителю всѣхъ лѣсныхъ богатствъ и самому могучему божеству, передъ которымъ ублаготворенный кормленіемъ и почестями убитый медвѣдь будетъ повседневнымъ ваступникомъ. Вотъ почему этотъ праздникъ играетъ такую огромную роль въ жизни рода, обставленъ такимъ сложнымъ ритуаломъ и, несмотря на то, что на него собираются и гости изъ другихъ родовъ, онъ носить по существу такой строго-замкнутый родовой характеръ. Въ устройствѣ праздника могутъ участвовать только сородичи, а изъ гостей приглашаются только „зятья“, относительно которыхъ, какъ это мы увидимъ, существуетъ прямая обязанность кормленія, т.-е., лица, на которыхъ тоже распространяется благоволеніе родовыхъ боговъ — кормильцевъ. Въ соціальномъ отношеніи медвѣжій праздникъ не менѣе важный цементъ родовыхъ узъ, чѣмъ въ религіозномъ. Обязанность участвовать въ изготовлениіи блюда и многочисленныхъ расходахъ и трудахъ по устройству праздника и приему гостей создаетъ привычки соціальной солидарности, общихъ координированныхъ дѣйствій для общей цѣли и общихъ жертвъ для общаго дѣла. Периодические сѣзды сородичей, разсѣянныхъ иногда въ отдаленныхъ мѣстахъ, постоянно поддерживаютъ традиція и узы родового союза.

Наконецъ, само содержаніе праздника — веселая предпразд-

ничные приготовления, совершаются сообща, торжественные встречи „гостей“, общая шумная трапезы, общественные беседы, пляски, песни, гонки, фехтование, религиозные церемонии—все это объединяет, бодрить, утешает и красит жизнь, придавая высшую ценность родовому союзу, какъ единственному источнику духовныхъ и социальныхъ радостей.

5. Чортъ одинъ, т. е. общій врагъ въ лицѣ умершаго сородича, убитаго чужеродца и т. п.

Точно также, какъ мы видѣли, сородичъ при некоторыхъ обстоятельствахъ послѣ смерти можетъ перейти въ родъ благодѣтельныхъ божествъ и стать кормильцемъ и покровителемъ рода, точно такъ же можетъ случиться обратное: сородичъ, озлобленный при жизни и разошедшися съ родомъ, сородичъ не отомщенный или не получившій почестей похороннаго ритуала, не попавшій поэтому въ „селеніе мертвыхъ“, можетъ перейти въ родъ злыхъ божествъ или просто на свой страхъ и рискъ всячески мстить роду. То же можетъ быть и со стороны обиженнаго чужеродца. Борьба съ такими врагами рода или умилостивленіе ихъ такая же насущная потребность для всѣхъ сородичей, какъ и ублаготвореніе родовыхъ божествъ—покровителей. Возникаютъ такимъ образомъ общія обязанности въ вознагражденіи шамана за его труды и опасности въ борьбѣ съ подобными врагами или общіе расходы и труды по умилостивленію, одариванію, отомщенію, уплатѣ виры и т. д.

6. Тхусінд одинъ—общая вира, выкупъ, штрафъ, въ обширномъ смыслѣ круговая порука всего рода противъ всякаго посягательства со стороны чужеродца на право сородича и обратно. Подъ *тхусінд* подразумѣвается не только выкупъ, получаемый или выплачиваемый родомъ въ дѣлахъ мести, но и взыскиваемый по всемозможнымъ—отъ весьма серьезныхъ до совсѣмъ маловажныхъ—поводамъ. Такъ тхусінд взыскивается и за похищенную женщину, и за оскорблѣніе женской чести, и за оскверненіе святыни, напр. порчу очага, нарушеніе *табу* на медвѣжьемъ празднике, за кражу и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ на родѣ лежитъ круговая порука какъ въ защитѣ нарушенаго права со стороны чужеродца, такъ и въ отвѣтѣ за таковое нарушеніе права послѣдняго со стороны сородича. Но выкупъ только позднѣйшій коррективъ болѣе важнаго принципа—родовой

защиты силой нарушенного права сородича. Въ центрѣ всего этого института лежить принципъ кровавой мести, отвѣта жизнью за жизнь или за попрѣнную честь (напр. при захватѣ соблазнителя *in flagrante delicto*).

Какъ у всѣхъ почти первобытныхъ народовъ, убійство внутри рода у гляяковъ остается безнаказаннымъ¹⁾). Родъ не можетъ проливать крови своего сородича, которая есть кровь родоначальника. Это не только принципъ религіи, но и требование самосохраненія, категорической императивъ существованія самого рода. Сила послѣдняго—въ его численности и внутреннемъ мирѣ, между тѣмъ каждый случай мести внутри рода неминуемо сталъ бы по-водомъ къ новой мести со стороны ближайшихъ родственниковъ наказанного и привель бы такимъ образомъ къ нескончаемой внутренней войнѣ, которая въ концѣ концовъ завершилась бы физическимъ и моральнымъ разрушениемъ рода.

Впрочемъ, убійство и вообще всякое серіозное нарушение правъ и законовъ со стороны сородича не совсѣмъ остается безнаказаннымъ: фактически оно влечетъ за собою смерть политическую, такъ какъ преступникъ вынужденъ бываетъ разстаться со своимъ родомъ и удалиться въ отдаленное селеніе, лишаясь не только всѣхъ благъ родового союза при жизни, но и еще болѣе важныхъ послѣ смерти, т. к. только сородичамъ разрѣшается совершить актъ сожженія покойника. Но убійства, впрочемъ, внутри рода крайне рѣдки; многочисленные запреты рѣчи между сородичами устраниютъ поводы къ раздраженіямъ и ссорамъ, а широкая коммунальная супружескія права смягчаютъ припадки ревности и дѣлаютъ излишнимъ похищеніе женщинъ, которое служитъ самымъ частымъ поводомъ кровавыхъ ссоръ и мести. Такимъ образомъ, и сама практика жизни не могла благопріятствовать институту мести внутри рода.

Другое дѣло между чужеродными. Тутъ принципъ неумолимъ; кости сородича должны быть подняты! Поднять кость—технический терминъ родовой мести. Кровь должна быть искуплена кровью, и только въ крайнемъ случаѣ кровавое искупленіе можетъ быть замѣнено выкупомъ. Обязанность эта ярко

¹⁾ У родовъ, смѣшавшихся съ айнами, у которыхъ сохранился матернитетъ, въ случаѣ убійства внутри рода, братъ матери убитаго и ближайший агнать послѣдняго (отецъ, братъ) получаютъ выкупъ, который они дѣлятъ пополамъ.

окрашена болѣе религіознымъ, чѣмъ эмоциональнымъ элементомъ. Месть обязательна не только для современниковъ убитаго, но, въ случаѣ невыполненія ея со стороны послѣднихъ, и для двухъ послѣдующихъ поколѣній. Обязательна не только въ случаѣ убийства намѣренного, но и совершенно случайного, даже такого, которое только косвенно связано съ тѣмъ или другимъ лицомъ¹⁾. И что еще болѣе поучительно, она обязательна даже по отношенію къ животнымъ. Месть медвѣду, задравшему человѣка, не менѣе яростна, чѣмъ по отношенію къ убийцѣ-человѣку.

Ритуалъ подобной мести крайне характеренъ для пониманія психологіи этого родового института, и съ него мы начнемъ напись анализъ. Лишь только донеслась вѣсть о гибели человѣка въ борьбѣ съ медвѣдемъ, все взрослое населеніе устремляется въ тайгу, чтобы по свѣжимъ слѣдамъ настигнуть „убийцу“. Если не удалось накрыть настоящаго виновника, необходимо убить, по крайней мѣрѣ, трехъ другихъ медвѣдей (его „сородичей“). Если это не удалось въ теченіе зимы, необходимо сдѣлать это лѣтомъ, а сверхъ того „горный человѣкъ“ даетъ еще „тхусінѣ“ въ видѣ обильной добычи всякаго звѣря.

Но если посчастливилось настигнуть медвѣдя — „убийцу“ или его „сородича“, на него изливаютъ самую крайнюю ярость. Ему выбиваются первымъ долгомъ топоромъ зубы, а во время освѣживанія колютъ его со всѣхъ сторонъ ножами и осыпаютъ самыми отборными ругательствами. Снявъ съ медвѣдя шкуру, окутываютъ ею убитаго (если тѣло его осталось не съѣденнымъ; въ противномъ случаѣ, оно замѣняется деревяннымъ пояснымъ изображеніемъ его), и, усадивъ его на корточки на нартахъ, подкладываютъ ему подъ сидѣніе медвѣжью голову и въ такомъ видѣ съ громкими завываніями, перемѣшанными съ восклицаніями въ честь убитаго и въ поношеніе убийцы, везутъ къ селенію. Если медвѣдь не найденъ, подъ сидѣніе убитому подкладывается поясное изображеніе медвѣдя, а тѣло облекается въ накидку изъ стружекъ²⁾. Неподалеку отъ родного селенія сооружается срубъ

¹⁾ Однажды мой знакомый гилякъ павлекъ на свой родъ месть тѣмъ, что его ружье нечаянно выстрѣлило, когда онъ его подпилъ со дна лодки, и случайно убило рулевого.

²⁾ Стружки рассматриваются гиляками, какъ объектъ волшебной силы, священный. Культъ заструженныхъ деревашекъ (*инай*, см. гл. о религіи) играетъ

на подобіє медвѣжатника, съ отверстіями для послѣдующихъ жертвоприношеній. Снаружи по угламъ водружаются 4 заструженныхъ деревца, а внутри онъ убирается священными інагу²). Сюда-то и помѣщаются останки убитаго и его убѣйцы въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ ихъ доставили изъ тайги, какъ нами описано выше.

Подлѣ этого сруба устраивается своеобразная тризна изъ туши убитаго медвѣдя. По обѣимъ сторонамъ длиннаго непрерывнаго костра усаживаются сородичи съ большими кусками медвѣжьяго мяса въ рукахъ. Каждый рѣжетъ мясо на тонкіе ломтики, и по мѣрѣ отрѣзанія перебрасываютъ съ ножа каждый ломтикъ черезъ огонь сидящимъ на противоположной сторонѣ костра. Пойманный на ножѣ ломтикъ медленно поджаривается на огнѣ (величайшее поношеніе для медвѣдя, мясо котораго дозволяется только варить), затѣмъ отъ него съ видомъ отвращенія откусываютъ по кусочку и пренебрежительно бросаютъ, между тѣмъ какъ обыкновенно почитается великимъ грѣхомъ ронять даже косточку на землю. Послѣ этой процедуры „утонченной“ мести, начинается пиръ съ жертвоприношеніями хозяину горъ и убитому. Первымъ бросаютъ въ огонь зажженный трутъ, потомъ разныя яства. На ночь у сруба ставятъ стражу изъ 2-хъ человѣкъ съ копьями на случай, если душа медвѣдя захочеть отомстить. Караульные убѣжденно уверяютъ въ такихъ случаяхъ, что слышали крики убитаго: „Ой, медвѣдь!“ и бросались съ копьями на невидимаго мстителя. Утромъ на клинкахъ копий будто-бы явственно видны слѣды крови...

Съ окончаніемъ тризы миръ между горными людьми и родомъ убитаго возстановленъ. Послѣдній принять и будетъ жить до глубокой старости въ родѣ горныхъ людей, а его сородичи въ теченіе 3-хъ поколѣній будутъ дважды въ годъ (лѣтомъ и зимою) приносить жертвы, часть хозяину горы, часть божественному сородичу...

огромную роль въ религії гиляковъ. Въ пакицѣ изъ стружекъ хоронятъ обыкновенно избраниковъ. Такой чести удостаиваются, напримѣръ, женщины, родившія двойню, тройню, разматриваемыя, какъ существа высшаго порядка. Этотъ же нарядъ замѣняетъ бѣднымъ пышныя традиціонныя погребальные одежды изъ китайскаго шелка, что заставляетъ думать, что одежда изъ стружекъ въ отдаленныя времена была въ общемъ употреблена, и древность облекла ее въ ореоль чего-то священного.

Если месть священна по отношению къ медвѣду, существу божественному, отъ котораго зависитъ благополучие, и который нерѣдко убиваетъ человѣка не изъ злости, а изъ любви къ нему, и принимаетъ его въ свой родъ, то тѣмъ болѣе она обязательна по отношению къ чужеродцу.

Мы уже указали вначалѣ на преобладаніе въ императивѣ мести мотивовъ религіозныхъ надъ эмоциональными. Если месть обязательна до 3-го поколѣнія, если она обязательна по отношению къ убийцѣ случайному, къ другу, когнату, то это уже скорѣе тяготѣющее надъ родомъ бромя, чѣмъ импульсивный актъ, внушенный непосредственной реакцией озлобленія.

Гораздо большую роль, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ упроченія, такъ сказать, этой первоначальной реакціи, играетъ жажда къ душѣ убитаго и страхъ передъ нею и родовыми богами, любовно бодрствующими богами, для которыхъ неотомщенная кровь сородича безспорно величайшее оскорблѣніе.

Душа человѣка, умершаго насильственной смертью, не можетъ переселиться въ общее „селеніе покойниковъ“, гдѣ она могла бы продолжать такую же жизнь, какъ и на землѣ. Пока она не отомщена, пока кровь убийцы не дала ей силы поднять свои кости, она не въ состояніи покинуть земли и вынуждена кружиться въ воздухѣ въ видѣ птицы-мстительницы, по ночамъ испускающей страшные крики. Конецъ ея ужасенъ: постепенно истлевая, она, наконецъ, падаетъ на землю „прахомъ“, погибая навсегда. Птицу эту гиляки называютъ та х ч: это сѣрая птица съ краснымъ клювомъ, „любящая войну“. Въ этомъ эпитетѣ и кроется, вѣроятно, источникъ вѣрованія въ птицу-мстительницу: война у гиляковъ исключительно разъльтать мести, и, следовательно, хищныя птицы, „любящія войну“, очевидно, души убитыхъ сородичей. Надъ могилой убитаго въ видѣ грознаго тemento ставится пень съ вывороченными корнями кверху ¹⁾, которымъ придается видъ птицы. Иногда эта послѣдняя изображается съ желѣзными зубами и окончностями въ видѣ человѣческихъ ногъ ²⁾,

1) Обыкновенно же надъ могилами умершихъ естественной смертью корни обращены внизу.

2) Экземпляръ такого памятника, вывезенного изъ низовьевъ Амура покойнымъ акад. Л. Шренкомъ, хранится въ Музѣи Антропологии и Этнографіи, при Академіи Наукъ, въ С.-Петербургѣ.

какъ на нѣкоторыхъ изображеніяхъ свастики. Воть эта-то страшная и несчастная, вмѣстѣ съ тѣмъ, птица, ищащая успокоенія и возврата въ царство отошедшихъ сородичей, по начамъ вопіеть о мести и, конечно, способна страшно истить сородичамъ, забывшимъ свои обязанности. Даже, когда дѣло кончается выкупомъ, она остается непримиренной: необходима еще искушительная жертва въ видѣ собаки, сердце которой отдается птицѣ; въ противномъ случаѣ она жестоко истить обѣимъ сторонамъ.

Такъ какъ душа убитаго, какъ и всякая душа человѣческая, можетъ существовать только не болѣе 3-хъ поколѣній, то съ 3-имъ поколѣніемъ обязанности мести прекращаются. Но до того жалкая участъ души убитаго продолжаетъ мучить совѣсть сородичей и пугать ужасами мести неотомщенной, не давая имъ покоя. Эти-то мотивы являются преобладающими надъ непосредственнымъ инстинктомъ отплаты. Воть почему ярость мстителей никогда не доходитъ до истребленія цѣлаго рода убийцы, ограничиваясь однимъ или 2—3 его сородичами; тщательно избѣгаютъ убийства женщинъ и абсолютно воздерживаются отъ посягательства на имущество...

Тѣмъ не менѣе императивъ мести чрезвычайно интенсивенъ.

Вѣсть объ убийствѣ въ одинъ моментъ объединяетъ всѣхъ сородичей въ единодушно цѣлое, дѣйствующее съ лихорадочной энергией. Такую же лихорадочность проявляетъ поневолѣ и родъ убийцы. Для него дѣло идетъ не объ одной только охранѣ убийцы—одному человѣку всегда легко укрыться и выждать мирнаго разрѣшенія конфликта,—а объ охранѣ *всего* рода, *каждаго* сородича, котораго ожидаетъ коварное нападеніе изъ каждого угла, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ со стороны лихорадочно выслѣдывающихъ свою жертву мстителей. Для нихъ важенъ не убийца непремѣнно, а каждый мужской представитель его рода, хотя бы это былъ грудной младенецъ. Воть почему матери, чтобы спасти своихъ дѣтей мужскаго пола, въ моментъ неминуемой опасности самыми ужасными способами готовы замаскировать полъ младенца.

Нетрудно себѣ представить, что переживаютъ до окончанія конфликта обѣ стороны.

Самое счастливое положеніе, когда представители обоихъ враждебныхъ родовъ сожительствуютъ въ одномъ селеніи. Въ

этомъ случаѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, мученій ожиданія. Дѣло разрѣшается тогда немедленно послѣ убийства вооруженнымъ столкновеніемъ. Ближайшій родственникъ убитаго въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ сородичей бросается къ юртамъ рода убийцы и обрушивается на первого встрѣчнаго мужчину, за которого немедленно заступаются его сородичи, и тогда начинается общая схватка, которая въ нѣсколько часовъ кончается, и, если съ обѣихъ сторонъ пало по одинаковому числу жертвъ, то этимъ инцидентъ и разрѣшается. Бываетъ и болѣе счастливый исходъ, именно, когда въ дѣло вмѣшиваются представители третьяго рода, живущаго въ томъ же селеніи, пытаясь часто небезуспѣшно разнять противниковъ и закончить дѣло миромъ.

Но если роды живутъ въ разныхъ селеніяхъ, то возникаетъ военное положеніе со всѣми его послѣдствіями. При этомъ, если селенія близко расположены другъ оть друга, обороняющіеся — вполнѣ въ осадномъ положеніи. Объ обыденныхъ занятіяхъ вѣдь дома рѣчи быть не можетъ: ни охота, ни рыбная ловля невозможны, ибо на каждомъ углу можно ожидать засады. Въ крайнихъ случаяхъ мужчины не иначе рѣшаются удаляться оть своего дома, какъ имѣя впереди себя женщинъ, обшаривающихъ каждый кустикъ, затаптывающихъ траву, повсюду опасаясь засады. Но, конечно, все это паліативы: въ одну прекрасную ночь придется встрѣтить непріятеля грудью въ своемъ собственномъ селеніи... Наконецъ, при отдаленности мѣстожительства враждующихъ родовъ другъ оть друга приходится предпринимать далекіе походы пѣшкомъ или на лодкахъ. Это—должно быть импозантное зрѣлище, когда толпа воиновъ, одѣтыхъ въ лучшія одежды, со сверкающими копьями въ рукахъ и колчанами за спиной, съ ножами и японскими кинжалами за поясомъ, яростно потрясая оружиемъ, оглашаютъ первобытную тайгу воплями о мишеніи и призываютъ боговъ всѣхъ стихій о помощи:

Паль—хури мыя!
Толь—хури мыя!

Ты—хури мыя!
Миф—кури мыя!

„Богъ горы услышь, богъ моря услышь, богъ неба услышь, богъ земли услышь!“,—размахивая при этомъ копьями и воизвая ихъ въ каждое дерево на пути съ крикомъ: „Чхар, мыя!—О, де

рево, услышь!... Но это громкое настроение скоро сменяется боле ровнымъ; по мѣрѣ приближенія къ вражескому селенію энтузіазмъ переходитъ въ сосредоточенную серіозность.

Врагъ принялъ свои мѣры: въ его родныхъ мѣстахъ ему лучше извѣстны коварныя мѣста для засады, а въ стратегическихъ пунктахъ онъ подстерегаетъ въ искусственныхъ траншеяхъ, („ямкахъ“), откуда осыпаетъ градомъ стрѣлью неосторожнаго непріятеля. Немало и другихъ препятствій на пути наступающихъ. На непріятельской территории всякий промыселъ опасенъ (у многихъ родовъ онъ даже запрещенъ, у некоторыхъ запрещено также пользованіе водой рѣкъ и ключей); припасовъ, взятыхъ изъ дома, не надолго хватаетъ, а открытое, быстрое нападеніе,—принимало во вниманіе засады и безнаказанность сторожевой службы женщинъ,—не всегда возможно. Съ долгимъ терпѣніемъ и тяжелыми лишеніями приходится выжидать благопріятнаго случая или же решиться въ отчаяніи на крайній рискъ...

Чаще всего обороняющіеся предпочитаютъ ожидать нападенія въ собственномъ селеніи. Тогда, оставивъ женское населеніе, пользующееся неприкосновенностью, мужчины собираются въ отдѣльную юрту, откуда при первомъ сигналѣ караульныхъ о приближеніи непріятеля, они, скрывшись черезъ потайные ходы, собираются вмѣстѣ за юртами, готовые встрѣтить врага. По между-родовымъ обычаямъ битва продолжается ночь, самое большое сутки, пока, наконецъ, не появляются убитые, послѣ чего непріятель уходитъ, а остающіеся считаютъ число павшихъ съ обѣихъ сторонъ. Если со стороны обороняющихся пало болѣе, чѣмъ съ противной стороны, возникаетъ новый *casus belli*. Нападающіе во всякомъ случаѣ должны считать себя удовлетворенными. Но не всегда дѣло кончалось немногими жертвами. Извѣстны случаи, когда цѣлый родъ погибалъ, въ живыхъ оставались только женщины.

Бывало и наоборотъ, когда во избѣженіе гибели немногочисленнаго рода, неспособнаго къ сильному отпору, самопожертвованіе одного человѣка искупало общую вину. Минѣ извѣстенъ случай, когда юноша, виновникъ конфликта, въ тотъ самый моментъ, когда получилось извѣстіе о приближеніи непріятеля, сталъ умолять собравшихся вокругъ него въ юртѣ сородичей спастись бѣгствомъ, предлагая своей смертью спасти родъ отъ гибели. И когда сородичи съ потупленными взорами стали выход-

дить изъ юрты, онъ залпомъ выпилъ для храбрости чашку тюленьяго жиру и опрометью бросился, размахивая копьемъ, навстрѣчу разъяренной толпѣ мстителей... Рыцарство проявляется и во многихъ другихъ формахъ. Хотя обыкновенно набѣгъ мстителей бываетъ слишкомъ импульсивенъ, чтобы люди могли думать о какихъ-либо формальностяхъ нападенія, но эпосъ и преданія сохранили намъ многочисленныя формулы объявленія „войны“ черезъ особыхъ посредниковъ, о которыхъ подробнѣе мы скажемъ далѣе.

Обычная формула гласить лаконически: „онъ (мститель) окончательно сказалъ, что воевать съ тобою приди собирается; если ты сильнѣе, его убешь, если онъ сильнѣе, тебя убеть, — такъ сказалъ“.

Военные походы предпринимаются не только съ цѣлью мести за убийство сородича. Весьма обычны они и изъ-за женщинъ. „Прерасныя Елены“ у гиляковъ служатъ печальными поводами для войнъ даже гораздо чаще, чѣмъ убийства; послѣднія крайне рѣдки, никогда не носятъ корыстнаго характера, являясь исключительно дѣломъ минутной вспышки легко возбуждающагося „варвара“ по поводу малѣйшаго оскорблениія его самолюбія. Но изъ за женщинъ столкновенія гораздо чаще. То группа сородичей предпринимаетъ просто романіческій набѣгъ, чтобы похитить возлюбленную своего товарища. То походы предпринимаются съ цѣлью насильтвенного возврата похищенной жены сородича,— случаи болѣе серіозные, потому-что актъ этотъ столь же обязательенъ для рода (до 3-яго поколѣнія исключительно), какъ и месть и вира за убийство сородича. Обыкновенно стараются избѣгать кровопролитія, принаравливая нападеніе къ моменту, когда мужчины въ отсутствіи, но дѣло рѣдко обходится—какъ въ моментъ похищенія, такъ и во время преслѣдованія—безъ кровавыхъ столкновеній, которыя неизбѣжно влекутъ за собою необходимость „поднимать родныя кости“, т. е. войну со всѣми ся послѣствіями.

Теперь перейдемъ къ институту выкупа; „тхусінд“, отчасти смѣнившему месть, отчасти сосуществующему съ „местью“, слуга сї необходимымъ коррективомъ.

Какія причины вызвали институтъ выкупа на ряду съ категорическимъ императивомъ кроваваго возмездія, въ концѣ совер-

шенно вытеснившагося первымъ, до сихъ поръ остается совершенно невыясненнымъ въ наукѣ.

У гиляковъ, мы думаемъ, легко найти, по крайней мѣрѣ, главнѣйшую причину этого великаго преобразованія въ соціальныхъ отношеніяхъ. Она кроется въ той особой формѣ экзогаміи, о которой мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ.

Каждый родъ связанъ съ массой родовъ, по крайней мѣрѣ, съ 4-мя, узами самаго интимнаго свойства. У рода или родовъ ахмальк онъ беретъ себѣ женъ и отъ нихъ вышли его матери; роду или родамъ ымгі онъ даетъ замужъ собственныхъ женщинъ, дочерей и сестеръ. Эти роды, по естественному порядку вещей, ему дороги, съ ними его связываютъ неразрывно матери, дочери, сестры.

Родъ убійцы легко можетъ оказаться такимъ, который беретъ у него женщинъ, въ которомъ его сестры и дочери, или такимъ, который его снабжаетъ женщинами. Отсюда первое великое смягченіе—неприосновенность женщинъ въ конфликтахъ мести.

Но этимъ роль женщинъ не ограничивается. Если убійца изъ рода ахмальк, т. е., откуда происходятъ матери и жены мстителей, то нетрудно себѣ представить, что эти женщины не могутъ оставаться равнодушными зрительницами войны противъ ихъ собственныхъ братьевъ и отцовъ. Если же убійца изъ рода ымгі, жены этихъ послѣднихъ тоже не легко примирятся съ тѣмъ, чтобы ихъ мужья и сыновья пали отъ рукъ ихъ собственныхъ отцовъ и братьевъ. Въ обоихъ случаяхъ вмѣшательство женщинъ неизбѣжно, и достаточно немногихъ прецедентовъ миротворного вліянія ихъ, чтобы прецеденты обратились въ законный обычай, сначала сосуществующій кровной мести, а потомъ его вытесняющій.

Косвенно вліяніе женщинъ въ этомъ отношеніи должно было выразиться еще и другимъ образомъ, чисто механически, если можно такъ выразиться. Ихъ неприосновенность въ значительной степени фактически препятствовала самому осуществленію кроваваго возмездія. Ихъ сторожевая служба, единственная въ своемъ родѣ, больше должна была изнурять врага и ослабить его духъ, чѣмъ самое активное сопротивленіе. Пользуясь своимъ *habeas corpus*, онъ въ полной безопасности день и ночь обходить окрестности, обыскивая каждый кустикъ, каждую травку, въ поискахъ за-

сѣвшаго тдѣ-нибудь непріятеля. И если только нападающая сторона не обладаетъ подавляющей численностью, чтобы броситься открыто на ожидающаго врага, то ей никогда не удастся усыпить бдительности неприкосновенной сторожевой цѣпи, и терпѣніе нападающихъ, истощенныхъ недѣданіемъ, походомъ, мучительностью выжиданія, поневолѣ разбивается о пассивное сопротивленіе слабаго пола, и почва для мира становилась, такимъ образомъ, подготовленной...

Чтобы оцѣнить всю важность пассивнаго участія женщинъ въ борьбѣ родовъ, нужно еще принять во вниманіе, что у многихъ родовъ запрещено разводить огонь на чужой территоїи, пользоваться водой изъ ея рѣкъ и источниковъ, охотиться и т. д., такъ что, подобно библейскимъ жителямъ Гивеона, гилякамъ приходится отправляться въ походъ, нагрузившись мѣхами съ водой и такимъ запасомъ пищи, который человѣкъ способенъ понести на себѣ. При такихъ обстоятельствахъ каждый лишній день выжиданія грозитъ голодной смертью, и такимъ образомъ бдительность женщинъ поневолѣ побѣждается.

Вотъ одинъ изъ известныхъ мнѣ примѣровъ. Въ 1851 году 30 человѣкъ жителей с. Тебахъ отправились сухопутьемъ отомстить одному изъ родовъ с. Коль за убийство сородича. После долгаго перехода и еще болѣе долгихъ и бесплодныхъ выжиданій вслѣдствіе бдительности женщинъ, съ шестами въ рукахъ безпрестанно обыскивавшихъ мѣстность, вода въ пузыряхъ, наконецъ, истощилась, и мстителямъ пришлось уйти ни съ чѣмъ и покончить дѣло миромъ... Такъ маленькая причины приводятъ часто къ важнымъ послѣдствіямъ.

Правъ былъ Тайлоръ, когда утверждалъ, что экзогамія смягчала отношенія между родами и вносila миръ, хотя онъ исходилъ изъ ошибочнаго предположенія, что стремленіе къ миру вызвало къ жизни самый институтъ экзогаміи. Правда, первобытный человѣкъ не настолько сантименталенъ, а главное, слишкомъ „богобоязненъ“, чтобы съ легкимъ сердцемъ пожертвовать своими страхами кары за нарушеніе своего кроваваго долга голосу чувства или даже явному интересу, но у него есть, какъ мы знаемъ уже (см. гл. IV), испытанное средство, съ помощью котораго онъ умиротворяетъ боговъ съ полнымъ соблюдениемъ своихъ выгодъ: онъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, прибегаетъ

къ благочестивому обману боговъ, который даетъ ему возможность и выполнить свой религиозный долгъ, и извлечь материальные выгоды изъ конфликта. Обыкновенно эта важнейшая, религиозная процедура института виры совершенно игнорируется, да и не у всѣхъ народовъ сохранились слѣды религиозныхъ перемоній примиренія; у гиляковъ, какъ это мы разскажемъ въ дальнѣйшемъ, это отчетливо явствуетъ изъ ритуала выкупа, требующаго предварительной имитации кровавой мести въ видѣ борьбы представителей воюющихъ родовъ, убиенія собакъ и кормленія кровью ихъ духа убитаго.

Теперь перейдемъ къ практикѣ этого института.

Главную роль въ пропедурѣ примиренія играютъ такъ называемые *хлай нівухи*¹⁾.

Хлай нівухи— буквально: толкующій человѣкъ, краснорѣчивый, ораторъ. Такой человѣкъ пользуется въ глазахъ гиляка особымъ почетомъ, ибо краснорѣчивый индивидъ, по его воззрѣнію, избранникъ особаго божества, которое постоянно вдохновляетъ его, обитаетъ въ немъ и внушаетъ ему красивыя, убѣдительныя рѣчи и неотразимое вліяніе на слушателя. Самая быстрота рѣчи, способность говорить плавно и быстро въ теченіе продолжительнаго времени, независимо даже отъ содержанія рѣчи, уже считается даромъ высшаго порядка. „У него языкъ вертится, какъ крылья вѣтряной мельницы“, съ благовѣніемъ характеризуетъ гилякъ выдающихся ораторовъ. Послѣдніе, въ свою очередь, сами смотрятъ на себя, какъ на избранниковъ. На материикъ они всегда носятъ съ собою деревянный жезлъ, на головкѣ котораго вырезано человѣческое лицо, изображающее, повидимому, то божество, которое ихъ вдохновляетъ и помогаетъ имъ убѣждать другихъ. Въ патетические моменты они грозно размахиваютъ имъ, клянясь, въ случаѣ неуспѣха своихъ доводовъ, сломать его и навлечь кару боговъ на себя и непокорнаго оппонента. Чаще всего *хлай нівухи* вмѣстѣ съ тѣмъ избранникъ и въ другихъ отношеніяхъ: это человѣкъ богатый, искусный въ промыслахъ, бывалый, храбрый, съ большимъ природнымъ умомъ и пользующійся авторитетомъ среди своихъ соплеменниковъ.

Каждый родъ, каждое селеніе имѣть своего маленькаго *хлай-*

1) Беремъ терминъ болѣе распространенного западнаго діалекта.

нівух'а, но есть знаменитости, пользующиеся широкой славой среди многихъ нагодностей края, и ихъ, въ случаѣ надобности выписываютъ, какъ у насъ знаменитыхъ адвокатовъ. Свои функции они исполняютъ скорѣе *honoris causa*, потому что ихъ обычный гонораръ—китайский шелковый костюмъ и японская сабля—едва ли можетъ достойно вознаградить богатаго человѣка за потерю времени и тяжесть обязанностей: даримыя имъ одежда и оружіе служать скорѣе ихъ *insignia magistratus*, официальнымъ облаченіемъ, въ которомъ они исполняютъ свои обязанности во время переговоровъ.

Такъ вотъ, когда родъ истителей достаточно измучился въ своихъ попыткахъ кроваваго возмездія, или если убийство съ самого начала произошло при обстоятельствахъ, легко располагающихъ къ примиренію, тогда начинаютъ отыскивать *хлaj-нівухъ*, который взялся бы за переговоры и съумѣлъ бы добиться наиболѣе выгодныхъ условій. *Хлaj-нівухъ* долженъ быть обязательно нѣйтрального рода. Сородича послать нельзя: во-первыхъ, до примиренія грѣхъ имѣть какое-бы то ни было дѣло съ родомъ убийцы, кромѣ того, при естественномъ раздраженіи сторонъ переговоры черезъ сородича могутъ кончиться новымъ убийствомъ. Противная сторона, въ свою очередь, выбираетъ своего „оратора“, который долженъ защищать ея интересы при переговорахъ о выкупѣ. Обыкновенно иниціативу береть на себя обиженная сторона.

Въ одинъ прекрасный день компанія вооруженныхъ истителей со своимъ *хлaj-нівухъ*омъ во главѣ появляется передъ селенiemъ „убийцы“. Въ ближайшей тайгѣ или на берегу реки истители разводятъ огонь и располагаются лагеремъ, а *хлaj-нівухъ* одинъ въ своеемъ парадномъ облаченіи, съ копьемъ въ одной руки, котелкомъ въ другой, идетъ во вражеское селеніе. Здѣсь въ одной изъ юртъ его ожидаютъ противники со своимъ *хлaj-нівухъ*омъ во главѣ... Опираясь на свое копье или усѣвшись и закуривъ трубку (непремѣнно „своимъ“ огнемъ), онъ говоритъ: „Я посланъ вамъ сказать, что вы нашего человѣка убили, и какого человѣка! Его правая рука стоила столько-то „сляхр“¹⁾), если бы онъ

¹⁾ Сляхр—денежная единица, которую гиляки по руски почему-то переводятъ „цѣловый“ и оцѣниваютъ на наши деньги въ три рубля,—повидимому китайскій таможенный данъ. На эти единицы оцѣниваютъ гиляцкія жиловыя цѣнности—шагунд (см. выше).

живъ былъ, развѣ онъ согласился-бы взять столько? Его лѣвая рука стоила столько-то и т. д.⁴. Перечисляются затѣмъ всѣ остальные части тѣла и подводится итогъ виры. Если противная сторона согласна, она кладеть въ котелокъ оратора столько палочекъ, сколько было условлено уплатить „пѣлковыхъ“. Но сразу къ соглашенію никогда не приходятъ. Ораторъ противной стороны старается находить извиненія для убѣйцы и предлагаетъ свой минимумъ выкупа. Это выводить изъ себя противника, и онъ гнѣвно уходитъ, грозя прервать переговоры. За нимъ спѣшно бѣжитъ вслѣдъ его коллега, убѣждая уступить. Они садятся, каждый закуривааетъ непремѣнно своимъ огнемъ, спорятъ, опять кто-нибудь вспыхнитъ и убѣгаешьъ, опять сходятся, возвращаются въ селеніе... Этикетъ требуетъ, чтобы соглашеніе было принято не сразу, а послѣ упорного сопротивленія, поэтому иногда въ безконечныхъ схожденіяхъ и расхожденіяхъ проходитъ 2—3 дня... Нѣкоторые хлаж-ниувх'и на Амурѣ прибѣгаютъ, по обычаю тунгусскихъ племенъ, въ послѣдній моментъ къ помощи своего волшебнаго жезла, который они грозятся сломать и этимъ навлечь кару боговъ на себя и упрямыхъ противниковъ.

Когда соглашеніе достигнуто, начинается религіозный моментъ, о которомъ я говорилъ выше, процедура имитациіи кровавой борьбы, которая должна скрыть отъ души убитаго и родовыхъ боговъ мирный исходъ конфликта.

Процессія мстителей съ хлаж-ниувх'омъ во главѣ выступаетъ по направленію къ селенію противника, а ей навстрѣчу движется такая же процессія рода убѣйцы. На разстоянії нѣсколькихъ десятковъ саженъ обѣ стороны останавливаются, и выступаютъ впередъ ближайшій родственникъ убитаго со своимъ хлаж-ниувх'омъ, а съ другой стороны—убѣйца со своимъ „посредникомъ“, оба вооруженные луками и копьями. По данному сигналу хлаж-ниувх'овъ начинаютъ пускать другъ въ друга стрѣлы или набрасываются копьями, ловко уклоняясь при этомъ отъ стрѣлы и удара. Дузель, конечно, фиктивная, хотя бываютъ случаи, что противники входятъ въ азартъ, и дѣло кончается печально. Все время хлаж-ниувх'и успокаиваютъ своихъ клиентовъ, твердя про примиреніе. Сородичи между тѣмъ проводятъ между противниками по собакѣ и убиваютъ ихъ копьями („кровь за кровь“). Затѣмъ противники бросаются другъ другу въ объятія, и миръ заключенъ. Сердце

убитой собаки отдается въ жертву птицѣ-мистительницѣ (см. выше), а мясо съѣдается на послѣдующемъ пиршествѣ.

Затѣмъ представители обѣихъ сторонъ отправляются въ юрту убійцы, гдѣ разставлены предметы, составляющіе тхусінд,— котлы, копья, сабли, шелковая матерія и т. д. Въ уплатѣ послѣдняго участвуютъ въсѣ сородичи, каждый по своему состоянію, считая за великий грѣхъ уклониться отъ посильной доли. Съ другой стороны для рода убійцы полученный тхусінд становится общіей собственностью. Частью имъ возмѣщаются тѣ драгоценности, которыя понадобились для убитаго въ „селеніи мертвыхъ“, частью это становится фондомъ для семьи убитаго и родовыхъ надобностей.

Переговоры о тхусінд по другимъ поводамъ, какъ напр., по поводу похищенной женщины, оскорблений святыни и т. п., ведутся тоже посредствомъ хлaj-нівух'овъ, но уже безъ особенной торжественности. Посредники обсуждаютъ спорные вопросы въ присутствіи собравшагося народа, выслушиваются мнѣнія присутствующихъ, и рѣшеніе является какъ бы приговоромъ дѣлагао собранія.

7. Грѣхъ одинъ. Хотя нормы и обычаи религіи и поведенія почти тождественны у всего племени, тѣмъ не менѣе каждый родъ имѣеть свой комплексъ обязанностей и запретовъ, обязательныхъ только для его членовъ. Первый обширный кругъ запретовъ касается половыхъ нормъ. Для членовъ каждого рода запретны для брака и полового общенія определенные категоріи женщинъ, напримѣръ, всѣ безъ исключенія женщины, родившіяся въ данномъ родѣ, далѣе, жены младшихъ братьевъ, всѣ женщины, которыхъ зовутъ ымк и ранр, всѣ женщины, происходящія изъ рода „зятей“ и т. д., такъ что достаточно знать, какія женщины тому или другому лицу запретны, чтобы безошибочно сказать, къ какому роду онъ принадлежитъ. Къ этой категоріи можно отнести и запреты рѣчи. Для членовъ каждого рода существуютъ определенные классы лицъ, съ которыми говорить воспрещается; таковы классы туви (братья и сестры всѣхъ степеней родства), ачык (мать и тетки жены) и др. Третья категорія запретовъ касается религіозныхъ нормъ въ тѣспомъ смыслѣ. У каждого рода, какъ мы видѣли, есть свои родовые боги и жертвоприношенія, свои священные предметы, свои повѣрія и, слѣдовательно,

свой ритуалъ роводого культа, общіе для всѣхъ сородичей и съ религіозной стороны совершенно безразличные для чужеродныхъ. Эти многочисленны обряды и предметы культа требуютъ величайшаго къ себѣ уваженія. За всякое нарушеніе ихъ отвѣчаетъ круговой порукой весь родъ, на котораго обрушиается гнѣвъ оскорблennыхъ божествъ, и потому каждый членъ рода не только обязанъ самъ избѣгать нарушенія своихъ та б у, но и охранять ихъ отъ нарушенія посторонними. За каждое такое нарушеніе необходимо взыскать тхусінд. Отсюда обычныя тѣжбы съ чужеродцами по поводу случайной порчи ограды очага, выноса огня изъ юрты, уроненной косточки медвѣдя во время праздничной трапезы, нарушенія неприкосновенности всѣхъ принадлежностей медвѣжьяго праздника—столбовъ для привязыванія медвѣдей, шестовъ съ ихъ головами, амбаровъ для праздничной посуды и медвѣжьихъ костей и т. д.

Наконецъ, если принять во вниманіе, что терминъ „грѣхъ“ обнимаетъ не только запретъ, въ формальномъ смыслѣ, но и обязательность исполненія положительныхъ нормъ, то формула „общій грѣхъ“ пріобрѣтаетъ широкій обобщающій смыслъ, становится выражениемъ принципа единства круга родовыхъ обязанностей вообще. Значеніе этого принципа тѣмъ важнѣе, что обязанности и запреты въ глазахъ гиляка отнюдь не формальная юридическая нормы, соблюдаemыя подъ страхомъ наказанія, а религіозные императивы, ригористически выполняемые изъ чувства самосохраненія. Для гиляка нѣть различія между запретомъ религіознымъ, половымъ или соціальнымъ: все они одинаково религіозные, а исполнять требованія религії—значить заботиться о благоволеніи боговъ, устраниеніи козней враговъ жизни и т. д., иначе говоря, заботиться о своемъ самоохраненіи. Не исполнять ихъ, принимая во вниманіе всю родовую подкладку культа, значитъ губить не только себя, но и весь родъ. Отсюда —важное значеніе этого принципа какъ цемента родового союза. Отсюда, съ другой стороны, становится понятнымъ, почему нормы, часто противорѣчащія человѣческой природѣ, требующія огромнаго самообладанія, выполняются не по принужденію, а какъ естественные требования инстинкта. Посмотрите, напримѣръ, съ какой силой дѣйствуютъ нормы половыя. Вообще въ дѣлахъ полового инстинкта гиляки, какъ мужчины, такъ и женщины,

слѣдуютъ совершенно свободно естественному влеченію: цѣломудрія нѣтъ ни до, ни послѣ брака: единственная забота—не сдѣлаться жертвой ревности. О какомъ-либо чувствѣ самообузданія и рѣчи нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на полную половую распущенность, съ нашей точки зреянія, гилякъ соблюдаетъ абсолютное цѣломудріе по отношенію къ лицамъ запретныхъ категорій: прелюбодѣяніе ему не извѣстно, прелюбодѣй—уродъ, почти не встрѣчающееся исключеніе. То же и въ запретахъ рѣчи. Даже оставаясь съ глазу на глазъ братъ и сестры по цѣльмъ днямъ переносятъ муки молчанія, перекидываясь между собою въ случаѣ крайней необходимости рѣдкими дѣловыми обращеніями въ безличной формѣ, а между тѣмъ по темпераменту это люди менѣе всего молчаливые. Конечно, такое самообладаніе—результатъ въ значительной степени воспитанія, дрессировки, но оно бы никогда не достигло такой высокой степени выдержки, еслибы не общее сознаніе гибельности каждого индивидуального нарушенія для блага всего рода.

Религіозная санкція запретовъ и обязанностей, живое сознаніе всѣмъ и каждымъ „общности грѣха“ объясняютъ намъ самую удивительную сторону строя рода, наличность соціального организма и почти полное отсутствіе принудительного элемента, власти. Но объ этомъ послѣ.

Таковы основные признаки рода. По нимъ можно судить о всеобъемлющей роли его въ жизни гиляка. Онъ охватываетъ человѣка отъ рожденія до смерти, заполняя все содержаніе жизни. Онъ окружаетъ его интимными узами родства какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери. Онъ соединяетъ живою связью живущее поколѣніе со всѣми отошедшими. Онъ гарантируетъ человѣку бракъ индивидуальный и супружескія права внѣ его, а послѣ смерти обеспечиваетъ его вдову и лѣтей. Онъ охраняетъ его жизнь и неприкословенность его семьи отъ посягательствъ чужеродца, готовый какъ одинъ человѣкъ встать на защиту по правныхъ правъ сородича и отвѣтить за его вину передъ чужеродцемъ. Онъ кормить въ случаѣ голода, платить долги неизвестаго, выручаетъ въ уплатѣ калмы и виры.

Въ благоволеніи родовыхъ боговъ, въ родовыхъ жертвоприношеніяхъ человѣкъ находитъ высшее покровительство и саму

сильную гарантію своему благополучію. Родъ—школа нравственаго воспитанія, школа долга, соціального сотрудничества и самопожертвованія и, наконецъ, въ родѣ человѣкъ находитъ высшія радости и самыя цѣнныя утѣшенія въ наиболѣе горькихъ бѣдствіяхъ жизни,—шумные радости празднествъ и заботы о блаженствѣ въ загробномъ мірѣ.

Каковъ же механизмъ этого удивительного учрежденія, дающаго человѣку больше, чѣмъ современное государство, окружающаго человѣка не только всеобъемлющими заботами, но и обширной сѣтью регламентацій и „грѣховъ“? Гдѣ его виѣши признаки и органы, выполняющіе его функции? Не странно ли, что въ формулѣ рода эти важнѣйшіе съ нашей точки зрењія элементы совершенно отсутствуютъ?

VII.

М е х а н і з мъ р о д а .

Норденшильдъ, описывая чукчей, въ одномъ мѣстѣ выражается такъ: „Здѣсь, какъ и во всѣхъ посѣщенныхъ мною стоянкахъ, царствовала совершенная анархія. Тѣмъ не менѣе члены этой безглавой общины жили между собою въ ладу и дружбѣ“.

Подобные отзывы легко встрѣтить и у многихъ другихъ путешественниковъ по отношенію къ разнымъ первобытнымъ народамъ. Въ частности то же, что о чукчахъ, сказалъ бы, вѣроятно, Норденшильдъ и о гилякахъ. Та глубокая соціальная организація, которую мы описали въ предыдущей главѣ, составляющая душу всякаго первобытнаго общества и вошедшая въ исторію подъ именемъ рода, остается часто совершенно скрытой отъ взора случайнаго цивилизованнаго наблюдателя, ибо для него все, что не напоминаетъ ему, европейцу, привычныхъ для него элементовъ государственности—территоріи, представителей власти, принудительной регламентаціи строя—есть не больше, какъ „анархія, при которой, къ крайнему его изумленію, тѣмъ не менѣе, члены безглавой общины умудряются жить въ ладу и дружбѣ“.

Это именно поражаетъ и въ строѣ гиляцкой жизни. Несмотря на всю сложность соціальной ткани, охватывающей всѣ стороны жизни, всѣ виѣши-формальные признаки организаціи, которые

невольно ищетъ повсюду европеецъ, либо совершенно отсутствуютъ, либо принимаютъ слишкомъ колеблющіяся формы.

Начнемъ съ терріторіи. Совершенно естественно, что члены одного рода предпочитаютъ жить совмѣстно, въ непосредственномъ единеніи и общениіи другъ съ другомъ. Есть, дѣйствительно, нѣсколько селеній, какъ Танги, Няніво, Вискво и др., гдѣ все населеніе принадлежитъ къ одному роду. Въ большихъ зимнихъ юртахъ такихъ селеній можно въ каждой насчитать иногда по 2—3 десятка сородичей и ни одного чужого. Даже тамъ, гдѣ въ одномъ селеніи, какъ Коль, гдѣ живетъ совмѣстно нѣсколько родовъ, юрты каждого рода расположены въ рядъ, какъ бы по строго соблюданной традиціи. Каждый родъ имѣеть свои родовые рѣчки для охоты, распределенные между отдѣльными семьями, среди которыхъ онѣ переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, хотя, впрочемъ, право собственности ограничено фактическимъ пользованіемъ, съ перерывомъ котораго рѣчка становится *res nullius* и можетъ быть использована всякимъ, даже чужимъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на естественную тенденцію сородичей держаться поближе другъ къ другу, принципъ терріторіальности фактически не существуетъ. Въ огромномъ большинствѣ гиляцкихъ деревень составъ населенія смѣшанный. Въ упомянутомъ селѣ Коль я насчиталъ представителей 8 родовъ, въ селеніяхъ меньшихъ по 2—3 рода, и очень мало такихъ, въ которыхъ совсѣмъ не было бы чужеродныхъ. Есть роды, развѣтвленія которыхъ встречаются въ самыхъ различныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ гиляцкой терріторіи. Эта разбросанность, конечно, есть фактъ, идущій какъ бы въ разрѣзъ съ принципами рода, но она неизбѣжна при данныхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Селеніе, расположеннное въ особенно благопріятномъ въ рыболовномъ отношеніи пунктѣ, естественно привлечетъ пришельцевъ изъ другихъ родовъ, и, наоборотъ, если родъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ размножился настолько, что исконное селеніе прокормить всѣхъ уже не можетъ, отъ него постепенно выдѣляются переселенцы въ другія мѣста, причемъ выбираются ближайшіе пункты, дабы связь между сородичами не прерывалась. Переселеніе въ очень отдаленные пункты влечетъ за собою фактическое дѣленіе

„огня“ и развѣтвленіе рода. Не менѣе важной причиной смѣшанности населенія является обычай переселенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ зятей въ роды тестей, о чемъ подробнѣе будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Такъ или иначе территорія является неопределеннымъ признакомъ рода.

У гиляковъ отсутствуетъ даже сознаніе права собственности на территоріи, и не только по отношенію къ своимъ, но и къ чужоплеменникамъ. Когда лѣтъ 50 тому назадъ на Сахалинѣ появились бродячіе тунгусы, которые стали охотиться на исконныхъ территоріяхъ гиляковъ, никому въ голову не приходило протестовать противъ этого, хотя тунгусы пришли небольшими группами и едва-ли были въ состояніи удержаться силой противъ многочисленныхъ аборигеновъ.

Столь же неопределеннымъ признакомъ являются и родовые прозвища. У массы первобытныхъ племенъ, такъ назыв. тотемныхъ, родовое прозвище—одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ вышнихъ признаковъ единства рода. Тотемнымъ прозвищемъ является реальный предметъ природы, животное или растеніе, которое изображается на тѣлѣ, на платьѣ, на зданіяхъ и т. д.

У гиляковъ ничего подобнаго нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ родахъ существуютъ тотемистическая преданія. Такъ, напр., родъ, живущій въ с. Таңгахъ, считаетъ себя родственнымъ съ медвѣдемъ, на томъ основаніи, что одна женщина этого рода родила урода съ чертами, напоминающими медвѣжьи. Подобные преданія имѣются и въ другихъ родахъ. Тѣмъ не менѣе не только типичныя тотемныя, но и обыкновенные родовые прозвища въ собственномъ смыслѣ отсутствуютъ. Прозвища имѣются только территоріальныя. Если гилякъ хочетъ назвать людей такого-то рода, онъ говорить „жители такого-то селенія“, что иногда совпадаетъ, съ дѣйствительнымъ мѣстожительствомъ рода, но чаще всего только показываетъ то селеніе, которое было когда-то исконнымъ мѣстопребываніемъ того или другого рода.

Такъ, въ с. Коль есть роды, носящія названія: Тывли-финг (жители с. Тывли); Мъехре-финг (жители с. Мъехри), Нъенхай-финг (жители с. Нъенхай) и т. д., между тѣмъ представители этихъ родовъ уже давнымъ давно живутъ въ упомянутомъ селеніи Коль, порвавъ всякия связи съ исконными мѣстожительствами

своихъ родоначальниковъ¹⁾). Единственные роды, которые имѣютъ настоящія родовыя прозвища, это основанные выходцами изъ соседнихъ тунгусскихъ племенъ; такъ образовались роды Цхарнунгъ, Чориль и т. д. И замѣчательно, что именно у этихъ племенъ мы уже находимъ явный переходъ къ тотемизму. У племени нѣгда, напримѣръ, почти каждый родъ ведеть свое происхожденіе отъ того или другого рода животнаго (тигра, жабы, медвѣдя и т. д.). У гиляковъ же подобныя явленія встрѣчаются очень рѣдко.

Теперь переходимъ къ самому, съ точки зреінія европейца, важному признаку родового единства—къ органамъ власти. Какъ ни сложна, какъ мы видѣли, родовая жизнь, родъ не знать никакихъ установленныхъ властей. Правда, китайцы, а за ними русскіе пытались установить у гиляковъ институтъ старость, и то не родовыхъ, а сельскихъ, но онъ никакого отношенія къ родовой жизни не имѣлъ. Это былъ скверный эпизодъ, но и только. Старосты, назначенные русскими властями, избрались не изъ лучшихъ и даже не изъ богатѣйшихъ жителей, а изъ наиболѣе угодливыхъ, а потому не только никакимъ авторитетомъ не пользовались, но скорѣе презрѣніемъ, а въ иѣко-торыхъ случаяхъ и ненавистью. Исконный строй рода ничего подобнаго не зналъ. Патріархальная власть, которая по библейскимъ примѣрамъ обыкновенно ассоціируется съ родомъ, и которую еще и теперь мы видимъ, напримѣръ, у бурятъ, киргизовъ, кавказскихъ народовъ и т. д., у гиляковъ, да и вообще у народовъ однородной съ ними ступени развитія, абсолютно отсутствуетъ. Ея не существуетъ даже въ семье. Правда, иѣкоторый деспотизмъ практикуется по отношенію къ женщинамъ, которыхъ подчинены сначала отцу и братьямъ, а послѣ замужества—мужьямъ, но это—деспотизмъ, ничего общаго не имѣющій съ римскими *patria potestas*. Случаи убийства или продажи въ рабство женъ и дочерей невозможны.

Перѣдки, правда, случаи принудительной выдачи замужъ, чтобъ значительной степени связало съ религіозно освященнымъ обычаемъ браковъ между дѣтьми братьевъ и сестеръ, но вообще

¹⁾ Подобная территориальная пазванія у австралійцевъ подали поводъ Кунову совершенно преоспособительно заключить, что у этихъ племенъ отсутствуетъ родовая организація.

отношение къ дочерямъ самое нѣжное какъ до, такъ и послѣ замужества. Между семьями тестя и зятя на всю жизнь устанавливаются, какъ это мы увидимъ, глубокія интимныя узы гостепріимства и взаимопомощи, а въ рѣдкихъ случаяхъ дурного обращенія съ замужней женщиной послѣдняя всегда находитъ фактическую защиту со стороны своихъ родныхъ. Вообще же супружескія отношенія очень мягки, съ женщинами совѣтуются, а болѣе пожилыя даже участвуютъ въ сходкахъ и совѣщаніяхъ сородичей.

Совершенно незамѣтнѣй деспотизмъ по отношенію къ представителямъ мужскаго пола. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно видѣть отношеніе старшихъ къ дѣтямъ. Цивилизованному человѣку трудно даже себѣ представить, какое чувство равенства иуваженія царить здѣсь по отношенію къ молодежи. Подростки 10—12 лѣтъ чувствуютъ себя совершенно равноправными членами общества. Самые глубокіе и почтенные старцы съ самымъ серіознымъ вниманіемъ выслушиваютъ ихъ реплики и отвѣчаютъ имъ съ такой же серіозностью и вѣжливостью, какъ своимъ собственнымъ сверстникамъ. Никто не чувствуетъ ни разницы лѣтъ, ни положеній. Правда, гиляцкій подростокъ 10—12 лѣтъ обыкновенно уже *accomplished gentleman*. Онъ не только усвоилъ всю технику обиходныхъ работъ, онъ не только ловкій стрѣлокъ, рыболовъ, гребецъ и т. д., онъ уже фактически работникъ, такой, какъ и всѣ. Мало того, онъ въ значительной мѣрѣ обладаетъ уже и всей суммой духовнаго знанія: онъ знаетъ уже изъ практики всѣ родовые обычай, всѣ религіозные обряды, помнитъ всѣ родственные названія, знаетъ легенды, сказки и пѣсни своего племени, и въ довершеніе всего—то знаніе людей и жизни, которое даетъ постоянное пребываніе въ обществѣ взрослыхъ: въ путешествіяхъ, на охотѣ, рыбной ловлѣ, празднествахъ и т. д. Отсюда—и его чувство собственнаго достоинства, и солидность въ рѣчи, и умѣніе держаться въ обществѣ.

Но всѣ эти качества не имѣли бы никакого значенія, если бы патріархальные принципы существовали. И у другихъ малокультурныхъ народовъ молодежь рано достигаетъ самостоятельности, но отъ нея требуется особенная, почти религіозная почтительность къ старшимъ, которые нарочито дрессируютъ ее въ подчиненіи. Ничего подобнаго нѣтъ у гиляковъ. Тѣмъ болѣе не

замѣтно деспотизма главы семьи по отношенію къ взрослымъ членамъ. Сыновья совершенно свободно отдѣляются отъ отца, получая отъ него выдѣль въ видѣ утвари, саней и т. п., и, помогая ему долей отъ своей добычи, дѣлаютъ это совершенно свободно, безъ всякаго принужденія. Встрѣчаются большія семьи, живущія общимъ хозяйствомъ, во главѣ котораго стоитъ старшій въ семье, дѣдъ, отецъ или одинъ изъ братьевъ, но это совершенно свободная ассоціація, изъ которой когда угодно можно выступить. И вотъ, даже состоя участникомъ такого хозяйственаго союза, каждый членъ можетъ имѣть и свое индивидуальное хозяйство въ видѣ саней и собакъ, оружія, пользуясь правомъ на индивидуальные заработки, связанные съ личными заслугами; и то, чѣмъ каждый членъ дѣлится со своими,—а дѣлается широко особенно сѣйстными припасами, какъ природными, такъ и покупными,—удѣляется безъ всякаго попужденія: привозять изъ города муку, рисъ, чумизу и т. п., все это варится въ общемъ котѣ для всѣхъ. Коммунизмъ и индивидуализмъ сочетаются безъ всякихъ трений.

Наконецъ—и это особенно необходимо отмѣтить—во главѣ большой семьи съ общимъ хозяйствомъ стоять вовсе не обязательно старшіе по лѣтамъ, а, наоборотъ, чаще всего люди молодые, заявившіе себя своей дѣловитостью, усердіемъ и оборотливостью, словомъ, личными талантами. Старики пользуются авторитетомъ лишь въ вопросахъ специальныхъ, какъ хранители традицій, знатоки обрядовъ и исторіи семейно-родовыхъ отношеній. Съ ними совѣтуются въ запутанныхъ вопросахъ родства, даچѣ имень, имъ предоставляется распоряжаться обрядовой стороной на праздникахъ, но это имъ не даетъ никакой власти, никакихъ преимуществъ.

И вотъ, чего нѣть въ семье,—деспотизма старѣйшаго, главы,—того нѣть и въ родѣ. Онъ не знаетъ не только полновластныхъ старѣйшинъ—патріарховъ, но и установленныхъ постоянныхъ властей вообще, ни коллективныхъ, ни единичныхъ, ни выборныхъ, ни по праву рожденія и наслѣдства.

Между тѣмъ родъ не фикція: это—сложное учрежденіе, окружающее гиляка густѣйшею сѣтью регламентаций, запретовъ, обязанностей и въ то же время доставляющее ему всѣ блага, материальныя и духовныя, прочнаго общественнаго союза.

Мы вернулись такимъ образомъ къ вопросу, поставленному нами въ концѣ предыдущей главы. Гдѣ двигатели механизма этого всемогущаго учрежденія—рода, гдѣ тайна этого удивительнаго соединенія самой тѣсной общественности и абсолютнаго отсутствія деспотизма, всеобъемлющей опеки и регламентаціи съ отсутствіемъ принудительности и сохраненіемъ индивидуальной свободы?

Тайна эта заключается въ двухъ условіяхъ: 1) въ простотѣ экономическихъ условій и отношеній, предоставляемыхъ широкой просторъ всестороннему развитію силъ и способностей личности и свободному примененію ихъ къ широко и равно открытымъ для всѣхъ дарамъ природы; и во 2-хъ, въ томъ цѣлостномъ соціально-релігіозномъ міросозерданіи, которое совершенно спонтанейно, безъ всякаго внѣшняго давленія, направляетъ волю и дѣятельность каждого къ гармоніи общаго интереса, ставя на мѣсто внѣшняго принужденія силу внутренняго сознанія каждого,

Разсмотримъ поближе эти условія, и прежде всего экономическія.

Преобладающая форма труда—индивидуальная или самое простое сотрудничество. Главный источникъ пропитанія—рыболовство. Море и рѣки такъ богаты этимъ продуктомъ, что при самомъ скучномъ инвентарь каждый при нормальныхъ условіяхъ можетъ личными индивидуальными условіями обеспечить свое существованіе. При добываніи морскихъ звѣрей, правда, необходимо сотрудничество нѣсколькихъ человѣкъ, но все дѣло такъ просто, что тутъ не можетъ быть рѣчи о хозяевахъ и работникахъ, ни о специальной организаціи: каждый исполняетъ то, къ чему опять болѣе способенъ, артель къ тому обыкновенно составляется изъ родственниковъ, и никому и въ голову не приходить дѣлить добычу иначе, какъ по числу работниковъ. Часть ея удѣляютъ даже и непринимающимъ участія въ охотѣ, ибо развѣ родовые боги даютъ только однимъ, а не всѣмъ членамъ рода? То же и при охотѣ на лѣсныхъ звѣрей, если она ведется въ компаніи, но обычно охотникъ, какъ и рыболовъ, можетъ совершенно обойтись въ своихъ промыслахъ безъ посторонней помощи. И, дѣйствительно, въ сезонъ рыбной ловли гиляцкое населеніе расходится во всѣ стороны; каждый хозяинъ удаляется на свое излюбленное мѣстечко. Въ сезонъ охоты каждый заби-

рается въ свой промысловый балаганъ и отсюда слѣдить за своими ловушками, по недѣллмъ не видя посторонняго человѣка.

Такимъ образомъ, преобладающа форма труда индивидуальная. Каждый долженъ умѣть дѣлать все, обладать всѣми знаніями своего племени, быть равной со всѣми, всесторонне развитой и подготовленной къ жизни личностью.

А такъ какъ дары природы обильны, свободны и доступны уси-
ліямъ каждого, то благосостояніе человѣка зависитъ, слѣдовательно,
исключительно отъ его способностей и усердія. Неравенство, ко-
торое, при болѣе сложныхъ условіяхъ, является источникомъ раздо-
ровъ и соціальной розни, здѣсь не проявляеть своихъ терніевъ.
Богатый человѣкъ всѣмъ обязанъ исключительно лично своимъ
талантамъ и добродѣтелямъ. Его накопленія никого не могутъ
ни порабощать, ни унижать. Кромѣ того, личные достоинства
человѣка—даръ боговъ, и избранникъ не можетъ ни вызывать
зависти, ни гордиться своими преимуществами ¹⁾.

Его покровители, посылающіе ему звѣрей въ тайгѣ и рыбу
въ водѣ, общіе геніи рода. Копить свои богатства, не дѣлясь съ
сородичами, значило-бы присваивать себѣ то, что принадлежитъ
ему сообща со всѣми, и высшее честолюбіе такого человѣка
—проявлять свою щедрость и благоволеніе окружающимъ.

Таковы экономическія отношенія, выработавшія цѣльную, рав-
ную по подготовкѣ и знаніямъ съ другими личность, исключаю-
щія возможность взаимнаго порабощенія и создающія здоровую
атмосферу сознанія каждымъ своей свободы и самоопределенія.

Но высшую цѣльность придаетъ человѣку его соціально-рели-
гіозное міросозерцаніе. Основная аксіома каждого состоить въ
томъ, что все его существованіе и благополучіе всецѣло въ ру-
кахъ боговъ, въ частности боговъ родовыхъ, дарящихъ свое

¹⁾ Хорошей иллюстраціей къ воззрѣнію глиника на происхожденіе личнаго бо-
гатства можетъ послужить слѣдующій примѣръ. На запад. берегу Сахалина са-
мыми богатыми человѣкомъ въ мое время считался пѣкто Гиблъ изъ с. Таиги.
Онъ, дѣйствительно, выдающійся по уму, промысловымъ талантамъ и энергіи человѣкъ.
Кромѣ того, ему помогли знакомства съ русскими чиновниками, которымъ онъ служилъ поставщикомъ мѣховъ и коллекцій. Но логика глиника видѣла причину
его чрезвычайного богатства совсѣмъ въ особомъ обстоятельствѣ, именно, въ
томъ, что онъ когда-то далеко въ горахъ нашелъ подъ бревномъ какой-то ло-
скотокъ материіи, чудесный талисманъ, посланный ему богами.

благоволеніе не одному, а всѣмъ. Всякая попытка монополизировать дары боговъ неминуемо должна повлечь за собою справедливую кару общихъ благодѣтелей рода.

Все, что предписываетъ религія и родовая мудрость для синеканія благоволенія боговъ, является благомъ для каждого, и исполнять ихъ требованія значить только заботиться о себѣ. То же—со всѣми предписаніями родовой регламентаціи, будь это нормы половыя, правила мести или религіозные обряды; всякое нарушеніе ихъ со стороны одного—„грѣхъ“ общій и губительно для каждого.

Всѣ болѣе или менѣе важные акты соціальной жизни вплоть до самопожертвованія въ битвѣ мести за сородича—категорические императивы религіознаго міросозерцанія, не знающіе колебаній, не требующіе понужденія. Всѣ инстинкты самосохраненія совершенно гармонируютъ съ религіозными представленіями. Актомъ мести человѣкъ защищаетъ свою безопасность, но имъ же онъ исполняетъ религіозный долгъ, умиротворяя душу убитаго, которая съумѣеть покарать, если она останется неотомщенной. И такъ—во всемъ...

Здоровая, цѣльная, всесторонне развитая личность съ цѣльнымъ религіозно-соціальнымъ міросозерцаніемъ, создающимъ полную гармонію личного и общественнаго интересовъ и двигатель жизні — такова скрытая, но могучая пружина родового механизма.

Посмотрите, какъ безъ всякой регламентаціи и органовъ принужденія, однимъ произволеніемъ личности, движется сложный механизмъ родовой жизни.

Вотъ умеръ семейный сородичъ. Необходимо обезпечить его семью, сохранить имущество до достиженія совершеннолѣтія наследниковъ и необходимо, во избѣженіе споровъ, рѣшить, къ кому перейдетъ вдова покойнаго. Нѣть судей, нѣть властей, но, черезъ нѣкоторое время послѣ погребенія покойника, сойдутся ближайшіе сородичи, потолкуютъ, выслушаютъ претендентовъ, и, на комъ остановятся, тотъ будетъ мужемъ вдовы и отцомъ осиротѣвшихъ.

Или: та или другая семья временно бѣдствуетъ. Нѣть специального органа, который долженъ быль-бы позаботиться о ней: это лишнее, потому-что въ любомъ домѣ хотя-бы самаго отдаленнаго сородича она найдетъ гостепріимство и помощь, пока

не минеть тяжелое время. И никому не обидно, потому что рѣдко кому не приходится время отъ времени пользоваться гостепріимствомъ или оказывать его другому.

Вотъ необходимо устроить хлопотливый и дорого стоющій родовой праздникъ. Нѣть ни сборовъ, ни понужденій, ни организаціи пріема гостей и т. п. Каждый по совѣсти готовить, сколько въ силахъ, каждый вносить свою долю труда, а одинъ кто-нибудь, кто побогаче, беретъ на себя заботы по устройству. Къ нему всѣ сносятъ приготовленныя яства и закупки, къ нему сходятся для участія въ предпраздничныхъ работахъ.

Во время медвѣжьяго праздника съѣзжаются, кромѣ того, со всѣхъ концовъ много десятковъ народу. Надо въ теченіе нѣсколькихъ дней кормить не только людей, но и ихъ многочисленныхъ собакъ. Сколько хлопотъ, сколько расходовъ! Между тѣмъ все устраивается просто и къ общему удовлетворенію. Каждый гость предпочитаетъ заѣхать, разумѣется, къ тому, кто ему поближе по родству или симпатіи, гдѣ его принимаютъ не по долгу, а по влечению; но и въ любомъ домѣ каждый пріѣзжій находитъ искренній радушный пріемъ, потому-что каждому охота въ дни праздничного подъема проявить свою симпатію и широкое общеніе съ новыми людьми.

Явился голодъ, призракъ грозной бѣды, которая можетъ унести все населеніе деревни. Всѣ голодающіе, которымъ не удалось разѣхаться въ болѣе счастливыя мѣста, собираются въ домѣ того, у кого сохранились запасы, и законы гостепріимства столь же властны въ черный день, какъ въ дни изобилія.

Но худшее бѣдствіе: убить сородичъ! Война неминуема!.. Все населеніе становится подъ оружіе. Нѣть постояннаго вождя, нѣть старѣшаго, нѣть и выборовъ. Естественный вождь давно извѣстенъ и всѣми признанъ: это самый храбрый и удачливый изъ сородичей; это такъ называемый „хозяинъ“, „ысь“, на него обращены всѣ взоры!

И въ одинъ моментъ равный между равными становится вдругъ военинаочальникомъ, отдаетъ распоряженія, распредѣляетъ оружіе, назначаетъ время похода и т. д., и его слушаютъ, какъ диктатора. Умеръ или погибъ этотъ естественный вождь, всякий знаетъ того достойнѣйшаго, который можетъ его замѣнить.

Возникъ гражданскій споръ между сородичами или между пред-

ставителями различныхъ родовъ. Нѣть установленныхъ судей, которые ex officio рѣшаютъ споры и тяжбы. Очень часто истецъ является самъ себѣ судьей и исполнителемъ. Разъ отвѣтчикъ отказался добровольно выполнить свое обязательство, истецъ, не задумываясь, отпѣшитъ собаку отъ запряжки должника или полѣзть въ его амбаръ, чтобы отобрать себѣ вещь, равноцѣнную его иску. И истецъ считаетъ это въ порядкѣ вещей. Не всегда, конечно, такой способъ возможенъ. Но и тогда дѣло обходится безъ властей предержащихъ. Достаточно только обиженному обратиться непосредственно или черезъ хлай-нівух'а (см. выше) къ одному, двумъ авторитетнымъ лицамъ — „хозяевамъ“ изъ сородичей обидчика, и дѣло рѣшается очень скоро. Они вызываютъ обидчика, который является обыкновенно въ сопровождении своихъ близкихъ, а иногда хлай-нівух'а. Собираются и посторонніе. По выслушаніи обѣихъ сторонъ и мнѣній присутствующихъ, мнѣніе, принятое большинствомъ, пріобрѣтаетъ силу приговора. Обыкновенно обидчикъ подчиняется добровольно, въ противномъ случаѣ вершители дѣла отправляются въ амбаръ обидчика и отбираютъ присужденное...

Но кто же эти авторитетныя лица, которыхъ въ экстренныхъ случаяхъ являются на сцену и лично или вмѣсть съ „міромъ“ сородичей, какъ власть имущіе, проявляютъ свою инициативу и энергию? Какую роль играютъ они въ обыкновенной жизни?

На нихъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Это такъ называемые ыз' — „хозяева“ *), иначе урдля-шіувхи — хороши, т. е. богатые, выдающіеся люди (хорошій и богатый — синонимы у всѣхъ первобытныхъ народовъ). Это индивиды, пользующіеся выдающимся благосостояніемъ, благодаря своимъ исключительнымъ индивидуальнымъ достоинствамъ — храбости,

*) На роль такихъ личностей въ структурѣ первобытныхъ обществъ до сихъ поръ мало обращали вниманія. Ихъ роль затмнялась классифицированіемъ ихъ только какъ представителей богатства. Вотъ одинъ изъ совсѣмъ свѣжихъ примѣровъ такого отношенія. Отдельныхъ классовъ „благородныхъ“ и „низшихъ“ не существуетъ въ сѣверно-западной Калифорніи, но почти во всѣхъ дѣлахъ жизни богатый человѣкъ играетъ важнѣшую роль. (*Types of Indian culture in California, by A. Z. Kroeber; University of California, Publications, June, 1904 v. II*). Еще спасибо, впрочемъ, можно сказать, что подобные факты хоть отмѣчаются.

ловкости, силѣ, предпріимчивости, уму, ставящимъ ихъ въ преимущественное положеніе въ дѣлѣ добыванія средствъ къ жизни. Такой индивидъ—цѣнныи человѣкъ для окружающихъ. Для тѣснаго круга своей собственной семьи—онъ естественный глава общаго хозяйства, которое, благодаря его предпріимчивости и талантамъ, ведется съ большими выгодами, чѣмъ въ разбивку. Громадная семья, группирующаяся вокругъ него, лучше обеспечена не только естественными продуктами, но и покупными—табакомъ, рисомъ, чумизой и т. д., потому что богатство и ассоціація даютъ ему возможность предпринимать дальнія поѣздки для обмѣны пушниной и приобрѣтенія товаровъ изъ первыхъ рукъ. Онъ хранитель общаго „шагунд“ своихъ ближайшихъ родныхъ, и обладатель собственнаго богатаго собранія „шагунд“, которымъ въ случаѣ надобности можетъ воспользоваться его сородичъ.

Для всего рода онъ не только человѣкъ, у котораго открытый домъ, у котораго всегда можно хорошо поѣсть, полакомиться табакомъ, чаемъ, послушать интересныхъ вещей, но который можетъ выручить въ минуту нужды. Но особенно безцѣнна его помощь въ моменты общественного бѣдствія, какъ война, столкновеніе въ дѣлѣ мести, при тяжбѣ съ чужеродцемъ. У него запасы лучшаго оружія, перевозочныхъ средствъ, его имя страшно врагу, который поэтому гораздо легче соглашается на примиреніе, на конецъ, у него запасы „шагунд“, когда придется платить выкупъ. Кромѣ того, обыкновенно такой человѣкъ обладаетъ и недюжиннымъ умомъ, краснорѣчіемъ, богатымъ опытомъ и знаніемъ жизни и людей: это естественный ораторъ, „хлай-нівухъ“, играющій столь важную роль въ дѣлахъ мести и гражданскихъ спорахъ; къ нему прибѣгаютъ даже изъ сосѣднихъ родовъ, когда необходимо вмѣшательство посредниковъ. Среди такихъ ыз'ей есть лица, которые пользуются громкой извѣстностью и почетомъ по всей территории гиляцкой осѣдлости. По образу и подобію этихъ ыз'ей создаются образы боговъ, „хозяевъ“ горъ, морей, неба, рѣкъ и т. д. Мало того, къnimъ самимъ относятся не просто съ уважениемъ, но съ чувствомъ религіознаго преклоненія. Изъ такихъ лицъ, при благопріятныхъ условіяхъ, вырабатываются тѣ элементы власти, которые мы видимъ у другихъ племенъ, стоящихъ на другой ступени культурныхъ условій. Въ одномъ случаѣ такие ыз'и становятся совѣтомъ старѣшинъ, которые передъ народнымъ

собраніемъ въ лицѣ рода рѣшаютъ дѣла общины. При другихъ обстоятельствахъ, когда племя вынуждено вести частыя войны, наиболѣе выдающіеся ыѣ'и становятся пожизненными или наследственными начальниками племенъ, предводителями дружинъ, викингами, основателями династій.

Но въ родовой жизни гиляковъ подобная личности не претендуютъ еще ни на что подобное. Ихъ роль слишкомъ еще незначительна, во всякомъ случаѣ случайна въ сравненіи со сложными функциями рода, механизмъ и жизнь котораго зиждется на равновѣнности и инициативѣ цѣльной личности каждого. Что такое ыѣ', какъ не та же цѣльная личность въ ея высшемъ проявленіи индивидуальности? Вліяніе ыѣя поэтому чисто фактическое, моральное, между нимъ и бѣднѣйшимъ изъ его сородичей нѣтъ еще никакой пропасти ни въ умственномъ, ни въ экономическомъ отношеніи, и въ то же время надъ всѣми доминируетъ высшая братская связь религіозно-соціального союза рода.

Таковъ механизмъ родовой жизни. Его дѣйствительная пружина—всесторонне развитая личность съ цѣльнымъ религіозно-соціальнымъ міровоззрѣніемъ. Организованная власть совершенно отсутствуетъ. За всѣмъ тѣмъ хотя невидимо, безъ всякой претензіи на власть, элементы авторитета имѣются; это элементы не оформленные, выступающіе на сцену стихійно, спонтанейно, отнюдь не какъ постоянные элементы власти, которые отодвигали бы на задній планъ свободное проявленіе личности, но эти элементы все-таки имѣются. Ихъ три:

Прежде всего это халь, родъ, т.-е., вся совокупность или, по крайней мѣрѣ всѣ наличная въ данный моментъ часть взрослыхъ сородичей, которая, не имѣя ни главы, ни регулярныхъ собраній, обыкновенно неожиданно появляется на сцену, когда какой-нибудь серіозный случай требуетъ его вмѣшательства, и, разрѣшивъ тотъ или другой вопросъ, исчезаетъ со сцены такъ же стихійно, какъ появился.

Далѣе, нејмары, старцы, весь авторитетъ которыхъ заключается въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ культа и родства.

Нѣкоторую роль они играютъ во время родовыхъ праздниковъ, на которыхъ они обыкновенно являются главными распорядите-

лями; это своего рода жрецы рода. Но ни вліяніемъ, ни фактическимъ значеніемъ въ другихъ важнѣйшихъ проявленіяхъ жизни рода они не пользуются.

Наконецъ, третьимъ элементомъ авторитета являются ыз'и, о роли которыхъ мы уже говорили.

Изъ этихъ трехъ элементовъ при благопріятныхъ условіяхъ могли бы выработатьсѧ тѣ разнообразныя формы власти, различныя комбинаціи которыхъ (народные собранія, совѣтъ старѣйшинъ, патріархи, цари-жрецы и военноначальники, герцоги, викинги, короли и т. д.) находимъ у многихъ полукультурныхъ народовъ въ настоящее время и у всѣхъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ націй на зарѣ ихъ исторіи. Но у гиляковъ эти элементы только въ зародышѣ, и едва ли когда-либо имъ суждено получить толчекъ къ дальнѣйшему развитію.

VIII.

Междуродовые отношенія.

Но родъ не самодовлѣющее учрежденіе, и не однимъ родомъ, къ которому человѣкъ принадлежитъ по происходженію, ограничиваются его интимныя узы.

Каждый родъ, по основному принципу своего матримоніального права, связанъ брачными узами по крайней мѣрѣ еще съ 4-мя родами, родами ахмальк и ымгі. Между этими родами образуется столь важная въ глазахъ первобытного человѣка связь кровнаго родства, связь общаго происхожденія по матери (родоначальники всѣхъ 4-хъ родовъ и представители каждого поколѣнія ихъ взаимно двоюродные братья по матери), а къ этому присоединяются тѣ могучія узы естественной интимности, которыя порождаются поколѣніями женщинъ, переплетающихся эти роды въ безпрерывной цѣпи брачныхъ союзовъ. На практикѣ, какъ мы знаемъ, узы эти далеко расширяются за предѣлами первоначальныхъ 4-хъ родовъ. Прежде всего, сверхъ этихъ послѣднихъ, каждый родъ, съ которымъ хотя-бы одинъ сородичъ вступилъ въ матримоніальные отношенія, является уже ахмальк'омъ или ымгі въ всему его роду. Съ другой стороны, мы знаемъ, что каждый ахмальк и каждый ымгі сохраняетъ свое званіе не

только по отношению къ тѣмъ родамъ, съ которыми онъ непосредственно связанъ матримоніально, но и къ тѣмъ, которые считаются соотвѣтственно ымгі и ахмальк'ами первыхъ, такъ что, кромѣ ахмальк'овъ и ымгі 1-ой степ., каждый имѣть еще таковыхъ 2-ой, 3-ей степ. и т. д. Всѣ эти роды между собою имеютъся пандф'ами, лицами общаго происхожденія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что тотъ основной принципъ, простой и ясный, который легъ въ основаніе семьи и рода, принципъ, по которому человѣкъ предпочтительноженится на дочери брата своей матери, становится базисомъ кровныхъ узъ и симпатіи не только внутри каждого отдельнаго рода, но и болѣе обширныхъ союзовъ, междуродовыхъ и, наконецъ, всего племени. Правда, въ силу указанныхъ нами неблагопріятныхъ условій, какъ разбросанность маленькаго племени по огромной территории и мн. др., эти узы не могли оформиться въ такія законченныя организаціи, какъ фратріи и племена, наприм., сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, но онѣ и тутъ создали атмосферу соціального единенія, которое вывело родъ изъ эгоистической замкнутости на путь междуродового общенія и братства.

Остановимся теперь ближе на тѣхъ узахъ, которыхъ возникаютъ между родами пандф, между каждымъ родомъ и тѣми, откуда гилякъ береть женъ или куда отдаетъ своихъ женщинъ. Эти узы не ограничиваются только одними чувствами, онѣ выражаются въ довольно реальныхъ формахъ.

Прежде всего это обязанность взаимнаго кормленія и гостепріимства. Это въ сущности только распространеніе таковой же обязанности, существующей вънутри рода, на кровныхъ пандф'овъ, распространеніе на нихъ того благоволенія родовыхъ божествъ, которое имъ по праву принадлежить по женской линіи. „Ымгі (зяя) кормить должно“—такъ гласить формула этой междуродовой обязанности.

Это правило, впрочемъ, отнюдь не выражается въ томъ, что ахмалькъ обязанъ постоянно содержать зяя и его семью въ своемъ домѣ. Можетъ быть, въ очень отдаленное время, въ періодъ матернитета, когда мужъ переходилъ на жительство въ домъ жены, оно фактически такъ и было, но въ настоящее время, при агннатныхъ принципахъ, жена переходить въ домъ мужа и обыкновенно совсѣмъ переселяется въ родовое мѣстожительство

супруга. Тѣмъ не менѣе принципъ „кормлениѧ“, какъ мы увидимъ, играетъ немаловажную роль въ объединеніи родовъ.

Онъ закрѣпленъ въ особомъ, чрезвычайно своеобразномъ религіозномъ обрядѣ, который состоить въ слѣдующемъ. Въ по-слѣдній моментъ передъ самимъ уводомъ невѣсты изъ дома ея отца ставится передъ порогомъ съ внутренней стороны большой 4-хъ-ушный чугунный котель, привезенный женихомъ, какъ часть калыма за невѣсту, а съ наружной стороны—небольшой котелокъ, принадлежащій отцу молодой. При выходѣ и женихъ, и невѣста должны наступить ногой сначала на внутренній, потомъ на наружный котель: первый остается у тестя, а второй увозится домой женихомъ—ымгі. Черезъ годъ, когда, по установленному обычаю, молодые прїѣзжаютъ въ гости къ ахмальк'у, передъ отъѣздомъ повторяется та же церемонія: только на этотъ разъ ставится по обѣимъ сторонамъ порога по котелку и чашкѣ, которыми опять таки взаимно обмѣниваются, какъ и въ первомъ случаѣ. Характерно, что обмѣниваемые предметы носятъ названія ніч (моетвое: символъ взаимнаго кормлениѧ), а весь обрядъ называется ніч зычывынд (топтаніе ніч'a). Онъ называется также: лымызын-занд—топтаніе порога, что указываетъ на религіозный элементъ обряда, въ которомъ играетъ роль такъ называемая лымызын-мам—старуха, хозяйка порога, женщина-предокъ, геній-хранительница дома, кровь которой течеть одинаково въ жилахъ обоихъ моложеновъ, дѣтей брата и сестры. Въ тѣсной связи съ этимъ обрядомъ стоитъ и описанный нами моментъ на медвѣжьемъ празднике, когда передъ стрѣльбой въ цѣль хозяинъ медвѣдя (ахмальк) и его ымгі ставятъ каждый подлѣ себя по топору и котелку, которые тоже называются ніч и которыми тоже взаимно обмѣниваются. Если первый обрядъ символизируетъ взаимное кормление, то второй—взаимное сотрудничество въ промыслахъ, что, какъ увидимъ сейчасъ, имѣть за собою вполнѣ реальное основаніе.

Принципъ „кормлениѧ“ не ограничивается періодическими наѣздами въ гости для свиданія съ родственниками жены, хотя и они имѣютъ иѣкоторое экономическое значеніе, такъ какъ всякий разъ ахмальк'и, сверхъ оказанного гостепріимства, еще всегда одариваются чѣмъ-нибудь цѣннымъ своихъ ымгі, особенно въ первый прїѣздъ послѣ женитьбы, когда зятю дарятся по обы-

чаю, смотря по состоянію, одна или нѣсколько паръ нарядной мужской одежды. Гораздо важнѣе случаи дѣйствительной нужды. Бываютъ моменты, когда собственный родъ оказывается бѣсильнымъ помочь своему сородичу, потому что бѣдствіе, постигшее одного, постигло всѣхъ. Стоить почему-либо въ сезонъ хода рыбы послѣдней почему-либо уклониться отъ обычаго своего пути, и общее бѣдствіе готово. И вотъ тогда имѣется простой выходъ. Человѣкъ забираетъ свою семью, своихъ собакъ и вообще подвижный скарбъ и переселяется на цѣлый сезонъ въ селеніе тестя.

Здѣсь его встрѣчаютъ съ распостертыми объятіями, и онъ съ первой минуты чувствуетъ себя, какъ дома, гдѣ его кормятъ и поять и дѣлятся всѣмъ. Конечно, зять не дармоѣдничаетъ, кое-чѣмъ помогаетъ, но это далеко не всегда окупаетъ расходы, вызываемые прѣѣздомъ надолго нежданно-негаданно цѣлой семьи, зачастую въ періодъ, когда запасы рыбы уже сдѣланы и увеличить ихъ уже невозможно.

Такія же братскія отношенія между ахмальк'ами и ымгі проявляются въ морскихъ промыслахъ и охотничихъ предпріятіяхъ.

Наиболѣе важные изъ нихъ требуютъ участія нѣсколькихъ лицъ; таковы—лѣтняя и зимняя (добываніе изъ берлоги) охота на медвѣдя, соболій промыселъ и особенно промыселъ на лодкѣ за морскими животными. И вотъ замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ гилякъ приглашаетъ къ участію чаще всего не своихъ сородичей, а ымгі, притомъ не непремѣнно женатыхъ на его сестрѣ или дочери, а ымгі вообще т.-е. молодыхъ людей изъ того рода, который у него береть жену. Съ ними гилякъ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ съ собственными сородичами: съ ними онъ можетъ невозбранно говорить и шутить, между тѣмъ какъ изъ сородичей, какъ мы знаемъ, не со всякимъ это допускается. Въ свою очередь, ымгі чувствуютъ себя среди рода ахмальк'а какъ рыба въ водѣ: все женщины ихъ поколѣнія для нихъ аньгей (жены)—все будущія жены и во всякомъ случаѣ женщины, на которыхъ они во всякое время имѣютъ супружескія права въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Что касается мѣстной мужской молодежи, то она находить себѣ реваншъ въ родѣ своихъ ахмальк'овъ, гдѣ представители ея встрѣчаютъ такой же приемъ у своихъ „тестей“ и среди многочисленныхъ своихъ „женъ“. Между мужской моло-

дежъю обоихъ родовъ („навх'ами“)¹⁾ устанавливаются, благодаря частымъ свиданіямъ, уже не говоря о матримоніальномъ родствѣ, самыя трогательныя отношенія. Это та среда, гдѣ больше всего проплѣтаетъ дружба. У гиляковъ очень въ ходу обычай побратимства. Обыкновенно оно выражается въ периодическомъ обмѣнѣ подарками, взаимной помощи въ бѣдѣ и т. п. услугахъ. Но самыя трогательные случаи побратимства приходится наблюдать среди на в х'овъ. Одинъ такой примѣръ, особенно меня поразившій, мнѣ пришлось видѣть въ с. Нгамбе-во, на восточномъ берегу Сахалина. Оба друга „навх'и“ жили въ одной юртѣ, все у нихъ было общее, ходили другъ за другомъ, какъ влюбленные, почти никогда не разлучаясь — настоящіе Орестъ и Пиладъ. Правда, оба были очень молоды, холосты, и трудно сказать, что сталоось съ ихъ чувствами впослѣдствіи, но уже одна возможность такихъ примѣровъ рельефно рисуетъ отношенія между членами матримоніальныхъ родовъ.

Принципъ взаимопомощи между послѣдними выражается и въ правѣ на слѣдованія, которое, несмотря на строго агнатную основу, знаеть одно исключение, именно по отношенію къ пандѣфамъ: по завѣщанію, какъ мы уже знаемъ, ынгі можетъ получить желѣзный „шагунд“ (т.-е. идущій на калымъ), а ахмалькъ — „шагунд“ мѣховыи (идущій на приданое невѣстѣ). Это правило, сводящее калымъ къ простой формальности перекладыванія его изъ одного кармана въ другой, между прочимъ; служить важнымъ указаниемъ того, что калымъ у гиляковъ первоначально не носилъ характера платы за невѣсту, а скорѣе являлся формой религіознаго выкупа. Но за что?

Дѣло въ томъ, что, при гиляцкихъ нормахъ брака, калымъ является вообще странной anomalіей. Въ самомъ дѣлѣ, разъ бракъ религіозно обязательенъ изъ рода матери, да еще предпочтительно между дѣтьми брата и сестры, то какая же рѣчь можетъ быть о платѣ или выкупѣ за невѣсту? Очевидно, что возникновеніе этого института должно было быть вызвано какой-нибудь новѣйшей перемѣнѣй въ брачныхъ нормахъ. Эту перемѣну мы знаемъ: она заключалась въ томъ, что въ иѣкоторыхъ слу-

¹⁾ Напомнимъ, что навх'ами называютъ себя взаимно ынгі и „братья“ ихъ „женъ“.

чаяхъ, когда бракъ изъ рода матери оказывался невозможнымъ, приходилось брать женъ изъ посторонняго рода, но этотъ по-слѣдній, въ свою очередь, обязанъ былъ беречь своихъ женщинъ для собственныхъ законныхъ ымгі и могъ поэтому согласиться на отдачу женщины чужому не иначе, какъ замаскировавъ это какимъ-нибудь актомъ благочестиваго обмана боговъ, который въ то же время былъ-бы связанъ съ личными выгодами тестя. По аналогии съ религіознымъ выкупомъ при мести (см. выше) и создался институтъ калыма, удовлетворявшій интересамъ тестя, и требованіемъ религії. Въ свою очередь, родъ ымгі, нарушившій свой законъ, ограждалъ себя другой фикціей: весь родъ „незаконнаго“ тестя получилъ титулъ ахмалька и становился какъ бы законнымъ родомъ для брачныхъ союзовъ. По мѣрѣ учащенія подобныхъ случаевъ калымъ, исключительный генезисъ котораго былъ забытъ, сталъ общимъ правиломъ при всѣхъ бракахъ даже съ законными родами.

Таково, можетъ быть, происхожденіе калыма и у другихъ народовъ.

Другимъ важнымъ факторомъ, закрѣпляющимъ узы между матримоніальными родами, является участіе пандф'овъ въ медвѣжьемъ празднике.

Въ смыслѣ цементированія междуродовыхъ отношеній онъ играетъ едва-ли не большую роль, чѣмъ олимпійскія игры для племенного объединенія грековъ. Медвѣжій праздникъ происходитъ каждую зиму то въ одномъ, то въ другомъ селеніи, а въ селеніяхъ многолюдныхъ рѣдкая зима проходить безъ праздника. Посѣтить такой праздникъ не сопряжено ни съ какими затрудненіями. Запрягается нарта, которая имѣется у каждого хозяина, и отправляются въ путь: все остальное не забота гостя.

Вездѣ по пути, равно какъ и въ селеніи, где происходитъ праздникъ, будутъ кормить его собакъ и его самого угождать самыми изысканными блюдами. А за маленькое беспокойство путешествія—цѣлый рядъ высокихъ соціальныхъ удовольствій. Во-первыхъ, самый обрядъ праздника—процессія, стрѣльба въ цѣль, убіеніе, обряженіе медвѣдя и т. д. Далѣе, встрѣчи съ самыми умными и почетными представителями племени. Наконецъ, состязаніе въ борьбѣ, гонкахъ, пляскахъ, пиршества, бесѣды, шутки, пѣсни, словомъ—бездна наслажденій. На суровомъ фонѣ

съраго существованія, исполненного голодовокъ, лишеній, опасностей и однообразія впечатлѣній, медвѣжіи праздники являются самыми свѣтлыми моментами жизни, своего рода вѣхами житейскаго пути, о которыхъ вспоминаютъ и мечтаютъ... Но эти шумные многолюдныя празднества строго регламентированы. Кроме сородичей, приглашаются только ымгі, которые имѣютъ право приглашать уже отъ себя своихъ ымгі, но ахмальк'и вовсе не участвуютъ.

До такой степени строго соблюдаются это правило, что толькъ самый хозяинъ, который всѣ силы употребить, чтобы какъ можно почетнѣе принять и одарить своего ымгі, на праздникъ къ этому послѣднему даже не приглашается, но за то онъ будетъ первымъ гостемъ у своего ахмальк'а. Образуется такимъ образомъ непрерывная цѣпь, соединяющая длинный рядъ родовъ въ ихъ соціально-религіозныхъ празднествахъ.

Какую важную роль играютъ ымгі на медвѣжьемъ празднике, мы уже отчасти говорили въ главѣ о религіи. Имъ выѣзжаютъ навстрѣчу за много верстъ, имъ предоставляютъ саму почетную функцию на праздникѣ, именно убіеніе медвѣдя, и все время они служатъ центромъ вниманія всего рода. Ихъ вездѣ откармливаютъ до отвала, рвутъ изъ юрты въ юрту и, наконецъ, передъ отѣздомъ имъ отдаютъ большую часть туши медвѣдя. Всѣ эти акты гостепріимства и почетнаго вниманія увѣличиваются серьезными религіозными обрядами, санкціонирующими братскій союзъ родовъ. Въ началѣ праздника ымгі обмѣняются съ хозяиномъ ніч'ами (символь общаго сотрудничества въ промыслахъ, см. выше); передъ отѣздомъ на прощаніе ымгі дарить своему ахмальк'у собакъ, которая вмѣстѣ съ собаками послѣднаго пойдутъ къ хозяину горъ и общему кормильцу рода, а въ послѣдній моментъ ымгі совершає церемонію „топтанія порога“ (см. выше). Такія вещи для первобытнаго человѣка не формальности, онѣ закрѣпляютъ узы родства высшей санкціей религіознаго авторитета.

Но узы эти не ограничиваются только временными „кормленіями“, гостепріимствомъ, приглашеніями на промыслы и празднества.

Онѣ идутъ еще дальше, поднимаясь въ своей интенсивности до силы настоящей родовой связи. Когда у человѣка мало сородичей, или онѣ плохо ладить съ ними, онѣ покидаетъ родовое

селеніе и навсегда переходить жить къ пандф'амъ. Вотъ почему, между прочимъ, такъ мало селеній съ однороднымъ составомъ жителей; вездѣ сородичи перемѣшаны со своими ымгі или ахмальк'ами. Но особенно цѣнными оказываются эти узы въ дѣлахъ мести. Въ экстренныхъ случаяхъ, когда родъ, вовлеченный въ войну, оказывается малосильнымъ, пандф'ы помогаютъ ему „поднимать кость“ и обороняться отъ нападеній съ тѣмъ же самоотверженіемъ, какъ и собственнымъ сородичамъ. Только въ уплатѣ тхусінд пандф'ы не могутъ участвовать. Еще болѣе, быть можетъ, цѣнны матримоніальные узы въ дѣлѣ примиренія родовъ, особенно когда враждующіе изъ-за мести роды сами между собою пандф'ы, какъ это нерѣдко и случается, и мы уже выскажали въ главѣ о мести свое убѣжденіе, что самый институтъ виры, по всей вѣроятности, обязанъ своимъ происхожденіемъ благодѣтельному вліянію женщинъ и религіозно-соціальнымъ узамъ, связывающимъ матримоніальные роды.

Таковы отношенія между родами ахмальк' и ымгі, отношенія, расширяющія узкія рамки замкнутаго рода и распространяющія его симпатіи на цѣлый рядъ постороннихъ родовъ. Это цѣлая школа соціального воспитанія, школа благоволенія, гостепріимства, состраданія, и, наконецъ, соціальной благовоспитанности. Въ этой школѣ создаются тѣ соціальные навыки и чувства, которые въ концѣ концовъ становятся сильнѣе междуродовыхъ узъ, и превращаются въ симпатіи къ цѣлому племени и, наконецъ, къ людямъ вообще. Терминъ навх, которымъ именуютъ другъ друга въ соответствующихъ поколѣніяхъ представители родовъ ымгі и ахмальк, въ концѣ концовъ стала обычнымъ обращеніемъ, съ которымъ адресуются ко всякому чужеродному и незнакомцу. Эта формальный оборотъ есть только выраженіе настоящаго глубокаго переворота въ отношеніи къ чужероднымъ.

Гостепріимство, вѣжливость, состраданіе—добродѣтели, которыя гиляки въ дѣйствительности примѣняютъ ко всѣмъ безъ различія, не только къ чужеродцу-единоплеменнику, не только къ исконнымъ иноплеменнымъ сосѣдямъ, какъ ороки, гольды, айны, но и къ новымъ пришельцамъ, тунгусамъ, якутамъ и, наконецъ, къ русскимъ, причинившимъ имъ такъ много зла. Сколько разъ бѣглые каторжные вырѣзывали цѣлыха семьи гиляковъ послѣ самаго гостепріимнаго пріема съ ихъ стороны, и тѣмъ не менѣе

только въ рѣдкихъ случаяхъ гилякъ откажеть въ гостепріимствѣ забредшему къ нему русскому. Если случалось, что гиляки поступали¹⁾ жестоко съ бѣглыми, то это было не болѣе какъ родовая месть за убитыхъ сородичей,—то же, что они считаютъ своимъ долгомъ дѣлать по отношенію къ своему же единоплеменнику-убийцѣ. Но отдѣльные акты подобнаго рода нисколько не измѣняютъ общаго ихъ отношенія къ иноплеменникамъ. Есть, конечно, и у гиляковъ, какъ у цивилизованныхъ народовъ, национальные предразсудки, но они исключительно сводятся къ незнанію, къ незнакомству съ чуждымъ, неизвѣстнымъ элементомъ, дающему полный просторъ для фантастическихъ представлений и опасеній. Такіе предразсудки у нихъ имѣются даже къ своимъ собственнымъ единоплеменникамъ, живущимъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Такъ, гиляки западнаго берега Сахалина склонны представлять себѣ своихъ же соплеменниковъ Охотскаго берега чуть-ли не людоѣдами, во всякомъ случаѣ крайне злыми и вороватыми, хотя это чистѣйший предразсудокъ, вызванный незнакомствомъ или обобщенными единичными случаями. Точно также послѣ первыхъ походовъ нашихъ казаковъ въ XVII ст. гиляки не иначе называли русскихъ, какъ кінр (чортъ), но казаки имѣ подали достаточно поводовъ къ этому не только своей странной виѣшностью, невидавшимъ одѣяніемъ и оружіемъ, но и цѣльмъ рядомъ безсмысленныхъ жестокостей и разбойнической жадностью къ „сорока сороковъ“ цѣнныхъ шкурокъ пушнины. Но теперь, когда гиляки встрѣтились съ мирными русскими людьми, они вспоминаютъ о своемъ старомъ „предразсудкѣ“, какъ о смѣшномъ анекдотѣ, и умѣютъ къ своимъ сосѣдямъ относиться съ настоящей человѣчностью.

Но мы удалились нѣсколько отъ нашей главной темы. Мы можемъ теперь резюмировать.

Тѣ несомнѣнныя соціальные навыки и чувства, которые мы видимъ въ современномъ гилякѣ, бесспорно вынесены имъ изъ благодѣтельной школы соціальныхъ отношеній, выработавшихся первоначально среди матримоніальныхъ родовъ, и отъ нихъ уже были перенесены постепенно сначала и на всякаго единоплемен-

¹⁾ Гиляки разсматриваютъ русскихъ бѣглыхъ, какъ одицѣ родъ, представители которого другъ за друга отвѣчаютъ.

ника, далъе, на иноплеменныхъ сосѣдей и, наконецъ, на человѣка вообще.

Но источникъ соціальныхъ узъ между матримоніальными родами ахмальк'овъ и ымгі, какъ мы видѣли, коренится въ той удивительной организаціи гиляцкаго рода, анализу которой мы посвятили эти главы. Въ этой эволюціи отъ эгоизма замкнутаго рода черезъ узы съ близкими по крови чужеродными пандф'ами до симпатіи и человѣчности ко всякому, близкому и дальнему, заключается, быть можетъ, самый высокій по поучительности выводъ нашего долгаго анализа. Съ того момента, когда установилось правило для человѣка жениться на дочери своего дяди по матери, заложено было и прочное основаніе для широкаго роста соціальныхъ навыковъ и чувствъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Штернбергъ.

СМѢСЬ.

Программа для собирания свѣдѣній о родильныхъ и крестильныхъ обрядахъ у русскихъ крестьянъ и инородцевъ.

Обрядовъ и вѣрованій, пріуроченныхъ къ появлению ребенка на свѣтъ и къ первому периоду его жизни, многократно касалась русская этнографическая литература. Нельзя, однако, не признаться, что во многихъ изслѣдованіяхъ о бытѣ той или другой народности или группы населения данныхъ обѣ этихъ обрядахъ и вѣрованьяхъ носятъ отрывочный характеръ. Облегчить собирание материала въ этой области, по возможности точного и полного, имѣть въ виду предлагаемая программа.

Полнота свѣдѣній о вѣрованьяхъ и обрядахъ, касающихся рожденія ребенка, тѣмъ болѣе желательна, что эти обряды и вѣрованья являются весьма часто цѣнными обломками прошлого, звеньями, позволяющими на ряду съ другими вѣрованьями, обрядами и обычаями данной группы населения возстановить цѣль общаго ся религіознаго міровоззрѣнія. Смысль и истинное значение отдельныхъ родильныхъ обрядовъ и вѣрованій выясняются сравнительнымъ изученіемъ ихъ у различныхъ народовъ земного шара. Какъ вообще въ области вѣрованій, права и народного творчества, изслѣдователь и тутъ наталкивается на аналогіи, иногда на полную тождественность, доказывающія, что на одинаковой ступени развития человѣческій умъ создаетъ и вырабатываетъ по большей части одинаковыя формы выраженія своего міросозерцанія.

Во взглядахъ на фактъ появления новаго существа въ мірѣ прежде всего можно отмѣтить смутное представление и незнаніе (или пережитки ихъ) естественныхъ причинъ, вызывающихъ зачатіе и рожденіе ребенка. Какъ бы нелѣпы и странныи ни казались намъ разсказы, въ которыхъ женщина изъ инородческой или русской крестьянской семьи описываетъ свое состояніе во время ожиданія ю ребенка, кажущіяся ей знаменательными сновидѣнія, примѣты и т. п., собиратель материала не долженъ относиться къnimъ пренебрежительно. Часто эти разсказы, кажущіеся произведеніемъ неразвитого и опутанного суетѣріемъ ума, служать лишь отраженіемъ древнихъ вѣрованій, частью уже полузабытыхъ. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ напримѣръ, Спенсеръ и Джилленъ (Spencer и Gillen), также и Ротъ (W. Roth) отмѣтили, первые—у австралийскаго

племени агуна, второй—у туземцевъ на Tully River полное отсутствіе понятія объ естественной причинѣ зачатія¹⁾. Вдва ли можно сомнѣваться, что подобное же незнаніе раздѣляли съ ними въ отдаленные времена многочисленныя народности, стоящія теперь на неизмѣримо болѣе высокой ступени развитія. На этой почвѣ выростаютъ слѣдующія представленія.

1) Мужчинѣ отводится лишь ничтожная роль въ зачатіи, и это представленіе поддерживается крѣпко вѣрой въ такъ называемыя чудесныя рожденія. Эта послѣдня сограняется у большинства народностей въ формѣ преданій, рассказовъ и сказокъ, которые на первый взглядъ поражаютъ культурнаго человѣка дикостью представлений, но которыхъ вслѣдствіе этого интересно записать возможно подробнѣе, какъ остатки первобытнаго міровоззрѣнія. Чудесныя рожденія являются широко распространеннымъ мотивомъ народнаго творчества какъ у низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи народовъ, такъ и у такихъ, которые достигли сравнительно высокой ступени цивилизациі. Въ преданіяхъ алтайскихъ инородцевъ, напримѣръ, богатыри рождаются безъ отца, безъ матери, сами собой, иные—изъ костей отца²⁾). Въ осязкомъ вѣсѣ Богъ посыпаетъ бездѣтнымъ родителямъ «три крошки, величиной съ косточку черемухи»; жена съѣдаетъ ихъ и становится матерью³⁾). Беременность отъ съѣденного предмета (тьсто, слюна и пр.) встрѣчается въ монгольскихъ сказкахъ⁴⁾. Въ старинной финской пѣснѣ Св. Дѣва Марія зачала Спасителя, съѣвшіи ягоды⁵⁾ и т. д. Представленіе, сохранившееся у болѣе культурныхъ народностей въ произведеніяхъ народнаго творчества, можно, однако, встрѣтить гораздо болѣе живымъ у менѣе подвинувшихся въ своемъ развитіи племенъ. Тазы, по свидѣтельству Брамловскаго, вѣрятъ, что въ старину дѣвушки—правда, во снѣ—имѣли сношенія съ медведями и имѣли отъ имъ дѣтей⁶⁾). Болѣе опредѣленно выступаетъ это представленіе у ботиковъ, которые до сихъ поръ вѣрять въ возможность подобного факта⁷⁾). Штернбергъ встрѣтилъ у орочей родь тигра, называвшійся такъ потому, что весь свое происхожденіе отъ союза тигра и женщины (видѣннаго этой послѣдней во снѣ⁸⁾). Въ вѣрѣ въ чудесныя рожденія изслѣдователь соприкасается съ системой тотемизма, одной изъ отличительныхъ чертъ котораго является признаніе родственной связи между данными племенемъ, или одной группой ея (семьей, родомъ и т. д.) и известнымъ видомъ животныхъ, растеній и пр. предметовъ видимой природы. Тотемическія преданія о чудесномъ рожденіи

¹⁾ Globus B. LXXXIV, № 15, S. 243.

²⁾ Вербицкій, Алтайские инородцы, стр. 139.

³⁾ Patkanov, S. Die Irtysch-Ostjaken, SPt, 1897, s. 102.

⁴⁾ Потанинъ, Марья Лебедь Балки въ былинахъ и сказкахъ. З. О. 1892, № 2—3, стр. 7, 8, 9.

⁵⁾ Sitzungsberichte d. Gelehr. Esthu. Gesellsch. 1887. s. 38.

⁶⁾ Брамловскій, Тазы или Удине, опытъ этногр. наслѣд. Ж. Ст. 1901. В. II.

⁷⁾ Смирновъ, Ботики, стр. 223.

⁸⁾ Статья Л. Я. Штернберга: Тотемизмъ въ Энц. Слов. Аандреевскаго, т. 66, стр. 682.

предковъ-родоначальниковъ народности или группы ея известны и въ русской этнографической литературѣ. Напомнимъ хотя бы преданія родовъ мундусовъ и теомесовъ у алтайскихъ инородцевъ, которые производить себя отъ дѣвицы, съѣвшей льдику и два пшеничныхъ зерна. «Вспомниша свое происхожденіе отъ льдинки, пишетъ о. Вербицкій, (потомки мундусовъ и теомесовъ и по сю пору) приносятъ жертвы преимущественно Тотю—Паянѣ, владыкѣ града, грома и дождя», происшедшему, въ свою очередь, также отъ льда и «сѣть ледяного гороха», какъ говорится въ молитвенномъ къ нему обращеніи¹⁾. Вспомнишъ также тотемическая преданія о происхожденіи отдаленныхъ бурятскихъ родовъ отъ быка и лебедя, потерпѣвшія болѣе или менѣе значительныя искаженія, но еще весьма ясно свидѣтельствующія о своей тотемической основе²⁾). Если у данной народности или группы населенія можно и въ прочихъ вѣрованьяхъ и обрядахъ подмѣтить почитаніе того или другого животнаго, растенія и пр., тотемическая основа разсказовъ и сказокъ о чудесномъ рожденіи, о возможности сношеній данного вида животныхъ и пр. съ женщинами, хотя бы только въ сновидѣніяхъ, становится весьма определенной, и подобные сообщенія пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе. Такъ, записанное Браиловскимъ свѣданіе о вѣрѣ тазовъ въ возможности женщинъ имѣть дѣтей отъ медвѣдей прекрасно объясняется изъ тотемическихъ воззрѣній тазовъ: тазы хранять интересное родовое преданіе, будто они произошли отъ дѣвочки, жившей въ лѣсу, и пойманаго ею медвѣженка. «И понынѣ, пишетъ Браиловскій, тазы обожаютъ медвѣдя». Медвѣжій же праздникъ, справляемый ими, носить характеръ чисто родового торжества³⁾). Такимъ образомъ, у тазовъ оказываются и налицо ясно сохранившіяся черты тотемического культа медвѣдя, и представление о возможности каждой женщины имѣть дѣтей отъ медвѣдей является не изолированнымъ non sens, но укладывается вполнѣ въ цѣль тотемическихъ представлений, какъ выраженіе тѣсной связи между представителями человѣческой группы и родственной ей и расположеннѣй видомъ животныхъ.

Тотемическая вѣрованія, даже въ своихъ отдаленнѣйшихъ переживаніяхъ, являются отраженiemъ первобытнаго міросозерцанія, при которомъ человѣкъ, стоя еще на низшихъ ступеняхъ культурной лѣстницы, не проводилъ рѣзкой черты между собой и остальной природой, когда, не сознавъ еще своего превосходства въ борьбѣ съ ней, онъ видѣлъ въ рѣкахъ, скалахъ, деревьяхъ, животныхъ и пр. созданій, подобныхъ себѣ, оживленныхъ тѣмъ же духомъ—душой, обладающихъ одинаковыми съ собой качествами и чувствомъ. Остатки этихъ архаичныхъ представлений можно встрѣтить также въ вѣрованьяхъ и обрядахъ, пріуроченныхъ къ появлению живого существа въ міръ. Они сказываются, во-

1) Вербицаго, оп. с. стр. 136—137.

2) Ханголовъ, Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ. З. В. Сиб. От. И. Р. Г. О. по этн. т. I, в. 1. стр. 19—24 и 3—4. Ср. Потанинъ, Очерки сѣверо-зап. Монголіи. Сиб., 1883. в. IV. стр. 265—267.

3) Браиловскій, оп. с.

первыхъ, въ преданіяхъ и сказкахъ, въ которыхъ говорится о возможноти для женщины произвести на свѣтъ не только дѣтей, но и звѣрьышей, въ преданіяхъ о появленіи того или другого вида животныхъ отъ союза женщины съ животными, о рожденіи полулюдей и полуживотныхъ и т. п. Къ этому же циклу представлений слѣдуетъ отнести и преданіе о вскармливаніи ребенка, особенно героя-родоначальника, тѣмъ или другимъ животнымъ. Хотя и слѣдуетъ имѣть въ виду, что подобные разсказы, по замѣчанію Е. А. Покровскаго ¹⁾, могутъ имѣть фактическую подкладку, нельзя также забывать, что чисто-totemическая легенды, при развитіи народности, теряютъ измѣненіе именно въ томъ смыслѣ, что родоначальникъ-животное обращается въ животное, вскорившее героя.

Во-вторыхъ, интереснымъ пережиткомъ этого первобытнаго чувства близости къ природѣ служатъ нѣкоторые обряды, въ которыхъ животное, производящее на свѣтъ дѣтеныша, или дерево и растеніе, приносящее плодъ, приравнивается женщинѣ, ожидающей ребенка или ставшей уже матерью. Въ Ориссѣ, напримѣръ, на растущій рисъ «смотретьъ, какъ на беременную женщину, и относительно него наблюдаются тѣ же обряды, какъ и относительно женщины». Яванцы, когда рисъ въ цвѣту, считають растеніе беременнымъ и принимаютъ рядъ предосторожностей, напримѣръ, не стрѣляютъ по-близости, чтобы зерно не потекло раньше времени. На Молуккскихъ островахъ подобныя же мѣры предосторожности принимаютъ во время цветенія гвоздичного дерева. По близости отъ дерева не шумятъ, не проносятъ огня. «Боятся, какъ бы дерево не испугалось и не принесло бы плодовъ или не уронило бы плодовъ слишкомъ рано, какъ преждевременно освобождающаяся отъ бремени женщина» ²⁾). Аналогичные факты известны и по отношенію къ животнымъ. «Священные книги иранцевъ, писалъ Ядринцевъ, заключаютъ похвалы собакѣ и наставленія, какъ обращаться съ нею, особенно въ болѣзни и беременности ея, и эти наставленія ставить собаку равнѣ съ человѣкомъ» ³⁾). Вотяки въ день рождения ребенка не даютъ ничего изъ дома; та же предосторожность наблюдается и въ день появленія на свѣтъ теленка, жеребенка и пр. ⁴⁾). У лопарей было въ обычай въ случаѣ болѣзни ребенка перемѣнять его имя. Ребенка при этомъ обмывали растворомъ ольховой коры, «смывая съ него старое имя и нарекая новое». При нареченіи имени собакѣ примѣняли тогъ же обрядъ ⁵⁾). Въ Тульской г. существуетъ обрядъ «очищенія» родильницы и всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ родахъ, сводящійся къ ихъ

¹⁾ Покровскій, Физическое воспитаніе дѣтей. М. 1884, стр. 360—363.

²⁾ Frazer, *The Golden Bough*. 1 ed. I, p. 60—61.

³⁾ Ядринцевъ, культъ собаки и почтное ея погребеніе. Э. О. 1894, 4. XXIII, стр. 155.

⁴⁾ Wasiljef. Uebersicht über die heidnischen Gebräuche.. der Votjaken in d. gouv. v. Wjatka u. Kazan. Mém. de la Soc. Finno—Ougr. XVIII. Helsingfors, 1902. S. 103.

⁵⁾ Харузинъ, II. Русские лопари, стр. 178.

емовенію. «Очищенье же совершается и надъ кошкой, принесшей котятъ: ее вмѣстѣ съ котятами купаютъ въ рѣкѣ или пруду»¹⁾). Если приведенные факты поддерживаются въ жизни теперь и объясняются близостью домашнихъ животныхъ къ человѣку въ быту некультурныхъ или мало-культурныхъ народовъ, то основаниемъ имъ все же служить первобытный взглядъ на растеніе или животное, какъ на существо, мало чѣмъ отличающееся отъ человѣка. Извѣстно, что у многихъ малайскихъ племенъ до сихъ порь крѣпка вѣра въ душу риса и другихъ растеній. Признаніе души у животныхъ ограничивается теперь у многихъ народовъ признаніемъ ея только за наиболѣе почитаемыми представителями животнаго міра. Такъ, напримѣръ, у якутовъ душа, присущая человѣку, *кутъ*, признается только у коннаго и рогатаго скота²⁾), пользующагося у якутовъ, какъ извѣстно, большими почтеніемъ. Лопари въ древности признавали человѣческую душу у нѣкоторыхъ животныхъ³⁾). У всѣхъ восточно-туркскихъ племенъ животное считается имѣющимъ не четыре ноги, но двѣ руки и двѣ ноги⁴⁾), что, конечно, существенно сближаетъ его съ человѣкомъ.

2. Неясное пониманіе естественныхъ условій зачатія и рожденія ребенка отразилось въ представленіяхъ, приписывающихъ отцу ближайшее участіе въ актѣ рожденія. Если можно встрѣтить вѣрованье, что нѣкоторые мужчины, правда, обладающіе силой и способностями, недоступными всѣмъ людямъ, какъ, напримѣръ, шаманы у якутовъ, могутъ производить на свѣтъ животныхъ и людей⁵⁾), вѣра въ возможность для отца испытывать муки рожденія вмѣстѣ съ женой или отдельно отъ нея, въ возможность перенести страданія жены на мужа, хотя бы посредствомъ различныхъ симпатическихъ дѣйствій или колдовства, не можетъ особенно поразить изслѣдователя. Подобное вѣрованіе было встрѣчено г.-мъ Рѣдѣко у русскихъ крестьянъ⁶⁾). Въ этомъ воззрѣніи важно сознаніе связи между отцомъ и ребенкомъ—связи, признаваемой гораздо болѣе интимной, чѣмъ у цивилизованныхъ народовъ. Вѣра въ таинственную связь между отцомъ и ребенкомъ, еще до его рожденія, дала источникъ ряду обычаевъ и предписаній, которые можно объединить подъ однимъ словомъ: кувада. Эта терминъ нельзя признать особенно удачнымъ, но онъ привился въ этнографической литературѣ. О кувадѣ, какъ извѣстно, было писано много⁷⁾), ей придавались различные объясненія;

¹⁾ Успенскій, Родины и крестьяне, уходъ за родильницей и т. д. Э. О. 1895. 4, XXVII, стр. 78—79.

²⁾ Сирошевскій, Якуты, стр. 307.

³⁾ Харузинъ, оп. cit. стр. 156—157.

⁴⁾ Катановъ, Отчетъ о поездкѣ въ Минусинской окр. Енисейск. г. (1896), Кавказъ. 1897.

⁵⁾ Сирошевскій, оп. с., стр. 631.

⁶⁾ Рѣдѣко, Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. Э. О. 1899, № 1—2. XL—XL, стр. 54—56.

⁷⁾ Укажемъ хотя бы на Тейлора, Researches... p. 291; Ploss, Das Kind, I. Cap. V.; Ling Roth, въ Jour. Anthr. Instit. XXII, p. 204; Hartland, Legend of Perseus II, p. 400 а. в. и мн. др. См. также въ трудахъ Starcke, Wilken-a, Im Thurn'a, примѣры у Robinson-a, Psych. d. Naturvölker.

примѣровъ ея въ различныхъ частяхъ свѣта было найдено очень много. Въ широкомъ смыслѣ слова, какой придается ей въ новѣйшихъ этнографическихъ трудахъ, куваду можно опредѣлить, какъ кодексъ ограниченій и запрещеній (табу) для отца, начиная съ зачатія или рожденія ребенка и кончая извѣстнымъ срокомъ послѣ его появленія на свѣтъ, имѣющихъ одну цѣль—благо ребенка—и покоющихся на вѣрѣ въ тѣсную связь между ребенкомъ и отцомъ. Извѣстно, что предписанія кувады являются весьма стѣснительными, начиная отъ запрещеній ъсть извѣстную пищу, совершать извѣстныя работы, кончая укладыванемъ отца въ постель вмѣсто роженицы, вплоть до изстызанія его у нѣкоторыхъ народностей. Объ источникахъ нѣкоторыхъ запрещеній (табу) будетъ сказано ниже, при разсмотрѣніи ограничений, налагаемыхъ на мать. Можно только указать въ общихъ чертахъ, что въ основаніи кувады лежитъ «представленіе о переносимости» вредныхъ или считающихся вредными дѣйствій съ одного лица на другое¹⁾). Нѣкоторые родильные и крестинные обычай, сохранившіеся до сихъ поръ и въ которыхъ отецъ является такъ или иначе страдающимъ лицомъ, можетъ быть, придется отнести, подъ рубрику: кувада. Едва ли можно согласиться съ объясненіемъ Сумцова, что они служатъ «наказаніемъ мужа за родильные муки» жены, хотя нельзѧ, отрицать, что въ настоящее время эта идея иногда (но далеко не всегда) сквозитъ, напримѣръ, у русскихъ крестьянъ въ приговорахъ бабки при кормлѣніи отца новорожденного какой-нибудь противной на вкусъ пищѣ (сильно посоленной кашѣ и пр.). Эта послѣдний обычай Рѣдѣко признаетъ, съ своей стороны, за средство избавить отца отъ дѣйствія нечистой силы, подъ дѣйствіемъ и вліяніемъ которой находится, по мнѣнію названнаго исслѣдователя, какъ отецъ, такъ и роженица²⁾). Нельзѧ упустить изъ виду, что аналогичныя мѣры примѣняются и къ матери. Напримѣръ, въ Виленской г. ей, totчасъ послѣ рожденія ребенка, даютъ выпить противную смѣесь изъ грѣтаго вина съ красной глиной, медомъ, перцемъ и коровьимъ масломъ³⁾). Но подобный же мѣры могутъ иметь и совершенно иное объясненіе. Иногда во время мученій родильницѣ засовываютъ въ ротъ волосы или погнать ее чѣмъ-нибудь противнымъ, чтобы вызвать рвоту и этимъ будто бы ускорить актъ рожденія⁴⁾). Въ Пермской г. повитуха поитъ родильницу мыльной водой, деревяннымъ масломъ, въ надеждѣ, что это облегчитъ выхѣдъ ребенка⁵⁾). Въ всякомъ случаѣ, изучить детально подобные обряды представляетъ значительный интересъ.—Кувада, по замѣчанію Гартланда, не существуетъ на низшихъ ступеняхъ культуры, потому что у низкостоящей народности родство считается по матери, да и роль отца въ фактѣ рожденія ребенка признается весьма ничтожной. Кувада неизвѣстна обыкновению и народамъ, достигшимъ

¹⁾ Ploss, *Das Kind*, s. 158.

²⁾ Рѣдѣко, оп. с., гл. V.

³⁾ Рѣдѣко, оп. cit., стр. 92.

⁴⁾ Покровскій, оп. cit., стр. 45.

⁵⁾ Покровскій, оп. cit., стр. 43.

известной высоты цивилизаций, потому что предписанія кувады весьма стѣснительны, и часто запрещенія производить известная работы вредить хозяйству¹⁾. Но она жива еще во многихъ пережиткахъ, иногда довольно яркихъ. Нѣкоторые изслѣдователи, между прочимъ, пр. Сумцовъ²⁾, видѣли въ кувадѣ символизацию усыновленія ребенка отцомъ. Въ такомъ значеніи кувада можетъ встрѣтиться лишь у народностей, достигшихъ довольно высокаго развитія; символическая дѣятельность недоступны народностямъ, стоящимъ низко на культурной лѣстницѣ. Нѣкоторые обряды при рожденіи дѣтей, до сихъ поръ недостаточно выясненные (какъ, напримѣръ, поднятіе отцомъ новорожденного съ пола), встрѣчающіеся какъ въ древнемъ Римѣ³⁾, такъ и въ современной Германии⁴⁾, у готтентотовъ и тури⁵⁾, завертыванье ребенка въ отцовскую одежду въ Швейцаріи⁶⁾, у насъ въ Россіи⁷⁾, и т. п. дѣятельности, нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ и Сумцовъ, считаютъ за символическое признаніе ребенка отцомъ. Либрехтъ видѣть въ обычаяхъ власть всмѣхъ новорожденаго отцовской одеждѣ слѣды кувады⁸⁾. Рѣдько (см. цитир. статью) признаетъ, что нечистая сила боится особенно мужчинъ, откуда вѣрованье, что предметъ, принадлежащий мужчинѣ, имѣть особую предохранительную отъ нечисти силы. Въ пользу взгляда Рѣдько говорять нѣкоторые аналогичные факты изъ быта другихъ народностей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, напримѣръ, женщина послѣ рожденія ребенка выходитъ не иначе изъ дома, какъ надѣвъ на себя часть одежды мужа. Бастіанъ видѣть въ этомъ обычай слѣды кувады⁹⁾. Обычай въ родѣ выпомянутыхъ, безъ сомнѣнія, требуютъ детального изученія, которое единственно можетъ пролить вѣрный свѣтъ на ихъ значеніе. Нельзя также упустить изъ виду, что съ развитіемъ народности нѣкоторые обычаи, коренящіеся въ первобытномъ міросозерцаніи, могутъ получить и символический смыслъ. Интересно было бы поэтому записать и приговоры, сопровождающие такія дѣятельности, какъ поднятіе отцомъ ребенка, принятіе его на руки послѣ рожденія или крещенія и т. п. Нѣмецкій этнографъ Э. Г. Мейеръ указываетъ на желательность записыванья подобныхъ обрядовыхъ приговоровъ и привѣтствий, которыми, по обычаю, отецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи привѣтствуетъ новорожденаго¹⁰⁾.

3. Неясныя представлениія о зачатіи и рожденіи дѣтей отразились и въ вѣрованіяхъ объ участіи въ появленіи дѣтей опредѣленныхъ жи-

¹⁾ Hartland, Legend. of Perseus, II, p. 409—410.

²⁾ Сумцовъ, О славянскихъ народн. воззрѣніяхъ на новорожд. ребенка. Журн. Мин. Нар. Пр. 1880, XI.

³⁾ Ploss, op. c., I, s. 62.

⁴⁾ Meyer, Deutsche Volkskunde, s. 102.

⁵⁾ Ploss, ib.

⁶⁾ Ploss ib.

⁷⁾ Покровскій, op. cit. стр. 43.

⁸⁾ Ploss op. c. I. s. 155.

⁹⁾ Ploss, op. c., I, s. 155.

¹⁰⁾ Meyer, op. и loc. cit.

вотныхъ, птицъ и т. п., о таинственномъ нахождениі ихъ въ глубинѣ извѣстнаго озера, пещеры, рѣки, дерева и пр. ¹⁾). Въ настоящее время у большинства народностей, достигшихъ извѣстнаго культурного уровня, это вѣрованье можно встрѣтить въ качествѣ переживанія въ вѣрѣ, кѣо приносить душу новорожденаго (въ разсказахъ, которыми объясняютъ въ семьяхъ старшими дѣтьми появление на свѣтѣ младшихъ). Но корень подобныхъ вѣрованій таится весьма глубоко, въ первобытномъ міросозерцаніи. Представление, что опредѣленное животное или птица приносить ребенка (въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, напримѣръ, ворона, въ другихъ—лисица ²⁾), на о. Рюгенѣ—лебедь и пр. ³⁾) можно иногда поставить въ связь съ почитаніемъ этого животнаго или птицы, иногда прослѣдивъ его до первобытныхъ тотемистическихъ представлений. Извѣстно, напримѣръ, что въ Римѣ въ тѣсной связи съ рожденіемъ дѣтей стоялъ дятль; эта птица или скорѣе олицетвореніе ея, полу-богъ Пикъ (Picus—дятль), считался покровителемъ родильницы, и, очевидно на него смотрѣли, какъ на приносителя жизни (Lebensbringer ⁴⁾). Между тѣмъ тотемическое основаніе культа Пика-дятла врядъ ли можетъ быть подвержено сомнѣнію. Дятль обоготворялся сабинскими родомъ Picini; онъ, по преданію, предводительствовалъ ими во время ихъ переселенія, что сближаетъ его съ мионическими животными-предками, руководителями и покровителями группъ; члены рода Дятла не употребляли дятла въ пищу. Наконецъ, римлянамъ было извѣстенъ миотъ о превращеніи Пика, спутника Одиссея, въ дятла. Божество Пикъ изображалася, между прочимъ, въ видѣ юноши съ дятломъ на головѣ, а въ древнее время въ видѣ деревянного столба съ дятломъ на головѣ, дятль считался птицей, обладающей даромъ прорицанія, все—черты, характерны для тотемического культа. Вѣрованіе въ то, что дѣтей приносить аистъ, распространенное, хотя и не повсемѣстно, въ Германіи, Плоссъ ставить въ связь съ культомъ аиста, какъ молиеносной птицы (Blitzvogel); колесо, которое кладутъ на крышу дома для него, Плоссъ считаетъ за эмблему солнца ⁵⁾). Можетъ быть, однако, этому вѣрованью, такъ же, какъ почитанію аиста, можно найти и другое основаніе. Во всякомъ случаѣ интересно отмѣтить, что аиста запрещено трогать, что его всячески охраняютъ, несмотря на то, что онъ является скорѣе вредной птицей; за причиненіе ему зла угрожаетъ кара ⁶⁾). Это тоже черты культа тотемического животнаго. Представленія о появленіи дѣтей изъ опредѣленнаго озера, изъ обломка скалы на полянѣ, изъ извѣстнаго потока и т. д. могутъ также имѣть основаніе въ древнѣйшихъ тотемическихъ вѣрованіяхъ, сопряженныхъ съ данными озеромъ, скалой, потокомъ и пр., происхожденіе отъ которыхъ еще смутно вспоминается дан-

¹⁾ Meyer, op. cit. s. 102.

²⁾ Ploss, op. c., I, s. 7.

³⁾ Meger, op. c., s. 102.

⁴⁾ Ploss, op. c., I, s. 10.

⁵⁾ Ploss, op. c. I, s. 6.

⁶⁾ Ploss, op. c., S. 10, 11.

ной группой населения. Они могут также быть связаны съ культомъ озеръ, рѣкъ, горъ и скалъ и живущихъ въ нихъ духовъ. Тѣ же основанія могутъ быть въ представлѣніи о появленіи дѣтей изъ опредѣленнаго, одиноко стоящаго старого дерева¹⁾ или изъ опредѣленнаго вида деревьевъ или растеній (въ Бельгіи изъ размаринового куста²⁾), въ Германіи изъ липы, дуба, ясени; послѣднее можно сблизить съ преданіемъ о сотвореніи Одиномъ первого человѣка изъ ясени и почитаніемъ этого дерева³⁾). Здѣсь мы также соприкасаемся съ культомъ деревьевъ въ его многочисленныхъ развѣтвленіяхъ, съ вѣрою въ душу дерева, въ духа, покровительствующаго всѣмъ деревьямъ одного вида, въ духа-покровителя извѣстнаго человѣка, семьи, группы населения, обитающаго въ извѣстномъ деревѣ и умирающаго (засыхающее дерево) при прекращеніи существованія данного человѣка, семьи, рода и пр. Если вѣра въ тѣсную связь духа дерева или данной породы деревьевъ съ жизнью отдельного человѣка или группы можетъ вызвать представление о возможности данному дереву или породѣ деревьевъ быть источникомъ жизни нарождающагося поколѣнія, она же можетъ служить основаніемъ обычая сажать при рождении дѣтей опредѣленное дерево или растеніе, съ жизнью и ростомъ которого находится въ тѣснѣйшей связи возрастаніе и здоровье ребенка. Эта обычай можно отмѣтить въ различныхъ частяхъ свѣта. Съ теченіемъ времени онъ постепенно утрачиваетъ свое значеніе. Хорошій и дурной ростъ дерева, посаженного при рождении ребенка, служить лишь предзнаменованіемъ, болѣе или менѣе вѣрнымъ, его возрастанія и здоровья. Наконецъ, такое дерево утрачиваетъ всякую связь съ жизнью и здоровьемъ ребенка; оно является лишь его собственностью, а онъ—полновластныи хозяиномъ его плодовъ⁴⁾.

Изъ вѣрованій, связанныхъ съ появленіемъ на свѣтъ ребенка, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ, широко распространенныхъ по всему земному шару, и все еще недостаточно изслѣдованныхъ, является убѣжденіе въ «нечистотѣ» беременной женщины и родильницы. У многихъ народностей, между прочимъ, и среди русскихъ крестьянъ, это вѣрованье поддерживается въ жизни предписаніями вѣры и церкви, признающими роженицу «нечистой» въ теченіе извѣстнаго периода. Но нельзя упускать изъ виду, что предписанія церкви и высшихъ религій въ данномъ случаѣ основывались на болѣе древнихъ представлѣніяхъ. Множество народовъ, стоящихъ на весьма низкой ступени развитія, не испытавшихъ влияния высшихъ религіозныхъ системъ, раздѣляютъ это вѣрованье, напримѣръ, австралійцы⁵⁾. Признаніе беременной женщины и родильницы нечистой сказывается въ слѣдующихъ представлѣніяхъ. Она считается какъ бы обладающей силой зараженія той «нечистотой», которая ей въ данное время присуща. Заразительно и вредно ея прикосновеніе,

¹⁾ Meyer, op. c., s. 102.

²⁾ ibid.

³⁾ Ploss, op. c., I, s. 8.

⁴⁾ Ploss, op. c., I, s. 78.

⁵⁾ Jevons, Introduction to the History of Religion, p. 75.

и ей поэтому запрещено касаться предистовъ, имѣющихъ особое, священное значение для семьи: огня, печи, обѣденного стола, соли и пр. Она заражаетъ пищу, посуду, которую употребляла; вслѣдствіе этого ее кормить иногда съ палочки, уничтожаютъ посуду, служившую ей¹⁾. Беременная женщина дѣлаетъ опасной дорогу, черезъ которую проходила; прошедший за ней будетъ страдать чирьями. Сѣло или хомутъ, черезъ которые она перешагнула, будуть тяжелы лошади²⁾. Вреднымъ, приносящимъ несчастье считается ея присутствіе. Она устраивается изъ жизни селенія (у хевсуръ), не допускается на празднества (на медвѣжій праздникъ у остиковъ³⁾). Одна близость ея заставляетъ портиться воду въ колодцѣ⁴⁾, вино въ погребѣ⁵⁾. Она не должна посѣщать чужія семьи; она является нежеланной гостью при повязываніи молодой женскими чепцомъ (у белоруссовъ), при родахъ, при крестьянахъ; она не можетъ быть восприемницей⁶⁾. Глубокая вѣра въ ея «нечистоту», въ гибельное влияніе ея прикосновенія и присутствія вызвало появление цѣлаго ряда обычаевъ какъ у русскихъ крестьянъ и инородцевъ, такъ и у различныхъ народностей земного шара: 1) У многихъ народовъ запрещеніе (табу), налагаемое на роженицу, и предметы, до которыхъ она касается, устраниются посредствомъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Существуетъ рядъ обрядовъ очищенія послѣ прикосновенія къ ней, также и симпатическія средства противъ ея дурного влиянія. Такъ, въ Купянскомъ у. беременная женщина, отправляясь къ роженицѣ, чтобы не повредить ей, кладетъ за пазуху просо и кусокъ желѣза⁷⁾. 2) Роженицѣ устраивается отдельное помѣщеніе (у самбѣдовъ, напр., сямай-макидо—«поганый чумъ»⁸⁾), чтобы предотвратить оскверненіе семейного жилья актомъ рожденія. Это временное жилище, по минованіи надобности, уничтожается или очищается. То же дѣлается и съ постелью роженицы. Часто родильницѣ отводятъ лишь отдельное помѣщеніе въ общемъ жильѣ, но и оно потомъ очищается. 3) Родильницу оставляютъ одну, безъ помощи, или къ ней допускаютъ лишь бабку, женщину, сѣдѣющую не только въ поданіи помощи, но и въ мѣрахъ обезопасенія себя и другихъ отъ «заразы», исходящей отъ родильницы. Оставленіе родильницы безъ помощи не слѣдуетъ приписывать исключительно грубости. Такъ, у тазовъ помогать при родахъ считается «грѣхомъ»⁹⁾—следовательно, обычай покидать родильницу вытекаетъ иногда изъ мотивовъ болѣе высокаго порядка. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Новго-

1) Jevons, op. et l. c.

2) Ивановъ, Этнogr. мат., собр. въ Купянск. у. Харьковск. г. Ф. О. 1897, 1, XXXII, стр. 24.

3) Ядринцевъ, О культѣ медведя, преимущественно у русскихъ инородцевъ. 3. (1890, 1, IV, стр. 103).

4) Ивановъ, op. et loc. c.

5) Meyer, op. c., s 188.

6) Ивановъ, op. et loc. cit.

7) Ивановъ, op. et loc. cit.

8) Иславинъ, Самбѣды. Сиб. 1847, стр. 120.

9) Браиловскій, op. c., стр. 374.

родской, Нижегородской и Пермской г.) женщина добровольно удаляется изъ жилого помѣщенія въ хѣбъ, сарай и пр. (даже зимой) и остается одна во время рожденія ребенка. Бабку зовутъ лишь по появлениіи ребенка на свѣтъ. Основаніемъ этого обычая въ настоящее время выставляется боязнь «сглаза»¹⁾, но онъ, безъ сомнѣнія, можетъ корениться въ еще болѣе первобытныхъ воззрѣніяхъ. 4) Опредѣляется срокъ, у различныхъ народностей различный, въ теченіе котораго роженица считается нечистой и опасной. По минованіи его нерѣдко надъ ней совершаются обрядъ очищенія. Иногда она не сразу возвращается подъ кровъ мужа, но сначала переходитъ изъ помѣщенія въ помѣщеніе, соотвѣтственно убыли въ ней заражающаго элемента. Иногда она, прежде чѣмъ вернуться къ мужу, живеть нѣкоторое время въ своей родной семье. 5) Лица, соприкасающіяся съ ней, считаются въ свою очередь нечистыми. Въ такой роли оказывается прежде всего новорожденный. Часто отецъ не долженъ прикасаться къ нему, пока его не обмоютъ и пр. Иногда «нечистотъ» считается подверженнымъ и мужъ. Онъ такъ же, какъ и жена, устриается изъ общей жизни, будучи также въ состояніи оказать вредное влияніе своимъ присутствиемъ. Наконецъ, зараженной отъ роженицы оказывается находившаяся съ ней въ тѣсномъ соприкосновеніи бабка. Обрядъ очищенія во многихъ случаяхъ производится не только надъ родильницей, но и надъ ребенкомъ, мужемъ, бабкой и, наконецъ, надъ всѣми, присутствовавшими при родахъ.—Объясненія этого странного, на нашъ взглядъ, возврѣнія были предложены нѣсколькими изслѣдователями. Плоссъ видѣтъ причину страха передъ беременной женщиной и родильницей въ возврѣніи, что состояніе беременности и актъ рожденія является въ глазахъ первобытныхъ народовъ болѣзненнымъ процессомъ²⁾, съ чѣмъ едва ли можно согласиться въ виду легкости прохожденія этого процесса у первобытныхъ народовъ. Кроме того, большинство настоящихъ заболѣваній у малокультурныхъ народностей, несмотря на то, что причиной ихъ въ весьма многихъ случаяхъ приписывается дѣйствію или присутствію сверхъестественныхъ духовъ или нечистой силы, не возбуждаютъ ни страха заразы, ни подобнаго отношенія къ больному. На этомъ же основаніи едва ли можно видѣть въ убѣждѣніи, что женщина-матерь находится во власти нечистой силы, источникъ страха передъ ней. Взглядъ Сумцова, что опасеніе вызываетъ присутствующая въ женщинѣ-матери таинственная сила, «вызывающая душой зародыша», едва ли можетъ считаться удовлетворительнымъ решеніемъ вопроса. Ближе, быть можетъ, подходили къ решенію его изслѣдователи, разсматривавшіе его въ связи съ запрещеніями (табу), окружавшими женщину въ другіе периоды ея жизни, при другихъ функцияхъ женского организма³⁾. Быть можетъ, пролить нѣкоторый свѣтъ на вѣданье въ «нечистоту» ея можетъ также изученіе вѣро-

1) Покровский, оп. cit., стр. 41—42.

2) Ploss, оп. с. I, стр. 49.

3) Ср. хотя бы статью Durkheim а, La prohibition de l'inceste et ses origines. L'Année Sociologique. 1-er ann e. Р. 1898.

ванья въ опасность прикосновенія вообще съ другимъ человѣкомъ, съ предметомъ и т. п., отъ которыхъ можно ждать гибельного вліянія.¹⁾ Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ источниѣ признаванія женщины-матери нечистой въ теченіе извѣстнаго періода времени можетъ быть правильно рѣшенъ лишь при детальномъ изученіи его хотя бы въ болѣе или менѣе яркихъ пережиткахъ.

Несмотря на вышеизложенное воззрѣніе на женщину, готовящуюся стать матерью, какъ на посительницу нечистоты, мѣстами встрѣчается чрезвычайно внимательное къ ней отношеніе, стремленіе освободить ее отъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, работъ, удовлѣтворить всѣмъ прихотямъ ея въ пищѣ и т. п. За исключеніемъ случаевъ, когда народность доросла до уровня, при которомъ уже появляется гуманное отношеніе къ женщинѣ въ трудное для нея время, эти заботы о ней нельзя выводить изъ этическихъ мотивовъ. Сумцовъ приписываетъ ихъ тому же чувству страха передъ женщиной, которое, помимо собственной души, носить въ себѣ еще начало другой, не облекшися въ плотскую форму, таинственной души²⁾. Если бы удалось установить, что та или другая народность имѣть ясное представление о томъ, что женщина съ минуты зачатія и до рожденія ребенка находится во власти пребывающей въ ней таинственной или нечистой силы, боязнь отказать ей въ желаемой пищѣ (по нѣкоторымъ народнымъ разсказамъ такой отказъ карается свыше), удручитъ ее непосильной работой и пр. могла бы пристекать отъ страха передъ этой незримой силой. Съ большей легкостью, однако, внимательное отношеніе къ женщинѣ, готовящейся стать матерью, можно отнести къ широкому кругу обрядовъ и предписаній, вытекающихъ изъ заботы о будущемъ ребенкѣ.

Быть народностей, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія, даетъ примѣры удивительной заботливости о ребенкѣ и до, и послѣ его рожденія. Мать у таѣ называемыхъ дикарей, у некультурныхъ и полукультурныхъ народовъ (а иногда и отецъ) безропотно подвергаютъ себя многимъ лишеніямъ, иногда весьма чувствительнымъ и трудно переносимымъ, лишь бы обеспечить своему ребенку долгую жизнь, здоровье, желательные качества, паконецъ, даже красоту. Многочисленныя предписанія, связзывающія свободу женщины-матери, основаны 1) на вѣрѣ въ тѣснѣшую связь между матерью (какъ мы видѣли и между отцомъ) и ребенкомъ и 2) на вѣрѣ въ такъ называемую «симпатическую магію» (*Sympathetic magic, Analogiezauber*). Эта послѣдняя заключается въ убѣжденіи, что извѣстныя дѣйствія, качества и пр. вызываютъ непремѣнно въ окружающей природѣ, другомъ человѣкѣ, предметѣ и пр. соотвѣтствующее дѣйствіе, качество и пр., и, мало того—что опредѣленными дѣйствіями можно вызвать опредѣленное же дѣйствіе. Покоится она на плохомъ знаніи малокультурного человѣка законовъ при-

¹⁾ Ср. у Crawley, *The mystic Rose. A study of primitive marriage*. Lond. 1902, въ кот. онъ, и. п., оспариваетъ положеніе Дюрглайма въ выше-приведенной статьѣ.

²⁾ Сумцовъ, оп. et loc. cit.

роды и причинной связи явлений. Случайного совпадения двухъ напоминающихъ другъ друга явлений достаточно, чтобы при маломъ опыте и отсутствіи критики натолкнуть первобытнаго человѣка на мысль, что одно изъ нихъ явится причиной другого, или утвердить его въ вѣрованіи, будто подобное имѣть какъ бы магическую власть вызывать подобное. Отсюда формула: *какъ—такъ*, фигурирующая въ заговорахъ, и являющаяся основаниемъ для многочисленныхъ дѣйствій, имѣющихъ цѣль вызвать определенный эффектъ, соответствующій этому дѣйствію. Съя капусту, напримѣръ, нѣмецкаго крестьянинъ обматываетъ себѣ голову платкомъ въ нѣсколько рядовъ; отъ этого кочны капусты будутъ полны и листья будутъ также плотно прилегать другъ къ другу въ нѣсколько рядовъ, какъ и ея платокъ голову. Съя рѣпу, нѣмецкій крестьянинъ надѣваетъ большую круглую шляпу; величина и форма шляпы магически подѣйствуютъ на величину и форму будущей рѣпы¹⁾ ихъ. Влюбленная дѣвушка у южныхъ славянъ, вынувъ сѣдь своего возлюбленаго, сажаетъ въ эту землю бессмертникъ—*Neven* (*Calendula officinalis*). Какъ растетъ и не вянеть цветокъ, такъ и любовь парня къ ней не будетъ вянуть, но расти²⁾). Приступая къ пахотѣ, крестьянинъ Могилевской г. Мстиславского у. катаетъ по лошади яйцо со словами: «будь мой конь такъ гладокъ и повинъ (покорень), якъ ето яйцо»³⁾. Не только качества, видимые признаки и дѣйствія вызываютъ соответствующія качества и пр.—подобную же магическую силу имѣть и слова. Дѣвушки боснянки, желающія выйти замужъ, удаляются въ укромный уголокъ, и одна изъ нихъ, взявъ пригоршню проса, дѣлаетъ видъ, что сѣеть его. Подруга спрашиваетъ: «Что ты сѣешь, сестрица?» Она отвѣчаетъ: «Сью просо, чтобы посватали тебя и меня...» (*Sijem proso, da prose i meni, i tebe...*)⁴⁾. Здѣсь колдовство основано на одновзвучныхъ словахъ. Примѣровъ симпатической магии можно привести множество изъ быта всѣхъ народностей земного шара. Въ предписанияхъ, окружающихъ женщину во время ожиданія ею ребенка, она сказывается необычайно ярко. Кажется, что при той тѣсной связи, которая признается между ней (отчности и отцомъ) и ребенкомъ, она является какъ бы особенно чувствительнымъ проводникомъ этой таинственной силы и поэтому должна чрезвычайно беречься. Въ цѣлыхъ случаяхъ предупредительность къ женщинѣ, готовящейся стать матерью, вытекаетъ прямо изъ этихъ соображеній. Такъ, у нѣмецкихъ славянъ существуетъ взглядъ, что если отказать будущей матери въ какой-нибудь пищи, особенно желаемой ею, ребенокъ при жизни никогда не получитъ вдостоль этого вида пищи, или же на тѣлѣ его появится опухоль, напоминающая своимъ видомъ отказанное яблоко, рѣдкую и пр.⁵⁾. Будущая мать (также иногда и

¹⁾ Meyer, op. c. s. 228.

²⁾ Krauss, *Sitte u. Brauch d. Siedlaven*. s. 165.

³⁾ Шейнъ. *Мат. для изученія быта и яз. населенія сѣверозап. зем. Т. II.* стр. 228.

⁴⁾ Krauss, op. cit. s. 170.

⁵⁾ Meyer, op. c. s. 186.

отецъ) ограничена въ своихъ дѣйствіяхъ; ее связываетъ рядъ запрещеній (табу). На Ніасѣ она не должна посѣщать дома, гдѣ есть мертвѣцъ; иначе умретъ ея ребенокъ; она не должна выжимать масло, иначе у ребенка будетъ болѣть голова. У камчадаловъ неправильное положеніе ребенка было въ одномъ случаѣ приписано тому, что отецъ, во время рода, гнулъ дерево ¹⁾. Въ Кулинскомъ у. женщина, ожидающая ребенка, не должна выплескивать воду черезъ порогъ, иначе ребенокъ будетъ страдать рвотой ²⁾. Особенно часты запрещенія относительно пищи. Пріемъ извѣстнаго рода пищи, какъ извѣстно, нерѣдко служить у некультурныхъ народностей средствомъ овладѣть извѣстными качествами (напр. употребленіе мяса дикихъ животныхъ для получения храбрости, съданіе съ этой цѣлью сердца, головы и пр. отличавшагося выдающимися качествами павшаго врага и пр.). Пищевые табу изъ опасенія заполучить непривлекательныя качества извѣстныхъ животныхъ (трусы, слабость, слѣпота крота и пр.) соблюдаются у многихъ некультурныхъ народностей всѣми членами племени. Та же мысль сказывается и въ пищевыхъ табу, налагаемыхъ на будущую мать (иногда и отца). На Ніасѣ родители будущаго ребенка не употребляли въ пищу мясо совы, изъ страха, что ребенокъ будетъ не говорить, но кричать, какъ сова. У карболовъ отцу воспрещалось есть мелкихъ звѣрей, чтобы ребенокъ не былъ худымъ, мясо кабана, чтобы онъ не родился съ хоботомъ, извѣстнаго вида птицы, чтобы онъ не былъ иѣмымъ и т. д. ³⁾. Аналогичные запреты у южныхъ славянъ изъ тѣхъ же оснований приведены у Краусса, Sitte и Brauch bei d. Südslaven s. 534—535. Хотя пищевые табу во время ожиданія ребенка и вытекаютъ преимущественно изъ вышеупомянутыхъ цѣлей, необходимо, однако, къ каждому такому случаю отнести особенно внимательно. Въ пищевомъ табу, соблюдаемомъ будущей матерью, могутъ отразиться слѣды почитанія того или другого животнаго, исчезнувшаго уже въ данной группѣ населенія, но соблюдаемаго еще наиболѣе консервативнымъ ея элементомъ, женщинами.

Роль нечистой силы въ судьбахъ женщины-матери пространно разобрана въ прекрасной статьѣ г. Рѣдько (Э. О. 1899 № 1—2, XL—XLI). Нѣть никакого сомнѣнія, что по народнымъ воззрѣніямъ женщина-мать, а также и ея ребенокъ, находятся въ чрезвычайной опасности отъ нападенія сверхъестественныхъ силъ. Въ теченіе извѣстнаго срока они какъ будто находятся въ ближайшемъ соприкосновеніи съ міромъ духовъ. Воззрѣніе это сказывается въ слѣдующихъ представленіяхъ. 1) Страданія женщинъ считаются иногда не свойственными ей по природѣ; они «разсматриваются цѣликомъ, какъ результатъ нападенія на нее призрачныхъ враговъ» ⁴⁾, благодаря чему отъ нихъ можно избавиться рядомъ пріемовъ, имѣющихъ часто характеръ борьбы съ нечистой силой. Большой интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи заговоры и молитвы, специально

¹⁾ Ploss, op. c. v. 37, 38.

²⁾ Ивановъ, «р. с. стр. 24.

³⁾ Robinson, Psychologie der Naturvölker, s. 55—57.

⁴⁾ Рѣдько, op. c. стр. 87.

пріуроченные къ состоянію беременности и къ рожденію. 2) Извѣстный срокъ, различный у разныхъ народностей, считается опаснымъ какъ для родильницы, такъ и для новорожденнаго. Особенная опасность заключается въ возможности для нечистой силы подмѣнить ребенка. 3) Рождение мертваго ребенка, смерть дѣтей въ семье, бесплодіе приписываются не естественнымъ причинамъ, но дѣйствію враждебныхъ силъ, которыхъ можно принудить измѣнить свое враждебное къ данной женщинѣ поведеніе. Въ этихъ вѣрованьяхъ мы соприкасаемся съ интереснѣйшими демонологическими представлениями данной группы населенія, какъ о духахъ мрачныхъ и злобныхъ, препятствующихъ благополучному появленію ребенка (напр. Ави-сули у месховъ¹⁾, Албоста у киргизовъ²⁾ и др.), такъ и о духахъ, имѣющихъ отношеніе къ судьбѣ ребенка (рожденицы у славянскихъ народностей, «урисницы» у болгаръ Таврической г.³⁾, или о вѣдьмахъ — «вѣщицахъ» или «труболѣткахъ», вынимающихъ плодъ (зап. Сибирь⁴⁾ и пр.). Въ средствахъ борьбы съ сверхъестественной силой ясно выражается вѣра въ волшебную или симпатическую силу нѣкоторыхъ предметовъ, какъ напримѣръ, ножа, ножницъ, вѣника, хлѣба, соли, яицъ и т. п. Въ каждомъ отдельномъ случаѣ интересно точнѣе опредѣлить, дошла ли данная группа населенія до символического пониманія силы этихъ предметовъ или въ ней сохранились еще остатки болѣе древнихъ представлений (напр. о духѣ пожа или ножницъ, какъ, напримѣръ, у бурятъ⁵⁾), о духѣ покровителя дома, имѣющемъ преимущественное мѣстоопредѣление въ хлѣбѣ, какъ, напримѣръ, у нѣмцевъ⁶⁾ и т. п.). Весьма интересно также изученіе различныхъ амулетовъ и ладонокъ, носимыхъ женщиной-матерью и ребенкомъ, или подвѣшиваемыхъ близъ постели роженицы и колыбели новорожденнаго. Подобные предметы, какъ бы незначительны они ни казались на первый взглядъ, следуетъ тщательно разсмотрѣть и подробно разспросить объ ихъ значеніи. Такъ, напримѣръ, обыкновеніе киргизовъ подвѣшивать къ колыбели ребенка, между прочимъ, когда беркута и хвостъ ежа⁷⁾ можно поставить въ связь съ ихъ вѣрованьемъ, что беркутъ, принесенный въ домъ къ родильницѣ, отгоняетъ своимъ крикомъ злого Албосту, и съ почитаніемъ ежа за священное животное, сумѣвшее нѣкогда отнять у черта спрятанное имъ солнце⁸⁾. Насколько важны точные разспросы объ амулетахъ, можно видѣть на примѣрѣ чукотскаго дѣтскаго браслета, состоящаго изъ ремешка и бусыньки. Это простое и мало замѣтное, быть можетъ, украшеніе пмѣТЬ, однако, глубокой таинственный смыслъ. Бусынька,

¹⁾ Хахановъ, Месхи. Э. О. 1891, 3, X, стр. 10—11.

²⁾ Поляковъ, Изъ области киргизскихъ вѣрованій. Э. О. 1891, 4, XI, стр. 42.

³⁾ Державинъ, Н. Очерки быта южно-русскихъ болгаръ. Э. О. 1898.

3. XXXVIII, стр. 41.

⁴⁾ Живая Старина, 1896, в. III и IV. стр. 542.

⁵⁾ Хангаловъ, Свадебные обряды и пр. у бурятъ Ургинского вѣдомства.

Э. О. 1898, 1. XXXVI, стр. 65.

⁶⁾ Meyer, op. cit. в. 209.

⁷⁾ Поляковъ, оп. с. стр. 38.

⁸⁾ ibid. стр. 39—40.

оказывается, представляет священный бубенъ, а ремешокъ — духа-покровителя¹⁾. Въ средствахъ борьбы съ бесплодіемъ нерѣдко можно также натолкнуться на слѣды весьма архаичныхъ вѣрованій. Такъ, напримѣръ, остатки культа очага и вѣра въ священное значеніе очага — покровителя семьи рода сказываются въ слѣдующемъ обычай южныхъ славянъ. Женщина, страдающая бесплодіемъ, ставить на очагъ чашку съ водой. Мужъ ударяетъ головой объ головню; когда нѣсколько искръ попадутъ въ воду, жена выливаетъ ее. Другое средство — сѣсть съ этой же цѣлью червя, найденного въ вѣткѣ орѣшины, — Краусъ сблизяется съ культомъ души дерева²⁾. Въ значеніи фетишей, избавляющихъ женщину отъ бесплодія, выступаютъ иногда болѣе или менѣе ясно куклы, которыя, очевидно, у нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, народностей, служили не только излюбленной дѣтской игрушкой. Такъ смотрѣть на куклы венгерский этнографъ Йинко, по мнѣнію которого куклы служить не столько игрушками, сколько религіозно-суевѣрными цѣлями, имѣя отношеніе къ плодовитости женщинъ³⁾. На то же значеніе куколь указалъ и нѣмецкій этнографъ Андрэ. У африканской народности финго каждой дѣвушкѣ при наступлѣніи совершеннолѣтія дарится кукла; она хранить ее при себѣ, пока у нея не родится первый ребенокъ. Кукла пользуется почитаніемъ⁴⁾. Въ томъ же значеніи покровителя женского плодородія выступаютъ куклы у чукчей. Женщина, выходя замужъ, уносить съ собой свои куклы и прятать ихъ подъ изголовье, чтобы скорѣе имѣть дѣтей. Отдавать куклы нельзя — это значило бы отдать залогъ плодородія семьи⁵⁾. Въ томъ же значеніи куклы выступаютъ иногда въ свадебныхъ обрядахъ: молодымъ дарять куклы, какъ «пожеланіе... счастья и потомства» (у терскихъ казаковъ, у грузинъ⁶⁾). Чѣмъ ниже быть изслѣдуемой группѣ населения, тѣмъ возможнѣе и легче смѣшать игрушки-куклы съ тряпичными и иными фигурами, имѣющими совершенно другое назначеніе и глубокой смыслъ. Такъ, дѣвушки якутки въ Колымскомъ округѣ кладутъ надъ своими кроватями на балкѣ сдѣланные изъ цветныхъ тряпокъ фигурки. Это, однако, не куклы, но изображенія Айсигть, «существа женского рода, символа плодородія по преимуществу», духа, дающаго жизнь новорожденному, и дѣвушки якутки держать близко къ своимъ постелямъ эти куклы, «чтѣая вымолить плодородіе»⁷⁾. Не надо забывать также, что въ инородческой семье можно встрѣтить куклы, въ которыхъ воплотилась или введена волшебный дѣйствіемъ душа умершаго ребенка, близость котораго къ матери можетъ, но взглядами нѣкоторыхъ малокультурныхъ народовъ, дать возможность матери въ скоромъ времени зачать нового ребенка.

¹⁾ Богоразъ. Очеркъ матеріального быта оленныхъ чукчей. Сб. Музей по Азтр. и Эти. при Им. Ак. Н. П. СИБ. 1901, стр. 16.

²⁾ Krauss, op. c. s. 531

³⁾ Gabray, Ungarische Puppen, Globus. B. LXXXI, № 13.

⁴⁾ Andree, Ethnographische Paralellen, N. F. s. 92.

⁵⁾ Богоразъ, op. c. стр. 49.

⁶⁾ Маяковъ, Станица Червлевая. Э. О. 1891. 1, VIII, стр. 134.

⁷⁾ Сирошевскій, Якуты. Т. I. Сиб. 1896, стр. 673.

Въ обрядахъ и вѣрованьяхъ, связанныхъ съ послѣдовательной смертью дѣтей въ семье, съ бесплодіемъ женщины, появленіемъ мертворожденного ребенка, можно иногда встрѣтить обломки первобытной вѣры въ способность души человѣка вести самостоятельное существованіе, возможность для нея блуждать и быть возвращенной просьбами и извѣстнаго рода магическими дѣйствіями. Такъ, у якутовъ обрядъ силы быг(h)оръ, совершаемый въ семье, гдѣ не живутъ дѣти, имѣть цѣлью уловленіе души будущаго ребенка. Къ веревкѣ, протянутой черезъ юрту и обмотанной вокругъ матери, привязываютъ, между прочимъ, птичку. Шаманка острый ножемъ перерѣзываетъ веревку (нарушая, такимъ образомъ, козни злого духа, которые изображаетъ веревку), и птичка падаетъ на женщину. Птичку эту затѣмъ хранить въ особомъ гнѣздашкѣ. Якутки вѣрять, что здоровье и жизнь родившагося, по совершеніи обряда, ребенка тѣсно связаны съ ней¹⁾). Та же вѣра сказывается и въ обыкновеніи якутовъ послѣ смерти ребенка изготавливать куклу изъ лошадиной или коровьей бабки, въ которую вселяется душа ребенка²⁾), и въ воззрѣніи вотяковъ, что мертворожденнаго можно вернуть къ жизни, вымоловъ для него душу у предковъ³⁾.

Изъ обрядовъ, сопровождающихъ появленіе на свѣтъ ребенка, осеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыми обставлены дача имени ребенку и его крещеніе. Естественно, что въ обрядахъ крестинныхъ меныше всего можно ожидать съѣдовъ первобытныхъ вѣрованій, хотя эти послѣднія и продолжаютъ существовать въ болѣе или менѣе ясныхъ пережиткахъ и подъ кровомъ церкви. Но нерѣдко случается, что инородческія группы населенія, причисленныя къ православному вѣроисповѣданію, наряду съ христіанскимъ обрядомъ крещенія сохраняютъ и языческій обрядъ дачи имени или на ряду съ именемъ, даваемымъ православнымъ священникомъ новорожденному, даютъ ему и другое—языческое,—сообразно прежнимъ своимъ взглядамъ. Въ такихъ случаяхъ, конечно, наибольшій интересъ представляеть языческій обрядъ или его переживаніе, хотя не лишены интереса и формы, въ которыхъ отличается желаніе народности перенести на новую, еще не усвоенную вѣру, требованія прежней вѣры отцовъ.

Въ дачѣ имени новорожденному проявляется необычайно ярко вѣра въ связь человѣка съ его именемъ, наблюдаемая у многочисленныхъ народностей. Эта вѣра сквозитъ: 1) въ убѣждениіи, что существуютъ имена счастливыя и несчастливыя, что имя можетъ обезпечить тому, кто его носить, благополучное существованіе или, наоборотъ, навлечь на него несчастіе. Та забота о ребенкѣ, которая заставляетъ женщину-мать подчиняться ряду иногда стѣснительныхъ предписаній во благо ребенка, руководить ею при выборѣ имени новорожденному. Наиболѣе подходящее для него имя стараются узнать путемъ гаданья, вѣрять указаніямъ во снѣ и т. п. Заботы о благополучіи ребенка вынуждаютъ иногда давать

¹⁾ Приклонскій, Три года въ Якутской Области. Ж. Ст. 1891, III, стр. 65.

²⁾ ibid. стр. 64.

³⁾ Верещагинъ, Вотяки Состовскаго края, стр. 85.

ему имя некрасивое, унизительное и т. п. Имя, непрятное само по себе, имѣть великое преимущество: оно может отогнать или обмануть злую силу духовъ, враждебно настроенныхъ противъ ребенка. Поэтому дача имени некрасиваго, унижающаго и т. п. происходит обыкновенно въ семьяхъ, гдѣ часто умираютъ дѣти. Быть можетъ, боязнь выбрать имя неудачно заставляетъ при выборѣ руководствоваться не собственными соображениями, а положиться на случай: называть ребенка по имени вошедшаго въ жилище первымъ послѣ рожденія его, по имени встрѣтившагося животнаго, растенія, первого попавшагося на глаза предмета и т. п. 2) Имя можетъ доставить извѣстное покровительство ребенку. Эта вѣра сказывается при выборѣ имени святого для младенца въ христианской семье. Но оно имѣть гораздо болѣе древнее основаніе. Вслѣдствіе интимной связи животнаго, растенія, предмета и пр. съ его наименованіемъ, животныя, растенія и пр. или духи, оживляющіе ихъ, обязаны покровительствовать ребенку, носящему ихъ имя. Ребенокъ, благодаря своему имени, входитъ въ извѣстныя тѣсныя отношенія съ тѣмъ или инымъ видомъ животнаго, растенія и пр. Частая дача одного и того же имени въ дачной группѣ населенія по имени извѣстнаго вида животнаго, растенія и пр. можетъ имѣть основаніе въ почитаніи этихъ послѣднихъ. 3) Имя можетъ служить средствомъ перенести извѣстныя качества на новорожденнаго. Съ этой цѣлью, напримѣръ, даютъ иногда дѣтямъ имена умершихъ родственниковъ. Здѣсь находитъ себѣ выраженіе культь предковъ. 4) Наконецъ, въ дачѣ ребенку имени умершаго можетъ проявляться архаичная вѣра въ переселеніе души умершаго въ новорожденнаго, вѣра во вторичное рожденіе. Это вѣрованье весьма широко распространено¹⁾. Въ переживаніяхъ оно встрѣчается еще среди низшихъ, смеевъ населенія Западной Европы, напримѣръ, въ Норвегіи, гдѣ новорожденному давали имя умершаго родственника, «чтобы дать покойнику возможность вновь ожить». Если норвежская крестьянка, ожидающая ребенка, увидитъ во снѣ покойника, она даетъ его имя ребенку: покойникъ, по ея возвѣщенію, ходилъ по землѣ, «ища имени» и успокоится, когда его имя будетъ дано новорожденному²⁾. Вѣра въ переходъ души умершаго въ новорожденнаго встрѣчается и въ стами и у русскихъ иинородцевъ.—Увѣренность въ важномъ значеніи имени для человѣка, необходимости его имѣть для благополучнаго существованія заставляетъ многочисленныя народности относиться съ сожалѣніемъ къ душамъ дѣтей, умершихъ безъ получения имени. У лопарей надъ могилой такого ребенка воетъ по ночамъ мрачный духъ удбоеръ; избавить отъ него ребенка можно только, крикнувъ ему имя³⁾. Среди

¹⁾ Примѣры изъ быта некультурныхъ народностей см. у Тейлора, Первоб. культура, II, стр. 76 и далѣе; у германскихъ народностей—Golther, Deutsche Mythologie. Lpz. 1895, в. 96—97.

²⁾ О слгахъ этого представленія въ крестинныхъ обрядахъ см. статьи J. ricek. въ Mitt. d. Schlesischen Ges. f. Volkskunde, 1894—95 в. 34 и далѣе и Mauger-а въ Ztsch. d. Vereins f. Volkskunde, 1895, в. 99.

³⁾ Харузинъ, оп. с., стр. 162.

русского крестьянского населенія ходятъ также многочисленные разсказы о душахъ некрещеныхъ дѣтей, не имѣющихъ покоя, но которыхъ можно успокоить, давъ имъ имя.

Материнская забота, мягкий теплый лучемъ освѣщающая обряды и вѣрованья, связанныя съ рожденіемъ ребенка, съ необычайной трогательностью сквозить въ суевѣрныхъ представленихъ, относящихся къ смерти родильницы. Мать, по представлению многочисленныхъ народностей, и послѣ смерти не оставляетъ попеченія о своемъ ребенкѣ. Душа ея возвращается; она навѣщаетъ по ночамъ новорожденного, пелепаетъ, купаетъ, кормить его грудью. Въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ ей облегчаютъ приходъ, напримѣръ, въ теченіе извѣстнаго времени стѣлютъ ей еще постель¹⁾; въ другихъ все-таки стараются обезопасить себя отъ нежелательнаго посѣщенія мертвца. Для этого стараются обмануть ее, отвлечь вниманіе (средства, употребляемыя во избѣженіе посѣщеній покойниковъ вообще): ей кладутъ въ гробъ пеленки, чепчики дѣтскіе и пр., иглу, нитки и пр., чтобы она могла на томъ свѣтѣ заняться обшиваньемъ ребенка, или ставить за дверь воду и мыло, чтобы она тамъ купала ребенка²⁾. Иногда примѣняютъ къ ней ту же мѣру, какъ и къ умершимъ колдунамъ: въ ея могилу вбиваются осиновый колъ (въ Германіи и Даніи) и тѣмъ пригвождаются или, можетъ быть, умерщвляются совсѣмъ ея неспокойную душу³⁾. Въ яркомъ свѣтѣ предстоять здѣсь древнія вѣрованья въ существованіе души послѣ смерти и материалистической взгляда на самую душу.

Мы коснулись въ этомъ бѣгломъ обзорѣ цѣлькохъ главныхъ группъ вѣрованій и обрядовъ, связанныхъ съ появлениемъ на свѣтѣ ребенка. Мы видѣли, что основанія ихъ таятся глубоко, хотя та или другая группа населенія и забыла настоящіе источники этихъ обрядовъ и вѣрованій; что понять истинный смыслъ ихъ возможно путемъ сравненія подобныхъ же обрядовъ у другихъ племенъ и народностей, изученіемъ другихъ вѣрованій или оста тѣковыхъ у той же группы населенія. Но если родильные обряды и вѣрованья освѣщаются общимъ міровоззрѣніемъ данной группы, не надо забывать, что они, детально изученные, могутъ пролить сильный свѣтъ на вѣрованья и весь духовный складъ изслѣдуемой народности или части ея.

Для лицъ, неопытныхъ еще въ собираниіи путемъ опроса этнографическихъ свѣдѣній, намъ хотѣлось бы сдѣлать слѣдующія указанія. всякая программа имѣть одинъ недостатокъ: она какъ бы наводить вопросомъ на определенный отвѣтъ и итъ сомнѣнія, что при недостаткѣ опыта можно получить изъ устъ вопроса опрошенаго отвѣтъ, подтверждающей вопросъ программы и не находящій себѣ соответствія въ дѣйствительной жизни. Поэтому, первымъ требованіемъ при собираниіи этнографического материала является провѣрка записанныхъ свѣдѣній, путемъ ли разпроса

¹⁾ Robinson, op. c., s. 159.

²⁾ Robinson, op. c., s. 160.

³⁾ Meyer, E. H. Germanische Mythologie, s. 71.

объ одномъ и томъ же предметѣ нѣсколькихъ человѣкъ, путемъ ли возвращенія къ тому же вопросу черезъ нѣсколько времени. Далѣе, сама программа для данной группы населенія можетъ оказаться недостаточной, въ ней могутъ быть опущены вопросы, относящіеся специально къ этой группѣ или народности. Въ виду всего этого мы признавали бы наиболѣе цѣлесообразнымъ для изслѣдователя начать не съ разспросовъ по программѣ, а съ просьбы разсказать весь процессъ родинъ, ухода за новорожденнымъ, крестинъ и пр. Желательно при этомъ получить и возможно точное объясненіе каждого обряда со стороны рассказчика и присутствующихъ. Эти объясненія изъ устъ народа необычайно цѣнны: они могутъ иногда освѣтить вполнѣ тотъ или другой обрядъ. Но нельзя забывать, что съ развитіемъ народности или группы ея мѣняется и объясненіе его. Архаичное міровоззрѣніе уступило болѣе просвѣщенными взглядамъ; болѣе гуманное отношеніе сгладило примитивная грубость и дикость, и обряду, коренившемуся въ далекихъ временахъ первобытности, подыскано болѣе удовлетворяющее современному міровоззрѣнію объясненіе. Но изслѣдователь не можетъ останавливаться на этомъ: онъ долженъ стараться идти глубже, отыскать корни обряда, для этого коснуться иногда и другихъ вѣрованій изслѣдуемой группы. Поэтому при вторичномъ разспросѣ онъ уже можетъ пользоваться наводящими вопросами программы. Они позволяютъ, съ одной стороны, вопрошающему пополнить тѣ пробѣлы, которые часто встречаются въ разсказѣ малокультурного человѣка, весьма затрудняемаго требование разсказать что-нибудь связно и въ опредѣленномъ порядкѣ. Съ другой, они возбудятъ въ немъ любопытство, что гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ при тѣхъ же обстоятельствахъ поступаютъ иначе, вызовутъ отвѣтъ вродѣ: «нѣть, у насъ такъ не дѣлается» или радостное: «и у насъ такъ». При такомъ способѣ разспроса главная опасность программы, ихъ предвзятость, будетъ обойдена.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать одно пожеланіе. Трудно бываетъ порой собирателю этнографическихъ материаловъ проникнуть во внутренний міръ изслѣдуемой группы, будь то русское крестьянское населеніе опредѣленной мѣстности, будь то инородческое племя или народность. Интимная сторона жизни женщины еще болѣе скрыта отъ этнографа-собирателя. Женщина, занимающая по большей части приниженнное положеніе не только въ инородческой, но и въ русской крестьянской семье, не привыкла быть предметомъ вниманія и часто стыдливо относится къ вопросамъ, затрагивающимъ ея внутренній міръ. Но этотъ послѣдній весьма богатъ и для этнографа представляеть значительный интересъ. Консервативная часто по своему внутреннему складу, озабоченная сохраненіемъ своему ребенку долголѣтія, здоровья, благополучія, наконецъ, вышнихъ и внутреннихъ качествъ, женщина-мать не упускаетъ ничего для достижения этой цѣли. Она при этомъ руководствуется не только своими собственными суевѣрными соображеніями, но также опытомъ предшествующихъ поколѣній и становится этимъ самымъ хранительницей древнѣйшихъ представлений. Въ настоящее время на этнографической нивѣ работаетъ уже много женщинъ. Для нихъ доступъ къ

интимной сторонѣ жизни женщины—и нородки или русской крестьянки—свободнѣе, чѣмъ мужчинѣ—этнографу. Завѣтныя вѣрованья, ожиданія, мелкія заботы, которыми мать окружаетъ своего ребенка, все передуманное и перечувствованное она скрѣбѣ повѣдѣаетъ «сестрѣ» въ задушевномъ разговорѣ. Желательно, поэтому, чтобы собирателѣницы—этнографы обратили особое вниманіе на детальное изученіе той области, въ которой, быть можетъ, ярче всего проявляется внутренняя жизнь женщины, ея духовный обликъ.

В О П Р О С Ы.

I. Безплодіе; отношеніе къ незаконнорожденнымъ.

1. Считается ли бесплодіе несчастіемъ? Относится ли къ нему съ презрѣніемъ? Не отзывается ли оно на положеніи женщины въ семье мужа? Не считается ли бесплодіе карой за грѣхи жены или мужа? За какого рода грѣхи?

2. Не употребляютъ ли противъ бесплодія особыхъ средствъ? Какія именно? Заговоры, сюда относящіеся; симпатическія средства, колдовство, амулеты, ладонки.

3. Какимъ святымъ молятся о разрѣшеніи отъ бесплодія и безчадія (напр. пр. Ипатію—31 марта, св. Роману чуд.—27 ноября)? На какихъ основаніяхъ? Какія легенды известны по этому поводу?

4. Не существуетъ ли (у инородцевъ) какихъ нибудь запрещеній, пищевыхъ или другихъ, за нарушеніе которыхъ будто бы женщина карается бесплодіемъ?

5. Не придается ли особое значеніе кукламъ (напр. у чукчей)? Не считаются ли онѣ отчасти покровителями женского плодородія? Не хранить ли женщина своихъ куколъ и послѣ замужества (съ цѣлью имѣть дѣтей)? Гдѣ и съ какой цѣлью ихъ прятать? Нѣть ли въ обычаяхъ сохранять ихъ для своихъ дочерей (съ цѣлью ихъ одѣлить плодородіемъ). Существуютъ ли куклы, передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе? Какъ называются куклы? (точный переводъ у инородцевъ).

6. Существуютъ ли свадебные обряды, выражаютіе желаніе, чтобы бракъ былъ не бездѣтнѣй. Обряды, играющіе роль симпатическихъ средствъ, чтобы отвести несчастіе безчадія? Символические обряды, указывающіе на будущую плодовитость молодой?

7. Не фигурируютъ ли куклы въ свадебныхъ обрядахъ? Въ какомъ значеніи (вызвать плодородіе молодой)?

8. Не существуетъ ли вѣрованья въ злое существо, уничтожающее плодъ у беременныхъ женщинъ? Не обращается ли это существо въ животное, птицу и т. п.? Въ какія? Не обращаются ли известныя женщины въ такое существо и какимъ путемъ?

9. Какія средства употребляются, чтобы больше не имѣть дѣтей? Настой какихъ травъ? Какія коренья?

10. Въ ходу ли искусственное вызыванье выкидыша? Не бывает ли случаетъ, что отецъ ребенка обременяетъ нарочно беременную жену, желая вызвать выкидышъ? Какъ относится къ этому народъ?

11. Существуютъ ли симптическія средства, заговоры и т. п. въ предотвращеніе выкидышей?

12. Не вносится ли какихъ либо измѣнений въ костюмъ женщины послѣ рожденія ею первого ребенка?

13. Каково отношеніе къ незаконнорожденнымъ? Разнится ли отношеніе къ незаконнорожденному ребенку дѣвушки и замужней женщины? Нѣть ли или не было въ обычай умерщвлять такихъ дѣтей (у инородцевъ, напр. у ороочонъ)?

14. Существуютъ ли какія-нибудь прозвища для незаконнорожденныхъ дѣтей? (напр. «міронъ» т.-е. родившійся отъ міра—у пермяковъ). Записать обидныя прозвища.

15. Записать пѣсни, въ которыхъ выражается отношеніе народа къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ? (Пѣсни матери, колыбельные).

II. Беременность.

1. Не считается ли появленіе какого-нибудь животнаго, птицы и т. п. вблизи жилья, крикъ, пѣнье ихъ и т. п. примѣтой или предвѣщаніемъ, что въ данномъ домѣ имѣется или скоро будетъ беременная женщина?

2. Существуютъ ли примѣты, по которымъ женщина можетъ узнать, беременна ли она или нѣтъ? Беременна ли мальчикомъ или дѣвочкой?

3. Не существуетъ ли представлѣнія, что периодъ беременности не одипаковъ, если рождается мальчикъ или дѣвочка? (напр. у торгоутовъ).

4. Каково отношеніе самой будущей матери къ состоянію беременности? Скрываетъ ли она свое положеніе, пока возможно, или съ гордостью выставляетъ его наружу?

5. Существуютъ ли какія-нибудь запрещенія, обязательныя для беременной женщины? На чёмъ они основаны?

6. Не воспрещается ли беременной женщинѣ принятіе той или другой пищи, извѣстныхъ видовъ животныхъ, рыбъ и пр. или частей ихъ (напр. головы, ногъ, внутренностей оленя у якутовъ)? Подробно разспросить объ основаніяхъ этого запрещенія. Записать преданія и разсказы, сюда относящіяся.

7. Не подвергается ли беременная женщина какимъ-нибудь ограниченіямъ? Не устраинется ли она отъ общей жизни селенія? Не запрещается ли ей переходить дорогу, по которой прошли тѣ или другія животныя (у якутовъ)?

8. Не запрещается ли участіе беременнымъ женщинамъ въ какихъ-нибудь торжествахъ? Въ какихъ? (напр., на медвѣжьихъ праздникахъ у остяковъ). На какихъ основаніяхъ?

9. Не подвергается ли подобнымъ ограниченіямъ мужъ беременной женщины? Раздѣляетъ ли онъ одни съ ней ограничения или стѣсненъ другими? Какими именно?

10. Каково отношение къ беременной женщинѣ окружающихъ? Не относятся ли въ ней предупредительно? Не исполняютъ ли всѣхъ ея желаній? Не уменьшаютъ ли работу? Изъ какихъ основаній это дѣлаютъ? Изъ страха повредить ея здоровью, благополучному исходу родовъ? Изъ страха, что до нихъ работа отзовется на здоровье, на качествахъ ребенка? При изъ опасенія, что работа, исполняемая женщиной беременной, особенно, если она считается нечистой въ данной мѣстности, будетъ неудачна?

11. Какъ относятся къ желанию беременной женщины съѣсть ту или иную пищу? Нѣть ли особаго названія для такого состоянія? Не связаны ли какіе-нибудь предразсудки съ неудовлетвореніемъ такихъ желаній? Не существуетъ ли представленія, что такое желаніе непремѣнно надо удовлетворить? не выработало ли обычное право народа извѣстныхъ нормъ по этому поводу?

12. Какія повѣрья существуютъ относительно этого? Записать разсказы, въ которыхъ описывается наказаніе за непредупредительное отношение къ беременной женщинѣ, за отказъ исполнить ея желаніе?

13. Въ какую связь ставить съ вицѣнными и внутренними качествами ребенка поведеніе матери во время беременности, ея занятія, принимаемая ею пища и т. д.?

14. Отчего происходятъ на тѣлѣ ребенка родимыя пятна, имѣющія своеобразную окраску или форму? Существуютъ ли средства уничтожить ихъ?

15. Въ какихъ повѣряхъ и примѣтахъ выражается взглядъ на беременную женщину, какъ на существо нечистое? Записать относящіяся къ этому повѣрю разсказы.

16. Когда и при какихъ случаяхъ присутствіе беременной женщины считается вреднымъ?

17. Не считается ли присутствіе беременной женщины при родахъ вреднымъ для роженицы? Какими средствами (заговорами, волшебными травами, симпатическими дѣйствіями) можно отвратить гибельное вліяніе ея присутствія?

18. Во сколько времени, по вѣрованью изслѣдуемой группы, ребенокъ зарождается во чревѣ матери? (напр. въ Олонецк. г.—въ три дня).

19. Не существуетъ ли повѣрья, что зачатый подъ тѣмъ или другіе дни (праздники, напр.), дѣти рождаются уродами?

20. Какое существо (богъ или др.) даетъ, по воззрѣнію народа, душу ребенку? (у русск. крестьянъ—ангелъ или кто другой?)

21. Существуютъ ли симпатические средства, исполненія которыхъ во время беременности женщина можетъ ожидать легкихъ родовъ (напр., спать въ овечьей шубѣ?)

22. Какому святому или святой рекомендуется молиться беременной женщинѣ для того, чтобы роды были легкіе (напр., св. вел. Варварѣ, св. Анастасії Узорѣшительницѣ)?

23. Записать пѣсни, поговорки и пр., въ которыхъ указывается тяжелое состояніе женщины, готовящейся стать матерью?

III. Родины.

1. Нѣть ли какихъ-нибудь симпатическихъ средствъ заранѣе обезопасить себя отъ будущихъ родильныхъ муки? (напр., невѣста, идя къ вѣнцу, грызть зубами церковный замокъ и пр.).

2. Не существуетъ ли повѣрье, что родильная муки можетъ дѣлить съ женой мужъ? что онѣ могутъ быть перенесены съ жены на мужа? какимъ путемъ? нѣть ли повѣрья, что это можетъ сдѣлать бабка?

3. Не существуетъ ли взгляда на процессъ рожденія, какъ на нечто нечистое? Не считается ли роженица нечистой? Не считается ли присловіе къ ней «грѣхомъ»? Не требуется ли исполненіе какихъ-нибудь очистительныхъ обрядовъ послѣ посѣщенія роженицы? Какія предстоятъности принимаются при сношеніяхъ съ роженицей?

4. Гдѣ происходить роды? Не принято ли отводить особое помѣщеніе для роженицы или уводить ее изъ дома? Не считается ли въ послѣднемъ случаѣ, что актомъ рожденія оскверняется домъ? Почему?

5. Уничтожается ли помѣщеніе, устроенное специальнѣо для родинъ? Очищается ли оно, такъ же, какъ и домъ, комната, въ которыхъ они произошли? Какъ производится очищеніе?

6. Нѣть ли обычая при наступленіи родинъ прощаться съ родильницей и не уходить ли послѣ этого всѣ домашніе въ другую избу или помѣщеніе?

7. Не уходить ли женщина при приближеніи родовъ къ хлѣву, сарай и пр., даже зимой, стараясь быть одной (даже безъ бабки) въ моментъ рожденія ребенка? Не оставляютъ ли роженицу одну безъ помощи? Не считается ли «грѣхомъ» помогать при родахъ? Изъ какихъ возврѣній вытекаютъ подобные обычай и представлія?

8. Какими средствами стараются облегчить или ускорить роды?

9. Какія растенія признаются цѣлевыми для родильницы? Какъ они употребляются (настой, примочки, кладутъ около роженицы, подъ подушку и т. д.)?

10. Какія симпатическія средства употребляются при трудныхъ родахъ? Не заставляютъ ли мужа ослабить или развязать поясъ, разстегнуть рубашку? Не заставляютъ ли дѣвушекъ въ семьѣ или саму роженицу распускать волосы?

11. Не вынимаютъ ли печную заслонку, не выдвигаютъ ли ящики, не открываютъ ли сундуки? Не развязываютъ ли всѣхъ узловъ на поясѣ? Не снимаютъ ли всю верхнюю одежду съ роженицы?

12. Не вынимаютъ ли серегъ изъ ушей родильницы, не снимаютъ ли у нея кольцо съ руки? Не обводятъ ли ее вокругъ обѣденного стола, заставляя ее сѣсть съ угловъ по грудочки соли?

13. Не заставляютъ ли ее переступать черезъ пустой мышокъ, поясъ и др.? черезъ бѣлье мужа? черезъ самого мужа?

14. Нѣть ли въ обычай при трудныхъ родахъ отыскивать «счастливое мѣсто» въ домѣ, дворѣ, на гумѣ и пр., водя при этомъ роженицу по разнымъ мѣстамъ?

15. Не обращаются ли въ священнику, прося прочесть «разрѣши-
тельный» молитвы, раскрыть царсія врата? Не служать ли молебны св.
Анастасіи Узорѣшительницѣ, не надѣваютъ ли на роженицу какихъ-
нибудь предметовъ съ иконы святой (напр. въ Москвѣ, сорочку, поло-
женную на раку св. во время молебна), не поять ли ее водой съ ея
иконами и т. п.?

16. Не заставляютъ ли больную «прощаться» (просить прощенія)
съ землей, съ бѣлымъ свѣтомъ и т. д.? Записать формулы «прощенія».

17. Нѣтъ ли вѣрованья, что присутствіе какого-нибудь животнаго,
птицѣ и т. п. облегчаютъ родильная муки? (напр. у киргизовъ прино-
сять филина на родину и заставляютъ его кричать, п. ч. голосъ его
прогоняетъ нечистую силу).

18. Не изготавляется ли во время родинъ особыхъ фигурокъ изъ
дерева и т. п.? Не приносятъ ли имъ жертвъ? Не вѣшаютъ ли ихъ
потомъ надъ люлькой ребенка? (напр., у гиляковъ). Разузнать точное
название и значение этихъ фигурокъ.

19. Не существуетъ ли повѣрья объ особомъ представителѣ міра
духовъ, поселяющемся въ домѣ во время родовъ? Его название, виѣшній
видъ? (Альбоста—у киргизовъ, Ави-сули у мескновъ). Какія мѣры прини-
маются для огражденія родильницы отъ него? Молитвы, заговоры, симпа-
тичес. средства.

20. Если въ домѣ родильницы придетъ ночью путникъ, не грозить
ли это опасностью родильницѣ? На какомъ основанії? (Не можетъ ли
вмѣсть съ нимъ проникнуть злобный духъ)? Не подвергаютъ ли въ
такомъ случаѣ какимъ-нибудь обрядомъ путника?

21. Не даютъ ли роженицѣ чего-нибудь противнаго съѣсть или вы-
пить? Чѣмъ объясняютъ это обыкновеніе? Желаніемъ вызвать рвоту и
ускорить актъ рожденія, или другими основаніями?

22. Не даютъ ли роженицѣ тотчасъ по окончаніи родовъ какую-ни-
будь противную съѣсь (напр., въ Виленской г. съѣсь глины, меда,
щерца и коровьяго масла)? Въ какихъ цѣляхъ это дѣлается?

23. Не заставляютъ ли отца новорожденнаго есть или пить что-
нибудь противное па вкусъ во время крестиннаго обѣда (напр. сильно
посоленную кашу)? Кто подноситъ эту пищу отцу? Съ какими пригово-
рами? Какъ объясняется этотъ обрядъ совершающими его?

24. Не существуетъ ли обычая послѣ рожденія ребенка или кре-
щенія подвергать отца его какимъ либо мучительнымъ операциямъ
(напр. жестокое паренѣе въ банѣ у эстовъ)?

25. Въ теченіе какого времени родильница одна или съ мужемъ,
или одинъ мужъ подвергаются известнымъ ограниченіямъ? Не считаются ли
они въ это время «нечистыми»?

26. Сколько времени роженица остается въ постели? Не существуетъ ли
особаго названія для этого времени? Сопровождается ли вставанье съ
постели какими-нибудь специальными обрядами? Существуютъ ли обяза-
тельные молитвы, относящіяся сюда, заговоры?

27. Какъ устраивается постель роженицы? Что дѣлаютъ съ ней послѣ выздоровленія роженицы?

28. Какія лекарственные травы и отъ чего пить родильница? Каждую дѣлту соблюдаєтъ? Въ чемъ выражается медицинская помощь со стороны бабки (бания, массажъ и т. д.).

29. Не принято ли новорожденного класть на полъ, послѣ чего отецъ обязанъ поднять его? Нѣть ли установленныхъ формулъ, произнести которыхъ долженъ при этомъ отецъ?

30. Нѣть ли обычая принимать новорожденнаго или завертывать его тотчасъ послѣ рожденія въ какую-нибудь часть отцовской одежды (въ рубаху, напр.)? Основанія этого обычая, объясненія?

31. Существуетъ ли обычай оповѣщать семейныхъ или отца ребенка или родственныхъ и дружескихъ семьи о благополучномъ окончаніи родовъ? Кто береть на себя оповѣщеніе? Получаетъ ли лицо оповѣстившее какой-нибудь подарокъ?

32. Существуетъ ли обычай поздравлять роженицу съ благополучнымъ исходомъ родовъ? Приносить ей подарки, съѣстное? Что дѣлаютъ, что говорять при этомъ, особенно молодыя женщины, желающія имѣть дѣтей?

33. Какія суевѣрія представлена съ мѣстомъ, послѣдомъ?

34. Что дѣлаютъ съ мѣстомъ? Не произносить ли при закапываніи его особыхъ заговоровъ? Записать ихъ. Гдѣ закапываютъ мѣсто?

35. Не существуетъ ли обычая съѣдать placenta? Какія основанія такому обычая? Не дѣлаютъ ли это родильницы, чтобы вызвать появленіе въ скоромъ времени новой беременности? (напр. камчадалы).

36. Въ теченіе какого срока родильница считается „нечистой“? Какимъ ограничительнымъ правиламъ она подвергается? Запрещается ли ей дотрогиваться до огня, до печи, до большого стола, до соли и т. д.?

37. Въ теченіе какого срока къ родильницѣ нельзя прикасаться? (у сванетовъ до 40 дней). Въ теченіе какого срока она не должна посѣщать чужія семьи? Нѣть ли вѣрованья, что она приносить собой несчастье?

38. Нѣть ли возврѣнія, что посуда, употреблявшаяся родильницей, должна быть уничтожена?

39. Не считается ли необходимымъ мужу удалиться отъ роженицы въ теченіе извѣстнаго срока? Совпадаетъ ли этотъ срокъ съ срокомъ ея „нечистоты“?

40. Не уходитъ ли родильница послѣ родинъ сначала къ матери, а затѣмъ уже возвращается въ домъ мужа? (напр. въ Тульск. губ.).

41. Не строится ли для роженицы специального помѣщенія, одного или несколькиихъ, въ которыхъ она переходитъ постепенно до возвращенія въ общее помѣщеніе? (у инородцевъ).

42. Не существуетъ ли обряда очищенія родильницы? Какъ онъ называется? Подвергается ли очищенію одна родильница или еще другія лица? кто именно? повитуха? всѣ соприкасавшіеся съ родильницей?

43. Записать подробно обрядъ очищениѧ. Молитвы, заговоры, производимые при немъ. Предметы, травы, употребляемые при совершении его.

44. Что присутствует при обрядѣ очищениѧ? На который день посыпь родинъ онъ совершается? Не существует ли обычая при этомъ обрядѣ поминать умершихъ? Въ какую связь приводится поминовеніе съ обрядомъ?

IV. Лица, присутствующія при родинахъ.

1. Какимъ лицамъ дозволяется и какимъ воспрещается присутствовать при родинахъ?

2. Не запрещается ли мужу присутствовать при родинахъ? Или, наоборотъ, его присутствіе считается желательнымъ, какъ средство облегчить страданія женѣ?

3. Нѣть ли въ обычай приглашать на родины нѣсколькихъ женщинъ и изъ среды ихъ выбирать мать для новорожденнаго? (напр. у бурятъ). Какова роль этой избранной матери?

4. Приглашаютъ ли повитухъ (бабушекъ) при родахъ?

5. Не называются ли повитухъ особыми именами, кроме обычныхъ (бабка, бабушка и т. п.)?

6. Не считается ли грѣхомъ (или не считалось ли прежде) повитухѣ брать деньги за помощь?

7. Не существует ли воззрѣній, что повитуха обязана идти по первому зову, несмотря на непогоду, усталость и т. п.?

8. Каково отношение къ повитухѣ въ народныхъ пѣсняхъ (крестинкахъ)? Не пользуется ли она болѣшимъ значеніемъ, чѣмъ кумовья? (напр. у литовцевъ).

9. Не существует ли повѣрья, что повитухи одарены даромъ предвидѣнія судьбы своихъ приемныхъ дѣтей?

10. Не существует ли повѣрій, указывающихъ на то, что связь между повитухой и приемными дѣтьми продолжается и на томъ свѣтѣ? Какова эта связь? въ чёмъ она выражается? Записать разсказы, сюда относящіеся.

11. Не играетъ ли повитуха какой нибудь роли на свадьбѣ своихъ приемныхъ внуковъ? (напр., у кореловъ она «продаетъ» невѣсту).

12. Какія дѣйствія обязательны для повитухи по приходѣ къ роженицѣ? Не зажигаетъ ли она свѣчей (страстныхъ и др.) передъ иконами? Какія молитвы читаетъ? Не предпринимаетъ ли тотчасъ по приходѣ какихъ-нибудь средствъ отъ колдовства, глагаз?

13. Не приглашаютъ ли шамановъ (инородцы), захарей и т. п. лицъ для того, чтобы облегчить родины? Какія дѣйствія предпринимаются ими? Какія травы употребляются при этомъ (окуривание) и т. п.?

14. Не приглашаются ли на родины особые специалисты, способные видѣть шайтанъ? (напр. у башкиръ). Какова ихъ роль?

V. Рождение ребенка; уходъ за нимъ; смерть его и матери.

1. Какъ объясняютъ старшимъ дѣтямъ появление новорожденнаго? Записать разсказы.
2. Не радуются ли больше рождению мальчика, особенно первенца, чѣмъ дѣвочки? Нѣтъ ли въ обиходѣ пожеланий, обращенныхъ къ невѣстѣ, молодой, въ которыхъ выражается такое предпочтеніе мальчикамъ?
3. Нѣтъ ли симпатическихъ средствъ, особыхъ обрядовъ (свадебныхъ и др.) заговоровъ и пр., обеспечивающихъ рожденіе мальчиковъ?
4. Какая разница въ обрядахъ при рожденіи мальчика и дѣвочки?
5. Не сопровождается ли рожденіе первенца какими нибудь особыми обрядами?
6. Не существуетъ ли празднество для всѣхъ родившихся въ году мальчиковъ первенцовъ? (напр. у осетинъ). Въ какое время года оно спрашивается?
7. Не признается ли за перворожденнымъ особенной способности лечить нѣкоторыя болѣзни? (напр., у белоруссовъ).
8. Какія представленія связаны съ двойнями? Чѣмъ объясняется рожденіе двоенъ? Не считается ли оно доказательствомъ супружеской невѣрности? Не считается ли оно, наоборотъ, за особое благословеніе.
9. Не сохранилось ли слѣдовъ обычая одного изъ двояшекъ убивать?
10. Какіе сохранились слѣды вѣрованья въ духовъ, предрекающихъ судьбу ребенку? (у славянск. нар.). Какъ ихъ зовутъ? (напр. урѣсницы у болгаръ Тавр. г.). Въ какой день послѣ рожденія приходятъ они къ новорожденному? Не устраиваютъ ли имъ торжественной встречи?
11. Какое вліяніе оказываютъ свѣтила на судьбу новорожденнаго? Гадаютъ ли по звѣздамъ? По расположению ихъ въ день рожденія младенца? (напр. у тунгусовъ).
12. Какое вліяніе, по народнымъ представленіямъ, имѣеть мѣсяцъ на ростъ, здоровье и т. д. младенца?
13. По какимъ примѣтамъ судятъ о будущемъ новорожденнаго, обѣго будущихъ свойствахъ? (напр. если родится лицомъ внизъ—скоро умреть; съ длинными волосами на ногахъ—будетъ счастливъ и т. д.).
14. Какія заключенія о будущемъ и свойствахъ ребенка выводить изъ рожденія его подъ толь или другой день недѣли? (напр. родившійся подъ понед.—будетъ захаръ; подъ четвергъ—богатъ и т. д.).
15. Какія растенія признаются цѣлебными для дѣтей? Настои изъ какихъ растеній цѣлять дѣтей отъ безсонницы (макъ), отъ другихъ заболеваній? Какія растенія употребляются при мытьѣ ребенка для здоровья, для красоты?
16. Не существуетъ ли обычая, если новорожденный задыхается, кричать ему на ухо имя отца (мальчику) или имя матери (дѣвочкѣ)?
17. Не существуетъ ли обычая устраивать послѣ родинъ пиршество, на которое допускаются одни женщины, а случайно вошедшия мужчины изгоняются (насмѣшками и пр.) (напр. у болгаръ Таврич. г.).

18. Какія сувѣрія соединены съ отрѣзаніемъ пуповины? Какъ и кѣмъ (матерью или бабкой) производится эта операци? Не сопровождается ли она особыми приговорами (у черемисъ, напр.)? Не дарится ли иожъ, употребляемый при этомъ, бабкѣ? (напр. у остыаковъ и самоѣдовъ) Чѣмъ перевязываютъ пупокъ (волосами матери у осетинъ, конской жилой у киргизовъ и пр.)?

19. Какія сувѣрія связаны съ «сорочкой», съ «чепцемъ»?

20. Какъ относятся къ ребенку, родившемуся съ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ? Какія повѣрья связаны съ такими дѣтьми, съ появлениемъ ихъ на свѣтѣ? Не существуетъ ли представлений, что такія дѣти приносятъ счастье дому? Или, наоборотъ, появление такого ребенка ставить въ связь съ нечистой силой? Не сохранилось ли слѣдовъ обычая умерщвлять уродовъ (напр. у чукчей)?

21. Не вывѣшиваются ли или не выставляются ли какіе нибудь предметы передъ жилищемъ, гдѣ есть роженица и новорожденный? Для чего это дѣлается? Сколько времени остается передъ жильемъ этотъ предметъ?

22. Существуетъ ли обычай тотчасъ послѣ рожденія исправлять голову ребенку, придавать ей желаемую форму?

23. Нѣть ли въ обычай послѣ рожденія ребенка расправлять его члены? Кто это дѣлаетъ? Повитуха или другая женщина?

24. Не считается ли первая ночь (или другая) послѣ рожденія особенно опасной и для роженицы и для новорожденного? Если ребенокъ родился ночью, не долженъ ли до утра горѣть огонь, чтобы нечистая сила не могла подмѣнить въ темнотѣ ребенка?

25. Не существуетъ ли обычай сидѣть при роженицѣ ночью съ цѣлью охранять ее и ребенка отъ дѣйствія нечистой силы, глаза и т. п. Не поется ли при этомъ особыхъ пѣсень?

26. Не существуетъ ли повѣрья, что роженица подвергается особенной опасности въ теченіе девяти дней послѣ рожденія? Не запрещается ли ей выходить въ теченіе этого времени изъ хаты послѣ захода солнца? Не даетъ ли ей повитуха какихъ-нибудь предметовъ или травъ, предохраняющихъ отъ опасности?

27. Какой срокъ считается опаснымъ для роженицы и новорожденаго? Какъ охранять ихъ?

28. Считается ли новорожденный «нечистымъ» и до какого срока? Не избѣгаетъ ли его отецъ? Не воспрещается ли отцу прикасаться къ новорожденному до первого омовенія его и т. п.?

29. Не существуетъ ли повѣрья, что изъ жилища, гдѣ есть новорожденный, не слѣдуетъ давать огня? Другихъ предметовъ? Въ теченіе какого времени? На какомъ основаніи?

30. Не обставлено ли какими-нибудь обрядами первое одѣваніе новорожденаго? Во что его одѣваютъ или завертываютъ?

31. Нѣть ли обычая зашивать или завязывать что-нибудь въ рубашку, которую надѣваютъ на новорожденного? (напр. кусокъ печной глины въ Малороссіи).

32. Не обставлено ли какими-нибудь обрядами пеленание ребенка?

33. Какая суеверия относится к новорожденному ребенку до крещения? Не надеваются ли на него каких-нибудь ладонокъ и т. п. Что зашито въ ладонкахъ? Какие молитвы, псалмы, заговоры?

34. Какие амулеты надеваются на ребенка? Узнать, если возможно, точное значение амулета, его составныхъ частей (особ. у инородцевъ).

35. Какие средства употребляются для удаления дурныхъ примѣтъ, глаза, опасности отъ вѣдьмъ и т. п.

36. Какимъ святымъ молятся о сохраненіи здравія младенцевъ? напр. св. (Симеону Богопр., Б. М. Тихвинской). На какихъ основаніяхъ?

37. Не вѣшаютъ ли надъ люлькой, не кладутъ ли въ нее какихъ-либо частей одежды отца (матери)? Для чего это дѣлаютъ? Чтобы предохранить ребенка отъ нечистой силы, отъ безсонницы?

38. Какъ относятся къ засыпанію ребенка? Считается оно тяжкимъ грѣхомъ? Какие средства искупить его? Не заставляютъ ли виновную женщину проводить ночь въ церкви? Нѣть ли представлениія, что она должна ходить въ церковь по ночамъ, пока не увидитъ своего ребенка совершенно здоровымъ?

39. Не устраивается ли для ребенка двухъ зыбокъ—дній и ночной?

40. Не обставляется ли особыми обрядами положеніе ребенка въ колыбель? Записать приговоры, употребляемые при этомъ, молитвы, заговоры?

41. Какими обрядами сопровождается первое мытье въ банѣ ребенка? На какой день послѣ его рожденія моютъ его тамъ? Вмѣстѣ съ матерью или нѣть? Не править ли при этомъ бабка всѣхъ членовъ ребенка? Записать ея приговоры.

42. Не подвергается ли ребенокъ опасности, когда чихаетъ, зѣваетъ? Какими дѣйствіями или словами предотвратить опасность?

43. Какую опасность представляеть для ребенка неосторожное упоминаніе матерью имени чорта, брань на ребенка и пр.? Какие существуютъ по этому поводу разсказы?

44. Не существуетъ ли повѣрья, что дѣти уроды или съ физическими недостатками подмѣнены нечистой силой? Нѣть ли средство вернуть настоящаго ребенка?

45. Какая повѣрья относятся къ подмѣнышамъ? Какие духи, сверхъестественные существа и т. д. подмѣниваютъ своихъ дѣтей на новорожденныхъ? При какихъ условіяхъ они могутъ это сдѣлать? какъ узнать подмѣныш?

46. Какую роль играетъ хлѣбъ въ обрядахъ при рожденіи? Не обязательно ли приносить его съ собой при посѣщеніи родильницы и новорожденнаго? при приглашеніи на крестину и пр.?

47. Какую роль играетъ соль въ обрядахъ при родинахъ, въ уходѣ за новорожденными? Нѣть ли обычая осыпать ребенка солью? Въ теченіе какого срока? Съ какой цѣлью? Съ гигиенической или другой?

48. Какую роль играетъ яйцо въ обрядахъ при рожденіи?

49. Нѣть ли въ обычай натирать новорожденного масломъ или

другими жирными веществами? Съ какою цѣлью? Съ гигієнической или другой? Нѣтъ ли въ обычая посыпать его какими-нибудь изсушающими порошками? (напр. у армянъ).

50. Нѣтъ ли въ обычая окуривать новорожденаго? Чѣмъ?

51. Нѣтъ ли въ обычая помазывать ребенка слюной? Съ какою цѣлью?

52. Нѣтъ ли въ обычая подпаливать ребенка? Съ какою цѣлью?

53. Кто въ первый разъ купаетъ ребенка? Не становится ли за тѣмъ эта женщина въ особыя отношенія съ ребенкомъ? Не называется ли особеннымъ именемъ?

54. Какія суевѣрія связаны съ водой, въ которой купаютъ въ первый разъ новорожденаго? Что въ нее кладутъ и съ какой цѣлью? Куда ее выливаютъ и куда ее не слѣдуетъ выливать?

54. Какъ часто купаютъ ребенка? Употребляютъ ли при купанѣи мыло или замѣняютъ его чѣмъ-нибудь? Не употребительны ли нѣкоторыя травы при купанїѣ—для здоровья или для приданія ребенку красоты въ будущемъ.

56. Когда мать даетъ въ первый разъ грудь ребенку? Не сопровождается ли это особыми обрядами?

57. Не существуетъ ли возврѣнія, что кормленіе грудью некрещенаго ребенка опасно для матери? Въ случаѣ необходимости кормить новорожденаго не призываются ли чужой женщины, которая кормить его грудью?

58. Чѣмъ кормятъ ребенка до первого принятія имъ груди? Не относятся ли сюда какія-нибудь повѣрья и примѣты?

59. Не существуетъ ли повѣрья, что чѣмъ дольше кормить ребенка, тѣмъ лучше?

60. Не считается ли дурнымъ послѣ отнятія груди снова начать кормить грудью ребенка?

61. Что дѣлаютъ, если у матери прошадеть молоко? Считаютъ ли возможнымъ въ такомъ случаѣ дать чужой женщинѣ покормить ребенка? Не считается ли это опаснымъ для ребенка?

62. Какія средства, заговоры и т. п. известны для прекращенія болей въ груди?

63. Какіе обряды, суевѣрія и т. п. связаны съ отнятіемъ ребенка отъ груди? Не выбираютъ ли для этого особыхъ дней.

64. Не сопровождается ли какими-нибудь обрядами первое вкушеніе твердой пищи ребенкомъ? Не известны ли (у инородцевъ) ритуальные пляски при этомъ?

65. Какъ вскармливаютъ ребенка?

66. Не существуетъ ли какихъ-нибудь обрядовъ, заговоровъ, и т. п. съ цѣлью облегчить ребенку прорѣзыванье зубовъ?

67. Какія суевѣрія относятся къ прорѣзыванью зубовъ у ребенка, къ первому выпавшему зубу и т. п.

68. Когда и при совершеніи какихъ обрядовъ въ первый разъ подносятъ ребенка? Какія молитвы, заговоры при этомъ произносить?

69. Какія суевѣрія связаны съ подпоясываньемъ ребенка? Почему спѣшать подпоясать умирающаго ребенка?

70. Не соблюдаются ли какіе-нибудь обряды, когда стригутъ въ первый разъ волосы ребенку? (напр. ребенка непремѣнно сажаютъ при этомъ на овчину).

71. Какіе обычай соблюдаются при первомъ посѣщеніи съ ребенкомъ чужого дома? Даютъ ли при этомъ ребенку подарки и какіе?

72. Какія предосторожности должна принимать мать, чтобы ребенокъ спокойно спалъ, чтобы росъ, началь говорить, ходить, имѣть тѣ или другія качества?

73. Какія симпатическія средства употребляются, какіе заговоры въ ходу и т. д., если ребенокъ долго не начинаетъ ходить, говорить и т. п.?

74. Какому святому или святой молятся въ случаѣ, если ребенокъ долго не говоритъ, не начинаетъ ходить? Какія есть мѣстныя святыни, куда отправляются на богомолье съ этой цѣлью? (напр. въ Москвѣ рѣзная икона св. Параскевы въ Ново-Дѣвичьемъ мон.) Какіе обряды совершаются? Что надѣваютъ при этомъ на ребенка? (шапку, башмачки и т. д.)?

75. Какіе ех-вото относятся сюда?

76. Какіе обряды совершаются надъ новорожденнымъ, чтобы сдѣлать его красивымъ, ловкимъ и т. п.?

77. Не сохранилось ли (у инородцевъ) обычая татуировать ребенка? Описать процедуру татуировки. Зарисовать, если возможно, рисунки узнать ихъ точное значеніе.

78. Какія дѣтскія болѣзни встрѣчаются чаще всего въ данной мѣстности?

79. Къ кому по преимуществу обращаются въ случаѣ болѣзни ребенка? Существуютъ ли лица (колдуны, знахари, шаманы и пр.), которымъ преимущественно дано лечение дѣтскихъ болѣзней? Нѣть ли у нихъ особаго названія (напр. у бурятъ)? Не сохраняется ли потомъ на всю жизнь особой связи между ребенкомъ и вылечившимъ его?

80. Какими средствами, заговорами, травами и пр. лечатъ каждую болѣзнь?

81. Употребляется ли при лечении болѣзней ребенка материнское молоко? При какихъ именно?

82. Употребляются ли при лечении дѣтскихъ болѣзней камешки, привезенные изъ Иерусалима, иконы, которыми благословляли жениха съ невѣстой? Умываютъ ли больного ребенка водой съ трехъ угольковъ, съ угловъ обѣденного стола, съ громовыхъ стрѣль, съ народнаго креста?

83. Какія средства, заговоры и т. п. въ ходу для излеченія родимца?

84. Существуетъ ли обрядъ «перераживанья» (символического рожденія) въ случаѣ, если никакія лекарства не помогаютъ больному ребенку? (напр. въ Тульск. г.).

85. Не существуетъ ли обычая въ случаѣ болѣзненнаго состоянія новорожденного (крика, безсоницы) изготавливать особое изображеніе божества? (бурханъ паккари у гольдовъ)? что дѣлаютъ съ этимъ изображеніемъ?

86. Нѣтъ ли обычай въ случаѣ смертности дѣтей посвящать новорожденного божеству? (напр. у калмыковъ, манжики, посвящ. хуруду). Посвященіе дѣйствительное или фиктивное? Какія обязанности оно налагаеть на посвященнаго?

87. Не существуетъ ли обычай при рожденіи ребенка сажать дерево? Определенной ли породы или любое? Гдѣ сажается такое дерево? Не на томъ ли мѣстѣ, гдѣ закопана placenta? Не ставится ли въ извѣстную связь дерево и жизнь ребенка: напр. если умреть ребенокъ, засохнуть и дерево, и наоборотъ? Каковы права ребенка на это дерево и его плоды?

88. Не существуетъ ли обычай при рождениіи (крещеніи или при другомъ празднествѣ, сопряженномъ съ родинами) дарить новорожденному скотину: корову, овцу, козу и пр., домашнюю птицу и пр.? Каковы права ребенка на подаренную скотину и пр. и на ея приплодъ?

89. Не приносится ли по случаю рожденія ребенка какая-нибудь жертва (у инородцевъ)? Кому она приносится? Какое животное приносится? Обязательно ли извѣстное животное или нѣтъ? (напр. у вотяковъ).

90. Не существуетъ ли въ обычай, если женщина умерла во время родовъ, сталь ей постель еще некоторое время послѣ смерти? Сколько времени? Какія основанія такому обычая?

91. Не существуетъ ли повѣрья, что умершая мать ветаетъ изъ могилы навѣщать грудного ребенка?

92. Не сохранилось ли представлій, что умершая мать посѣщаетъ новорожденного, купаетъ его, пеленаетъ? Въ теченіе какого времени? Существуютъ ли способы для успокоенія матери и прекращенія ея посѣщеній? Не кладутъ ли съ этой цѣлью какихъ-нибудь предметовъ въ гробъ (пеленки, бѣлье ребенка), не выставляютъ ли какихъ-нибудь предметовъ за дверь и т. п.?

93. Не сохранилось ли въ преданіяхъ, сказкахъ, разсказахъ, поговоркахъ и т. п. сѣдовъ древняго обычая (практикуемаго еще до сихъ поръ некультурными народами) погребать новорожденнаго вмѣстѣ съ матерью, умершой во время родовъ или въ періоды кормленія?

94. Какія основанія можно отмѣтить этому обычая? Стремленіе не лишить младенца ухода, который ему дасть въ загробномъ мірѣ мать?

95. Какіе обряды исполняются при погребеніи грудного ребенка съ тѣмъ, чтобы предотвратить болѣзнь матери отъ молока, будущее бесплодіе и т. п.?

96. Не дѣлаютъ ли послѣ смерти ребенка куклу (изъ чего)? Не существуетъ ли вѣрованія, что въ эту куклу вселяется душа ребенка? (напр. у якутовъ). Совпадаетъ ли этотъ обычай съ обычаемъ дѣлать послѣ каждого покойника куклу, его изображающую (напр. у остыковъ, гольдовъ) или нѣтъ?

97. Что дѣлаютъ съ куклой, въ которую будто бы вселилась душа ребенка? Носить ли ее мать при себѣ? Съ какой цѣлью? Чтобы чувствовать близость умершаго ребенка? Не придается ли куклѣ какого-нибудь значенія для слѣдующей беременности женщины?

98. Не существует ли обычая вымаливать душу мертворожденному ребенку у предковъ (напр. у вотяковъ)? Записать слова и дѣйствія, употребляемые при этомъ.

99. Гдѣ хоронять родившагося мертвымъ ребенка? Если его хоронить подъ двернымъ порогомъ, то на какомъ основаніи? (Чтобы переступающе порогъ крестили его крестомъ?).

100. Не существует ли особаго названія для душъ дѣтей, умершихъ до полученія имени, до крещенія?

101. Не существует ли повѣрій относительно рано умершихъ дѣтей? Что дѣлаютъ они въ раю? Не считается ли грѣхомъ оплакивать ихъ? Не существует ли разсказовъ, указывающихъ на народныя воззрѣнія по этому поводу?

102. Каніѧ существуютъ забавы («потѣшки») для занятія маленькихъ дѣтей? Записать ихъ, также слова и приговоры, употребляемыя при «потѣшкахъ»?

103. Записать страшные разсказы, которыми пугаютъ плачущихъ дѣтей (про стариковъ съ сумой, татарь, поповъ, волковъ съ огненными глазами? и т. п.).

104. Записать колыбельныя пѣсни, название ихъ (байканье и др.).

VI. Дача имени; крещеніе.

1. Какими соображеніями опредѣляется выборъ имени для новорожденаго?

2. Не существует ли особыхъ гаданій, при помощи которыхъ опредѣляется имя новорожденаго?

3. Придаютъ ли значение снамъ въ вопросѣ о выборѣ имени?

4. Сопровождаются ли каніє-нибудь обряды выборъ имени для новорожденаго?

5. Не избѣгаютъ ли давать новорожденному имя, которое уже есть у другого члена семьи, рода (напр., у осетинъ)? На какомъ основаніи?

6. Не избѣгаютъ ли давать имя по умершему раньше въ семье ребенку? На какомъ основаніи?

7. Не существует ли обычая давать новорожденному имя умершаго родственника? На какихъ основаніяхъ? Нѣть ли вѣрованья, что благодаря такой дачѣ имени на новорожденаго переносятся качества покойнаго? Нѣть ли вѣрованья, что такая дача именъ оказываетъ честь или услугу самому покойнику, напр. облегчается его загробное существованіе?

8. Не стоять ли имена дѣтей, по крайней мѣрѣ дѣвочекъ, въ связи съ именемъ матери?

9. Не существует ли обычая давать имя новорожденному по имени первого вошедшаго въ жилище послѣ его рожденія? (напр. у черкесовъ, алтайскихъ инородцевъ).

10. Не существует ли обычая давать имя новорожденному по первому предмету, бросившемуся въ глаза отцу при выходѣ изъ жилья послѣ родинъ? (у инородцевъ, напр. у калмыковъ).

11. Не существует ли обычаев (у инородцевъ) давать имя по названию животныхъ, птицъ?

12. Нѣть ли обычаев (у инородцевъ) или не сохранилось ли следовъ его называть дѣтей въ каждой семье одними и тѣми же именами въ опредѣленномъ порядке: для всѣхъ первенцевъ—одно имя, для рожденныхъ вторымъ—другое и т. д.

13. Не существует ли обычаев давать имя ребенку по мѣсту его рожденія?

14. Не существует ли обычаев (у инородцевъ) давать имена некрасивымъ? (напр. у камчадаловъ). Съ какой цѣлью это дѣлается (удалить злыхъ духовъ)?

15. Записать наиболѣе употребительный въ данной мѣстности имена. Чѣмъ вызывается частое повтореніе извѣстныхъ именъ? (особое почитаніе извѣстныхъ святыхъ? мѣстная святыня? близость монастырей, мощей и пр.)? Замѣчается ли перемѣна въ выборѣ часто встрѣчающихся въ одной мѣстности именъ? Чѣмъ она обусловлена?

16. У язычниковъ инородцевъ постараться также найти причину частаго повторенія излюбленныхъ именъ. Не существует ли связи между именами и почитаніемъ извѣстныхъ животныхъ, вѣрой въ перерожденіе?

17. Не существует ли убѣжденія, что ребенокъ не слѣдуетъ называть по имени святого, празднованаго раньше дня рожденія ребенка? Какія основанія приводятся этому предразсудку?

18. Нѣть ли въ обычаяхъ (у инородцевъ) давать одно имя при рожденіи, а другое впослѣдствіи? Когда дается это второе имя? Не пріурочивается ли дача второго имени въ какому-нибудь опредѣленному событию въ жизни данного лица, къ наступлению зрѣлости и т. п.

19. Присутствуетъ ли мать при дачѣ имени новорожденному (у инородцевъ)? Или присутствовать ей не дозволяется при некоторыхъ обрядахъ, связанныхъ съ дачей имени? При какихъ именахъ?

20. Кто въ семье, въ родѣ имѣеть преимущественное право выбирать имя новорожденному? Не признается ли это право за матерью?

21. Если новорожденный показываетъ слабые признаки жизни, не существует ли обычаев, чтобы повитуха произносила подрядъ имена извѣстныхъ ей святыхъ? При какомъ имени ребенокъ вскрикнетъ, то имя и дается ребенку.

22. Не существует ли убѣжденія, что до крестинъ или до «молитвы» ребенка нельзя называть по имени? Какъ въ такомъ случаѣ называются новорожденного въ семье?

23. Не существует ли вѣрованья, что къ могиламъ младенцевъ, не получившихъ имени, приходить ночью сверхъестественное злобное, мрачное существо? Какое? Что оно дѣлаетъ? Какимъ способомъ избавить младенца отъ этихъ посѣщеній? Брикнуть ему имя?

24. Нѣть ли обычаев послѣ рожденія первого ребенка называть родителей не по ихъ имени, но отецъ, мать такого-то, такой-то? (напр. у юкагировъ).

25. Какими ласкательными именами называют дѣтей?
26. Нѣть ли обычая обращаться къ дѣтямъ нарочно съ именами или прозвищами унизительными? Почему это дѣлается? Не объясняется ли это какъ средство предохранительное отъ сглаза, отъ вліянія нечистой, злой силы?
27. Не существуетъ ли обычая, если дѣти въ семье умираютъ, выбирать для новорожденного особое имя? выбирать имя некрасивое, унизительное (у инородцевъ)?
28. Какие обряды, кроме церковныхъ сопровождаютъ крестины? Не существуетъ ли обычая кроме церковнаго давать еще имя новорожденному? Кто даетъ это имя?
29. Когда назначаются крестины? Слѣшать ли съ крестинами и на какомъ основаніи?
30. Кто несетъ ребенка въ церковь? Въ чемъ его несутъ?
31. Нѣть ли обычая нести ребенка крестить въ отцовской рубахѣ, непримѣнно грязной? На чьемъ основаніи эта обычная?
32. Не принято ли, чтобы кумъ оставался одинъ и тотъ же въ семье, т. е. крестиль бы у отца, потомъ у его сына и т. д. (у болгаръ Тавр. г.).
33. Не выбираетъ ли куму самъ кумъ? Кого предпочитательно?
34. Не существуетъ ли повѣрья, что въ крестныи не слѣдуетъ выбирать бездѣтныхъ женщинъ?
35. Не существуетъ ли повѣрья, что быть воспріемникомъ незаконнаго ребенка (тамъ, где рождение такого ребенка считается позоромъ для матери) приносить счастье?
36. Не стараются ли имѣть первымъ крестникомъ мальчика, а не дѣвочку? На какихъ основаніяхъ?
37. Не существуетъ ли воззрѣй, что воспріемницей не можетъ быть беременная женщина? На какихъ основаніяхъ?
38. Не существуетъ ли повѣрья, что воспріемница колдунъ можетъ чарами уморить крестника, чтобы отдать его дьяволу въ качествѣ оброка?
39. Не играютъ ли при крещеніи болѣзней грудного ребенка какую нибудь роль воспріемники? Не выпадаетъ ли имъ какая нибудь особенная роль при смерти крестника?
40. Нѣть ли обычая передъ крестинами класть ребенка на овечью шубу, съ которой его поднимаетъ воспріемница? И послѣ крещенія снова класть его на нее?
41. Кто передаетъ ребенка воспріемникамъ передъ отбытиемъ въ церковь? (матерь, повитуха?) Какие предметы даются воспріемникамъ, чтобы избавить ребенка отъ сглаза? Какія слова произносятся при передачѣ ребенка?
42. Не принимаютъ ли участія въ устройствѣ крестинаго пиршества воспріемники и др.?
43. Какія существуютъ особенности угощенія и специальная кушанья на крестинахъ? Не носить ли крестинное пиршество особаго названия?

нія? Какую роль играютъ на немъ отецъ, мать ребенка, воспріемники, повитуха?

44. Гдѣ находится ребенокъ во время крестинного пира? Участвуетъ ли въ пирорваниі мать, отецъ? Не отводится ли имъ особеннаго мѣста во время пира?

45. Если на крестинномъ пиру присутствуетъ молодая, не подвергается ли она нѣкоторымъ обрядамъ, не получаетъ ли подарковъ и т. п.? Съ цѣлью обеспечить ей плодовитость?

46. Не принимаютъ ли на крестинное торжество среди прочихъ гостей съ особымъ почетомъ человека, ссыпавшаго за колдуна изъ страха передъ нимъ? (напр. у бѣлоруссовъ).

47. Существуютъ ли особыя крестинныя пѣсни?

48. Не существуетъ ли обычая везти повитуху въ саняхъ или въ корытѣ въ шинокъ? (напр. въ Харьковской г.). Какія пѣсни поются при этомъ?

49. Какіе подарки обязательны для крестного, крестной? Въ какіе дни они ихъ дѣлаютъ?

50. Не существуетъ ли вѣрованья, что связь между воспріемниками и крестниками продолжается и на томъ свѣтѣ? Что, напримѣръ, крестникъ защищается отъ нападенія чертей своихъ крестныхъ?

51. Какія повѣрья связаны съ дѣтьми, умершими до крещенія? Не существуетъ ли повѣрья, что души ихъ обращаются въ птицъ, летають повсюду и просить крещенія? Какими способами можно дать имъ крещеніе?

VII. Чудесныя рожденія.

1. Не сохранилось ли отголоска вѣрованій (въ преданіяхъ и т. п.) въ чудесныя рожденія? Въ то, напр., что въ прежнее время дѣти рождались отъ союза съ извѣстными животными (напр. у тазовъ) или инымъ необычнымъ путемъ? Не сохранилось ли преданія о подобномъ необычайномъ появлениі на свѣтѣ героя миоическихъ разсказовъ (у инородцевъ), предка-родоначальника извѣстной группы и пр.?

2. Не существуетъ ли вѣрованья или отголосковъ его, что женщины могутъ родить или родили прежде животныхъ? Какихъ именно?

3. Не существуетъ ли вѣрованья, что производить на свѣтѣ могутъ нѣкоторые мужчины, напр. шаманы, колдуны (у якутовъ)? людей и звѣрей?

4. Какіе «родильные» обряды продѣлываются надъ родившимися животными? Чѣмъ объясняютъ одинаковость обрядовъ при рожденіи дѣтей и животныхъ? Надъ какими животными продѣлываются «родильные» обряды? Фигурируютъ ли эти животные въ другихъ вѣрованіяхъ изслѣдованной группы населения? Пользуются ли особымъ почетомъ?

5. Нѣть ли представлений о зломъ существѣ, вынимающемъ плодъ у животныхъ такъ же, какъ у женщины?

Похоронные обряды у корейцевъ.

Въ рядѣ фельетоновъ въ „Рус. Вѣдомостяхъ“, подъ общимъ заглавиемъ „Ключъ Дальнаго Востока“, г. Вацлавъ Сѣрошевскій излагаетъ свои наблюденія во время путешествія по Кореѣ. Одинъ изъ такихъ фельетоновъ (1904г., № 276) посвященъ кладбищамъ и похороннымъ обрядамъ корейцевъ. Приведемъ наиболѣе существенные свѣдѣнія, данныя г. Сѣрошевскимъ.

Когда авторъ пріѣхалъ въ западную Корею, ему попадались часто на склонахъ горъ, среди сосновыхъ перелѣсковъ великолѣпныя могильныя насыпи, цѣлые ряды могильныхъ кургановъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были заботливо окружены съ сѣверной стороны серповидными земляными валами, стояли одиноко или группами по нѣсколько штукъ. Сквозь рѣзныя деревянныя ворота въ видѣ буквы П вела къ нимъ обыкновенно широкая дорога. Впереди кургановъ видѣлись низенькие камни (ту-ди) боговъ-хранителей могилъ да каменные столбы и каменные фигуры людей и животныхъ.

Кладбище занимало довольно обширную площадь. Передъ однимъ курганомъ находилась невысокая каменная плита, впереди нея небольшой гранитный кубъ, по сторонамъ каменные столбы въ сажень вышины, украшенные грибообразными главами.

Кладбищъ въ Западной Кореѣ много. Имѣются кладбища особыя не только у жителей всякой деревни, но каждый родъ, нерѣдко каждая отдельная семья старается обзавестись своими могилками. Большинство такихъ могилокъ находится далеко въ горахъ, и только богачи хоронятъ своихъ покойниковъ, какъ китайцы, среди воздѣланныхъ полей родного участка по указаніямъ вѣщаго «пань-су».

У простонародія щѣть для этого ни достаточно времени, ни денегъ. Они обращаются съ умершими проще, но и они стремятся, по силѣ возможности, задобрить своихъ покойниковъ внимательнымъ за ними уходомъ и стараются содержать свои кладбища въ возможномъ порядкѣ и чистотѣ.

Какъ хоронили древніе корейцы своихъ покойниковъ, неизвѣстно. Слабый намекъ на это есть въ коротенькой замѣткѣ неизвѣстнаго автора въ *The China Review*. Нѣкоторые писатели упоминаютъ объ обычаяхъ нѣкоторыхъ тунгусскихъ племенъ морить голodomъ, поѣдать или сжигать живыми стариковъ. Во французско-корейскомъ словарѣ есть указаніе, что подобный обычай относительно недавно существовалъ и въ Кореѣ¹⁾). Гриффисъ тоже говоритъ объ этомъ обычай (стр. 83) слѣдующее:

«Весьма вѣроятно, что корейцы произошли отъ сліянія южныхъ племенъ съ племенами, пришедшими съ сѣвера, отъ Амура, поэтому

¹⁾ *The China Review*. Vol. XIV, стр. 224. Human Sacrifices in Corea.

убийство старииковъ, обычное таинъ, равно какъ и среди тибетцевъ, не представляеть ничего невозможного среди самихъ корейцевъ¹⁾.

Къ такимъ пережиткамъ древнихъ погребальныхъ обычавъ принадлежить, несомнѣнно, выбрасываніе мертвцевъ прямо на дворъ, подъ легкій соломенныій навѣсъ, что до сихъ поръ дѣлается въ окрестностяхъ города Кюнъ-санъ (въ Сѣверной Чюнла) ²⁾.

Сожиганіе покойниковъ, общераспространенное въ царствованіе династіи Силла и Коріо, прекратилось съ паденіемъ буддизма и примѣняется только буддійскими монахами; другимъ оно воспрещено закономъ.

Господствующіе въ настоящее время вездѣ въ Корее погребальные обычай цѣликомъ позаимствованы изъ Китая; они считаются обязательными подъ страхомъ уголовной отвѣтственности и строго всѣми соблюдаются. Они основаны на двухъ главныхъ принципахъ корейской морали и на общераспространенныхъ вѣрованіяхъ: па почитаніи предковъ и на вѣрѣ въ бессмертіе души.

По корейскимъ понятіямъ, у человѣка — три души ³⁾). После смерти одна изъ этихъ душъ поселяется въ остающейся дома «споминальной дощечкѣ» (уй-пха), другая остается въ могилѣ на попеченіи духа горъ, воплощенного въ надгробномъ камнѣ «ту-ди», третья отправляется въ неизвѣстную страну „десяти судей“, гдѣ, согласно съ ея жизнью на землѣ, она приговаривается къ пребыванію въ обители вѣчнаго счастія или вѣчныхъ мученій. Ведутъ душу къ этимъ „десяти судьямъ“ (са-ца) демоны подземнаго царства.

Согласно воззрѣнію, что душа покойника обладаетъ всѣми человѣческими свойствами, погребальные обряды корейцевъ стремятся доставить умершему все нужное ему въ длинномъ пути на тотъ свѣтъ и въ будущей тамъ жизни; почитаніе умершихъ и сыновия къ нимъ любовь выражаются въ причитаніяхъ, громкому, всенародному плачу, посты и глубокому траурѣ живыхъ, главнымъ образомъ дѣтей и ближайшихъ родственниковъ по мужской линіи.

Чтобы задержать отходящую душу возможно долго на землѣ, стараются корейцы въ моментъ кончины производить въ домѣ умирающаго возможно менѣе шума. У изголовья больного собираются тогда и ухаживаютъ за нимъ исключительно мужчины. Прежде всего укладываютъ его на широкой доскѣ, покрытой цыновками, а подъ голову подкладываютъ ему подушку. Лицо умирающаго поворачиваются на югъ. Лишь только онъ скончается, затыкаютъ ему ротъ ватой, чтобы задержать «остатокъ дыханія», обладающій свойствомъ убивать все живое. Но раньше того присутствующіе пробуютъ раскрыть особыми палочками челюсти покойнаго ради провѣрки его смерти. Принято, что глаза умер-

1) Обычай этотъ существовалъ до недавнаго времени среди чукчей; среди якутовъ сохранились очень живыя о немъ воспоминанія, но самый обычай давно исчезъ. (В. Сѣрошевскій, „Якуты“, стр. 512).

2) Форма погребенія, до сихъ поръ практикующаяся въ сѣверной Манчжурии.

3) Смотри у якутовъ вѣрованіе въ „три человѣческихъ души“ и связи ихъ съ „тремя частями человѣческой тѣлы“ („Якуты“, стр. 667).

шему отцу закрываеть старшій сынъ; онъ же, если любилъ покойника, долженъ былъ заранѣе позаботиться для него о прекрасномъ, прочномъ гробѣ и погребальномъ платьѣ. Къ болѣе рѣдкимъ обрядамъ принадлежитъ «танъ-чи».

Когда смерть отъ болѣзни или старости угрожаетъ любимому человѣку, кореецъ въ отчаяніи прокусываетъ или прорѣзаетъ себѣ палецъ руки и кормить кровью умирающаго. Очень часто палецъ бываетъ откушенъ или отрѣзанъ цѣлкомъ, что считается выраженіемъ высочайшей скорби.

Немедленно послѣ кончины корейца въ комнату, гдѣ лежитъ на доскѣ покойникъ, вносятъ домашніе маленький столикъ съ тремя блюдами риса и тремя чарками рисовой водки (сули); рядомъ кладутъ три пары соломенныхъ сандалій, три куска бумажной ткани, три листа бумаги и... плащъ. Все это предназначено для трехъ душъ покойника. Затѣмъ троекратно произносится громко его имя, и ѳда выбрасывается за двери, а вещи сожигаются на дворѣ. Всѣ эти предметы забираются души покойника совмѣстно съ «са-ци», подземными провожатыми, къ «десяти судьямъ праведнымъ». Въ то же время слуга входитъ на крышу дома и, взявъ платье покойника за воротъ и приподнявъ его одинъ рукавъ, а другою рукой развязывая его фалды, поворачиваетъ все къ сѣверу, куда уходятъ души умершихъ. Онъ троекратно вызываетъ покойника по имени, въ ожиданіи, что тотъ, пожалуй, вернется. Послѣ того этимъ же платьемъ покрываютъ усопшаго. Въ первый же день во дворѣ устраивается поспѣшно по китайскому обычаю и образцу бѣлая траурная бесѣдка, обшитая цыновками, выложенная тканями, гдѣ ставить столъ съ пищей «для душъ» покойного. Къ руководству похоронами члены семейства выбираютъ среди ближайшихъ родственниковъ «похоронного старосту», — мужчину, если покойникъ мужчина, женщину, если онъ женщина. Тогда только назначенный къ тому лица приступаютъ къ омовенію и одѣванію тѣла. Присутствующіе, исключая похоронного старосты, всѣ уходятъ на дворѣ, становятся съ южной стороны похоронной бесѣдки и, повернувшись лицомъ на сѣверъ, громко и горько рыдаютъ.

Одѣвальщики избираются изъ числа родственниковъ или старыхъ, вѣрныхъ слугъ. Они раздѣзываютъ покойника, причесываютъ ему волосы вверхъ, по-корейски, и завязываютъ ихъ тамъ въ обязательный пучекъ; затѣмъ обмываютъ тѣло душистою водой и вытираютъ полотенцами. Они обрѣзаютъ покойнику ногти у рукъ и ногъ, старательно сохраняя обрѣзки въ особыхъ для каждого пальца шелковыхъ мѣшочкахъ. Въ такие же мѣшочки прячутся ими обрѣзки волосъ, и всѣ они укладываются въ гробъ на дно ради избѣженія впослѣдствіи всякихъ недоразумѣній съ покойникомъ, который ничего изъ своей особы не можетъ оставить безнаказанно на землѣ. Даже воду послѣ омовенія, гребешки и утиральники покойного всѣ выбрасываются на дворѣ въ особую яму.

Для одѣванія тѣла переносится на другую доску, покрытую цыновками и одѣяніями. Одѣвальщики надѣваютъ ему на голое туловище ватное платье, а на ноги ватные чулки и черные китайскіе башмаки на-

толстой бумажной подошвѣ; затѣмъ они обматываютъ его шелковыми и холщевыми кушаками, а сверху надѣваютъ ситцевый или шелковый хаатъ, станутый поясомъ въ талии. Этотъ поясокъ у женщинъ и чиновниковъ всегда краснаго цвѣта.

Затѣмъ одѣвальщики, умывши руки, ставятъ у тѣла на столикъ кусокъ мяса, немного супа, бумажку съ трогательнымъ и похвальнымъ жизнеописаніемъ покойнаго, дѣлаютъ возліяния водкой на восточной сторонѣ и приступаютъ къ кормленію покойнаго просяною кашей. Богатые корейцы къ кашѣ прибавляютъ немного мелкаго жемчуга и куски нефрита, предохраняющіе будто бы тѣло отъ скорой порчи. «Похоронный староста» сбрасываетъ платье съ лѣваго плеча, моетъ руки и приближается къ усопшему съ восточной стороны, затѣмъ съ западной, наконецъ, становится прямо передъ нимъ и наполняетъ ему кашей насилино раздвинутый ротъ; послѣ того кладетъ на ротъ бѣлую повязку, чтобы удержать тамъ драгоценную кашу, а глаза завязываетъ черною лентой, въ уши вкладываетъ вату и на все лицо набрасываетъ черный шелковый плащечкъ, концы которого туго стягиваются назади головы. Руки тоже связаны черными платкомъ, и все тѣло покрыто одѣяломъ.

Всю ночь горятъ у тѣла свѣчи, стоять стулья со сложенными на немъ обычными вещами покойнаго, на столѣ лежать гребенки, утиральники, стоять подсвѣчникъ, кадильница и кадило, рукомойникъ, полны воды, которую перемѣняютъ слуги два раза ежедневно. Все это въ ожиданіи души покойника, изображеніе которой лежитъ тутъ же поверхъ платья въ видѣ бѣлой шелковой ленты въ 3—4 фута длиной. На землѣ стоять ящикъ съ бумажками, сжигаемыми обильно во время церемоніи. Съ правой стороны усопшаго водруженъ высокій шесть съ краснымъ флагомъ, на которомъ бѣлыми буквами начертано его имя, фамилія, мѣсто рождения и общественное положеніе. На концѣ шеста воткнуто вилообразное острѣ для устрашенія злыkhъ духовъ.

На слѣдующій день одѣваютъ покойника еще въ одно платье, которое бываетъ и цвѣтнымъ,—остальная платья всѣ обязательно бѣлые. Женщины одѣваютъ въ юбку и длинный хаатъ, повязанный поверхъ поясомъ. Одѣвальщики еще разъ переносятъ покойника на особую доску, подъ голову кладутъ вмѣсто подушки его собственное платье, затѣмъ распускаютъ временно всѣ его повязки и пояса, въ ожиданіи, авось, не вернется ли жизнь къ нему. Являются четыре рассказчика, которые жалобнымъ голосомъ рассказываютъ о жизни и заслугахъ покойнаго. Въ это время домашніе сжигаютъ большое количество облитой спиртомъ бумаги.

На третій день тѣло укладываютъ въ гробъ, сбитый изъ толстыхъ досокъ; у богатыхъ онъ красиво лакированъ снаружи и выстланъ шелкомъ внутри. Бѣднаго просто красить его въ черный цвѣтъ и выклепливать бумагой. На дно гроба корейцы насыпаютъ толстый слой угольнаго порошка, покрываютъ его листомъ бумаги и поверхъ всего кладутъ доску съ семью отверстіями, изображающими созвѣздіе Большой Медведицы—единственный остатокъ древне-корейскихъ вѣрованій въ нихъ

современныхъ похоронныхъ обрядахъ. Затѣмъ гробъ выстилается тщательно одѣяломъ, въ изголовьяхъ его кладется подушка, и только тогда сыновья покойного вмѣстѣ со слугами, обмывъ предварительно руки, опускаютъ туда тѣло умершаго. Мѣшечки съ обрѣзками ногтей и волосъ, а также выпавшіе у покойника еще при жизни зубы размѣщаются по угламъ гроба. Пустое пространство между тѣломъ и стѣнами гроба корейцы заполняютъ оставшейся одеждой покойного и ватой, послѣ чего все накрываютъ двумя покрывалами, называемыми «небесами», и заключиваютъ крышку гроба.

Наглухо заколоченный, обмазанный смолой и воскомъ, покрытый и лакомъ, гробъ стоитъ обыкновенно иѣкоторое время во дворѣ, повернутый головой къ югу. Погребеніе происходитъ у крестьянъ спустя три дня, у болѣе зажиточныхъ людей — спустя девять дней; члены царствующаго дома хоронятся только черезъ девять мѣсяцевъ съ момента кончины. Впрочемъ, приличie требуетъ, чтобы родные не торопились съ погребеніемъ, и даже бѣдняки держать покойниковъ дома не рѣдко недѣлю и больше; богатые же корейцы рѣдко хоронятъ своихъ мертвцевъ раньше трехъ мѣсяцевъ. Все это время гробъ стоитъ во дворѣ въ изготовленной для него бесѣдкѣ за ширмами; въ соотвѣтственное время у него ставятъ ужинъ, завтракъ, обѣдъ, блюда, любимыя покойникомъ, цветы и плоды. Прислуга неизмѣнно по утрамъ ставить тамъ умывальникъ съ чистой водой и вѣшасть утиральники. Наконецъ, предсказатель (пань-су) опредѣлилъ мѣсто, благопріятное для могилы, и назначилъ счастливый день для похоронъ. Яма роется тамъ съ соблюдениемъ разнообразныхъ церемоній. Прежде всего съ сѣверной стороны означенаго мѣста ставятъ невысокій, всего на одинъ футъ вышиной, камень «ту-ди», изображающій духа-хранителя могилы. Затѣмъ утромъ, въ день, предназначенный для рѣты ямы, похоронный староста послѣ жалобныхъ причтаній у тѣла усопшаго отправляется вмѣстѣ съ предсказателями и родственниками покойника на могилки и обозначаетъ мѣсто ямы воткнутыми въ землю вѣтками сливы. Ихъ обыкновенно семь, что соотвѣтствуетъ числу звѣздъ Большой Медвѣдицы, и размѣщены онѣ такимъ образомъ, что одна вѣтка изображаетъ голову, другая приходится посерединѣ, третья — въ ногахъ. Остальная четыре вѣтки втыкаются по угламъ. У центральной вѣтки служители ставить посуду съ Ѣдой и чашки съ рисовой водкой (сули).

Тогда присутствующіе отправляются къ столу, поставленному у «ту-ди», преклоняютъ колѣни, жгутъ тимянъ (траву), льють на землю воду, сжигаютъ въ большой мѣдной жаровнѣ бумажки и бьютъ несчетное число поклоновъ. Наконецъ, «похоронный староста» становится на колѣни у самой обозначенной имъ могилы, заливается горькими слезами и двукратно бьетъ земные поклоны, а прислуга принимается за рѣту ямы, обыкновенно очень неглубокой. Дно ямы засыпается пескомъ и известкой. Вынось тѣла на могилки совершается тоже въ счастливый день, указанный предсказателями. Громкія рыданія и дикіе вопли сопровождаются выносомъ тѣла на кладбище. Гробъ покрывается покрываломъ чернаго,

синяго или красного цвета. На крышку гроба кладут служители шляпу покойника и флаг съ знаками его имени и положения. Во время приготовления къ выносу присутствующие жгут непрерывно свечи, благоуханія, приносятъ жертвы изъ пищи и водки и кладутъ земные поклоны. Наконецъ, кортежъ движется въ путь; гробъ несетъ толпа носильщиковъ, достигающая иногда 30-ти человѣкъ. Впереди гроба идутъ люди съ сосновыми вѣтками въ рукахъ, съ лопатами, со знаками и съ фонарями, снабженными траурными надписями. Во главѣ шагаютъ скоморохи, одѣтые въ звѣриныя шкуры, съ ужасными масками на лицахъ: они предназначены устрашать и прогонять злыхъ духовъ на пути кортежа. Всльдъ за ними несутъ служители ящики съ вещами покойника. По обѣимъ сторонамъ все время движутся факельщики съ зажженными факелами; во время хода родственники и знакомые жгутъ бумажки, изображающія китайскія деньги. За чинами винками слѣдуетъ бумажная лошадь, которую сжигаютъ на могилѣ, а золусыпаютъ въ яму. За гробомъ въ самомъ концѣ кортежа идутъ въ глубокомъ траурѣ сыновья и близкіе родственники покойника; знакомые и болѣе отдаленные родственники єдутъ верхомъ или слѣдуютъ въ носилкахъ.

На кладбищѣ носильщики ставятъ гробъ на цыновки съ южной стороны ямы такимъ образомъ, чтобы лицо покойника было направлено къ сѣверу. Происходятъ обычныя жертвы изъ пищи и водки, послѣ чего «похоронный староста» бросается на землю съ громкими рыданіями. Плачъ и причитанія прекращаются на чѣмъ-то время только послѣ спуска гроба въ яму, но они возобновляются съ удвоенной силой, когда туда же спускается флагъ съ именемъ покойника и кусокъ чернаго шелка. Затѣмъ присутствующіе преклоняются передъ могильнымъ камнемъ (ти-ду), у котораго стоять блюда съ явствами, плодами и водкой. Могильщики насыпаютъ на гробъ сначала сѣмь известковъ, угольного порошка и бѣлого камня, а затѣмъ землю; все это время трезвонъ гонговъ и трескотня барабановъ не прекращаются. Надъ могилой насыпается обыкновенно круглый, довольно высокій курганчикъ. Похороны завершаются обильными жертвоприношеніями водкой, которую льютъ на землю, и сушеной рыбой, которую раздаютъ прислугѣ и могильщикамъ. Похоронный кортежъ уносить обратно домой ящики съ платьемъ покойного и ставить его въ комнатѣ предковъ, гдѣ онъ находится все время траура и гдѣ передъ нимъ домашніе часто молятся и сжигаютъ жертвоприношенія. Возвращающихся родственниковъ встречаютъ съ рыданіями на порогѣ дома похоронный староста. Всѣ молятся, сжигаютъ много бумажекъ, затѣмъ входятъ и принимаются за скромную трапезу. Являются двѣ—три шаманки (му-дань) съ музикой; они переодѣты покойникомъ, говорятъ отъ его имени, рассказывая въ первомъ лицѣ извѣстныя происшествія изъ его жизни.

Такимъ образомъ душа покойника пристроены: одна ушла въ невѣдомую страну, другая поселилась въ могилѣ подъ защитой нагробнаго камня «ти-ду». Для третьей души приготовлена продолговатая дощечка въ одинъ футъ длиной, въ два дюйма шириной и въ палецъ толщи-

пой; у богатыхъ она сдѣлана изъ каштанового дерева, выросшаго въ такомъ мѣстѣ, куда не залетаетъ «лай собакъ и пѣсне пѣтуха». Бѣдники довольствуются картономъ такого же размѣра и формы. Дощечка красится въ черный цветъ, и на ней бѣлыми китайскими буквами пишется имя покойнаго. Въ бокахъ дощечки продѣланы отверстія, облегчающія доступъ въ нее душѣ усопшаго. Передъ дощечкой спрятываютъ домашніе по покойномъ поминки, приносятъ въ жертву пищу, плоды, цветы и водку. Такъ ее чествуютъ до четвертаго колбна, послѣ чего ее зарываютъ въ могилу собственника. Первые поминки совершаютъ дѣти на другой день послѣ похоронъ родителей, дальше каждые десять дней и на ново и полнолуние въ продолженіе двухъ—трехъ лѣтъ со дня смерти покойника. Рацьше въ могилы корейскихъ королей зарывали живыхъ рабынь-наложницъ, которыхъ со временемъ только замѣнили каменными женскими изображеніями. Души покойниковъ, по корейскимъ понятіямъ, постоянно носятся кругомъ живыхъ своихъ родственниковъ, образуя какъ бы невидимую часть рода и семьи, требующую большаго вниманія и заботы, чѣмъ мірская, такъ какъ она способна мстить и вредить, а сама недоступна возмездію. Отсюда происходитъ тщательное соблюденіе всякоаго рода поминокъ по родственникамъ и ревностный дорого-стоящей уходъ за могилами предковъ. Отсюда постоянный страхъ корейца, чтобы кто нибудь не обидѣлъ его покойниковъ, не потревожилъ ихъ сна. Нарушение кладбищенскихъ границъ, погребеніе чужого человѣка вблизи родственныхъ могиль вызываетъ среди туземцевъ кровавыя и ожесточенные распри, въ которыхъ принимаютъ участіе нерѣдко цѣлымъ деревни и роды и которыхъ составляютъ 50% всѣхъ судебныхъ дѣлъ въ провинциальныхъ управленіяхъ полуострова. Всякое несчастіе, заключеніе, житейская неудача приписываются корейцами гнѣву, мести или неудовольствію покойниковъ. Незадачливый туземецъ или бесплодная его жена ищутъ прежде всего причины своихъ невзгодъ въ могилахъ своихъ предковъ, предпринимаютъ къ нимъ затруднительныя далекія поѣздки, сжигаютъ передъ ними богатыя жертвы или рѣшаются на переносъ тѣла въ другое болѣе удобное мѣсто, по указанію предсказателя (пань-су). Рѣшившись на послѣднее, они прежде всего раскапываютъ могилу и вскрываютъ гробъ; если тѣло измѣнило свое тамъ положеніе или покернѣло, то это считается неопровергимымъ признакомъ, что покойника постигла обида и что вслѣдствіе этого всему семейству, даже роду угрожаетъ несчастіе. Родные и родовиchi немедленно обращаются за совѣтомъ къ ворожею (пань-су) и, по его совѣту, переносятъ обыкновенно тѣло въ другое мѣсто, соблюдая въ сокращеніи всѣ похоронные обряды. Продолжительный и тягостный корейскій трауръ является тоже выраженіемъ родственной солидарности. Всякая обида, а тѣмъ болѣе смерть родственника подлежитъ отищенню. Пока это не случилось, ближайшіе родственники (нѣкогда весь родъ) налагаютъ на себя тягостныя ограниченія, побуждающія ихъ къ скорѣйшему исполненію обязанности. До сихъ поръ въ Корѣи человѣкъ въ траурѣ и преступникъ носятъ тоже название и обозначаются тѣмъ же гіероглифомъ. Корейские заключенные и осужден-

ные действительно носить грубую, траурную корейскую одежду и большая покаянная, туземная шляпы, закрывающая лица и головы, и они, подобно тому какъ потерявшіе родителей, прячутся при встречахъ съ посторонними за небольшіе вѣера. Нельзя также преступникамъ и траурникамъ никакъ разговаривать и смыться. Вообще люди, потерявшіе родителей, держать себя до сихъ порь въ Корее такъ, какъ нѣкогда держали себя въ Японіи люди, скрывавшіеся отъ родовой мести въ предназначенныхъ къ тому храмахъ и убѣжищахъ. Во время самого глубокаго трехлѣтняго траура по родителямъ, изъ которыхъ два года считаются тяжелымъ трауромъ, а годъ—полутрауромъ, дѣты неЛЬЗЯ заниматься какимъ-либо трудомъ, неЛЬЗЯ ходить въ гости и принимать посѣтителей, неЛЬЗЯ есть вообще проявлять какого-либо интереса къ житейскимъ дѣламъ, воспрещено убивать живыхъ существъ даже вредныхъ, даже гадовъ и паразитовъ, кишия-кишащихъ въ грязныхъ траурныхъ одеждахъ туземцевъ. Они носятъ грубые одежды, не стригутъ волосъ и бородъ, не ёдятъ мяса, рыбы, чеснока. Они считаются временно умершими для мірскихъ суетъ и удовольствій. Жены на время траура покидаютъ мужей и закрываютъ имъ доступъ на свое ложе. Дѣвушки не выходятъ замужъ, мужчины не женятся. Дѣти, родившіяся во время родительского траура, считаются незаконными, происхожденіе ихъ позорно, и они могутъ быть проданы родственниками или отцомъ въ рабство. Въ день смерти главы семьи всѣ домашніе не ёдятъ пищи, а дѣти послѣ смерти родителей три дня строго постятся. Вообще всѣ родственники покойного подлежатъ трауру, котораго продолжительность и сила убываютъ соотвѣтственно степени родства. Родство рассматривается у корейцевъ исключительно въ мужской линіи. Мужъ послѣ супруги и жена послѣ мужа соблюдаютъ тоже глубокій трехлѣтній трауръ.

Въ настоящее время общая бѣдность населенія и нѣкоторое паденіе древне-родовыхъ связей значительно ослабили соблюденіе траура среди простого народа.

Поѣздка къ казакамъ-грузинамъ въ Терскую область.

Въ Терскую область къ казакамъ-грузинамъ я былъ командированъ въ маѣ этого (1904) года Этнографическимъ отдѣломъ Общества Естество-знанія, Антропологии и Этнографіи, съ цѣлью записать ихъ пѣсни и потомъ сравнить съ грузинскими закавказскими. Однако, прежде чѣмъѣхать къ нимъ, я предварительно навелъ справки, можно-ли тамъ добыть материала, чтобы поѣздка не оказалась бесполезной. Справки тѣмъ болѣе нужны были, потому что путь былъ не изъ близкихъ и на авосьѣхать было рискованно. Списавшись съ однимъ тамошнимъ купцомъ, который меня въ этомъ отношеніи обнадежилъ, сообщилъ маршрутъ и пригласилъ, я отправился. Поѣхалъ я въ станицу Александро-Невскую или, какъ тамъ называютъ,—Сасоплы, иногда Саплы. Рекомендательныхъ доку-

ментовъ я не успѣлъ получить, такъ чтоѣхать безъ нихъ, думая, что разъ я єду въ гости, то свидѣтельствъ никакихъ не нужно будетъ. Впослѣдствіи оказалось, что я жестоко ошибся. Ехать сначала пришлось по желѣзной дорогѣ, затѣмъ на лошадяхъ верстъ около ста слишкомъ. Послѣ 15-ти-часовой єзды въ страшную жару и пыль я, наконецъ, благополучно прибылъ въ г. Кизляръ, Терской Области. Отъ Кизляра до Сасоплы еще оставалось около 22 верстъ, которыхъ пришлось проѣхать на перекладныхъ. Пріѣхавъ въ станицу, я началъ искать моего купца и послѣ некотораго времени, наконецъ, отыскалъ его. Тутъ у насъ произошла довольно курьезная сцена. Этотъ купецъ меня почему-то не принялъ, и я такимъ образомъ, очутился на улицѣ. Если бы не сельский учитель, мое положеніе было бы весьма затруднительное. Что было дальше, я не буду распространяться, а ужмою и скажу нѣсколько словъ объ этихъ казакахъ-грузинахъ.

Точныхъ какихъ-либо историческихъ свѣдѣній о томъ, когда они вышли изъ Грузіи, я пока не могъ найти. Въ матеріалахъ для исторіи Кавказа Буткова о нихъ упоминается въ слѣдующихъ выраженіяхъ¹⁾. «Грузины и Армяне суть тѣ, которые по доброй волѣ служили Россіянамъ въ Гилии въ числѣ 700 человѣкъ. Бывъ оттуда переведены 1730 года въ Дербентъ, а 1733 года въ крѣпость Святаго Креста, они купно съ поселившимися у крѣпости Святаго Креста для торговли, состояли теперь въ 450 семьяхъ. Военныхъ отпускали на свободу; но 1736 года, по прошенію начальника ихъ генераль-маиора Лазаря Христофорова, съ товарищами 112 человѣками паки приняты они въ россійскую службу, поселены при Кизляре, съ получениемъ земли подъ пашню, жалованья противъ Астраханскихъ гарнизонныхъ полковъ и денежнаго пособія на поселеніе. Изъ нихъ въ 1739 году, по приглашенію фельдмаршала графа Миниха, нѣсколько вступило въ грузинскія гусарскія три роты, составленныя изъ князей и дворянъ, выѣхавшихъ съ царемъ Вахтангомъ. Въ 1747 и 1748 годахъ всѣ Кизлярской грузинской команды Грузины и Армяне отъ службы отставлены съ тѣмъ однако, чтобы оставались на жительствѣ при Кизляре²⁾). Такимъ образомъ, грузины на Терекѣ являются съ 1730 года, а если мы примемъ во вниманіе, что Грузинскій царь Вахтангъ VI, переселяясь въ Москву, взялъ съ собою около полутора тысячи семействъ, изъ которыхъ, какъ говорять, часть застрила какъ въ г. Кизляре, такъ и въ г. Моздокѣ и другихъ мѣстахъ, то — и раньше.

Являются ли данные казаки потомками семействъ, выѣхавшихъ съ царемъ Вахтангомъ, или, быть можетъ, потомками тѣхъ семействъ, «которыя служили Россіянамъ по доброй волѣ», сказать ничего утвердительного не могу. Въ самой станицѣ мнѣ пришлось пробыть около сутокъ, и я ничего узнать не могъ, такъ какъ на другой же день я долженъ былъ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, ехать

¹⁾ Свѣдѣнія эти собраны мною при содѣйствії св. П. Карбелова.

²⁾ П. Бутковъ. Матеріалы для исторіи Кавказа. Т. I. стр. 155.

обратно. Все, что я могъ узнать и видѣть за это короткое время, это слѣдующее: грузинъ въ этой станицѣ 60 дворовъ¹⁾, русскихъ тоже. Есть по нѣсколько дворовъ одной фамиліи, какъ, напр., Бабилюровы, Ломидзе и др. По образу жизни они нисколько не отличаются другъ отъ друга. Они такъ же, какъ и русскіе, проходить въ полку строевую службу четыре года, а затѣмъ дослуживаются 21 годъ въ станицѣ, отправляясь на одинъ мѣсяцъ въ году въ лагеря. Въ общемъ, казацкая жизнь выработала изъ нихъ особый казацкій типъ, такъ что такого грузина отъ казака положительно нельзя отличить. Въ свободное отъ службы время они занимаются: скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ, виноградарствомъ, вырабатывая вино подъ названіемъ сусло. Что же касается грузинокъ, то это форменные казачки, съ такими же, какъ у тѣхъ, коротенькими юбками и кофтами и особыми казацкими черяками (родъ чевяковъ), и только иногда разница въ лицахъ, глазахъ, и волосахъ показываетъ, что это все-таки типъ не русскій. Какъ казаки, такъ и казачки сохранили родной языкъ и говорять на немъ такъ же, какъ и на русскомъ. Если принять во вниманіе, что эта небольшая кучка, находясь около 170 лѣтъ среди русскихъ, не утеряла родного языка, то приходится только поражаться ея необыкновенной живучести. Вотъ пока все, что мнѣ удалось видѣть и узнать о сасоплинскихъ казакахъ-грузинахъ. На слѣдующее утро я съ грустью рас простился съ широкими улицами станицы, чистенькими и бѣленькими, какъ у малороссовъ, хатками. Яѣхалъ обратно въ Кизляръ и далѣ.

Въ Кизлярѣ мнѣ содержатель разгонной почты посовѣтовалъѣхать на перекладныхъ, и я, послушавшись, покатилъ на тройкѣ, чтобы поскорѣе выбраться изъ «прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ». Пройхавъ нѣсколько станиц, я къ вечеру подѣзжалъ на ст. Шелковозаводскую. Зная, что и здѣсь тоже живутъ грузины-казаки, я рѣшился попытать счастья. Думаю: если что и случится, то, авось хуже, чѣмъ было, не будетъ. Дѣйствительность оправдала мои надежды. Макарь Ивановичъ Отиновъ, староста почтовой станции, устроилъ мнѣ это дѣло—и черезъ два часа у одного своего приятеля собралъ нѣсколько казаковъ. Вскорѣ я явился съ своимъ фонографомъ и записалъ пять интереснѣшихъ въ научномъ отношеніи пѣсень. Записи, конечно, я сейчасъ же демонстрировалъ, чѣмъ всѣхъ присутствующихъ привелъ въ неописуемый восторгъ. Вѣсть о чудѣ-машинѣ моментально распространилась по ближайшимъ хатамъ, и черезъ нѣкоторое время не было щели въ моей хатѣ, откуда бы не выглядывали глаза и не смотрѣли бы съ удивленіемъ. Въ особенности поражались и крестились женщины, не видѣвшія никогда такой диковинки.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда записывать было нечего, я отправился ночевать на станцію, где и записалъ свои наблюденія и все то, что мнѣ пришлось узнать отъ мѣстныхъ жителей. Отъ нихъ, въ общемъ, мнѣ пришлось узнать немного. Станицу свою они называютъ по-грузински Саранани, по-русски Шелковкой. Откуда вышли ихъ

1) Имеется школа, где, разумѣется, обучаются только русскому языку.

предки, они и сами не знаютъ, и въ этомъ отношеніи насть опять выручаютъ какъ материалы для исторіи Кавказа Буткова, такъ отчасти и ихъ пѣсни. Въ этихъ материалахъ мы вотъ что находимъ:

«Въ 1735 году основанъ въ 70 верстахъ отъ Кизляра казенныи шелковый заводъ, выше гребенскихъ станицъ (19 верстъ ниже Шадрина), на лѣвомъ берегу Терека, гдѣ нынѣ Шелковская крѣпость. Оный наз. Сарафонниковъ¹⁾). Къ работѣ изъ доброй воли переселились сюда и построили слободу грузины и армяне. Въ 1792 году было на семъ заводѣ мужск. пола душъ: армянъ 227, грузинъ 135, россиянъ 35. Въ 1764 году сей заводъ принадлежалъ оберъ-директору Хастатову, армянину, а потомъ взять въ казенное вѣдомство. Въ 1772 году собрано на семъ заводѣ 8 пудовъ шелку». Такимъ образомъ, материалы намъ показываютъ, по какимъ причинамъ здѣшніе грузины поселились; ихъ же пѣсни указываютъ на ихъ родину Кахетію, о чмъ—ниже.

Далѣе, что мнѣ пришлось узнать отъ нихъ, это слѣдующее: грузинъ-казаковъ въ станицѣ до 60 дворовъ, русскихъ 120. Есть, разумѣется, школа, гдѣ всѣ обучаются только русской грамотѣ. Раньше эта станица находилась ближе къ Тереку, но во время одного изъ своихъ половодий Терекъ затопилъ и дома ихъ, и сады, и поля, такъ что они принуждены были выселиться дальше. И вотъ уже лѣтъ пять, какъ они строятся и мечтаютъ разводить виноградники. Они такъ же, какъ и тѣ грузины, сохранили родной языкъ и, кромѣ русскаго, въ совершенствѣ говорятъ на армянскомъ и ногайскомъ языкахъ. Среди этихъ казаковъ также попадаются чисто-грузинскіе типы, хотя есть и такие, которыхъ не отличишь отъ великорусскихъ. То же самое встрѣчается и среди женщинъ. (Дѣвушки ходятъ больше по городскому, и это, нужно полагать,—вліяніе гор. Грознаго, находящагося сравнительно недалеко отъ станицы). Грузинскихъ фамилій среди этихъ казаковъ я не встрѣтилъ; всѣ онѣ превратились уже въ русскія, какъ, напр.: Дубниковъ, Каринъ, Дмитріевъ, Китранинъ и др.

Пѣсни, какія я записалъ у этихъ казаковъ, принадлежать къ слѣдующимъ: 1) «Алико», рождественскій гимнъ; поется наканунѣ Рождества Христова, при чмъ первыя два колѣна на дворѣ, а третье—войдя въ комнату. Напѣвъ трехголосный, протяжный, торжественный. Въ этомъ родѣ пѣсни поются, главнымъ образомъ, въ Кахетіи. 2) Свадебная пѣсня, когда жениха съ невѣстой провожаютъ съ пѣніемъ до церкви и обратно. Она у нихъ наз. Перхули, въ отличие отъ Макрули закавказскихъ грузинъ, и имѣть поперемѣнную форму, какъ «Лав наана». 3) «Шавлего»—героическая пѣсня, совершенно отличная по мелодіи съ пѣснею одинакового названія закавказскихъ грузинъ и такъ же имѣющая поперемѣнную форму, какъ «Лав наана». 4) «Супрули» (застольная). Интересная трехголосная пѣсня древне-церковного напѣва, съ квинтовыми ходами. 5) «Мелис снигера»—одноголосная пѣсня съ хоромъ, тождественная по формѣ съ пѣсней «Ормоши петви чавкаре». 6) «Автандил

¹⁾ Отсюда, нужно полагать, и грузинское название Сарапани.

гадвинадире» — охотничья пѣсня, тоже отличная по мелодіи съ пѣсней одинакового названія тѣхъ грузинъ и также имѣющая поперемѣнную форму¹⁾. 7) Плясовая («Сатамашо») пѣсня, одинаковая по формѣ со многими пѣснями закавказскихъ грузинъ. Напѣвъ ея несколько напоминаетъ пѣсню «Парина парина» и поется съ ташемъ, т. е. битьемъ въ ладоши. 8) «Тетро кало, тетро мтредо» (Бѣлая дѣвица—бѣлая голубка) — женская пѣсня любовного содержанія, оригинальна тѣмъ, что въ ней неѣть ничего грузинскаго, кроме текста. Это просто женскій казацкій напѣвъ съ грузинскими словами. Очевидно, первоначальный мотивъ его утерянъ. Такимъ образомъ, всего—восемь пѣсень. Семь изъ нихъ (если считать и 6-ю) удивительно сохранились, восьмая же—подъ сильнымъ вліяніемъ казацкихъ женскихъ пѣсень. Возвращаясь опять къ вопросу относительно предковъ этихъ казаковъ, я долженъ сказать, что первая пѣсня «алило» прямо указываетъ, что предки этихъ казаковъ выходцы изъ Кахетіи. По крайней мѣрѣ, пѣсня «алило» поется только тамъ и отчасти въ Рачинскомъ уѣздѣ, Кут. губ., обитатели котораго, по моему мнѣнію, также суть выходцы изъ Кахетіи. За это, по крайней мѣрѣ, говорить народная пѣсня—музыка. Да же, пѣсни перхули (наше макрули), шавлего, мелис симгера, собственно также свидѣтельствуютъ о послѣдней. Но, благодаря тому, что напѣвы эти несколько суровы, думается, что они не изъ нынѣшняго Телавскаго или отчасти Тіонетскаго уѣзда, Тиф. губ., где напѣвы болѣе мягки, а изъ Кизикіи (нынѣшняго Сигнахск. уѣзда, Тиф. губ.), где напѣвы отличаются несколько большей суровостью въ сравненіи съ первыми. Это также подтверждается еще и записаннымъ мною аллегорическимъ текстомъ «кали ту шарасао», который поется, главнымъ образомъ, тамъ, т. е. въ Кизикіи. Разумѣется, все это я не выдаю за несомнѣнную истину, а высказываю, какъ догадку и предположеніе. Какъ бы то ни было, если принять во вниманіе, что эти пѣсни записаны у людей, оторванныхъ отъ родного края около 170 лѣтъ тому назадъ, то приходится придать имъ особенную цѣнность. Такіе памятники съ очевидностью намъ показываютъ, какого содержанія были пѣсни и какъ были 200 лѣтъ тому назадъ, если не во всей Грузіи, то, по крайней мѣрѣ, въ одной изъ ея провинцій.

Д. Аракчіевъ.

1) Объ этой пѣснѣ мнѣ однѣй казакъ говорилъ, что она будто-бы занесена, лѣтъ пять тому назадъ, однѣмъ грузиномъ изъ Закавказья. И хотѣлъ тогда же навести справку обѣ этомъ, но какъ-то совсѣмъ забылъ. Внослѣдствіи мнѣ пришлося написать цѣлыхъ два письма по этому поводу г. Отинову, по отвѣта я такъ отъ него и не получилъ. Такъ эта оригинальная пѣсня и осталась у меня, къ глубокому сожалѣнію, подъ сомнѣніемъ.

Критика и библіографія.

Friedrich Ratzel: Über Naturschilderung. 1904. München und Berlin. Цѣна 4 р. 50 к.

Незадолго предъ своею смертю извѣстный нѣмецкій географъ, профессоръ лейпцигскаго университета, Ратцель издалъ книгу подъ заглавиемъ «Über Naturschilderung». Въ ней онъ излагаетъ и развиваетъ рядъ мыслей, которыхъ заключаютъ въ себѣ цѣлую теорію, стройную и продуманную, о томъ, какъ нужно изображать природу, какъ передавать впечатлѣнія, отъ нея получаемыя. Природа заключаетъ въ себѣ неистощимыя богатства красоты, и поэтому всѣ описанія, имѣющія цѣлью дать точныя свѣдѣнія о природѣ въ широкомъ смыслѣ слова, должны заключать въ себѣ, помимо научнаго, и художественный элементъ. На послѣднемъ авторъ настаиваетъ, утверждая, что его присутствіе можетъ лишь увеличить цѣнность научной правды. Говоря о природѣ, какъ сокровищница красоты, авторъ старается выяснить понятія прекраснаго и возвышенного въ природѣ, опредѣлить тѣ частности, которыми обусловливаются эти понятія. Эта часть книги представляетъ собою большой интересъ въ виду тѣхъ эстетическихъ положеній и замѣчаній психологическаго характера, которыхъ предлагается авторъ. Во второй части книги авторъ говоритъ объ искусствѣ изображенія природы, о должноѣ наблюденій природы, о необходимости тщательнаго выбора словъ и выраженій при передачѣ зрительныхъ впечатлѣній, предостерегаетъ отъ злоупотребленій, такъ называемою, красивою и образною рѣчью, которая въ концѣ концовъ оказывается шаблонною и безсодержательною.

Книга проф. Ратцеля такъ содержательна и интересна, что исчерпать въ краткой рецензіи ея материалъ невозможно. Почтенный авторъ изложилъ въ ней результаты своихъ многообѣтныхъ размышленій, и результаты эти для каждого читателя могутъ быть поучительны и цѣнны. Книга заключаетъ въ себѣ 378 стр. текста, 7 небольшихъ рисунковъ, издана прекрасно

E. E.

С. А г а б е к о въ (составилъ). Учебникъ тюркменскаго (sic!) нарѣчія съ приложеніемъ сборника пословицъ и поговорокъ тюркменъ (sic!). Закаспійской области. Асхабадъ. 1904 г. (стр. IV + 100 + 25).

Это—второй по счету учебникъ туркменскаго нарѣчія послѣ труда покойнаго Шимкевича,¹⁾ отъ которого онъ отличается тѣмъ, что всѣ

1) Практическое руководство для ознакомленія съ нарѣчіемъ туркменъ Закаспійской области, П. Шимкевича. (Было два изданія, одно въ 1892 г., другое въ 1899 г., въ двухъ форматахъ: in 8° и in 16°).

примѣры въ немъ напечатаны не только транскрипціей, но и арабской азбукой, и, кромѣ того, въ концѣ книги приложено 160 туркменскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ авторомъ. Существенное отличіе разбираемаго учебника туркменского нарѣчія отъ «Практическаго руководства для ознакомленія съ нарѣчіемъ туркменскаго», Шимкевича еще то, что авторъ скромнѣе смотрѣлъ на свою задачу и написалъ грамматику нарѣчія ахаль-текинскихъ туркменъ, что и оговорилъ въ предисловіи, а не преслѣдовалъ болѣе обширный, а слѣдовательно и менѣе выполнимый цѣли, какъ подполковникъ Шимкевичъ, ибо руководство послѣдняго, написанное, повидимому, для изученія вообще туркменскаго языка, безъ указанія, какой мѣстности и какому племени свойственны тѣ или другія особенности рѣчи,— стремится «обніять необъятное»; потому что, долженъ оговориться, самостоятельнаго туркменскаго нарѣчія, въ томъ смыслѣ, какъ напримѣръ, существуетъ нарѣчіе татарское, турецкое и проч., въ настоящее время нѣть; многочисленныя туркменскіе племена и роды, кочующіе въ своей главной массѣ на пространствѣ отъ предгорій Копетъ-Дага до Аральскаго моря и отъ Аму-Дары до Каспійскаго моря, не имѣя своихъ письменныхъ памятниковъ¹⁾, говорять въ настоящее время тѣми нарѣчіями турецкаго языка, которыхъ общеупотребительны въ той или другой мѣстности. Такъ, напримѣръ, туркмены, живущіе у предгорій Копетъ-Дага (теке, отамышъ, тохтамышъ, юмуды и многіе другіе), т.-е. на границахъ съверной Персіи съ ся исконнымъ турецкимъ населеніемъ, говорять азербайджанскимъ нарѣчіемъ лишь съ небольшими уклоненіями отъ него въ деталяхъ.

Племена, живущія на границахъ Афганскаго Туркестана и въ немъ, а также кочевья туркменскихъ родовъ въ Бухарѣ, на границахъ Закаспійской области съ Бухарою и въ предѣлахъ Хивинскаго ханства (салоры, сарыки, эрсаринцы, чодоры и друг.), употребляютъ нарѣчіе, весьма близкое къ джагатайскому или узбекскому; паконецъ, туркмены, обитающіе въ границахъ Красноводскаго и Мангышлакскаго уѣздовъ (Закаспійской области), т.-е. пососѣдству съ обширными районами Усть-Урта, населенного киргизскими племенами, говорять нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ киргизскому. И только основательное знакомство со всѣми этими нарѣчіями туркменъ, быть можетъ, дастъ возможность ориенталисту выдѣлить изъ напослѣдкъ вліяній самобытную основу грамматики туркменскаго языка, этого всеже возможного праотца современнаго южно-турецкаго нарѣчія. Пока же оригиналѣйшее и любопытѣйшее чертою туркменскихъ нарѣчій остается произношеніе, столь рѣзко отличающееся отъ произношенія остальныхъ тюркскихъ нарѣчій, что на него слѣдовало бы обратить особое вниманіе нашимъ ориенталистамъ. Многіе своеобразные звуки туркменскаго говора, не передаваемые на бумагѣ никакими знаками и объясненіями, необходимо или слышать самому, или черезъ граммофонъ. Поэтому нѣть ничего удивительнаго, если всѣ тран-

¹⁾ Встрѣчающіяся диваны Махдумъ-Кули и друг. рапсодовъ и пѣвцовъ туркменской славы написаны на джагатайскомъ нарѣчіи.

скрипції, передаючі туркменські тексти (въ томъ числѣ и въ учебникахъ Агабекова и Шимкевича), весьма далеки отъ истиннаго произненія. Посему, не разбирая со стороны грамматической учебникъ г. Агабекова, остановимся на собранныхъ имъ пословицахъ. Большое, сравнительно, собрание ихъ (едва-ли пока не единственное) заключаетъ въ себѣ богатый материалъ по бытовому міровоззрѣнію туркменъ; здѣсь есть пословицы, удивительно вѣрно отражающія характеръ бытъныхъ «степныхъ рыцарей», полный жаднаго влеченія къ лихихъ аламанамъ и сознанія только своего достоинства, напримѣръ: «За преданность гиуру расплата—черная сабля»; «храброму человѣку никакое дѣло не трудно»; «въ день битвы у героя нѣтъ голоса»; «день принадлежить сильному, какъ поджаренная пшеница тому, у кого острые зубы»; «если видишь вполнѣ достойнаго героя, не спрашивай, какого онъ происходенія»; «если тата¹⁾ не быть, не будетъ другомъ»; «хвостъ чужой собаки долженъ быть прижать между ногами»; «если невѣрные завоюютъ даже весь міръ, ты все же будь крѣпокъ въ своей вѣрѣ»; «если лошадь скакунъ, другихъ качествъ отъ нея и не нужно» и т. п. Широкое существование рабства у туркменъ во времена «аламанчиликъ» также нашло себѣ отраженіе въ пословицахъ: «лучше быть рабомъ богатаго, чѣмъ сыномъ бѣдняка»; «если отецъ состарился, не покупай раба, если мать стара, не покупай рабыни» (т.-е. не вноси этимъ разлада въ семью); «зазнавшій рабъ загадить колодецъ»; «изъ рабовъ не выходитъ свѣтлыхъ, а изъ пастуховъ—вліятельныхъ людей»; «раба убиваютъ думы, а осла кормъ» и другія.

Отношенія къ соплеменникамъ и другимъ народамъ выражаются въ слѣдующихъ пословицахъ: «Съ человѣкомъ отъ другого отца не охотиться даже на зайца» (т.-е. не веди дружбы съ инородцами); «на лисицу той или другой страны охотятся только съ мѣстными борзыми»; «сосѣду приключилось, все равно, что родному»; «бокъ-о-бокъ живущему сосѣду не говори обидныхъ словъ»; «если разбросаешь костеръ—потухнетъ, если затронешь сосѣда—откочуетъ»; «потерявшій свою землю будетъ плакать семь лѣтъ,—потерявшій свое племя, будетъ плакать до смерти».

Къ сожалѣнію, недостаточное, повидимому, знакомство автора съ оттѣнками русского языка послужило причиной того, что переводъ очень многихъ пословицъ получился весьма неудовлетворителенъ: напримѣръ, *ханъ бакды-худай бакды* переведено «ханъ взглянулъ и Богъ взглянуль», тогда какъ слѣдовало бы «взглядѣ хана—взглядѣ Бога»; *достдан дайанъ дюиманъ яхишидыръ* передано «умный врагъ—лучше глупаго друга», вмѣсто: «знающій, умѣлый врагъ лучше невѣжественнаго друга; *тушана додык тѣпѣ* переведено: «зайцу (дорогъ) холмъ, где онъ родился» вмѣсто: «зайцу достаточно и того холма, на которомъ онъ родился: «*Аязъ-ханъ, чарыкына бакъ* переведено: «Аязъ ханъ, смотри на свои очи», тогда какъ слѣдовало бы передать «Аязъ-ханъ, смотри на свои сандаліи» (а пожалуй, и лапти), ибо слово *чарык* у туркменъ

¹⁾ Татами туркмены зовутъ персіанъ и иранское населеніе Хивы и Бухары.

означает кожанную подошву, прикрепляемую ремешками или веревками къ голой ступиѣ; эта обувь носится только самыми бѣдными представителями туркменскихъ племенъ; фраза, *ат досту-ата досту*, переведена «другъ (подарившій) лошадь такъ же дорогъ, какъ другъ отца», что едва ли точно; вѣрнѣе сдѣловоало бы, согласно смысла оригинала, «другъ лошади—другъ отца» (т.-е. тотъ, кого признала лошадь, не можетъ быть врагомъ) и т. д.

Кромѣ того, едва ли сдѣлуетъ обобщать съ пословицами и тѣ стихотворные изреченія известного средне-азіатского мистика Суфи-Аллаяра (24—25 стр.), которыхъ авторъ помѣстилъ въ числѣ произведений народной мудрости туркменъ, ибо трудно допустить, чтобы эти отрывки изъ дивана Аллаяра пользовались особенно широкимъ распространеніемъ въ живой рѣчи представителей полутихъ туркменскихъ племенъ.

A. Семеновъ.

Keleti Szemle—Revue Orientale pour les études ouralo-altaïques.
1904 г. I livraison.

Первая книжка симпатичнаго будапештскаго журнала «Восточное Обозрѣніе» за текущій годъ, редактируемаго д-рами *Káposz* и *Munkácsy*, по обыкновенію, интересна. Мы находимъ въ ней, кромѣ рецензій, продолженіе труда *C. Патканова*—«Географія и статистика тунгусскихъ племенъ Сибири» (стр. 36—55), четвертую главу труда *Мункачи*—«Древнѣйшія извѣстія о язычествѣ вогуловъ и остыковъ» (стр. 56—87) и продолженіе труда *И. Шишманова*—«Этимологія имени «булгаринъ» (стр. 88—110). Предполагая особо остановиться на статьѣ г. Шишманова, скажемъ о двухъ первыхъ нѣсколько словъ.

Въ основу статьи г. Патканова положено труда академ. *Шренка* (Объ инородцахъ Амурскаго края), дополненный свѣдѣніями новѣйшаго времени: губернаторскими отчетами, трудами экспедиціи по изслѣдованию Забайкалья и наблюденіями, сдѣланными во время переписи 1897 г. Авторъ дѣлаетъ обзоръ слѣдующихъ инородческихъ племенъ: 1) манегровъ (36—39), бираровъ (39—41), кили (42—43), собственно *тунгузовъ*: ороочонъ (44—56), родовъ белотѣ, чинаганъ, киндыгиръ, баигиръ, никагиръ, сологонъ; роды акадария, балатарь и иглагиръ впервые открыты при переписи 1897 г.; далѣе слѣдуютъ роды: даимай, сугаоръ, бултегеръ, качить, лакшикэгиръ и тууягиръ. Схема, по которой авторъ описываетъ каждое племя, такова: а) географическое распространеніе племени, б) численность его, с) перечень родовъ, д) образъ жизни или стадія культуры, е) вѣрованія, ф) языкъ и г) занятія. Трудъ г. Патканова безусловно полезенъ, но такъ какъ онъ зиждется главнымъ образомъ на трудахъ Шренка, то даетъ лишь поправку статистическихъ данныхъ по новѣйшей всенародной переписи, не сообщая новыхъ свѣдѣній по этнографіи.

Д-ръ *Мункачи* задался цѣлью свести воедино все свѣдѣнія о вогулахъ и остыкахъ съ древнѣйшихъ временъ, дѣлая выдержки въ хроно-

логическомъ порядке изъ всѣхъ путешествий и отдельныхъ описаній этихъ племенъ. Мы вернемся при удобномъ случаѣ къ обзору первыхъ главъ этого труда. Извлеченія свои д-ръ Мункачи снабжаетъ небольшимъ вступленіемъ о каждомъ авторѣ и о степени оригинальности его извѣстій. Подобные попытки—собрать воедино разбросанныя свѣдѣнія о данномъ краѣ или племени—сдѣланы были въ русской литературѣ для Вятской (въ «Памятныхъ книжкахъ») и Казанской губ. (въ «Изв. Каз. общ. археол., ист. и этнogr.»). Д-ръ Мункачи начинаетъ IV главу съ труда пѣнного шведа Іог. Беркѣ. *Мюллеръ*, который пользовался главнымъ образомъ рукописью Григорія Новицкаго «о народѣ остицкомъ», добавилъ сюда кой-канія свѣдѣнія, собранныя во время поѣздки съ митрополитомъ сибирскимъ *Филоѳеемъ* (въ схимѣ Феодоръ), но умолчалъ о главномъ источникеъ. Правда, Мюллеръ ввелъ въ свое описание иѣкотория новыя детали, но—прибавимъ мы—еще вопросъ: явились ли эти детали результатомъ личныхъ наблюдений, или же онъ просто произошли отъ неточной передачи словъ Новицкаго? Въ сдѣланнія д-ромъ Мункачи извлеченія входятъ отрывки:

- 1) Общее понятіе обѣ остицкихъ идолахъ (божкахъ).
- 2) Мѣста богослуженія и шаманы.
- 3) Заклинаніе (связываніе воли) божества.
- 4) Наказаніе божковъ.
- 5) Жертвенные церемоніи.
- 6) Изображеніе недавно умершаго въ видѣ идола.
- 7) Медвѣжій праздникъ.
- 8) Медвѣжья присяга.
- 9) Присяга надъ идоломъ.
- 10) Бѣлогорскій (при слияніи Оби съ Иртышемъ) идолъ.
- 11) Гусь—идоль.
- 12) Обскій старикъ.

Уже одинъ этотъ перечень показываетъ, насколько интересны эти извлеченія. Не менѣе поучительны извлеченія изъ извѣстнаго труда другого шведа, испытавшаго, подобно Мюллеру, пѣнь и ссылку въ Сибирь Филиппа Іоганна *Страленберга* (Табберть). И въ этомъ случаѣ д-ръ Мункачи даетъ не менѣе любопытныя извлеченія:

- 1) Медвѣжій культь у вогуловъ.
- 2) Культь медвѣдя у остиковъ.
- 3) Вѣра въ загробную жизнь.
- 4) Древніе (бронзовыя) идолы.

Затѣмъ слѣдуютъ извлеченія изъ *Sammelung Russischer Geschichtsakademika* Герг.-Фридр. *Миллера*:

- 1) Главныя камища остиковъ: одно въ Шайтанскихъ юртахъ (иначе—Лонкпугль), другое близъ г. Сургута, гдѣ хранился идолъ *Ортлонка*, называвшійся у русскихъ *Мастерко*. Даѣше идеть выдержка изъ Ремезовской яѣтописи о томъ, что Ермакъ Тимофеевичъ обращался къ вогульскому шаману, прося предсказать ему его будущую судьбу. По приводимому Миллеромъ русскому преданію, предсказаніе это имѣло мѣсто на р. Тавдѣ, въ вогульской деревнѣ Чандыры.

Изъ «Путешествія по Сибири» проф. Іог.-Георгия *Гмеліна* (старшаго) приводится выдержка о нахожденіи вогульского жѣльзного идола на вершинѣ горы Благодать. Это извѣстіе тѣмъ любопытно, что теперь ближе 400 verstъ отсюда нѣть ни одного вогула. Точно также нѣть вогуль по рр. Лобвѣ, Яївѣ и Тавдѣ, гдѣ было иѣкогда силошное почти вогульское населеніе. Во время своего путешествія адъюнктъ Спб. Акад. Лепехинъ собралъ на Тавдѣ слѣдующія преданія о вогуличахъ:

1) О пещерахъ, гдѣ совершались жертвоприношениа. 2) Происхожденіе цынги (приписывается мѣстными русскими жителями тому обстоятельству, что вогуличи тайно приходили сюда для принесенія жертвъ, но дымъ отъ этихъ жертвъ былъ настолько зловоненъ, что заразилъ русскихъ цынгой, при которой, какъ извѣстно, пухнуть десны и страшно воинеть изо рта). 3) О почитаніи лиственницы. 4) Богульскій охотничій амуретъ.

Другой путешественникъ—Петръ Симонъ *Палласъ*—даетъ любопытное мѣсто относительно обруссѣвшихъ вогуловъ на р. Турѣ, носившихъ съ собой на охоту божковъ-покровителей. Во многихъ мѣстахъ по рр. Лобвѣ, Сосѣвѣ и Лозѣвѣ Палласъ нашелъ пещеры, гдѣ оказались скѣды костирищъ, кучи костей, а иногда находимы были маленькие бронзовые идолы и кольца, съ вырѣзанными на нихъ фигурами; эти предметы охотно покупали у русскихъ вогулы и почитали ихъ, какъ божковъ. Показаніе это драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что объясняетъ частое нахожденіе малоизвестныхъ бронзовыхъ издѣлій въ этомъ краѣ. У Палласа же встрѣчаются цѣнныя свѣдѣнія объ остыкахъ, собранныя студ. Зуевымъ (его сотрудникомъ) по низовьямъ Оби. Таковы:

- 1) Остяцкіе идолы.
- 2) Божки, изображающіе умершихъ выдающихся людей.
- 3) Священные горы и деревья.
- 4) Главныя божества обдорскихъ остыковъ и самбѣдовъ.
- 5) Способъ почитанія священныхъ мѣсть.
- 6) Остяцкіе шаманы.
- 7) Ворожба.
- 8) Жертва и жертвенные обряды.
- 9) Жертвоприношеніе отъ имени больного.
- 10) Почитаніе медведя.
- 11) Медведѣя присяга.
- 12) Присяга при тѣмѣ.
- 13) Религіозные обряды при рожденіи.
- 14) Похоронные обряды.
- 15) Остяцкая медицина.
- 16) Счастливые примѣты.

Путешествовавшій съ Палласомъ одновременно Готтильбъ *Георги*, ассистентъ проф. *Фалька*, въ описаніи своего путешествія и въ книгѣ «Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ пародовъ», даетъ много новыхъ свѣдѣній о вогулахъ по рр. Чусовой, Вишерѣ и Колвѣ. Мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія любопытныя выдержки изъ него:

- 1) Предметы религіознаго почитанія и шаманы. Жертвенные рощи; идолы.
- 2) Праздники и жертвоприношениа.
- 3) Очищеніе роженицы.
- 4) Погребеніе.

Таковы выборки, сдѣланныя д-ромъ Мункачи изъ старыхъ путешествій по Россіи. Польза этихъ выборокъ несомнѣнна: онъ крайне облегчать всякаго, кто пожелаетъ заняться обзоромъ быта и вѣрованій остыковъ и вогуловъ. Остается только пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ отдельного оттиска труда д-ра Мункачи.

C. K. K.—et.

Archiv für Religionswissenschaft. Herausgegeben von A. Dieterich u. T. Achelis. 7 B., III u. IV Heft, 8 B., I H. 1904.

Между интересными статьями, помѣщеными въ названномъ журналь, обращаетъ на себя вниманіе работа А. Dieterich'a «Mutter Erde»

(8 В.), которая представляет собою начало цѣлаго ряда статей подъ общимъ заглавиеніемъ «*Volksreligion. Versuche über die Grundformen religiösen Denkens*».—Исходя изъ того положенія, что изученіе религії народовъ должно начаться съ изученія народныхъ обычаевъ, въ которыхъ хранится ритуалъ отжившаго вѣрованія, авторъ обращается къ народнымъ обычаямъ, сопровождающимъ главные моменты человѣческой жизни, т. е. рожденіе и смерть, подвергаеть ихъ тщательному изслѣдовапію, чтобы выяснить тотъ путь, которымъ шло религіозное мышленіе человѣка. Сравнивая и разбирая обряды, сопровождающіе рожденіе и смерть у людей разныхъ временъ и національностей, авторъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что въ этихъ обрядахъ первое мѣсто занимаютъ обращенія къ землѣ и дѣйствія, въ которыхъ земля играетъ важную роль. Наменование земли матерью также заставляетъ автора признать за нею важное значение при образованіи религіозныхъ идей въ умѣ человѣка.—Статья А. Dieterich'a, помимо своей основной идеи, интересна своимъ богатымъ материаломъ; изъ нея читатель можетъ ознакомиться со многими обрядами, которыми человѣчество окружало рожденіе и смерть отдельного лица, стремясь выразить въ нихъ свое отношеніе къ вѣчно волнующему человѣческую душу вопросамъ: откуда и куда явился и идетъ человѣкъ?—

Въ III и IV N. 7 тома того же журнала находится небольшая статья L. Radermacher'a, озаглавленная: St. Phokas. Въ ней авторъ разбираетъ случай замѣщенія христіанскимъ вѣрованіемъ древнаго языческаго повѣрья. Св. Фока Синопскій считается покровителемъ моряковъ въ приморскихъ мѣстностяхъ Чернаго и Адриатическаго морей. Ему молятся передъ отправлениемъ въ путь и желають имѣть его гостемъ на кораблѣ, но такъ какъ приглашать въ гости невидимаго нельзѧ, какъ нельзѧ и угощать его, то деньги, назначенные на угощеніе, раздаются бѣднымъ подъ именемъ денегъ Св. Фоки. Подобное же вѣрованіе существовало и въ языческомъ мірѣ четырехъ сѣверныхъ германскихъ племенъ, жившихъ у моря; было повѣрье, что на каждомъ кораблѣ живетъ добрый духъ, хранящій его отъ бѣды. У грековъ помощниками на морѣ считались Диоскуры и. т. д.

Авторъ приведенной статьи, подыскивая языческое божество, которое смынилось образомъ христіанскаго святого, не останавливается ни на одномъ опредѣленіи и предполагаетъ нѣкоторую связь между именемъ святого и приданной ему функцией.

Въ этомъ же томѣ помещена статья K. Sapper'a: «*Religiöse Gebäuche und Anschaungen der Kekchi—Indianer*». Жизнь индійцевъ Америки еще такъ мало изучена, что всяня свѣдѣнія о ней возбуждаютъ интересъ. Названная статья составлена очень тщательно и хорошо знакомить какъ съ религіозными возвѣщеніями данного племени, такъ и со многими обычаями ихъ бытовой жизни. Христіанство, явившееся въ Америкѣ тотчасъ послѣ ея открытия, распространялось усердно представителями католичества и туземцы отчасти восприняли христіанское учение, которое въ сочетаніи съ ихъ первоначальными вѣрованіями

произвело весьма странное смыщеніе и породило совершенно новыя воззрѣнія въ ихъ душахъ. Въ концѣ статьи приложены въ переводѣ двѣ молитвы индійцевъ племени Кекхи (Kekchi) наивныя и несложныя; вторая оканчивается словами: «во имя Бога Отца, Бога Сына и Святаго Духа», и окончаніе это ясно свидѣтельствуетъ о знакомствѣ индійцевъ съ христіанскими молитвами.

E. E.

The India of the Queen, by the late Sir William Hunter.
Издание Lady Hunter. New York and. Bombay 1903 г.

Леди Hunter опубликовала въ названной книжѣ нѣкоторыя изъ наиболѣе заслуживающихъ вниманія произведеній ея покойнаго мужа, W. Hunter, который былъ плодовитымъ писателемъ и не мало потрудился на различныхъ поприщахъ литературы обѣ Индіи.

Подборъ написанныхъ имъ статей въ рассматриваемомъ нами изданіи, сдѣланъ столь удачно, что не оставлять желать ничего лучшаго и надо надѣяться, что вслѣдъ за первымъ томомъ не замедлить появиться и второй.

«Індія Королевы» состоить изъ пяти произведеній, написанныхъ около 1887 года. Тепло написана статья «Народныя движения въ Индіи»; въ «Работѣ англичанъ въ Индіи» авторъ показалъ себя недюжиннымъ государственнымъ человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова. Проживающіе въ Бенгалѣ съ интересомъ прочтутъ о «Рѣкѣ разрушенныхъ столицъ». Эта статья покажетъ, какъ было ужасно дѣло разрушенія за которое отвѣтственны Гугли. «Одна за другою, говорить авторъ, индійскія народности созидали свои столицы и одна за другою европейскія націи находили ихъ разрушенными на ихъ насыпныхъ холмахъ. Будисты, мусульмане, португальцы, датчане, голландцы, французы, нѣмцы и англичане укрѣпляли этотъ великоколѣпный каналъ всевозможными способами и укрѣпленіями, но ужасная рѣка со всѣми поступала одинаково, и въ настоящее время одни города лежать въ развалинахъ на сушѣ, другие—въ прибрежномъ иль, а трети разрушены и заняты водою, которая собственно и сдѣлала все это»... (*«Englishman»*, October)

A. C.—з.

Internationales Archiv für Ethnographie. B. XVII, Heft I—II.

Томъ XVII вышеназванного журнала заключаетъ въ себѣ обстоятельную статью Dr. Людвига Керстена (Ludwig Kersten) подъ заглавиемъ: «Die Indianerstämme des Gran Chaco, bis zum Ausgange des 18 Jahrhunderts». Авторъ даетъ интересныя свѣдѣнія обѣ индѣйскихъ племенахъ Южной Америки, жительствовавшихъ главнымъ образомъ по р. Лаплатѣ, обѣ ихъ переселеніяхъ и разселеніяхъ въ бассейнѣ этой рѣки, обѣ особенностяхъ ихъ быта, обѣ ихъ языки; между прочимъ, авторъ обращаетъ большое вниманіе на то вліяніе, которое оказало на условія жизни туземныхъ племенъ появленіе испанцевъ и ихъ колонизаторская дѣятель-

ность; помимо отрицательныхъ сторонъ, какъ-то: заразительная болѣзни, жестокое истребление туземцевъ испанскими переселенцами и т. п., европейская культура имѣла для туземцевъ и нѣкоторыя хорошія сѣдѣствія: приручение лошадей и употребленіе ихъ для передвиженія, начало скотоводства.

Особенное вліяніе на жизнь туземцевъ Южной Америки авторъ усматриваетъ въ миссионерской дѣятельности католическихъ монашескихъ орденовъ, главнымъ образомъ, іезуитовъ; послѣднихъ Dr. Людвигъ Керстенъ цѣнить, какъ первыхъ изслѣдователей быта индійскихъ племенъ Южной Америки, называя членовъ іезуитского ордена «основателями южно-американской этнографіи».—

Сравнительно мало еще изученный быть туземныхъ племенъ Южной Америки представляетъ собою большой интересъ со стороны этнографической. Статья же Dr.-a. Керстена до нѣкоторой степени можетъ удовлетворить этому интересу, вслѣдствіе чего она можетъ быть прочтена не безъ пользы.

E. E.

И. В. Селицкій. Кульджинские переселенцы пограничной съ Китаемъ полосы. Экономическо-этнографические очерки и бытовая жизнь джаркентскихъ таранчей и дунганъ. (Ізвѣстія Общества Истор., Археол. и Этн. при Каз. Унив., т. XX, вып. 6, стр. 243—324). Казань. 1904 г. 8°.

О дунганахъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» было помѣщено нѣсколько статей. Такъ, въ книгѣ XVI-ой (1893 г.) Ф. В. Пояркову и В. Ф. Ладыгину принадлежатъ два очерка подъ общимъ заглавіемъ «Салары». (Саларь—одно изъ главныхъ мѣсть пребыванія дунганъ въ Китайской провинціи Хань-су; отсюда и саларские дунгане названы саларами). При этомъ г. Ладыгинъ, знающій хорошо китайскій языкъ и нѣсколько тюркскихъ нарѣчій, далъ не только обстоятельный этнографический очеркъ дунганъ-саларъ, но и помѣстилъ еще словарь ихъ языка. Въ кн. LVII-ой (1903 г.) Ф. В. Поярковымъ помѣщена статья: «Сватовство (Ше—мій) у дунганъ». О таранчахъ и дунганахъ есть свѣдѣнія также въ работѣ г. Обручева: «Природа и жители Центральной Азіи и ея юговосточной окраины» (въ журналѣ «Землевѣдѣніе» 1896 г., кн. II.). Кроме того, по поводу добровольного переселенія въ намъ дунганъ въ 1877 году въ «Восточномъ Обозрѣніи» за 1894 годъ (№ 2) проф. В. П. Васильевымъ была помѣщена статья (передовая): «Китайцы—новые подданные Россіи». О саларахъ писалъ также Г. Н. Потанинъ, кажется, въ «Ізвѣстіяхъ Имп. Русс. Геогр. О—ва», не говоря уже о болѣе раннихъ авторахъ.

Во всякомъ случаѣ, о дунганахъ и таранчахъ (нарѣчіе послѣднихъ подходитъ къ саларскому) есть достаточная литература; очень жаль, что авторъ, занимавшійся этимъ предметомъ специально и довольно долгое время (у насъ есть свѣдѣнія, что еще въ 1894 году, а, можетъ быть, и раньше, г. Селицкій составилъ нѣсколько очерковъ о кульджинскихъ

осѣдлыхъ мусульманахъ, кульджинскихъ переселенцахъ, обычномъ правѣ киргизъ, таранчей и дунганъ, промышленности таранчей и дунганъ) и, вѣроятно, имѣвшій возможность знать болѣе подробно эту литературу, чѣмъ указано здѣсь, не привелъ почти никакихъ источниковъ по своему предмету.. Въ его очеркѣ упоминается лишь очеркъ Пантусова «Свѣдѣнія о кульджинскомъ районѣ за 1871—77 гг. Казань 1871 г.» да статья Д. Ш. въ «Нов. Врем.», 1900 г., № 8764.

Въ рассматриваемой работѣ г. Селицкаго свѣдѣнія о дунганахъ и таранчахъ довольно разнообразны, хотя въ этнографическомъ отношеніи не всегда опредѣлены, а именно, авторъ не только не даетъ яснаго разграничения этихъ двухъ народностей, но и не дѣлаетъ никакого географического и антропологического очерка ихъ, этнографически же признаетъ ихъ почти тождественными, хотя и описываетъ сначала быть, вѣрованія и обычаи таранчей, а потомъ отдельно—дунганъ. Несмотря на такое отсутствіе яснаго научнаго плана въ работѣ г. Селицкаго, его описание таранчей и дунганъ не лишено большого интереса. Здѣсь нашли мѣсто хозяйственный быть, духовенство, народные и международные суды, ритуальная музыка (исполнители имѣютъ на это право по наслѣдству изъ рода въ родъ), праздничныя игры (въ томъ числѣ—съ молодымъ козломъ), религіозныя преступленія (запрещается, м. п., месть, лѣнность, скупость), духовный приходъ, моленія, школы, бракъ, наслѣдованіе, раздѣлы, смерть и погребеніе (въ лежачемъ положеніи лицомъ къ юго-западу), захари, а также не мало сказано о политическихъ судьбахъ этихъ двухъ народностей. Здѣсь, однако, нелишнее отмѣтить, что на нѣкоторые изъ перечисленныхъ вопросовъ даны далеко не удовлетворительные отвѣты, скорѣе конспективные. Видно, что авторъ примѣшалъ къ своему чисто-этнографическому труду вопросы политическіе, считалъ послѣдніе настолько важными, что рѣшилъ этнографію представить только въ общемъ видѣ, чтобы, не утомивъ читателя этническими подробностями, скорѣе можно было поставить вопросъ: «что выгадали Россія и Туркестанъ отъ переселенія въ Семирѣчье пятидесятитысячной массы таранчей и дунганъ?» — Какъ извѣстно, это случилось послѣ 12 февр. 1881 года, когда былъ заключенъ петербургскій договоръ съ Китаемъ, возвратившій китайцамъ кульджинскій районъ. Зачѣмъ было ставить этотъ вопросъ автору, намъ непонятно, тѣмъ болѣе что онъ признаетъ себя незнакомымъ съ политической жизнью Китая. Тѣмъ менѣе слѣдовало бы ему приводить шовинистическіе строки г. Д. Ш. изъ «Нового Времени» и соглашаться съ ними. На самомъ дѣлѣ, какая жестокость со стороны науки, рассматривающей весь культурный складъ двухъ мирныхъ народностей, ушедшихъ въ Россію подъ защиту болѣе гуманныхъ законовъ, какая жестокость, повторяемъ, со стороны этой науки въ лицѣ г. Д. Ш. и соглашающагося съ нимъ г. Селицкаго, придти къ тому выводу, что обѣ эти народности, будучи намъ преданы, крѣпки, здоровы, смѣшлены, «въ рукахъ дѣльного командира, снабженные хорошимъ вооруженіемъ и вышедши изъ русской военной школы, покажутъ себя грознымъ противникомъ нашихъ враговъ».

Кажется, общепризнана истина, что для науки несть отечества, стало быть несть и необходимости проповѣдывать войну. Дѣло науки—освѣщать наредамъ мирные пути прогресса. Этнографія, какъ наука, не можетъ и не должна представлять исключенія.

Вл. Б.

А. Шишовъ. Сарты. Этнографическое и антропологическое изслѣдованіе. Часть I. Этнографія. Ташкент 1904. 8°. IV+496 стр. (Изъ «Сборника материаловъ для статистики Сырь-Дарьинской области, Тома XI.»).

Компилиативная работа г. Шишова во многихъ отношеніяхъ не удовлетворительна. Прежде всего отсутствуетъ научная система въ расположении материала. Настоящая книга представляетъ, какъ сказано, часть 1-ю, *этнографію*; стало быть, будеть 2-я—*антропология*. Въ такомъ случаѣ почему къ этнографіи отнесена вся 26-я глава: заболѣваемость сартовъ? Почему здѣсь введена глава 9-я: наружные признаки сартовъ? Равнымъ образомъ безъ всякаго видимаго отношенія къ этнографіи написаны первыя четыре главы: геогр. очеркъ, климатъ, растительность, Ташкентъ. Даѣе, въ отдельную главу выдѣлено «земледѣліе» и въ отдельную же—«полеводство». Торговля и шелководство отнесены къ «ремесламъ» (гл. 20). Раздѣленіе на классы введено въ главу: «Религія и обряды» (22). Отдельно отъ религіи написана глава «Праздники и народныя увеселенія» (25). Наконецъ *сарты* разсмотрѣны, только по Сырь-Дарьинской области¹⁾, а они живутъ и въ другихъ: Ферганской, Семирѣченской, Самаркандской, Закаспійской и въ Восточн. Туркестанѣ. На самомъ дѣлѣ, компилиативная работа, собирая свѣдѣнія изъ изслѣдований и материаловъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ, должна была бы имѣть главной своей цѣлью систематичность и полноту. Полноты, несмотря на 500 страницъ текста, тоже неѣть. Первые четыре главы разработаны, главнымъ образомъ, по материаламъ, касающимся г. Ташкента, а не всей Сырь-Дарьинской области²⁾. Исторический очеркъ Ташкента (вообще—бѣдный) не столько былъ бы важенъ, сколько исторический очеркъ сартовскаго племени. За такой очеркъ нельзя считать главы 7-й («О происхожденіи сартовъ»), где приведено преданіе о происхожденіи ихъ отъ Лота, да свѣдѣнія изъ работъ Макшеева, Л. Соболева, Остроумова, Н. А. Аристова и Миддендорфа на тему, что сартовъ нельзя смѣшивать съ таджиками. Наконецъ, глава, которая должна была бы составить главное содержаніе 1-ой части, т.-е. «этнографія», 22-я, «религія и обряды», малоудовлетворительна въ смыслѣ полноты. Авторъ счелъ нужнымъ почему-то подробно познакомить съ сущностью мусульманства, но не описалъ всѣхъ толковъ, распространя-

¹⁾ Такъ определена граница и въ главѣ „Геогр. очеркъ“. Ссылка же на литературу о сартахъ касается и другихъ областей.

²⁾ Хотя, повторяемъ, литературные источники иногда противорѣчатъ этому.

иенныхъ у сартовъ. Вообще эта глава написана, главнымъ образомъ, по ташкентскимъ сартамъ.

Что касается источниковъ, которыми пользовался г. Шишовъ, то и здѣсь нельзя не указать на нѣкоторые промахи. Въ главѣ 6-й («Знаніе слова «сарты»), излагая домыслы Н. П. Остроумова (изъ его книги: «Сарты. Этн. материалы. вып. I. 1890 г.»), г. Шишовъ не подвергаетъ ихъ никакой проверкѣ, не даетъ имъ освѣщенія. Такъ же безотносительно приведены свѣдѣнія о томъ же названіи изъ Пашино, Костенко, Уйфальи, П. Комарова, Лерха и др., кстати взятыхъ г. Шишовымъ изъ того же изслѣдованія Остроумова. Если компиляторъ безсиленъ разобраться въ представляющемся материалѣ, то лучше всего оставить щекотливый вопросъ въ сторонѣ или, по крайней мѣрѣ, ограничиться самыми скромными указаніями. То же можно сказать и о слѣдующей главѣ, довольно жidenькой, 8-ой: «Численность сартовъ». Авторъ привелъ всѣ попавшіяся ему подъ руку литературныя свѣдѣнія; гдѣ были цифры, тамъ даль цифры, а гдѣ упомянуто о сартахъ глухо, тамъ и онъ глухо упомянутъ. Напр., обѣ общемъ количествѣ населения въ Сыръ-Дарьинской области (1.479.948 ч.) ему известно по цифрамъ 1897 г., а между тѣмъ авторъ имѣеть, видимо, близкое отношеніе къ къ Сыръ-Дарьинскому статистическому комитету, гдѣ въ теченіе слѣдующихъ 7-и лѣтъ должна же была вестись статистика населенія! Есть свѣдѣнія, которыми ужъ миновала 30-лѣтняя давность и которыхъ г. Шишовымъ не дополнены новыми данными. Такъ, въ гл. 13-ой онъ ссылается на статью Д. К. Зацѣпина: О способахъ измѣренія земель туземцевъ средней Азіи» (изъ «Мат. для статист. Турк. края. Ежегодникъ, вып. III. 1874 г.»), приводить изъ нея выдержки и чертежи, а читатель остается озадаченнымъ: что же и теперь эти свѣдѣнія живы, вѣрны, или ихъ надо относить только къ 70-мъ годамъ прошлаго столѣтія? Но довольно этихъ примѣровъ. Изъ нихъ ясно, что г. Шишовъ, компилируя литературные источники, продѣльывалъ это чисто-кабинетнымъ и къ тому же механическимъ образомъ, не будучи самъ изслѣдователемъ живого народа, этнографомъ-наблюдателемъ.

Поэтому для людей, серіозно интересующихся сартами, придется по-прежнему пользоваться разрозненными материалами, не прибѣгая къ компиляціи г. Шишова. По антропологіи сартовъ сдѣлано очень мало. (См. въ книгѣ А. А. Ивановскаго «Объ антропологическомъ составѣ населения Россіи», стр. 272). Значительно устарѣли и А. П. Хорошилинъ: «Сборникъ статей, касающихся до Турк. края. Спб. 1876 г.» и «Русский Туркестанъ. Сборникъ, издани. по поводу Политехнич. выставки въ Москвѣ 1872 г.»¹), которыми часто пользуется г. Шишовъ. Болѣе новыя свѣдѣнія найти можно у Н. А. Аристова: «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей. Спб. 1897 г.», И. И. Гейра: «Путеводитель по Туркестану» Ташкентъ. 1901 г., Н. Пантурова: «Языкъ обеней въ мусульманской средѣ Туркестана»

¹⁾ У г. Шишова озаглавлено: „Каталогъ Турк. Отдѣла“ и т. д.

(Записки З. Сиб. от И. Р. Г. О. кн. X., 1888 г.), *Л. Ф. Костенко*: «Туркестанский край». Спб. 1880 г., *Маллицкая*: «Сборникъ материаловъ по мусульманству» Спб. 1899 г., *Н. Лыкошина*: «Бытовой очеркъ осѣдлого населения Туркестана» (въ сборн. «Русск. Туркестанъ» 1899 г.), *В. П. Наливкина*: «Школы у туземцевъ Средней Азіи» (Смрк. 1899 г.), *В. Наливкина и М. Наливкиной*: «Очерки быта женщинъ осѣдлого туземного населения Ферганы» Казань, 1886 г., а также въ статистическомъ сборнике разныхъ областей Туркестана и въ мѣстной прессѣ. Литература о сартахъ болѣе важная и болѣе точная (но лишь по 1887 г.) указана В. Ф. Миллеромъ въ «Систематическомъ описаніи коллекцій Дашибовскаго Этнографич. Музея. Вып. I, стр. 109—110. Кроме того, въ «Этн. Обозр.» 1889 г. кн. III помѣщены «Дѣятели о киргизскихъ и сартскихъ народныхъ пѣсняхъ» *М. В. Готовицкаго* и *Р. А. Пфеннига* (съ приложениемъ нотныхъ записей).

Въ 1893 г. вышелъ 2-й выпускъ «Сартовъ» Н. П. Остроумова: Народныя сказки сартовъ съ 4 рисунками. Г-жей *Л. Симоновой* въ «Справочн. книжкѣ Самарк. обл. на 1894 г.» была помѣщена статья «Чародѣйство, гаданіе и лѣчение сартинокъ въ Самаркандѣ». Въ 1899 г. въ Сборнике матер. для стат. Сыръ-Даргинской обл. помѣщена статья *Н. Лыкошина*: «Роль дервишъ въ мусульманской общинѣ ташкентскихъ туземцевъ». Въ 1900 или 1901 г. вышла книга *Е. Маркова*: «Россія въ Средней Азіи». Очерки путешествія по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областямъ, Каспійскому морю и Волгѣ. (2 тома: 541+516 стр.). Тогда же вышла книга *К. М. Федорова*: Закаспійская область. (Асхабадъ, около 260 стр. ц. 3 р.). Въ 1902 г. напечатана книга *К. К. Абазы*: Завоеваніе Туркестана. Разсказы изъ военной исторіи, очерки природы, быта и нравовъ туземцевъ. (Ц. 1 р. 25 к.) Наконецъ въ вышедшихъ въ 1903 г. «Этнографическихъ очеркахъ Заравшанскихъ горъ Каратегина и Дарваза», *А. А. Семёнова* на стр. 22 и слѣдующихъ есть существенный свѣдѣнія объ этнографическомъ значеніи слова «сартъ». Отчасти интересна В. И. Липского «Горная Бухара». Ч. I (Спб. 1902 г.).

Здѣсь указана далеко не вся новѣйшая литература о сартахъ, а лишь немногое, наиболѣе часто встрѣчавшееся въ общей литературѣ. Для компиляторовъ же, занимающихся сартами специально, найдется еще, павѣрно, не мало, и имъ слѣдовало бы усерднѣе слѣдить за литературой по своей специальности.

Вл. Б.

А. Д. Григорьевъ. Архангельскія былины и историческая пѣсни, собранныя въ 1899—1901 г.г. Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. I. Изд. Имп. Ак. Наук. М. 1904. Ц. 3р. 50 к.

Послѣднее десятилѣтие довольно неожиданно оказалось чрезвычайно важнымъ для изученія нашего былевого эпоса: благодаря ряду поѣздокъ этнографовъ специально съ цѣлью отысканія былинъ, открылась на крайнемъ сѣверѣ цѣлая сокровищница, изъ которой почерпнули много интерес-

речного недавно вышедшиіе сборники *A. B. Маркова* («Бѣломорскія былины») и *H. Ончукова* («Печорскія былины»). Въ «Эти. Об. кн. ЛІ) по поводу сборника Маркова мы упомянули и о записяхъ г. Григорьева, совершившаго первую поѣзду на сѣверъ въ 1889 году и повторившаго ее въ лѣтнее время двухъ слѣдующихъ годовъ. Результатомъ поѣздокъ явился огромный сборникъ, первый томъ которого, заключающій болѣе 700 стр., только что вышелъ въ свѣтъ. Весь матеріалъ распределенъ на три тома. Въ первый вошли былины и историческая пѣсни, записанныя въ Поморье и Пинежскомъ краѣ, въ остальные два, имѣющіе появиться въ непроложительномъ времени,—кулойскія и мезенскія старины. Разумѣется, полный отчетъ о трудахъ г. Григорьева можно дать только по выходѣ всего изданія, но и теперь уже можно на основаніи первого тома судить объ остальномъ. Дѣло въ томъ, что, кроме отдельныхъ предисловій къ каждой изъ двухъ частей I тома, есть общее предисловіе ко всему изданію, занимающее 60 страницъ. Въ этомъ многословномъ введеніи сообщаются свѣдѣнія о положеніи былинной традиціи въ обследованномъ собирателемъ краю и о приемахъ записыванія и изданія текстовъ былинъ. Здѣсь, среди мало интересныхъ разсужденій о трудности перевозки валиковъ фонографа, математическихъ расчетовъ количества валиковъ, потребныхъ для записыванія 1,100,200 и т. д. старинь, трактатовъ объ употребленіи знаковъ препинанія и т. п., встрѣчаются важные замѣчанія, совершенно теряющіяся въ массѣ иенужныхъ подробностей.

Посѣщенія г. Григорьевымъ мѣстности оказывается возможнымъ раздѣлить на два класса. Въ первомъ, къ которому принадлежитъ Поморье и Пинежскій край, знаніе старины падаетъ, во второмъ, къ которому относятся Кулойскій и Мезенскій края, знаніе старины процвѣтаетъ. Въ этомъ послѣднемъ районѣ старины превосходятъ старины первого района и по количеству стиховъ, и по качеству; встречаются здѣсь нѣкоторыя очень рѣдкія былины, какъ, напримѣръ, былина о Даниилѣ Ловчанинѣ, притомъ въ большомъ количествѣ вариантовъ. Старины Поморья и Пинежского края напротивъ не особенно велики по количеству стиховъ и передаются далеко не всегда въ исправномъ видѣ; такъ, изъ 212 №№ (пропѣтыхъ 102 пѣвцами и пѣвицами), вошедшихъ въ настоящій томъ, около 30 не имѣютъ стихотворныхъ окончаний, забытыхъ исполнителями.

Репертуаръ поморскихъ и пинежскихъ пѣвцовъ не весьма разнообразенъ. Главнымъ образомъ здѣсь распространены старины: «Князь Дмитрий и его невѣста Домна» (болѣе 20 вариантовъ) и «Мать князя Михайла губить его жену» (болѣе 30 вариантовъ).

Перейдемъ къ отдельному разсмотрѣнію каждой части I тома.

Поморскія былины (№№ 1—36) занимаютъ стр. 19—123; имъ предшествуетъ особое предисловіе, дающее всѣ необходимыя свѣдѣнія о природѣ края и бытѣ населенія, а также чрезвычайно важныя для будущихъ собирателей указанія мѣсть, где еще существуютъ старины, и лицъ, которыхъ ихъ знаютъ, но почему-либо не были выслушаны г.

Григорьевымъ. Къ числу наиболѣе любопытныхъ старинъ, входящихъ въ эту часть, слѣдуетъ отнести старину «Вдова, ея дочь и сыновья—корабельщики» (варіанты указаны въ сборникѣ А. В. Маркова на стр. 612). Интересно также отметить, что начало старины о Василькѣ-пьяницѣ въ Номорѣ встрѣчается въ видѣ отдѣльной пѣсни о турахъ, какъ и въ З. Золотицѣ; только новые варіанты хуже бѣломорскихъ. Останавливаютъ вниманіе нѣкоторые варіанты исторической пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, на которыхъ видно влияніе былинъ; сюда относится № 16, где сынъ Грознаго названъ Добрынушкой Ивановичемъ, и № 22, где то же лицо названо Солнышкомъ,—эпитетъ, составляющій принадлежность кн. Владимира¹⁾. Примѣры введенія сравнительно болѣе поздней исторической пѣсни въ кievскій циклъ уже извѣстны намъ изъ сборника г. Ончукова (см. № 5—Скопинъ дѣйствуетъ при кн. Владимирѣ, № 49—Иванъ Грозный выводить измѣну изъ Киева).

«Архангельскія былины» даютъ намъ новые примѣры подобного рода, что, конечно, очень важно для изученія исторіи былинъ.

Вторая часть сборника, заключающая пинежскія былины (№№ 1—176, а по общему счету №№ 37—212), представляетъ больше интереса. Исполнители лучше; одна изъ пѣвицъ—Марья Дмитревна Кривопольнова—спѣла 14 старинъ (болѣе 2000 стиховъ), при чёмъ количество стиховъ въ отдѣльныхъ былинахъ доходитъ до 300, и такимъ образомъ привѣтилась къ лучшимъ олонецкимъ пѣвцамъ.

Прежде всего здѣсь заслуживаетъ быть отмѣченной впервые записанная старина «Путешествіе Вавилы со скоморохами» № 85 (121), послужившая уже собирателю предметомъ для доклада въ Этнографическомъ Отдѣлѣ. Содержаніе этого любопытнаго произведения, пропагнаго упомянутой Кривопольновой, таково. Къ Вавилѣ, сыну честной вдовы Ненилы, приходятъ веселые люди—скоморохи. Объявивъ, что они идутъ въ «инишишоѣ» царство переигрывать царя Собаку съ его родной, скоморохи приглашаютъ Вавилу съ собой скоморошить. Когда тотъ отговаривается неумѣньемъ, веселые люди, оказывающіеся святыми Кузьмой и Демьяномъ, помогаютъ ему. Дальше идетъ разсказъ о путешествіи святыхъ людей—скомороховъ, во время котораго они творять чудеса (превращеніе ржаныхъ хлѣбовъ въ пшеничные, оживленіе вареной курицы, обращеніе холстовъ въ шелковый и атласный ткани и т. п.). Побѣдивъ царя-волшебника, скоморохи отдаютъ Вавилѣ его царство. Старина эта представляетъ апофеозъ скоморошьяго ремесла; самое искусство игры на гудкѣ оказывается не результатомъ выучки, а даромъ, посыпаемымъ святыми Кузьмой и Демьяномъ, являющимися здѣсь покровителями скоморошества. Интересно сопоставить эту былину съ народными сказаніями о святыхъ и выяснить связь (въ народномъ сознаніи) святыхъ врачей-безсребренниковъ со скоморохами, для чего необходимо, разумѣется, цѣлое изслѣдованіе, котораго былина вполнѣ заслуживаетъ. Новыми являются въ сборникѣ старинка № 145 (181)

¹⁾ Обратное явленіе—вмѣсто Добрыни въ „Сорока каликахъ“ (№ 9/45) фигурируетъ Никитушка Ромаповичъ.

про «Двѣнадцать братьевъ, ихъ сестру и отца» и шуточная пѣсня, повидимому, мѣстного происхожденія «Ловля филина», записанная въ трехъ вариантахъ (№№ 154, 158, 161), почти совпадающихъ другъ съ другомъ. Изъ историческихъ пѣсень къ новымъ собиратель относить: «Петръ I на молебнѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ» (четыре варианта №№ 118, 123, 133, 133 а), «Жалоба солдатъ Петру I на князя Долгорукаго» (№ 156), «Братъ спасаетъ царя отъ смерти» (№ 96) и «Платовъ и Кутузовъ» (№ 60). Изъ извѣстныхъ, но рѣдкихъ слѣдуетъ отмѣтить пѣсню про Авдотью Рязаночку, записанную въ двухъ вариантахъ, изъ которыхъ второй—№ 94 (130), состоящей всего изъ 30 стиховъ, представляетъ какую-то путаницу, а первый—№ 58 (94) довольно удовлетворителенъ, но только родственники героини—Омельфы Тимофеевны—спятъ въ тюрьмѣ у православнаго царя, а не находятся въ пѣнѣ у невѣрнаго царя. Укажемъ еще на новый эпизодъ въ подвигахъ Ильи Муромца: «Илья Муромецъ покупаетъ коня, воюетъ съ Полубѣльмъ и казнить Соловья-разбойника» № 144 (180). Въ этой нескладной и путанной былинѣ соединены собственно разсказы о двухъ подвигахъ, при чѣмъ послѣ каждого Илья Муромецъ ложится отдыкатъ въ сырѣ землю (?) то на 7, то на 20 лѣтъ для накопленія силъ. Въ былинѣ № 73 (109) въ обычный разсказъ обѣ отъѣздѣ Добрыни и выходѣ его жены за Алешу Поповича вставленъ эпизодъ о похищениі Настасіи Микуличны какимъ-то Черногрудымъ королемъ. Не лишено интереса то, что встрѣчается въ видѣ отдѣльной пѣсни «Побѣдка Алеши Поповича въ Киевѣ»—№ 7 (43), не соединенная съ убіеніемъ Тугарина. Этимъ, конечно, не исчерпывается интересное, доставляемое сборникомъ: исследователь эпоса подмѣтить любопытныя черты и въ нѣкоторыхъ другихъ былинахъ, но мы не ставимъ задачей охватить все въ рецензії.

Нельзя оставить безъ возраженія возврѣпія собирателя на задачи и методъ изученія былого эпоса, о чѣмъ онъ неоднократно высказывается въ предисловіяхъ, примѣчаніяхъ и дополненіяхъ. По поводу «Путешествія Вавилы со скоморохами» г. Григорьевъ высказываетъ слѣдующее: «Говорить о времени и мѣстѣ ея составленія я считаю пока неудобнымъ и преждевременнымъ. Для этого надо подождать новыхъ вариантовъ, установить точно (не такъ, какъ это принято дѣлать по старинамъ) редакціи и типы и ихъ отношенія другъ къ другу (т. е. ихъ генетическое древо) и пріурочить ихъ къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, указать источники старины (и отдѣльныхъ редакцій) и ея отношенія къ другимъ старинамъ и памятникамъ устной и письменной словесности и пріурочить на основаніи этого редакціи ея къ опредѣленному времени, обратить вниманіе на размѣръ и напѣвъ старины, а также на историческія условія ея возникновенія... Указываемый въ этихъ строкахъ способъ изслѣдованія старинъ не является новостью; онъ давно примѣненъ къ изученію памятниковъ нашей древней письменности; его стали примѣнять и къ изученію старинъ, но только слегка, я же настаиваю на необходимости болѣе точнаго и болѣе систематического приложенія его къ изученію старинъ, при которомъ нельзѧ обойтись срав-

неніемъ однихъ крупныхъ эпизодовъ и одними собственными именами, а придется сравнивать, отъ начала до конца, весь текстъ, всѣ слова. Правда, что при такомъ изученіи о каждой старинѣ придется писать цѣлые сотни страницъ, но зато изученіе старинѣ будетъ давать болѣе результатовъ (?!), чѣмъ теперь!... (стр. XX—XXI) «Я, конечно, считаю необходимымъ изученіе происхожденія той или другой старины также въ связи съ относящимися къ ней литературными и историческими фактами, но полагаю, что для прочности выводовъ необходимо, путемъ сравненія и изученія всѣхъ существующихъ варіантовъ, сначала выяснить жизнь этой старины на русской почвѣ, а потомъ уже переходить къ ея происхожденію». (стр. 706). Примѣромъ примѣненія указанныхъ требованій служитъ «Обзоръ варіантовъ былинъ и историческихъ пѣсень» (стр. 695—705). Извиняюсь за такія длинные выписки, совершенно однако необходимыя въ виду того, что авторъ состоится преподавателемъ университета, что даетъ ему возможность оказывать своими взглядами влияніе на дальнѣйшій ходъ изученія былевого эпоса.

Прежде всего, разумѣется, нужно напомнить г. Григорьеву, что былина не рукопись и что нельзя примѣнять вполнѣ къ произведеніямъ устной словесности пріемы, съ успѣхомъ, можетъ-быть, примѣняемые къ письменнымъ памятникамъ. Установленіе и изученіе редакцій, типовъ и разновидностей слишкомъ заслонили отъ автора самую былину, тогда какъ на *первый* планъ надо поставить изученіе былины «въ связи съ относящимися къ ней литературными и историческими фактами». Исследователь не остановится передъ изученіемъ былины на томъ только основаніи, что существуетъ всего одинъ варіантъ, онъ не станетъ ожидать въ бездѣйствіи, пока счастливая судьба пошлетъ еще варіанты, чтобы можно было заняться классификацией ихъ по редакціямъ и типамъ,— нетъ, онъ попытается дать истолкованіе этому единственному варіанту. Понятно, придется сдѣлать оговорку: «при современномъ положеніи науки», но эта оговорка обычна, такъ какъ научные выводы всегда только относительны. Минь кажется, то же самое приложимо и къ письменнымъ памятникамъ. Находясь на точкѣ зрѣнія г. Григорьева, что было бы дѣлать со «Словомъ о полку Игоревѣ», напримѣръ? Неужели дожидаться новыхъ списковъ, не пробуя дать оцѣнку этого замѣчательнаго произведенія?

Право на наше вниманіе того или другого литературнаго памятника выясняется изъ сопоставленія съ другими литературными и историческими фактами, а не изъ построенія генетического дерева, какъ бы остроумно оно ни создавалось изъ редакцій, типовъ и разновидностей.

Заканчивая пашь обзоръ сборника, мы должны указать на одну очень важную сторону его.

Необыкновенная тщательность собирателя въ записываніи и изданиіи текстовъ дѣлаютъ его сборникъ чрезвычайно цѣннымъ для русской диалектологіи, потому что онъ представляетъ «памятники языка изъ такихъ глухихъ деревень, въ коихъ пока ничего не записано да и не скоро еще, можетъ-быть, будетъ записано», какъ справедливо замѣчаетъ на

стр. LV собиратель. Для изучения народной музыки сборникъ, вѣроятно, окажется также полезнымъ, такъ какъ заключаетъ 56 №№ напѣвовъ, оцѣнки которыхъ я, какъ не специалистъ, не беру, разумѣется, на себя.

H. B. B.

В. М. Іоновъ. Потѣзда иъ майскими тунгусами. («Ізв. о-ва Истор., Археол. и Этнограф. при Казан. Унив.» т. XX, вып. 4 и 5, стр. 159—174). Казань. 1904.

Эд. Н. Пекарскій. Потѣзда иъ приаянскими тунгусами. (Тамъ же, стр. 175—191). Казань. 1904.

Обѣ эти работы представляютъ изъ себя отчеты упомянутыхъ авторовъ въ качествѣ членовъ нелькано-аянской экспедиціи инженера В. Е. Попова лѣтомъ 1903 года. Г-ну Іонову было поручено собирание этнографической коллекціи для Музея Императора Александра III, а также и разспросы тунгусовъ на мѣстѣ. Всего имъ опрошено до 30-ти семействъ по течению р. Маи, главнымъ образомъ, о средствахъ существованія, экономическихъ потребностяхъ тунгусовъ и способахъ ихъ удовлетворенія. Средства эти ничтожны, причемъ вопросъ о покосахъ является будто бы однимъ изъ коренныхъ. Въ нижней части Маи паселеніе осѣдающее, живущее скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, а въ верхней Маи живутъ извозчикъ чая, рыболовствомъ, звѣроловствомъ и охотой; тамъ и здѣсь есть и бродячіе тунгусы, звѣроловы и охотники. Майскіе тунгусы сильно обѣякучиваются. Тунгусы по р. Алдану тоже терпятъ экономическая стѣсненія, особенно будто бы со стороны духоборовъ и скопцовъ. Эти тунгусы обѣякучиваются не въ такой степени, какъ майскіе. Жаль, что авторъ не указываетъ, какого рода коллекція собрана имъ, а также собраны ли имъ произведенія народнаго тунгусского творчества, записаны ли ихъ вѣрованія, обряды, обычай и т. п.

Г-нъ Пекарскій занялся цѣлью изслѣдоватъ приаянскихъ тунгусовъ. Характеръ его работы тотъ же, что и у г. Іонова. Г. Пекарскій постыдилъ бродячихъ тунгусовъ на р. Алданѣ, на р. Нангтарѣ, на «Мороской», на р. Уѣ, р. Джагдѣ, р. Бонсякчай, р. Олгомдо и въ с. Нельканѣ. Имъ опрошено до 60 семействъ тунгусовъ трехъ родовъ: мака-гырскаго, эжанскаго и эдзигянскаго. Въ этомъ отчетѣ тоже мало жалательныхъ этнографическихъ свѣдѣній; наоборотъ есть лишнія, не идущія къ дѣлу подробности: захромавшій конь, другія случайности и т. п.

Вѣроятно, оба путешественника къ тунгусамъ не замедлять дать и болѣе содержательное описание своихъ путешествий.

B. B.

«Живая Старина». Периодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Подъ ред. В. И. Ламанскаго. Годъ XIV. Вып. I и II. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Недавно вышелъ этотъ соединенный выпускъ за 1904 г. (на обложкѣ послѣднее указаніе отсутствуетъ, что можетъ повести къ недоразумѣніямъ). Всѣ 232 его страницы заняты исключительно материалами по этно-

графії, а именно: 1) *Д. Зеленинъ*, Изъ быта и поэзіи крестьянъ новгородской губерніи (по материаламъ В. А. Воскресенского); 2) *Его же*, Великорусскія народныя присловья, какъ материалъ для этнографії; 3) *В. Н. Добровольский*, Загадки, записанныя въ Смоленскомъ уѣздѣ; 4) *М. Б. Едемскій*, Говоръ жителей Кокшеньги Тотемскаго уѣзда; 5) *Его же*, Изъ кокшеньгскихъ предаѣй; 6) *Н. П. Иваменко*, Сватанье (Орл. губ.); 7) *Г. Яковлевъ*, Пословицы, поговорки (и проч.) Острогожскаго уѣзда; 8) *Дыновскій*, запис. (сообщ. Ровинскій), Дебрская эпическая пѣсни; 9) *И. В. Волковъ*, Свадебные обычай (Грязовецкаго уѣзда); 10) *К. Лавровъ*, Свадебная плачия (Новгород. уѣзда).

Изъ всѣхъ этихъ статей только очеркъ г. Зеленина о великорусскихъ присловьяхъ является исключениемъ и даетъ не сырые материалы, а изслѣдованіе. «Присловье» авторъ опредѣляетъ какъ произвище, данное той или иной этнографической группѣ, напр., костромичи-тамойники (говорятъ «тамой», вмѣсто «стамъ»). Разсматривая вопросъ, кто получаетъ присловье, авторъ останавливается прежде всего на переселенцахъ (*«посельгѣ* у сибиряковъ, *«починовцы* въ Вятск. губ., *«надызы* (отъ *«надысь*) въ Уфим. губ., *«молдавана* въ Орлов. уѣз., *«щуканы* въ Воронеж. губ. и т. д.)

Затѣмъ фонетическая, морфологическая и лексическая особенности говоровъ нашли себѣ также отраженіе въ присловьяхъ: *«щуканы*, *«ладоськой біесь*, *«ягуны*, *«челдоны* и т. п.

Далѣе идетъ вліяніе бытовыхъ отличий: кушанья, одѣжды, промысловъ, обычаевъ и т. д. напр.: толоконники, табатеры, пьяная Домна (деревня Домна), голопузая Медынь, кособрюхіе рязанцы, черносеребренники, муксунники, *«Пинега-Мезѣнь толста селезень»*, *«поляки* (бѣлоруссы), сяяны, горюны, пальхи, сицкарѣ (Яросл. губ.), тѣдовщина (Тверск. г.) и т. д. Нѣкоторыя черты нравовъ отразились на такихъ присловьяхъ, напр.: воры, разбойники, ухорѣзы, гробокрады, черно-ланотница и др.

И. В. Волковъ приводитъ здѣсь «свадебные причеты, записанные крестьяниномъ, часто бывавшимъ сватомъ». Причеты интересны по разнообразному содержанію, языку и полнотѣ (49 номеровъ).

...2

Ф. Н. Никифоровъ. Стохинские чуваші. («Ізвѣстія Общества Археологии, Истории и Этнографіи при Каз. Унив. т. XX, вып. 6, стр. 325—348»). Каз. 1904.

Работа г. Никифорова прибавляетъ нѣсколько новыхъ чертъ къ обширной литературѣ о чувашахъ, которыми занимались гг. Ашиаринъ, Шкапскій, Юркинъ, Золотницкій, Магницкій, Смоленскій, Сбоевъ и др. Ф. Н. Никифоровъ наблюдалъ жизнь чувашъ с. Стохина Бугурусланскаго уѣзда, среди которыхъ въ 1898 г. числилось 1330 язычниковъ и 4458 христіанъ (на весь стохинскій приходъ). Христіанами они числятся только формально; большинство и изъ нихъ придерживается языческой старины. Стохинцы вышли изъ казанской и симбирской губерній въ началѣ XVIII вѣка. Здѣсь «по какимъ-то обстоятельствамъ или недора-

зумъніямъ» они лишились значительной части земли, но платили въ казну выкупной платежъ. Когда-то они жили богато, теперь бѣдствуютъ. Всѣ эти «обстоятельства», зависящія отъ «системы» устройства русскихъ инородцевъ, поддерживали и въ стюхинскихъ чувашахъ чувство недовѣрія къ русской культурѣ, къ русской вѣрѣ, и они язычествуютъ еще вполнѣ сознательно. Они себя чувствуютъ особымъ народомъ, а каждому народу «Богъ искони опредѣлилъ держать свою вѣру» (стр. 342). Подробиѣ всего у г. Никифорова описанъ обрядъ погребенія у чувашъ, причитанія по покойникѣ, поминки, нѣкоторые праздники и т. п.

О покойникѣ говорится, что незадолго до смерти умирающей дѣлаетъ распоряженія о погребеніи тѣла (рыть могилу и проч.). Но исходѣ души, приносить въ избу живую курицу и, держа надъ покойникомъ, отрываютъ ей голову. Далѣе слѣдуетъ омовеніе, приготовленіе гроба. Въ гробъ кладутъ и вещи покойника, всегда имѣвшіяся у него при жизни, а также монету—«деньги свѣта». Потомъ—церемонія угощенія покойника «лепешками, вводящими въ рай». Пьють, поминаютъ и причитаютъ. Распѣвъ причитанія всегда одинъ и тотъ же. Надъ свѣжей могилой разводится костеръ, черезъ который прыгаютъ. Возвращеніе домой сопровождается особыми обрядами. Въ Ядринскомъ уѣздѣ курица, приносимая покойнику, иногда замѣняется яйцомъ, которое, будучи вынесено въ поле, разбивается со словами: «приносится, вмѣсто души, душа». При поминкахъ (черезъ три недѣли) изъ чурбана дѣлаютъ подобіе человѣка, приносить его въ комнату, одѣваютъ въ платье покойнаго, кладутъ на его постель. Потомъ двѣ-три женщины причитаютъ и воютъ, а остальные присутствующіе веселятся, пляшутъ подъ скрипку, прихлопываютъ въ ладоши. Потомъ съ церемоніями и приговорами везутъ этотъ чурбанъ въ саняхъ или въ телѣгѣ на могилу, гдѣ водружаютъ его въ видѣ памятника.

Справляетъся чувашами оригинальный праздникъ «сюренъ», съ пѣснями, плясками, угощеніемъ, питьемъ на собранныя въ каждомъ домѣ пожертвованія. Въ этотъ день, будто бы, они выгоняютъ изъ домовъ своихъ покойниковъ, пришедшихъ къ нимъ въ гости.

Интересно также почитаніе Николая Чудотворца и другихъ христіанскихъ святынь при непосредственномъ вліяніи юмзей (захарей).

Нѣкоторые изъ приведенныхъ обрядовъ указаны и у другихъ изслѣдователей, но г-ну Никифорову удалось дать небольшую, зато яркую и цѣльную картину изъ обширной области вѣрованій въ безсмертіе души и загробную жизнь у такой культурно-неизносившейся народности, какъ чуваши.

Вл. Б.

Лисенко С. И. Очерки домашнихъ промысловъ и ремесль Полтавской губ. В. III. Лохвицкій уѣздъ.

Выпускъ третій Очерковъ заключаетъ въ себѣ подробное описание промысловъ и ремесль, которыми занимаются жители Лохвицкаго уѣзда. Эти промыслы и ремесла являются подспорьемъ мѣстному крестьянскому

населенію при его главномъ занятіи—земледѣліи и, какъ таковыя, практикуются въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время.

Авторъ очерковъ на первомъ мѣстѣ ставитъ плетеніе сѣтей, которыми занимаются не только взрослые люди, но и дѣти, послѣднія, вслѣдствіе несложности занятія, быстро выучиваются плести и помогаютъ взрослымъ. Между взрослыми есть особенно искусные мастера, которыхъ авторъ и перечисляетъ, описывая ихъ специальные пріемы при плетеніи. Плести сѣти крестьянамъ вообще невыгодно, такъ какъ результаты ихъ труда цѣняются очень дешево и выручка за нихъ небольшая. Не менѣе легкимъ и распространеннымъ является плетеніе кошельей изъ болотного растенія. Взрослые смотрятъ на это занятіе, какъ на очень неважное и, въ большинствѣ случаевъ, обучають ему дѣтей. Кромѣ кошельей плетутся постилки на полъ, незамысловатыя корзинки для школьніковъ и т. п. Весь этотъ товаръ за грошевую цѣну сбываются скupщикамъ, которые и перепродаютъ его. Кромѣ плетенія, жители занимаются гончарнымъ производствомъ, ткачествомъ, сапожничествомъ, плетенiemъ сить, производствомъ колесъ, кузнечнымъ промысломъ, но все эти занятія мало доставляютъ прибылку крестьянамъ. Авторъ указываетъ на причины этого явленія—онъ кроются въ отсутствіи организованной помощи кустарямъ. Кустари часто нуждаются въ необходимомъ материалѣ, не имѣютъ правильнаго сбыта, зависятъ отъ скупщиковъ.

Авторъ даетъ въ своей книжѣ нѣсколько картиночекъ изъ экономического быта описываемой мѣстности, что нѣсколько оживляетъ изложеніе, которое страдаетъ нѣкоторою конспективностью. Свѣдѣнія, даваемыя г. Лисенко въ его очеркахъ, весьма полезны для выясненія состоянія русской кустарной промышленности и тѣхъ причинъ, которыя мѣшаютъ или благопріятствуютъ ея развитію.

E. E.

Памятная книжка Смоленской губерніи на 1905 годъ. Изд. Смол. статистического комитета.

Кромѣ обычныхъ статистическихъ и административныхъ свѣдѣній, въ этой книжкѣ помѣщены очеркъ И. И. Орловской: «Смоленскъ въ исторіи дома Романовыхъ» (51 стр.), *Ею же.* (некрологъ). Семенъ Петровичъ Писаревъ (4 стр.) и А. В. Жиркевичъ: И. С. Жиркевичъ и его воспоминанія о Смоленскѣ.

Для этнографа первая и третья статьи могутъ служить только источникомъ нѣкоторыхъ справокъ о лицахъ и событияхъ, имѣвшихъ какое-нибудь отношение къ жизни народа. Смоленскъ рассматривается здѣсь, какъ старинная «дверь въ Европу», съ отраженiemъ этого на архитектурѣ, на экономической жизни русскихъ областей, на общемъ складѣ жизни въ смоленской землѣ. Исторія дома Романовыхъ шла тоже по дорогѣ съ Запада черезъ Смоленскъ на Москву. Даѣте статья вступаетъ въ этнографію знатныхъ русскихъ родовъ. Уже по изслѣдованию отдѣльныхъ деталей былинъ известно, насколько этотъ материалъ важенъ;

гораздо больше онъ могъ бы быть использованнымъ, если бы удалось поставить на вѣрные научные пути вопросъ о вѣнчіи культуры высшихъ слоевъ на народную массу. Воспоминанія Жиркевича менѣе интересны.

Некрологъ С. П. Писарева († 26 марта 1904 г.), мѣстного археолога, даетъ перечень его трудовъ. Покойному принадлежитъ, между прочимъ: «Путешествіе Людвіга Римлянина по Африкѣ и Азіи въ 1493 г.» («Ист. В.», авг.); «Путевые замѣтки отъ Смоленска до Киева конца XVIII вѣка» («Кiev. Стар.», томъ XVII); «Повѣсть о св. Меркуріи» («Филол. Зап.», 1881:1 и 2; 1882:2, 3 и 4), «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ» («Пам. Др. Письм.» 1880, III); «Историческое и географическое описание города Смоленска» и др. Въ 1893 г. Смоленская городская Дума поднесла ему благодарственный адресъ, присвоила ему имя «основателя городского историко-археологического музея».

...3

А. Н. Минхъ. Историко-географический словарь Саратовской губерніи. Томъ I, вып. 4-й. Литеры Х. Ф. Южные уѣзды Камышинской и Царицынской. Печатанъ подъ наблюд. д. чл. Сарат. учен. архивной комиссіи С. А. Щеглова. 2 ненум.+стр. 1093—1409+35+1 ненум. 8°.

Бывшій саратовскій губернаторъ А. И. Косячъ, въ адресѣ своемъ на имя Московскаго Археологическаго общества, выразился о своей губерніи: «Саратовская губ. представляетъ глубочайшій интересъ какъ въ археологическомъ, такъ и географическомъ отношеніяхъ. Въ ней сохранились слѣды древнѣйшей жизни края... Здѣсь остался глубокій слѣдъ Великаго Петра, здѣсь ураганомъ прошелъ Пугачевъ... Край этотъ все-таки *terra incognita*; онъ менѣе изслѣдованъ, нежели, напримѣръ, Тибетъ и Монголія». Въ этихъ словахъ, разумѣется, много правды, но тотъ же отзывъ можетъ быть примѣненъ къ любой губерніи Россіи. Если память намъ не измѣняеть, историко-географический словарь Сарат. губерніи есть единственный въ своемъ родѣ трудъ, потому что «Историко-географический словарь древней Жемонтской земли» *Справка* значительно ужѣ по своей программѣ и слишкомъ кратокъ. Допускается, что въ трудахъ г. Минха есть мелкие пропуски, неточности и пр., нельзя не видѣть однако въ этомъ труда результатъ колоссальнаго трудолюбія: материалъ долженъ былъ собираться въ теченіе многихъ лѣтъ (начиная съ 1860-хъ годовъ), при участіи многихъ сотрудниковъ; иначе и быть не можетъ, вслѣдствіе громадности материала. Многія страницы этого труда читаются съ захватывающимъ интересомъ; еще большее число страницъ показываетъ, какъ много достойнаго изученія скрывается въ предѣлахъ Сарат. губ. Чѣмъ болѣе при чтеніи вникаешь въ содержаніе разбираемаго словаря, тѣмъ увлекательнѣе оно становится. Словарь г. Минха щедро снабженъ картами и планами, которыхъ въ 4-мъ выпускѣ мы насчитали 6, а содержаніе разнообразно въ высшей степени: кромѣ историко-географическихъ подробностей, въ изобилии разсыпаны по книзѣ данные по археологии и этнографії. Этнографическая вставки отличаются безпристрастіемъ и даютъ правдивый отзывъ

о нравахъ населения въ прошломъ и настоящемъ; для первой цѣли слу-
жать архивныя дѣла (напр. о разбойникахъ), для второй—непосред-
ственныя наблюденія (посидѣники стр. 1164), а иногда то и другое вмѣ-
стѣ (конокрады). Статистическая данная обильно заимствованы для
словаря изъ земскихъ изданій до 1897 г. включительно. Изъ статей
исторического содержанія укажемъ: описание Царицынской сторожевой
линии (стр. 1095—97), описание подвиговъ разбойниковъ *Ходлова*
(1093), *Щербака* (1392), *Шагалы* (1360), не говоря уже о подвигахъ
въ Саратовскомъ краѣ Стеньки Разина и Пугачева, известія о которыхъ
разсѣяны по всей книгѣ.

Недурна статья, посвященная описанію Царицынск. уѣз. (1100—1260),
которою не мѣшало бы воспользоваться составителямъ учебниковъ по
географіи.

Даемъ содержаніе этой статьи, составленное нами при чтеніи ея:
Географическое положеніе. Оро-и гидрографія. Почва. Климатъ. Фауна
(флоры нѣть!). Старина въ краѣ. Палеонтология. Исторический очеркъ.
Народы древности: скіоны, аорсы, булгары, буртасы, татары. Сарай и
Золотая орда. Древнія карты Царицынского края. Низовое Поволжье въ
XIV, XV, XVI, и XVII вѣкахъ. Лѣтопись Царицына съ 1589 (основаніе
Царицына) по 1892 г. Памятники старины въ уѣздѣ: городища
(1139—40), Курганы и находки (1140—1145). Населеніе по племе-
намъ. Земледѣліе. Топливо. Движеніе населенія. Народное здравіе и
врачебная помощь. Народная нравственность. Семейные раздѣлы. Грамот-
ность. Конокрадство (съ картой путей конокрадовъ). Школы и пр., и пр.
Уже изъ этого конспекта явствуетъ нѣкоторая разбросанность содержанія,
непослѣдовательность изложенія и повторяемость, но недостатки эти
искупаются новизною свѣдѣній.

Статья, посвященная описанію г. Царицына (1260—1343) не менѣе
интересна. Здѣсь находимъ мы очень много свѣдѣній о Пугачевѣ и Разинѣ,
отчасти—по новымъ архивнымъ данными. При всякомъ удобномъ случаѣ
обильно приводятся мѣстныя преданія, напр., въ статьяхъ *о царскихъ*
могильницахъ (сооруженія Золотоордынскій эпохи, стр. 1343—1346),
о р. Щелканѣ, съ описаніемъ находящихся по ней кургановъ
(1374—1378). Небезынтересно опредѣленіе слова *юртъ* = земельный
участокъ; терминъ этотъ употребляется въ грамотахъ XVII в. (юртъ
донскихъ казаковъ) при обозначеніи уроціщъ, сдаваемыхъ въ оброчное
содержаніе.

Прибавлю въ заключеніе, что я прочиталъ весь 4-й выпускъ сло-
варя съ глубокимъ интересомъ. Неизбѣжная въ подобномъ трудѣ оче-
чатки, нѣкоторая (по мѣстамъ) неотдѣланность изложенія, невыдержані-
ность въ географич. названіяхъ (напр. *Иловла* и *Иловля*), частое
повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ (напр., касающихся Разина и
Пугачева) не умаляютъ значенія этого труда: всего этого трудно избѣ-
жать въ словарѣ, обнимающемъ тысячи имёнъ и названій. Равнымъ
образомъ извинительна и неполнота алфавитнаго указателя, (напр. про-
пускъ имени Пугачева), которая легко исправима въ концѣ всего труда.

Не могу не сказать въ концѣ концовъ: побольше бы такихъ трудовъ, и наконецъ-то мы, стремящіеся изучать отдаленные страны, узнали бы какъ слѣдуетъ свое отчество!

C. K. Кузнецова.

А. Е. Крымскій. Филология и Погодинская гипотеза. Даётъ ли филология малайшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхождении малоруссовъ. (Оттискъ изъ «Кiev. Старины»). К. 1904. 8°. XXXVI + 113.

Этотъ очень оригинальный и цѣнныи труда А. Е. Крымскаго представляетъ живую страницу въ изученіи исторіи малорусскаго языка со временемъ Погодина и по настоящее время. Самая статья А. Е. писалась и печаталась въ «К. Стар.» отдельными очерками съ перерывами въ 1898—1899 гг. Теперь она выходитъ съ предисловіемъ, многочисленными поправками и дополненіями. Авторъ не отдалъ этого труда въ корректное стройное изслѣдованіе, но зато онъ съ весьма симпатичной стороны показалъ всю свою филологическую лабораторію, въ которой онъ живо интересовался близкимъ ему предметомъ, усердно работалъ надъ его изученіемъ и изслѣдованиемъ, неготовъ на неизучные пріемы нѣкоторыхъ соратниковъ своего дѣла, искалъ имъ достойные отвѣты, удовлетворялся, когда его идеи брали и у нихъ перевѣсь и даже совсѣмъ съ ними примирялся, когда находилъ у нихъ полное научное удовлетвореніе. Напрасно г. Буличъ упрекнулъ А. Е. за такую подвижность духа ученаго изслѣдователя, искренно любящаго свой предметъ и добросовѣстно имъ занимающагося. Г. Буличъ усмотрѣлъ въ изслѣдованіяхъ А. Е. полемику; это показалось даже невѣроятнымъ самому А. Е., и онъ, покопавшись въ своей памяти, нашелъ, что, вѣроятно, его «стиль» былъ нѣсколько непригоденъ для критического изслѣдованія, въ чёмъ и извиняется передъ тѣми, кому это было непріятно. Дальше этого упрекъ въ полемичности итти не можетъ. Все изслѣдованіе «о гипотезѣ» процикнуто искреннимъ исканіемъ научной правды, желаніемъ торжества неподкупной логики и научной безпристрастности, отвращеніемъ ко всяkimъ тенденціозно-подтасованнымъ фактамъ. Кто хочетъ въ этомъ убѣдиться прежде, чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ собственныхъ экскурсовъ г. Крымскаго, пусть заглянетъ на стр. 107, почти послѣднюю, гдѣ онъ радуется, что академикъ Шахматовъ далъ серіозное обоснованіе идей, за которыхъ ратовалъ нашъ авторъ, и что г. Соболевскій отказался отъ своей гипотезы, противъ которой и былъ поднятъ походъ въ разбираемой книжѣ.

Гипотеза эта давно известна. Погодинъ, а за нимъ и Соболевскій утверждали, что древнѣйшіе киевскіе рукописные памятники даютъ основаніе признать великорусскій языкъ (будто бы тожественный съ церковно-славянскимъ) и великорусское населеніе въ древнемъ Кіевѣ до XIII вѣка (по Соболевскому до XV). Послѣ разоренія киевской земли татарами и бѣгства киевскаго коренного населенія на сѣверъ, въ Кіевъ пришли переселенцы изъ Галиціи и (по Соболевскому) изъ Волыни. Такъ образовалось малорусское поселеніе въ Россіи. Максимовичъ, Котля-

ревскій, Погодинъ, Владимирскій-Будановъ, Грушевскій, Леонтовичъ и др. опровергали эту теорію. Тѣмъ не менѣе Соболевскій какъ въ одной статьѣ противъ Антоновича, такъ и въ своихъ «лекціяхъ» держался своей гипотезы, подкрѣпляя ее своими филологическими соображеніями. Его же сторонникомъ явился сначала и А. Шахматовъ. Изъ соображеній Соболевскаго наиболѣе вѣскими, казалось бы, должны были быть тѣ, которая основывались на мнимыхъ галицко-волынскихъ памятникахъ. Однако, г. Крымскій ярко обнаружилъ какъ эту мнимость, такъ и то, что въ древнемъ Киевѣ не было ничего не малорусского. Точнѣе сказать его точка зреянія токова: древне-кіевскій языкъ былъ языкомъ древнерусскаго типа; онъ былъ прямымъ предкомъ современного малорусскаго языка. Этотъ послѣдній отъ своего древне-русскаго типа отступилъ менѣше, чѣмъ великорусскій въ области морфологии, и, наоборотъ, въ фактахъ фанетики великорусское нарѣчіе оказалось болѣе консервативнымъ. Въ памятникахъ, дѣйствительно кіевскихъ (*«Изборники Святослава»*), довольно ясно отразились древне-малоруссіи основы рѣчи; другіе памятники, называемые Соболевскимъ кіевскими, всѣ не кіевскаго происхожденія, оттого и языки ихъ другого типа. Этотъ послѣдній вопросъ г. Крымскій, и посідѣ отказа Соболевскаго и Шахматова отъ галицко-волынской гипотезы считаетъ еще очереднымъ; къ нему онъ еще думаетъ вернуться.

Для этнографіи вопросъ объ этническихъ передвиженіяхъ обѣ исключительныхъ чертахъ языка, какъ фактора культуры, о смѣшанії съ новыми элементами или распаденіи на отдѣльные составные имѣть не маловажное значение, и потому нельзя не привѣтствовать на отраницахъ *«Эти. Обозрѣнія»* разсмотрѣнной вдѣсь работы А. Е. Крымскаго, такъ отзывчиво отнесшагося къ заблужденіямъ ученыхъ собратьевъ, и такъ мирно перешедшаго «къ очереднымъ вопросамъ».

Вл. Б.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

Вестник Воспитания 1904 г. Мартъ. **Ковалевский, Макс. проф.** Этнография и социология.—Отзывы на книги: **В. Фромъ**, Япония и Корея; **П. Ю. Шмидтъ**, Страна утреннего спокойствия; **Н. М. Федорова**, Дальний Восток.—**Май. Х-овъ, В. П.**: О психології французского народа.—**Октябрь.** Отзывъ о книжкѣ **Красильникова**, Малороссія и малороссы.

Вестник Европы 1904 г. Январь—февраль. **Кноррингъ Ф. И.** Изъ Америки въ Японію. I. На Сандаичевъ о-ва. II. День въ Гонолулу. III. Въ Японіи. Нагасаки. IV. Іокогама. Токіо. Коби. Японское Средиземное море. V. Опять Нагасаки.—Январь. **Его. Л.** Отзывъ о кн. **Г. Т. Хохлова**, "Путешествие уральских казаковъ въ Бѣловодское царство". Съ пред. В. Г. Короленко. СПБ. 1903. (См. "Этногр. Обозр.", 1904, № 1, стр. 141).—Февраль. **Его. Л.** Отзывы о кн. **Е. Ф. Карская**, "Бѣлоруссы"—и о "Сборнику российскихъ пословицъ и поговорокъ" **И. И. Илюстрова**. Кіевъ. 1904.—Мартъ. **А. П.** Отзывъ о кн. **А. С. Протасова**, "Религиозные отщепенцы" (очерки современ. сектантства), две вып. СПБ. 1904.—Апрель—Іюнь. **W.** Изъ жизни на Дальнемъ Востокѣ 1900—1903 г. (Южно-Уссурійскій край. Печимскія провинція. Японія и Южная Манчжурия).—**Май. Его. Л.** Отзывы о кн. **Акибьевъ**, "На далекій Свергъ", **К. Носилова**, "У ногуловъ" и **В. Львова**, "Русская Лапландія и русские лопари".—Іюнь. **Головачевъ П.** На Балеарскихъ о-вахъ. Путевые заметки. **Надикъ П.** Квантунгъ и его прошлое.—**Его. Л.** Отзывъ о кн. **Л. Личкова**, "Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа".—Іюль. **Платиорскій Г.** Эмиграция крымскихъ татаръ.—Іюль—августъ. **Русофъ, М.** По Галичинѣ. Записки туриста.—Августъ. **Горный, Н. А.** Изъ жизни на уральскихъ заводахъ.—Сентябрь. **Александровъ, В.** Аргунъ и Приаргунье. Путев. замѣтки и очерки.—Октябрь. **Его. Л.** Отзывъ о кн. **Маркова, Ев.**, "Очерки Кавказа".—Ноябрь. **Районпортъ, С. И.** Въврьющій Лондонъ. Изъ нравовъ Лондона и его обитателей.—**Его. Л.** Отзывъ о книгахъ: **Григорьевъ А. Д.**, "Архангельскія былины и историч. пѣсни", т. I, и **Ончуковъ**, "Печорскія былины".—Ноябрь—декабрь. **Ляцкій, Его.** Повадка на Печору. Изъ путев. замѣтокъ.—Декабрь. **Его. Л.** Отзывъ о кн. **"Великорусскія пѣсни, записанныя Е. Личевой"**.

Восточное Обозрение, 1904 г. 226. Сообщеніе о такъ называемой "войнишке", дракѣ между жителями двухъ подгородныхъ слободъ. "Войнишка"—отголосокъ старыхъ кулачныхъ боевъ. Корреспонденція изъ села Верхне-Усинского сообщаетъ свѣдѣнія о мараловодствѣ въ усинскомъ и урянхайскомъ краю; объ охотничихъ артеляхъ и о торговыхъ сношеніяхъ русскихъ съ сибирятами.—236. Въ корреспонденціи изъ Олекминска разсказывается о широко распространенной здѣсь купѣць-продажѣ дѣтей. Купля-продажа дѣтей практикуется русскими, инородцами и даже духовенствомъ. Цѣна очень низка: отъ 10 до 30 р. за ребенка. Воинственные правления санкционируютъ официальными документами подобныя сделки. Корреспондентъ приводить образчикъ "договора", заключенного при покупкѣ ребенка.—242. Въ "Сибирскихъ очеркахъ" приводится разсказъ одной забайкальской старообрядки, которая "обмирала" и видѣла въ это время Христа. Напрѣв она видѣла блаженныхъ праведниковъ, а нальво. въ адѣ кромѣшномъ, своихъ одногельчанъ. Христосъ объяснилъ "обмерпіей":—Это они за то горятъ, что измѣнили отеческий преданіемъ, школу у себя привили.—260. Въ корресп-

понденцік изъ села Червансаго, Енисея губ., сообщается, какъ крестьяне боролись съ эпизоотіей посредствомъ "деревянного огня". Въ той же корреспонденції сообщается, о врачебной дѣятельности тулгуса-шамана Омая, стольниаго старика.—287. Въ корреспонденціи изъ Урги сообщается о пріездѣ и образѣ жизни Далай-ламы, о съвадѣ его поклонниковъ.—289. Корреспонденція съ понизьевъ Колымы содержитъ мелкія бытовыя подробности изъ жизни чукчей.—293. Въ корреспонденціи изъ села Кедарскаго (Лена) сообщается о дѣятельности местныхъ зажарей и лекарокъ.

Журналъ для вѣтъ 1904 г. Мартъ. Симскій. Японія прежде и теперь.—Апрель. Его же: Корея.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1904. Мартъ. Н. А. Насыкинъ. Корейцы Пріамурскаго края.—Движеніе корейцевъ въ Южно-Уссурійскій край началось еще въ 1863 году, и въ настоящее время число корейскихъ селений возросло до 32. Въ статьѣ подробнѣо рассматриваются: сельское хозяйство и промыслы (хлѣбопашество, скотоводство, птицеводство, пчеловодство, ремесла, судоходство, солевареніе), положеніе, образованіе, домашнее хозяйство. Приводятся некоторые сведения о корейскомъ языке и счетѣ (вѣсъ, извѣрхъ). Даѣтъ сообщаются данные о характерѣ корейцевъ и обѣ ихъ обрядахъ — религіозныхъ (шаманство, свадьба, похороны и поминки, праздники).—*А. Л. Погодинъ.* Очертъ развитія латышской этнографіи за послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Авторъ преимущественно останавливается на изданіи латышскихъ народныхъ пѣсень, предпринятомъ г. Барономъ на средства Г. А. Виссендорфа и сборникахъ научныхъ комиссій при Рижскомъ и Митавскомъ латышскихъ обществахъ. Обычная латышская пѣсня состоять изъ 4 строкъ, изъ которыхъ первыя двѣ заключаютъ поэтическую картину изъ жизни природы, а вторыя — соответствующій ей образъ изъ жизни сердца. Этотъ приемъ, встрѣчающійся у всѣхъ народовъ, у латышей приводить къ созданію постоянныхъ символовъ: извѣстная картина природы соответствуетъ определенному настроению. Въ виду этого латышскія пѣсни оказываются чрезвычайно важными для изученія психологіи народнаго творчества, для установленія ассоціацій, которыми руководилась поэзія при созданіи символовъ. Для этого имѣющіеся сборники даютъ достаточно материала; другіе виды народныхъ произведеній, съ исключеніемъ отчасти скандинавъ, очень мало представлены сборниками.—*М. Грушевскій.* Львовское ученое общество имени Шевченко и его вклады въ изученіе Южной Руси.

"Товариство імені Шевченка" основано въ 1873 г., но до 1892 г. дѣятельность его была мало энергична; въ этомъ году оно было преобразовано въ научное („Наукове") общество по типу з.-е. академій наукъ и съ этого года начинается расширение его дѣятельности. Этнографія малорусской посвящены слѣдующія изданія: "Записки Наукового товариства імені Шевченка" (56 томовъ) — только отчасти, "Етнографічный збірникъ" (15 томовъ текстовъ) и "Матеріали до українсько-руської етнології" (6 томовъ работъ по описательной этнографіи, а также по археологии или палеоэтнологіи).—*Апрель. В. И. Ламскій.* Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-этическое произведеніе и какъ исторический источникъ. XXVI—XXVIII.—*И. И. Лапінъ.* Витебскій центральный архивъ и его издание. Авторъ въ рецензії своей имѣеть въ виду всѣ выпуски (числомъ 31) изданія подъ заглавіемъ "Историко-юридические материалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебске". Несмотря на не совсѣмъ исправное введеніе изданія, оно имѣеть важное значеніе для историка и этнографа. Для послѣднаго интересны: 1) документы, рисующіе юридическое и экономическое положеніе сословій и группъ населения, 2) документы, рисующіе умственную культуру (николы, типографіи, книги, сувѣтія и т. д.), 3) документы, касающіеся религіозной жизни, 4) акты, касающіеся семейной жизни и нравственности и др.

Правительственный Вѣстникъ. 1904. 223. Л., Е. Изъ исторіи колоніального вопроса въ Россіи при Петре Великомъ. Это — попытки завоеванія остр. Мадагаскаръ 1723 г. Мадагаскаръ въ то время былъ мало известенъ не только рус-

скимъ, но и въ Зап. Европѣ. Открытый 2 февр. 1506 г. португальцемъ Фернандо Сааресомъ, онъ сталъ приманкой для англичанъ, французовъ, голландцевъ, а потомъ и шведовъ. Имъ принадлежать и первыя описанія острова и его населенія.—**228.** Николай Иванович Надеждинъ. По поводу стоятія со дня рождения (фельетонъ). Н. читалъ въ университѣтѣ археологію; ему принадлежать изслѣдованія географического, статистического и этнографического характера: „Новороссійскія степи“, „Северо-западный край Имперіи въ прежнемъ и настоящемъ видѣ“, „Племя русское въ общемъ семействѣ славянъ“, „Изслѣдованіе о городахъ русскихъ“, „Объемъ и порядокъ обозрѣнія народного богатства“. Но гораздо сильнѣе дѣятельность Н. И. по части этнографіи развилась въ русскомъ географическомъ обществѣ, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей, а съ 1848 года предсѣдателемъ отдѣленія этнографіи. Въ первомъ же годичномъ собраниі онъ прочелъ речь „Объ этнографическомъ изученіи народности русской“, выскававъ широкіе взгляды на этнографію. Онъ же взялъ на себя составленіе программы для собранія этнографическихъ свѣдѣній, разсыпка которой принесла большия результаты. Онъ редактировалъ „Географическая Изѣвѣстія“, „Этнографический Сборникъ“ и съмнѣвшія его „Записки по отдѣленію Этнографіи“. Умеръ Н. И. 11 января 1856 г. Заслуги Надеждина въ области науки и литературы еще не нашли справедливой и полной оценки.—**250.** Столѣтіе Императорскаго Казанскаго университета (фельетонъ).—**292—293.** О сочиненіяхъ царя Ивана Грознаго. (Соч-ія И. Н. Жданова. Томъ I. Спб. 1904 г.). Почитатели покойнаго профессора рѣшили издать его статьи и изслѣдованія. Въ 1-й томѣ, между прочимъ, вошла нигдѣ еще непоявлявшаяся статья: „Сочиненія Царя Ивана Васильевича“. Проф. Ждановъ „предполагаетъ большую или меньшую долю авторскаго участія“ царя въ такихъ трудахъ, какъ лѣтопись (офиціальная), житіе св. Антонія Сійскаго (составленное царевичемъ Иваномъ въ 1579 г.), письма четырехъ бояръ къ королю Сигизмунду и др. У автора даны также понынѣ свѣдѣнія о библіотекѣ царя.

Русская Мысль. 1904. Январь. Отзывъ о кн. В. Львова, Русская Лапландія и русские лопари.—**Февраль—Сентябрь.** Корсаковъ, В. В., По берегамъ Кореи.—**Май.** Отзывъ о кн. А. В. Маркова, Бытовые черты русскихъ былинъ.—**Май—Июль.** Черескова, А. А., Изъ японской жизни (японскій годовой циклъ).—**Июнь.** Отзывъ о кн. В. В. Корсакова, Въ старомъ Пекинѣ.—**Июнь—Ноябрь.** Сѣльчукъ, А., Сахалинъ, какъ колонія.—**Июнь—Августъ.** М. А. П., Персія и персидский вопросъ (*Whigham, The Persian problem...*).—**Августъ.** Танъ, Духоборы въ Канадѣ.—**Отзывы о кн. Вейлерзе, Японія въ наши дни, и Гарина, По Кореѣ, Манчуріи и Людунскому полуострову.—Октябрь.** Розенбергъ, И., др-з. Раса пролетаріевъ. (Экономич. и соціальное положеніе негровъ въ Соединенн. Штатахъ Америки).—**Я.** Современное экономич. положеніе башкиръ (по официальн. даннымъ).—Отзывы на: кн. Д. Дорошенко, Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. Спб. 1904; Бессарарабія, И. В., Материалы для этнографіи Сѣвлецкой губ.; статью г. Бродского, Слѣды профессиональныхъ сказочниковъ въ русск. сказкахъ (во 2-й кн. 1904 г. „Этнографического Обозрѣнія“); Березина, П., ЧАО-санъ. Страна утра. Корея и Корейцы. Спб. 1904; Саратъ-Чамора-Дасъ, Путешествіе въ Тибетъ.—**Ноябрь.** Богаевский, П. М., Независимое государство Конго. Корсаковъ, В. В., Лѣто въ Пекинѣ.—**Декабрь.** Берлинъ, Экономическое положеніе нашихъ инородцевъ. Отзывъ о кн. К. Д. Носилова, На Новой Землѣ. Очерки и наброски. Спб. 1903.

Русская Вѣдомости. 1904. 248. Библиографическая замѣтка: Данъ отзывъ на книгу: „Кустарные промыслы. Статистич. сборникъ Ярослав. губерніи“. Мелкие промыслы падаютъ вслѣдствіе „капитализациіи экономическихъ отношеній“. Въ работе разсмотрѣно около 40 видовъ кустарныхъ промысловъ.—**266 и 286.** Сосенковъ, И. На Новой Землѣ. Изъ путевыхъ впечатлій сельского учителя. Бытовая сторона прославлена авторомъ очень мало: самовѣды жалуются, что живется имъ худо—и только.

268. Г-ко, Н. Старинные города Японіи: Нара, Кіото, Нікко. Автору пришлоось посвѣтить Японію въ мартѣ и апрѣль 1901 г. Въ апрѣль мѣсяцѣ, передъ

началомъ сельскохозяйственныхъ работъ, у японцевъ принято совершать паломничество къ наиболѣе чтимымъ святынямъ—въ Нару, Кіото и Никко. Въ это время открываются некоторые храмы и комнаты старыхъ императорскихъ дворцовъ, куда въ теченіе остальныхъ 11-ти мѣсяцевъ никто не допускается.

Какъ известно, главною религіей въ Японіи является шінто или шінтоизмъ, но рядомъ съ ней исповѣдуются также буддизмъ и ученіе Конфуція. Всѣ эти религіи, съмываясь между собой, съ теченіемъ времени утрачиваютъ свою первоначальную чистоту, но свойственный шінтоизму культъ предковъ прочно укоренился въ Японіи и играетъ важную роль въ религіозной и общественной жизни японцевъ. Шінтоистская религія принимаетъ въ сонмъ боговъ выдающихся героевъ и дѣятелей, увеличившихъ славу Японіи. На почвѣ такихъ вѣрованій воспиталась фанатическая любовь къ родинѣ, беззавѣтная храбрость и удача, праэрѣніе къ смерти...

Въ Нагасаки находится шінтоистскій Осува-храмъ. Въ Хіого (близъ Кобе) находится замѣчательная бронзовая статуя Будды, вышиной въ 5—6 сажень, поставленная на каменномъ пьедесталѣ въ ростъ человѣка. Будда, по-японски Дайбуцу, изображенъ въ своей обычной позѣ—сидящимъ и сложившимъ руки на колѣньяхъ. Еѣки опущены, на губахъ полу-улыбка, относящаяся къ чему-то невидимому, что созерцаетъ великий Дайбуцу. Статуя производить впечатлѣніе силы и неземного величія, даетъ настроение, хотя вокругъ, во дворѣ и боковыхъ дворикахъ храма царитъ вполнѣ мирской суета: цѣлая ярмарка лавочекъ и бала-гановъ, въ которыхъ даются представленія, и всюду толпа зрителей и слушателей. Въ храмъ доступъ всѣмъ свободенъ, при соблюдѣніи единственнаго условія—сниманія обуви у входа. Въ шінтоистскихъ храмахъ внутри нѣтъ идоловъ. Къ нимъ ведутъ обыкновенно ворота, состоящіе изъ двухъ массивныхъ столбовъ съ двумя перекладинами наверху, въ родѣ буквъ П. Къ Сува-храму у горы Сува-ана ведутъ нѣсколько десятковъ такихъ воротъ, отстоящихъ шаговъ на 5—10 одинъ отъ другихъ и окрашенныхъ въ арко-красный пѣвѣть.

Нара—небольшой городокъ въ 2-хъ часахъ по желѣзной дорогѣ отъ Кобе. Нѣкогда бывшая резиденціей японскихъ мікадо, Нара славится въ настоящее время своими живописными изѣстоположеніями, своими храмами и въ особенностіи паркомъ священныхъ оленей при храмѣ Касуга.

Японіе пилигримы очень напоминали нашихъ боломольцевъ—не вѣнчаниемъ обликомъ, не одеждой. Все это совсѣмъ другое, особенно колоссальныхъ размѣровъ круглые шляпы, съ добрымъ зонтикомъ величиною. Сходство заключалось въ одинаковомъ наименовании любопытствъ, благоговѣйномъ почтеніи ко вся кому предмету не только внутри, но и въ храмѣ, въ неистощимомъ терпѣніи выслушивать рассказы лицъ, принадлежащихъ къ храму, въ томъ, наконецъ, что мужчины и женщины ходятъ на боломоле отдѣльными группами. По словамъ переводчика Куруми-саны, японцы, особенно женщины, очень любятъходить молиться по святымъ мѣстамъ.

Краса и гордость Нары—чудный Касуга-паркъ. Первое, что поражаетъ посетителя, помимо красоты парка,—совершенно ручные олени и ланы, выбѣгающіе изъ чащи на аллеи и нѣжно ласкающіеся къ прохожимъ.

Оказывается, что уже много столѣтій олени пользуются въ паркѣ Касуга неприкосновенностью. Не такъ давно еще убийство священного оленя и даже ударъ палкой въ предѣлахъ парка Касуга наказывались смертью... Чѣмъ ближе къ храму, тѣмъ шире аллеи и тѣмъ больше оленей. Почтенный проводникъ Куруми-санъ объяснилъ причину: близъ храма, въ лавочкахъ, продаются лепешки изъ освяленной муки, которая во множествѣ раскупаются паломниками и тутъ же отдаются оленямъ. Кроме оленей, живущихъ на свободѣ, при храмѣ содержатся въ стойлахъ нѣсколько оленей и бѣлая священная лошадь. Покорили и священную лошадь... Въ помѣщеніи, похожемъ на открытую сцену нашихъ загородныхъ садовъ, недалекъ отъ храма, сидѣло нѣсколько дѣвушекъ, одѣтыхъ въ длинныя бѣлыя одежды съ оригинальной бѣлою повязкой за голову. Сидѣли они молча, неподвижно, какъ статуи: ни обычной шаловливой улыбки, ни ласково-лукавыхъ взоровъ японской „мусме“.

— Это въ родѣ монахинь,—сообщилъ Куруми-санъ и прибавилъ:—Бросьте имъ 10 сень (коп.) и увидите, что будетъ. Когда бросили на полъ возвѣ дѣвушку указанную монету, тотчасъ же безмолвно поднялась одна изъ нихъ и начала плавно кружиться по сценѣ. Покружившись двѣ—три минуты, девушка такъ же молча опустилась на прежнее мѣсто. Новая 10 сень, и то же самое продѣлала съ той же серьезностью другая. Это—священный танецъ, называемый кобура. „Этимъ онѣ живутъ“,—сказалъ Куруми-санъ. Громадный шинтоистскій храмъ Касуга-дзинъ построенъ въ 682 г. по Р. Хр. у подножія горы Микаса-яма. Очень интересенъ его своеобразный орнаментъ изъ раскрашенного дерева на потолкахъ, стѣнахъ и столбахъ. По обѣ стороны воротъ въ нишахъ стоять безобразныи страшилища, грубые изображенія духовъ—„стражей храма“. Одинъ изъ нихъ окрашенъ въ тускло-зеленый, другой—въ красный цветъ. Своебразное почтение оказываютъ имъ паломники: обѣ статуи сверху донизу обѣщены маленькими комочками жеванной бумаги. Молящійся пишетъ на бумагѣ свою просьбу, затѣмъ кладетъ бумагу и старается плюнуть въ идола, чтобы комочекъ попалъ въ ту часть тѣла, о выздоровленіи которой молится. Если комочекъ прилипнетъ,—молѣба будуть услышана.

Интересная особенность Нары и ее парковъ—безчисленное множество каменныхъ фонарей. Японцы, въ томъ числѣ Куруми-санъ, уверены, что ни одинъ человѣкъ не могъ до сихъ поръ сосчитать всѣхъ фонарей въ паркахъ Нары. Практически служители храма въ опредѣленное время года собираются осторожно копоть (сажу) отъ горящихъ внутри фонарей-свѣтильниковъ,—изъ нея приготавливается превосходная тушь.

Въ одномъ изъ уголковъ парка Касуга на небольшомъ пьедесталѣ полулежитъ бронзовый олень, держащий во рту кусокъ бамбукового ствола, изъ которого течеть въ каменный водоемъ холодная, чистая вода. Осмотрѣть было еще храмъ Сантаг-таура, остающійся безъ ремонта уже 1150 лѣтъ. Въ храмѣ Нига-тзуда находится бронзовая статуя богини Кванонъ съ 11-ю лицами, „всегда теплая“, по словамъ Куруми-сана. Въ буддѣскомъ храмѣ Тодай-дзи находится громадная статуя Будды, работы знаменитаго въ древнія времена японскаго художника Риобена.

Кіото—старый столичный городъ Японіи, славящійся красотой мѣстоположенія, кипучею торговою и промышленною дѣятельностью (въ немъ лучшія шелковые, перламутровыи издѣлія, вышивки и работы изъ художественной вмали такъ-называемой клоазоне), древнѣйшими и богатѣйшими храмами, историческими памятниками, старинными дворцами, красотой женскаго населенія, лучшими во всей Японіи гейшами, могилой знаменитаго героя Японіи Хидеоси и многими другимъ. Кіото сравнивается съ нашою Москвой по его историческому значенію. Интереснѣе всего въ Кіото храмы, расположенные далеко за окраинахъ города, часто на склонахъ горъ.

Вотъ и Чіонинъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ японскихъ храмовъ. Слишкомъ много мѣста понадобилось бы даже для приблизительнаго описания красоты художественного орнамента и всѣхъ частей этого стариннаго храма. Путешественнику показали всѣ его достопримѣчательности, всѣ временно открытыхъ чудныхъ внутренніи комнаты, Сенджидеки (тысяча циновокъ) и проч., а во дворѣ, подъ особымъ навѣсомъ, громадный колоколъ, въ который ударяютъ привѣщеніемъ снаружи толстымъ бревномъ, вызывая глухой гулъ, а не звонъ. На небольшой площадкѣ подъ колоколомъ помѣстилось нѣсколько продавщицъ фруктовъ и сластей.

Далѣе былъ осмотрѣнъ шинтоистскій храмъ Ясака-дзинъ, храмъ Нічи-отани съ „Очкиовымъ мостомъ“, получившимъ свое название отъ двухъ круглыхъ, большихъ отверстій для пропуска воды, напоминающихъ очки. По обѣимъ сторонамъ моста прудъ заросъ священнымъ лотосомъ, который цвететъ только въ августѣ. Въ храмѣ Кіо-мидзу-деря, посвященномъ богинѣ Кванонѣ, какой-то жрецъ храма читалъ нараспѣвъ, въ родѣ нашихъ дѣячковъ, священную книгу, часто ее перелистывая и заглядывая временами, скоро ли конецъ. Передъ храмомъ бронзовый драконъ изрыгаль изъ пасти холодную, чистую воду. Здѣсь

удалось видеть еще один священный танец „Будь-дай“, исполненный двумя-какими-служительницами храма Кю-мидзу-дера. Интереснее всего кажется тура-стремь внутренность храма Санджю-санчено. Снаружи это—длинное деревянное здание, похожее на сарай. Внутри—та же бывность отдыши. Посредине оставляет проходъ, а по обѣ стороны его поднимается амантегатромъ юности, на ступеняхъ которого стоятъ твсно, плечемъ къ плечу, золоты статуи Будды, числомъ якобы 33,333. Раньше онѣ были сдѣланы будто бы изъ золота, но теперь, какъ говорится, лишь для красоты слова. Статуи—деревянные, разные, прекрасной работы, хорошо позолоченные. Этотъ сонмъ Буддъ производить своеобразное впечатлѣніе.

Храмъ Хого-кудзинда любопытна громадною, просто чудовищной величины, головой Будды. Предание гласитъ, что нѣкогда существовала вся фигура Будды, пропорционально размѣрамъ головы, но однимъ изъ землетрясений, столь частыхъ въ Японии, уничтожена и осталась одна голова.

Новой постройки храмъ Даймокдентъ менѣе интересенъ, чѣмъ старинный храмъ Куродани, весь полный историческими памятниками вражды между Куме-майо, выдающимися вождемъ партии Генджи („бывое знамя“), и Ицуумери, вождемъ партии Гейки („красное знамя“). Тутъ же и могилы обоихъ героевъ старой Японии. Въ этомъ храмѣ имѣются дѣй безподобной работы священные картины, вышиты золотомъ и шелками. Особенно хороша картина, изображающая смерть Будды. Разнообразны животны окруждаютъ, плача, ложе великаго учителя жизни. Прошли столѣтія, а краски и оттенки этой вышитой картины свѣжі, какъ новые.

Неподалеку кладбище съ тысячами довольно однообразныхъ памятниковъ. Въ большинствѣ—простыя каменные плиты; немногія статуи изображаютъ Будду. Здѣсь, въ Кюто, находится могила знаменитѣйшаго японскаго героя-кома Тосетоми Хидеоси, возвышившагося исключительно благодаря своимъ дарованіямъ изъ сана простого воина до сюгунна. Тутъ же по близости и холмъ, где зарыты нѣсколько десятковъ тысячъ ушѣй, которыхъ были отрываны войсками Хидеоси у побѣжденныхъ ими корейцевъ и китайцевъ и привезены какъ побѣдный трофеи въ Японію.

Интересны храмы: Синнодо, Гинканкудзин (серебряный павильонъ), Кинканкудзин (золотой павильонъ). Послѣдніе два окружены прелестными небольшими парками, устроенными въ чисто-японскомъ вкусѣ. Въ храмѣ Китано все посвящено памяти знаменитаго воина и святого, совершившаго всѣ свои подвиги на быкѣ, изображеніе быка можно увидѣть тутъ же, въ одномъ изъ двориковъ храма. Подъ храма Китано есть любопытная постройка, въ родѣ сарая на столбахъ, снизу открытая,—нѣчто напоминающее свайнія постройки. Снаружи и внутри стѣны зданія сплошь увѣшаны картинами въ рамахъ, пожертвованными бого-мольцами въ ознаменованіе своего спасенія отъ неминуемой гибели, чаще всего на морѣ и въ сраженіи. Картины эти, иныхъ весьма древній, изображающія самураевъ, даймюсовъ, разныя бытовыя сцены, очень интересны съ этнографической и художественной точки зренія.

Но время бѣжитъ съ неумолимою быстротой. Надо спѣшить осмотрѣть императорскій музей, гдѣ собраны превосходныя коллекціи старого японскаго искусства и образцы художественной промышленности. Японцы сами сознаются, что эти старинныя изданія—недостижимый идеалъ для современныхъ художниковъ-мастеровъ, работающихъ по металлу, фарфору, дереву, перламутру. Шелковы вышивки и черепаховы изданія также ухудшились. Многіе состоятельные японцы поэтому являются ревностными собирателями памятниковъ японской старины. Умершій годъ тому назадъ величайшій трагикъ Японіи Данджура былъ, говорятъ, большиимъ знатокомъ-коллекціонеромъ и обладалъ коллекціей драгоценныхъ костюмовъ, не уступающихъ по роскоши хранимымъ въ императорскомъ музѣ. Противъ музея въ особомъ зданіи открыта „Бизи-цукаинъ“, художественно-торгово-промышленная выставка. Эта выставка—тотъ же музей, только современныхъ японскихъ изданій. Въ одинъ изъ вечеровъ удалось повидать и знаменитыхъ гейшъ Кюто. Хотя артистки были, очевидно, выше по искусству

нагасакскихъ гейшъ, но ихъ представлениіе, утратившее прелестъ новизны, показалось совсѣмъ скучнымъ. Въ памятникѣ „Ловля рыбы мужчинами и приготовленіе соли изъ морской воды женщинами“ можно отыскать развѣ оригиналность музыкальныхъ мотивовъ, напѣвовъ, изображавшихъ кипѣніе воды въ котлахъ, подбрасываніе сучьевъ въ огни и т. д.

„Кто не видѣлъ Никко, тотъ не знаетъ, что такое красота“. Эту японскую поговорку всѣ слышатъ десятки разъ въ Нагасакахъ, Кобе, Осакѣ, Токио, Нарѣ, Ницо... Ноѣхать въ Никко значило забираться въ глубь страны, языкъ которой совершенно недоступенъ, а сельское населеніе не говорить иначе, какъ по-японски.

За три дня пребыванія въ Никко авторъ едва успѣлъ осмотрѣть достопримѣчательности его: Джинкіо—красный мостъ, по которому имѣть правоходить только японскій императоръ, многочисленные шинтокеткіе храмы Сандзинко, Нишибо-Томогу, Тонигу-инши-монъ, Ка-монъ-Іемитсу, Ка-монъ-Іесу, Уайджинъ-Іомейонъ, Санбутсу-до, Хонши-до и др., и нѣсколько буддійскихъ храмовъ, менѣе замѣчательныхъ, чѣмъ перечисленные выше. Подавляющее впечатлѣніе производятъ богатство фантазіи, вложенной въ украшенія, орнаментъ стѣнъ, потолковъ, колоннъ, карнизовъ, дверей, воротъ... Художественные богатства, заключающіеся въ храмахъ Никко и въ дворцовыхъ императорскихъ комнатахъ при храмахъ (японскій микадо, какъ известно, не только глава государства, но и высшее духовное лицо въ Японіи), трудно описать въ бѣгломъ очеркѣ.

Гористая местность вокругъ Никко очаровательна. Въ 1½ верстахъ отъ Никко есть любопытный уголокъ. На расчищенной площадкѣ надъ горюю рѣчкой расположены полуокругомъ около 50-ти фигуръ, высеченныхъ изъ камня-песчаника: Будда и его ученики сидятъ въ рядъ. Надъ этими статуями прошли евка, они побурѣли, покрылись пылью и мхомъ, и самый беззаботный туристъ, забравшійся въ этотъ уголокъ, наѣвшись задумается подъ шумъ горного ручья и шелестъ листьевъ передъ этими чуть улыбающимися лицами учениковъ великаго Дайбутсу.—276. Сирошевскій, Вацлавъ. Ключъ Дальн资料的 Vостока. Кладбища и похоронные обряды. (См. здѣсь „Смѣсь“).—282. Кауфманъ, А. Въ царствѣ пшеницы. Авторъ дѣлаетъ бытовые наброски экономического положенія Новоузенского уѣзда.—299. Сирошевскій, Вацлавъ. Ключъ Дальн资料的 Vостока. Описаны корейскій бракъ и обряды при рождении. Въ сущности, вѣнчаніе сводится къ обычну подарками. Послѣ свадѣи молодая заплетаетъ свои волосы не въ одну, а въ двѣ косы. Новорожденному постепенно дается до шести личныхъ постоянно менѣющихся именъ: 1) „А-мі-онъ“—первое имя, лѣтское ласкательное, въ родѣ: жемчужина, красотка, добротка, тигръ, поросенокъ, лягушка, королевский глазъ, наконецъ... драконъ съ опредѣленіями: добрый, тихій, золотой. 2) Піоль-міонъ—прозвище, даваемое въ старшемъ возрастѣ сообразно характеру ребенка, его наружности или вызванное какимъ-либо приключеніемъ датти, напримѣръ, кромѣ зовутъ коротконогого, бойкаго—орломъ и т. д. 3) Коанъ-міонъ—собственное, родовое имя, которое мальчикъ получаетъ въ день совершеннолѣтія, т. е. въ дни свадѣи. Подъ этимъ именемъ мальчика заносятъ въ списки населенія. Главною составною частью коанъ-міонъ есть звукъ „ханъ-юль-циа“, родовой знакъ. Каждое родовое имя должно заключать его, такъ какъ онъ указываетъ на принадлежность къ определенному роду. Глава рода залаго-времяно составляетъ списки такихъ родовыхъ именъ. Присвоенію коанъ-міонъ сопутствуютъ игры и обряды съ участіемъ родственниковъ и друзей. 4) Ца-хо—имя интимное, семейное, употребляемое только близкими, старшими возрастомъ друзьями и родственниками въ обращеніи къ младшимъ. 5) Піоль-хо—имя отличительное почтителное, какимъ называются младшіе старшихъ, если имъ нельзя употреби,ть родового или интимного прозвища. И такъ они зовутъ старшаго брата или дядю „отпомъ такого-то“, если у него есть сыновья, или тому подобнымъ оборотомъ. Піоль-хо бездѣтныхъ опредѣляется семейнымъ совѣтомъ. 6) Чинъ-хо—похвальное имя, даваемое послѣ смерти за общественные заслуги. Дѣвочки и мальчики до 8-ми, самое большое—10 лѣтъ воспитываются вмѣстѣ

и часто на го бѣгаютъ толпами по улицамъ; съ того возраста ихъ раздѣляютъ и вачинаютъ обращаться съ ними различно.—308, 315. *M.*, С. Столѣтіе казанскаго университета.—316. *Спринескій, В.* Ключъ Дальн资料о Востока. Дано описаніе прически и платья у корейцевъ. Долгое время головной уборъ былъ однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ различныхъ классовъ корейского общества. До реформы 1894 г. волосыны шапки, въ родѣ цилиндра съ прямymi полями (кать), считались привилегіей дворянства. Въ настоящее время онѣ въ общемъ употребленіи. Но еще въ 1895 году сеульскіе мысники подавали прошеніе о распространеніи и на нихъ права носить волосыну головную повязку (манъ-гонь) шапки-цилинды (куаны или кать) 1). Ограничениіе касалось и другихъ частей костюма. Только привилегированные классы могли носить широкіе рукава, а также верхній халатъ съ разрѣзомъ. Только привилегированіемъ разрѣшалось одѣваться въ цветной, узорчатый шелкъ и носить черные суконные сапоги съ острыми носками. Студенты и учителя, вообще педагогический и учный міръ, носили волосыны, рогатые береты, которые въ сей-часъ часто попадаются на улицахъ Сеула. Теперь многие изъ этихъ господъ, можетъ-быть, едва читать умѣютъ. Они надѣваютъ береты и очки только для виду, для большей важности, чтобы о нихъ хорошо думали другие. Очки—большія, круглые, въ толстой черепаховой оправѣ—въ большой модѣ.

Въ настоящее время покрой корейскаго платья (оси), какъ мужскаго, такъ и женскаго, одинаковъ во всей странѣ и для всѣхъ слоевъ населения. Оно состоится изъ шальваръ (ко-ын, ятніхъ—па-ди, зимнихъ—по-сокъ-ой), широкихъ и сборчатыхъ у бедеръ и суживающихся сильно къ ступинѣ. Женскія шальвары (не-сокъ-ой), немного у же мужскіхъ и плотно охватывающіе ногу пониже колѣнъ. Въ тальѣ шальвары стягиваются продѣтой въ поясокъ тесемкой. Мужчины даже ятномъ носятъ ватные набрюшники. Во время работы они обыкновенно сбрасываютъ все, исключая набрюшниковъ до короткихъ нижнихъ штановъ, напоминающихъ „поясъ стыдливости“. На плечи надѣваютъ корейцы небольшую кофточку съ рукавами (шиангъ-сокъ-ко), застегнутую, или, вѣрѣте, завязанную подъ подбородкомъ. Полы ея у мужчинъ не достигаютъ даже пояса. У женщинъ (ча-го-ри) эта кофточка до того коротка, что груди выступаютъ изъ-подъ пея. Рубашекъ корейцы не носятъ. Штаны и кофточку (ча-го-ри) они надѣваютъ прямо на голое тѣло. Верхнее платье, употребляемое корейцами при выходѣ на улицу или въ гости, представляетъ длинный ниже колѣнъ халатъ съ отложнымъ воротникомъ и широкими рукавами. Женщины надѣваютъ еще юбки (чхума), стянутыя въ тальѣ тесемками, но начинаящіе собственно подъ пахами. Крестьянки довольствуются юбками до колѣнъ, но женщины привилегированныхъ сословій предпочитаютъ длинныя до земли. Юбки эти очень неуклюжи, особенно благодаря твердости материаловъ, такъ какъ туземцы очень сильно ирахмалить свои ситцы и коленкоры, изъ которыхъ главнымъ образомъ они шьютъ свое платье. Простой народъ, даже средній классъ, почти-что не употребляютъ другихъ тканей. Только знать, придворные и сановники надѣваютъ поверхъ брюкъ и кофточекъ, замѣняющихъ бывше, верхніе халаты изъ шелка. Есть такие, которые носятъ все шелковое, но такихъ мало. Шелковая одежда всегда цветная: светло-желтая, розовая, красная, светло-зеленая, бронзовая, синяя или фиолетовая. Дѣти, девушки и молодыя женщины, даже изъ простонарода, носятъ кофты розовые, темно-желтые или оливковаго цвета; женщины старше тридцати лѣтъ въ правѣ одѣваться фиолетовые цвета, старухи одѣваются только бѣлое. При выходѣ на улицу женщины зажигаютъ классовъ, особенно

1) *The Korean Repository*, 1898 у., р. 127. „Манъ-гонь“, или головная повязка, представляеть вѣтъ въ родѣ ажурной ермолки съ отверстиемъ въ верхушкѣ для пучка волосъ мужской прически. Корейцы не снимаютъ „манъ-гонь“ даже въ комнатахъ. На улицѣ они поверхъ „манъ-гонь“ надѣваютъ шапку, которую подвязываютъ лентами подъ подбородкомъ. Бѣдняки, у которыхъ нетъ „манъ-гонь“, подвязываютъ голову платкомъ или надѣваютъ просто вѣнокъ изъ травы.

молодыя, набрасывают поверхъ головъ длинныя покрывала (чангъ-отъ), снабженныя рукавами, такъ что ихъ можно, въ случаѣ необходимости, надѣть какъ кастань, но служить они преимущественно для скрыванія лица и фигуры гуляющей, какъ восточная чадра. На ноги надѣваютъ мужчины прежде всего полотняные гамаша, затѣмъ ткачевые чулки (по-сень) и лапти или туфли, плетеная изъ бичевокъ (шечъ-хри, также меки-ри); иногда это—просто соломенная или изъ лыка подошвы въ родѣ японскихъ (цихъ-чими), прикрытая къ ступинѣ подвязками. Зажиточные туземцы носятъ китайскіе остроносые самоги (шуй-ахи) на толстой подошвѣ. Крестыники ходятъ или боенкомъ, или надѣваютъ короткіе чулки и туфли. Современное корейское платье создано по китайскимъ образцамъ со времена династіи Минъ (по-корейски Міовъ, 1368—1644 гг.). Какъ раньше одѣвались корейцы, неизвѣстно. Нѣкоторыя племена пользовались для одѣжды шкурами животныхъ, остатки чего сохранились на сѣверѣ и на нѣкоторыхъ островахъ; другіе одѣвались въ ярко-расшитый и украшенный серебромъ и бусами платья, повидимому, сходныя съ тунгусскимъ костюмомъ.

Корейцы спать въ штанахъ и кофтахъ, но снимаютъ верхнее платье, кото-
рого зимой надѣваютъ иногда по нѣсколько паръ одно на другое. Зимой ихъ холаты и питаны всѣ на ватѣ. Одѣяла (ни-бу-ри) въ общемъ употребленіи. Вмѣсто подушекъ подъ голову кладутъ туzemцы деревянные валики, подставки или бамбуковые плетушки. Подстилкой служить или тонкіе матрасы-циновки или просто толстая бумага. Туземцы совсѣмъ не знаютъ драгоцѣнныхъ, металлическихъ или какихъ-либо другихъ украшений,—результаѣ запрещенія, изданного 400 лѣтъ тому назадъ.

Былъ цвѣтъ платья заставлять часто стирать его. Для этого все платье корейцы распариваютъ и, свернувши, колотятъ вальками въ проточной водѣ, затѣмъ сушатъ, крѣпко вытянувши на доскахъ или рамахъ, и обильно красятъ. Самые жесткіе европейскіе ситцы не удовлетворяютъ корейскій вкусу; они считаются здесь недостаточно твердыми и блестящими, и ихъ подкрашиваются. При шитьѣ помогаютъ себѣ корейцы особымъ kleemъ, который соединяетъ края тканей не менѣе прочно, чѣмъ нитка. Въ венакѣ туземцы употребляютъ дождевые плащи изъ немятой соломы, общеизвѣстные на всемъ Дальнемъ Востокѣ. Зажиточные надѣваютъ идаши изъ промасленной, крѣпкой какъ клеенка, бумаги; она много лучше, пріятнѣе на ощупь и прочнѣе въ поисѣ всѣхъ извѣстныхъ непромокаемыхъ тканей. Эту бумагу выдѣлываютъ корейцы изъ лыка, шелковицы и бумажного дерева (бтиссонетія parurifera).—343. Аи-
чики, Д. Памяти В. И. Сивова (Извлеченіе изъ рѣчи, прочитанной въ засѣданіи моск.-археологич. о-ва 26 ноября).—344. Якушкинъ, В. Памяти А. И. Пыпина.

Русское Богатство 1904 г. Январь. Отзывы о кн. Хохлова, Г., „Путешествіе Уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское царство“, и Чересковой, А. А., „Очерки современной Японіи“.—Апрель. Отз. о кн. Вастюкова, „Край гордой красоты“. Кавказское побережье Чернаго моря.—Іюнь. Отз. о Сборникѣ российскихъ пословицъ и поговорокъ, Илюстрова, Г. И.—Іюль. Отз. о кн. Дюмолара, „Японія въ политич. и экономич. отношеніяхъ“.—Октябрь. А-леевъ, Н. П., Религія въ Японіи.

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1904. 313. Интересные факты изъ области цензуры русской народной писни. (См. здѣсь „Хронику“).—318. Наша печать: О сообщеніи Н. А. Крюкова, въ соединенномъ засѣданіи С.-Петербургскаго центральнаго комитета еврейскаго колонизаціоннаго о-ва „объ аргентинскіхъ колоніяхъ по личнымъ наблюденіямъ“. На каждомъ шагу г. Крюковъ убѣждается, какъ въ этихъ людяхъ, оторванныхъ отъ старой родины и нашедшихъ примѣненіе своему желанію трудиться въ чужой странѣ, не угасла любовь къ Россіи и интересы къ ея жизни не заглохли, дорогія о ней воспоминанія безъ злобы и непавлии, какъ прежніе мелкие торговцы, ремесленники, комиссионеры всецѣло поглощены хозяйственными заботами, пашутъ, жгутъ, работаютъ на землѣ.—320. Порошинъ, Ив., На Новомъ озерьѣ. (Изъ поездки въ Бѣлозерье). Авторъ даетъ бѣглый очеркъ съ указаниями на историч. старину и народный бытъ этого глухого уголка Новгор. губ.—291 и 323. Жилкинъ, И., Сектанты на Волѣ. Сообщены религиозныи міровоззрѣнія, приведены нѣкоторые „псалмы“.—328.

Вышинский, А. Н., Объ А. Н. Пыпинъ.—**Згв. З.** Издание для корейцевъ Уссурийского края. Авторъ полемизируетъ съ бывшимъ начальникомъ Сеульской миссии, поместившимъ статью: „Къ вопросу о переводахъ на иностранные языки“ въ № 41 „Извѣстій по Казанской епархіи“: г. З. стоитъ за знаніе местныхъ наречий въ дѣлѣ миссіонерства.—**391.** **Касманъ, Дмитрий**, Н. М. Мартыновъ. По поводу его кончины.—**347.** Близъ с. Андреевки, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ Гирманъ, разрывая на собственной землѣ курганъ, нашелъ въ немъ,—по словамъ „Прида. Ер“,—рѣдкія въ археологическомъ смыслѣ вещи: жабу, черепаху и кабана—всѣ изъ камня-песчаника, при чёмъ одинъ кабанъ до трехъ пудовъ вѣса. Крестьянинъ Гирманъ не придалъ никакого значенія такимъ находкамъ, и потому каменная жаба была разбита, черепаха пошла вместо стоянья подъ деревянный „млынъ“ (мельницу), а кабанъ былъ привезенъ въ село и поставленъ возлѣ хаты Гирмана, откуда его деревенскіе хлопцы вытаскивали на середину дороги и „смолили“ для собственной потѣхи. Обо всемъ этомъ случайно узналъ московскій студентъ Б. К. Жукъ, объѣзжавшій пороги Днѣпра, по указанію проф. Д. И. Эванцкаго, и сообщившій объ этомъ профессору въ Москву. Въ настоящее время каменный кабанъ, благодаря Я. П. Новицкому, вѣдущему въ с. Андреевку къ крестьянину Гирману, доставленъ въ Екатеринославъ и водворенъ въ областной музей имени А. Н. Поля.—**355.** За послѣднее время въ Осетіи все чаще и чаще повторяются возмутительные случаи женокрадства. Ни плачевые результаты подобныхъ кражъ, ни строгая административная кара за нихъ не въ силахъ не только пресечь, но сколько-нибудь ограничить, ослабить это великое зло въ жизни осетинъ. Жертвою такого хищничества за послѣднее время являются даже учительницы народныхъ школъ, какъ недавно былъ описанъ случай на страницахъ „Казбека“. Приходится лишь удивляться возможности существования этой вредной устарѣвшей формы брака у такого, сравнительно, просвещеннаго народа, какъ осетины. Останавливаясь на этомъ дикомъ обычая, „Казб.“ объясняетъ историческія и бытовыя условія, которыми поддерживаютъ его существованіе.

Вопросъ объ умычкѣ тѣсно связанъ съ другимъ наболѣвшимъ вопросомъ въ осетинской жизни, вопросомъ о калымѣ, и можно съ несомнѣнностью сказать, что не будь калыма, не было бы и умыканія. Въ силу калыма женщина въ Осетіи стала предметомъ купли и продажи почти въ буквальномъ смыслѣ слова и тѣмъ самымъ обезличена вѣкамъ до того, что теперь молодой человѣкъ, рѣшающійся похитить девицу, и не находить нужнымъ сообразоваться съ тѣмъ, расположена ли къ нему намѣченная жертва или нѣтъ. Такъ бываетъ почти во всѣхъ случаяхъ похищений. Слѣдствіемъ этого обыкновенно бываютъ весьма плачевые результаты, если не со стороны братьевъ и родственниковъ похищенной (коими священный долгъ приписывается преслѣдовать похитителя кровавой местью, идти на похитителей войною), то даже при лучшемъ исходѣ (когда отобраны у похитителя всѣ средства къ существованію на калымъ—нездадный, называемый при примирительной процедурѣ), герой часто и очень часто платится несчастіемъ въ семейной жизни, встрѣчанъ отъ своей поруганной жертвы совсѣмъ не тѣ чувства къ себѣ, какія ожидались...

Борьба съ обычаемъ при помощи административныхъ или церковныхъ мѣръ не помогала дѣлу. Калымъ же не только не пскоренился, но увеличивается до ужасающихъ размѣровъ. Такъ онъ въ настоящее время колеблется между 400—800 и болѣе рублями. До сихъ поръ молодые люди доставали эту сумму помощью отхожаго промысла, для чего массами отправлялись на заработки въ Сибирь, Баку и др. мѣста, теперь же, за послѣдніе годы, съ паденiemъ заработной платы, это средство оказывается несоставѣтствующимъ; но молодому человѣку надо какъ-нибудь да добыть нужный капиталъ. Вотъ отсюда и получается то страшное развитие конокрадства и разбоевъ всякаго рода, отъ которыхъ за послѣднее время не стало жить самимъ же осетинамъ... Уже сложился у многихъ лучшихъ отцовъ взглядъ на калымъ, какъ позорный „долгъ предъ дочерью“.

Воруютъ только джигиты. Между женатыми иѣтъ воровъ. Къ счастью, взглядъ на калымъ кое-гдѣ менѣется: недавно въ одномъ изъ передовыхъ селеній въ

Осетіи Н. Хр. огромная масса молодежи подала петицію бывшему преосвященному (при освященіи школы) о возобновлении мѣръ къ искорененію или ограничению калыма (до 100—200 руб.), затѣмъ, спустя мѣсяцъ, этою же молодежью съ массой другихъ сочувствующихъ было выработано слѣдующій небезъ-интересный проектъ: возбудить этотъ вопросъ при сельскомъ сходѣ, отобрать у всѣхъ домохозаевъ подписки—не брать и не давать калыма, выработать карательные мѣры за нарушение подписанного (въ видѣ, напр., конфискаціи отданнаго или взятаго въ пользу учащихся; все это санкционировать высшую властью и затѣмъ выбрать на каждый кварталъ по 2—3 изъ уважаемыхъ стариковъ и обязать ихъ (хотя бы клятвою) следить за исполненіемъ выработанного постановленія каждому въ своемъ районѣ (кварталѣ) и при этомъ обязать ихъ для сего присутствовать, хотя поочередно, при каждомъ брачномъ договорѣ. Проектъ заслуживаетъ вниманія и даетъ надежды. Остается желать, чтобы онъ не остался подъ сунномъ.

Новости этнографической литературы.

Бекимовъ, М. Н. Материалы къ изученію киргизскаго народнаго вноса. Съ предисловіемъ **Н. О. Катаева**. (Изъ „Извѣстій о-ва И., А. и Э. при Казан. Унів.“, т. XX, стр. 218—332). Каз. 1904. 80.

Богрова, Евг. Персія и персы. М. 1903.

Бузесиуль, В., проф. Введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ. Изд. 2-е. Стр. VIII+533. Ц. 3 р.

Буличъ, С. К. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россії. Т. I. Съ прилож., вместо вступленія, „Введеніе въ изученіе языка“, Б. Дельбрюка. Спб. Изд. С. К. Булича и Л. Ф. Пантелеева. Стр. XI+244. Ц. 6 р.

Васюковъ, С. И. Крымъ и горные татары.

Waterloo, S. Жизнь пещерного человѣка. Съ американского (?) перевѣтъ Н. С. Кур—овъ. М. Изд. книжн. магаз. торг. дома „С. Куринъ и Ко“.

Вейлерз, Г. Япоша въ наши дни. Соціологические этюды. Спб. 1904.

Воробьевъ, Ил. Отхожіе промыслы крестьянскаго населенія Ярославск. губ. Яр. 1904.

Врадій, В. П. Опьяняющіе напитки у китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и инородцевъ Уссурійскаго края. Спб. 1904.

Врадій, В. П. Пищевые продукты китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и др. Спб. 1904.

Виль, А. С. Изъ исторіи древне-русской Вятки. („Пам. книжка Вят. губ., 1905, стр. 179—233).

Гамильтонъ, А. Корея. Пер. съ англ. Спб. Изд. А. С. Суворина. Стр. 327. Ц. 1 р. 50 к.

Гессе-Вартегъ, Эрнестъ-фонъ. Японія и японцы. пер. Шрейдеръ. Спб. 1904.

Гессенъ, Ю. И. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Великская драма. Спб. Стр., 148. Ц. 1 р.

Головачевъ, П. Россія на Дальнемъ Востокѣ. Стр. 216. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Грушевский, М., проф. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. Стр. 380. Ц. 2 р.

Гуляндъ, Я. І. Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ по XVII столѣтіе. (Изъ „Извѣстій о-ва Истор., Арх. и Этн. при Каз. Ун. т. XX, стр. 49—158). Каз. 1904. 80.

Дунинъ-Горновичъ, А. А. Очеркъ народностей Тобольскаго Свѣра. Отт. изъ Изв. Рус. Геогр. О-ва. Спб. 1904.

Ермоловъ, А. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ: Томъ II. Всенародная агрономія. Спб. 1905. 80. XII+528 стр. Томъ III. Животный миръ въввоздѣніяхъ народа. Спб. 1905. 80. 7+555 стр.

Ефименко, А. Я. Южная Русь. Т. I. (Очеркъ исторіи правобережной Украины. Малорусское дворянство и его судьба. Южнорусскія братства. Конные суды въ лѣвобережной Украинѣ. Народный судъ въ Западной Руси. Дворицное землевладѣніе въ Южной Руси. Архаическія формы землевладѣнія у германцевъ и славянъ. Литовско-руssкіе данники и ихъ дани). Ц. 2 р.

Зеленинъ, Д. И. Народныя присловья и апекиды о русскихъ жителяхъ Витской губерніи. Этнографический и историко-литературный очеркъ. В. 1905. 80. 52 стр. (изъ „Памятной книжки Вятск. губ. на 1905 г., томъ XXVI-й“).

- Извѣстія** Восточного Института, подъ ред. Позднѣева. Т. VIII. 1902—1903 гг.
Извѣстія Восточного Института подъ ред. А. Позднѣева, V-ый годъ, т. X.
Историко-статистическое описание церквей и приходовъ Казанской епархіи. Вып. VI. И. Мамадышъ и Мамадышскій уездъ. Каз. 1904. XXX+420 стр.
Юоновъ, В. М. Повзда къ майскимъ тунгусамъ. (Изъ „Извѣстій о-ва И., А. и Э. при Каз. Ун.“, т. XX, стр. 159—174). Каз. 1904. 80.
Коваленскій, М. Старая и новая Японія. Историч. очеркъ. М. 1904.
Нудрявцевъ, В. Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. Очеркъ. (Изъ „Пам. книжекъ Вятской губ.“ на 1904 в 1905 гг.).
Кузнецова, Я. О. Изъ переписки помѣщика съ крестьянами (XVIII в.). Изд. владимирской уч. архивп. комиссіи. Стр. 93.
Кулаковъ, де-Фюстель. Исторія общественного строя древней Франціи. Переводъ подъ редакціей проф. И. М. Грэвса. Т. II. Германское вторженіе и конецъ Имперіи. Цѣна не обозначена.
Кустарные промыслы. Статистический сборникъ по Ярославской губерніи. Изданіе стат. бюро яросл. губ. земства. Яросл. 1904. Стр. 465+60.
Лесовичъ, В. Этнографічный збирникъ. Вдаєтъ этнографічна комісія наукового товариства імені Шевченка. Т. XIV. У Львові. Стр. 3:7. Ц. 4 корони.
Линевъ, Е. Великорусская пѣсни въ народной гармонизации. Текстъ подъ ред. акад. Ф. Е. Кориц. 1904.
Львовъ, В. Русская Лапландія и русские Лопари. 1904.
Мибиховъ, М. Я. Исторія еврейского народа отъ Вавилонского плененія до первой эпохи танаха. Спб. 1904.
Московская губернія по юго-западному обследованію 1898—1900 г. т. I. Поселенія таблицы. в. 1. М. 1903.
Минифоровъ, О. Н. Стюхинские чуваши. (Изъ „Извѣстій о-ва И., А. и Э. при Каз. Ун.“, т. XX, стр. 325—348). Каз. 1904. 80.
Невомбергский, Н. Черты врачебной практики въ Московской Руси. Спб. 1904.
Пекарский, З. И. Повзда къ приаянскимъ тунгусамъ. (Изъ „Извѣстій о-ва И., А. и Э. при Каз. Ун.“, т. XX, стр. 175—191). Каз. 1904. 80.
Панова, О. Н. Годъ за матерью южного полюса. Спб. 1904.
Порфириевъ, С. И. Древности казанского края въ актахъ генерального межеванія. (Изъ „Извѣстій о-ва Истор., Арх. и Этн. при Каз. Ун.“, т. XX, стр. 1—16). Каз. 1904. 80.
Розовъ-Щатковъ. По ту сторону „Пояса міра“. Этнографич. очерки и рассказы. М. 1904.
Сборникъ материаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Томы I и II. Изд. еврейского колопизац. О-ва. Спб. 1904. Ц. 6 р.
Сборникъ свѣдѣній по Саратовск. губ. за 1902 г. Саратовъ. 1904.
Свонъ-Геддинъ. Таримъ-Лобъ-Норъ. Тибетъ. Путешествіе по Азіи 1899—1902 гг. Изд. Девріена. Спб. 1904.
Свѣтланинъ о рукописяхъ и т. д., поступившихъ въ рукописное отдѣленіе И. Академіи Наукъ въ 1903 г.
Селицкий, И. В. Кульджинские переселенцы пограничной съ Китаемъ полосы. (Изъ „Извѣстій О-ва Исторіи, Археологии и Этн. при Каз. Ун.“, т. XX, вып. 6, стр. 243—324). Каз. 1904. 80.
Синкевичъ, И. А., проф. Всеобщая психологія съ физиognомікой въ вллюстр. изложени. Съ 21-й табл. въ краскахъ и 285-ю фиг. въ текстѣ. Кіевъ. Стр. 574. Цѣна 5 руб.
Сло, Е. Э. Очерки (популярные) изд. Поповой: Великоруссы, Малороссы, Бѣлоруссы, Поляки и Литовцы, Финны, Татары, Кавказъ, Самоѣды, Инородцы Сибири, Народы Туркестана. Ц. отъ 5 до 13 коп.
Стукаличъ, В. Н. Бѣлоруссия и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ. Витебскъ. 1904.
Суворовъ, Н. И. Корея. Страна и ея исторія послѣдняго времени. Съ 24-мя рис. Спб. Изд. кн.маг. К. Фельдманъ. Стр. 108. Ц. 50 к.
Сухаревъ, А. А. Казалскіе татары. Опытъ этнографического и медико-антропологического изученія. Спб. 1904.

пологического изследованія. Спб. 1904. 8°. 195 стр. (Диссертациа на степень доктора медицины).

Tartevъ-Рустамъ-Бекъ. Черезъ Алтай и Памирь. Очерки путешествій по Памиру. М. 1905.

Талмудъ, ил. переводъ **H. А. Переображенчика.** Серія первая (Мишы и Тоссеоты); Т. I. Зеракъ („Посызы“); Т. II. Мовѣдъ („Правдники“); Т. III. Нашимъ („Жены“); Т. IV. Невицкій („Правонарушители“); Т. V. Кодашимъ („Святыни“); Т. VI. Тенаротъ („Чистоты“). Дополненіе къ IV тому: трактатъ „Авотъ рабби Наэана“. Цѣна за все 16 руб. Серія вторая (принимается подписка: за 12 выпусксовъ ц. 12 руб. Адр. Спб. Знаменская, 10.) будетъ заключать источники (Мехильта, Сиера, Сиоре) и первые трактаты Вавии (Вавилонского Талмуда). См. здесь „Хронику“.

Уманецъ, С. Современ. бабизмъ (расколъ въ Магометанствѣ). Тифлисъ. 1904. Ухтомскій, Э., илья. Илья области ламаизма. Спб. 1904.

Федоровъ, Н. М. Дальний востокъ.

Франц, Муно. Исторія немецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ (съ V вѣка до настоящаго времени). Перев. съ англ. П. Батина. С. 39 портр. Спб. Изд. М. В. Пирожкова. Стр. 592. Ц. 3 р.

Фромъ, ВЛ. Японія и Корея.

Шереметевъ, С. Д., графъ. Отъ Углича къ морю Студеному. Спб. 1904.

Эструпъ, І. Изслѣдованіе о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи. Перев. съ датскаго **T. Лаже.** Со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ (87 страницъ) **A. Крымскаго**, въ перевѣдѣ съ малорусскаго, съ дополненіями автора. М. 1905. 50. LXXXVII+117 стр. Ц. 1 р. 25 к. („Труды по востоковѣданію“, изд. Лазарев. Инст. Вост. язык. вып. VIII-й).

Behlen, H. Der Pflug u. d. Pflügen bei d. Römern u. in Mitteleuropa in vorgeschichtlicher Zeit. Dillenburg, 1904. XVI+192.

Bücher, K. Die Entstehung d. Volkswirtschaft. 4 Auf. Tübingen. XI+456.

Cann, Mc. The Picturesque Gold Coast. Lond. 1904.

Folkmar, D. Album of Philippine Types. Manila. 1904. 80 таблицъ.

Haesel, E. Anthropogenie. 5 Aufl. Lpz. 1903.

Hoffmann-Krayer, E. Knabenschaften u. Volksinstiz in d. Schweiz. Отт. изъ Schweiz. Archiv f. Volkskunde. B. VIII.

Kandt, R. Gewerbe in Ruanda. Отт. изъ Z. f. Ethnologie. B. XXXVI. H. 3—4.

Krause, E. Vorgeschichtliche Fischereigeräte u. neuere Vergleichungssücke. Berlin, 1904.

Lutties, H. Zum Götterglauben d. alten Preussen. Beil. z. Jahresbericht 1904. d. K. Wilhelm Gymnasium in Königsberg.

Mason, O. T. Aboriginal American Basketry. Washington, U. S. Nat. Mus. 1904.

Meyer, A. B. Album v. Philippinentypen. Ill. Dresden. 1904. 37 табл.

Meyer, A. B. u. Richter, O. Celebes. I. Samml. d. Herren P. u. F. Sarasin aus d. J. 1893—96. Dresden. 1903.

Mohammed Adil Schmitz du Moulin. Der Islam. Lpz. 1904. IX+285.

Nieuwenhuis, A. W. Quer durch Borneo. Leiden. 1904. Th. I. XV+493.

Olfusen, O. Through the unknown Pamirs. Lond. 1904. XXII+238.

Partsch, J. Mitteneuropa. Die Länder u. Völker von d. Westalpen u. d. Balkan bis an d. Kanal u. das Kurische. Gotha. 1904. XII+463.

Rosen, E. v. The Chorotes Indians in the Bolivian Chaco. Stockholm. 1904.

Schirmseisen, M. Die Entstehungszeit d. germanischen Göttergestalten. Brünn, 1904. 32 s.

Schmidt, M. Ableitung Südamerikanischer Geflechtsmuster aus d. Technik d. Flechtens. Отт. изъ Z. f. Ethnologie 1904. H. 3—4.

Schnee, H. Bilder aus d. Südsee. Berlin, 1904. XIII.+394.

- Schwindrazheim, O. Deutsche Bauernkunst. Wien. 1904. (?). XV+168.
- Seler, E. Gesammelte Abhandlungen z. amerikanischen Sprach. u. Alterthumskunde. B. II. Berlin. 1904. XXXVII+1107.
- Sievers, W. Asien. 2 Auf. umgearb. Lpz. n. Wien. Bibl. Inst. 1904. 15 Lief.
- Söhns, F. Unsere Pflanzen. Ihre Namenserklärung n. ihre Stellung iu d. Mythologie u. im Volksaberglauben. 3 Auf. Lpz. 1904. 178 s.
- Spencer, B. a. Gillen, F. The Northern Tribes of Central Australia. L. 1904. XXXV+784.
- Spleiss, C. 40 Personennamen u. 60 Sprichwörter d. Evheer Togos u. ihre Bedeutung. Ott. изъ Mith. d. Seminars f. oriental. Sprachen z. Berlin. Jahrg. VII, Abt. III.
- Steere, Narrative of a Visit to Indian Tribes of the Purus River, Brazil. Washington, U. S. Nat. Mus. 1903.
- Steinmetz, K. Eine Reise durch die Hochländer Oberalbaniens. Wien. 1904. 68 s.
- Velten, C. Sitten u. Gebräuche d. Susheli. Gött. 1903.
- Wallaschek, R. Anfänge d. Tonkunst. Lpz. 1903. IV+340.
-

ХРОНИКА.

† **Николай Михайлович Мартыновъ** 30-го ноября скончался. Въ его лицѣ сошель въ могилу одинъ изъ выдающихся культурныхъ дѣятелей Сибири, имя которого остается навсегда связаннымъ съ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ восточно-сибирскихъ музеевъ—минусинскімъ.

Явившись въ Минусинскѣ тридцать лѣтъ тому назадъ въ качествѣ завѣдующаго аптекой, Н. М. немедленно обратилъ вниманіе на неизслѣдованный края, богатаго произведеніями природы и высоко интереснаго въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, и сталъ самъ и чрезъ посредство другихъ лицъ собирать коллекціи и заинтересовывать ими мѣстное населеніе. Къ 1877 г. имъ было уже собрано такое количество предметовъ, что онъ могъ войти въ минусинскую городскую Думу съ предложеніемъ обѣ открытия музея, а лѣтъ черезъ десять музей этой пріобрѣлъ широкую известность по всей Сибири и даже далеко за ея предѣлами; коллекціи не только собирались, но и представлялись специалистамъ для опредѣленія и описанія; при музѣ составилась обширная библіотека; въ Минусинскѣ (городокъ съ 7-ю тыс. жителей) стали заѣзжать даже ученые иностранцы, посѣщавшіе Сибирь. Для музея было выстроено городомъ красивое двухъ-этажное каменное зданіе; въ музѣ стали работать специалисты, труды которыхъ (Клеменса, Савенкова, Горощенко, Яковлева и др.) стали издаваться. Въ 1900 г. музею было назначено ежегодное казенное пособіе въ 1,500 р.; въ 1901 г. при красноярскомъ подѣлѣ Русского Географического Общества положено основаніе капиталау имени Н. М. Мартынова, проценты съ котораго должны идти на экскурсіи и печатаніе трудовъ по музею. Большую часть средствъ для своего развитія минусинскій музей получилъ отъ частныхъ лицъ благодаря стараніямъ своего основателя, именно за первыхъ 25 лѣтъ своего существованія, болѣе 30-ти т. р. (около 75% всѣхъ поступившихъ суммъ). Музей заключаетъ въ себѣ 12 отдѣловъ (болѣе 60-ти тыс. предм.), библіотека при немъ—около 24 т. томовъ. При участіі Н. М. образовалось также въ Минусинскѣ Общество попеченія о народномъ образованії, открывшее въ 1902 г. приютъ имени Н. М. Мартынова. Необыкновенно скромный, всю жизнь трудившійся для общества

и для края, ставшаго его второй родиной, Н. М. приобрѣлъ себѣ общее уваженіе всѣхъ его знавшихъ. Въ лицѣ музея онъ оставилъ по себѣ достойный памятникъ, который, надо надѣяться, сохранить и впредь свое просвѣтительное значеніе для края и свою выдающуюся роль въ качествѣ мѣстнаго музея вообще.

„Русск. Вѣд.“

О дѣятельности Ник. Мих-ча и о созданномъ имъ музей лучшія свѣдѣнія можно найти въ книжѣ Ф. Я. Кона «Исторический очеркъ муисинскаго мѣстнаго музея за 25 лѣтъ (1877—1902)». См. отзывъ въ «Эти. Обозр.» 1902, № 3, стр. 158—159.

† Поручикъ Вацлавъ Тачановскій, какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.», скончался въ Харбинѣ отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ при Лаоянѣ. Извѣстный польскій филологъ и знатокъ польскаго языка, В. Тачановскій, издавалъ въ Варшавѣ «словарь польскаго языка». Смерть его—чувствительная потеря для науки.

† В. Л. Беренштамъ, извѣстный педагогъ и публицистъ, скончался 10-го ноября въ Кіевѣ, въ возрастѣ 65-ти лѣтъ. Покойный работалъ за послѣдніе годы въ кіевскомъ Обществѣ грамотности и въ мѣстныхъ изданіяхъ *Кіевская Старина* и *Кіевские Отклики*, а рабѣе занимался археологическими и этнографическими изслѣдованіями на югѣ Россіи.

„Русск. Вѣд.“

† Д-ръ Максъ Бартельсъ, извѣстный антропологъ, скончался въ Берлинѣ. Покойный долго состоялъ секретаремъ берлинскаго Общества антропологии, этнологіи и первобытной исторіи, въ изданіяхъ котораго и помѣщена большая часть его статей. Въ его переработкѣ съ многочисленными дополненіями вышло также сочиненіе Шлосса «Женщина въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніи» (2 тома со множествомъ иллюстрацій), выдержанвшее нѣсколько изданій. Ему принадлежитъ также извѣстный трудъ: «Die Medizin d. Naturvölker».

„Русск. Вѣд.“

† Эмиль Шлагингтвейнъ, извѣстный ориенталистъ, скончался въ концѣ октября въ Цвейбрюкенѣ, въ возрастѣ 69-ти лѣтъ.

Какъ и его старшіе братья, Германъ, Адольфъ и Робертъ, Эмиль посвятилъ себя изслѣдованию Индіи и Тибета, но въ то же время, какъ тѣ заявили себѣ изслѣдователями-путешественниками, Эмиль, занимавшій служебный постъ въ Баваріи, посвящалъ всѣ свои досуги изученію исторіи и религіи Индіи и Тибета. Въ 1863 г. вышло его сочиненіе «Buddhism in Tibet», за которымъ послѣдовали: «Цари Тибета» (1868) «Die Gottesurtheile der Indier» (1869) и др. Въ 1880—81 гг. имъ было издано роскошное иллюстрированное сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ «Indien in Wort und Bild» (2-е изд. 1890). Въ 1899 г. появилась

1-я часть его *Lebensbeschreibung von Padma Sambhava*. После смерти своихъ братьевъ онъ привезъ въ порядокъ и описалъ собранныя ими богатыя коллекціи и передалъ ихъ въ музей Германиі. „Русск. Вѣд.“

† Миссіонеръ *François Coillard* скончался въ Ліалуї, столицѣ на-
рода баротсе, въ маѣ 1904 г. Онъ работалъ въ Южной Африкѣ съ 30-хъ
годовъ прошлаго столѣтія. Съ 1885 г. онъ началъ свои миссіонерскіе
труды среди баротсе. Его книга: *On the Freshold of Central Africa*,
изданная въ Лондонѣ въ 1897 г. и вышедшая на французскомъ яз.
въ 1898 г. подъ заглавіемъ: *Sur le haut Zambèze*, представляетъ зна-
чительный интересъ для этнографа.

«Globus».

† *Alfonso Stübel*, известный геологъ, скончался въ ноябрѣ 1904 г. Его путешествие по Южной Африкѣ въ сопровождении W. Preiss-а обогатило новыми данными не только географію и геологію, но и этнологію, антропологію и этнографію. Въ 1875 вмѣстѣ съ Рейссомъ Штюбель открылъ Анконскій могильникъ въ Перу, также и развалины Тіагуанако. Изъ его трудовъ, представляющихъ особый интересъ для этнографа, слѣдуетъ назвать: *Das Totenfeld v. Apson. Berl. 1880—87* (въ со-
трудн. съ Рейссомъ); *Kultur u. Industrie Südamerikanischer Völker*, 1889—90 (въ сотр. съ Рейссомъ, Коппелемъ и Уле), *Indianertypen aus Ecuador u. Colombia*. 1888 (въ сотр. съ Рейссомъ).

«Globus».

Преміи имени М. И. Михельсона, какъ сообщаеть отдѣленіе рус-
ского языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, по истече-
ніи настоящаго конкурса трехлѣтія (1904—1906 гг.) будутъ при-
суждены лицамъ, выполнившимъ одну изъ слѣдующихъ назначенныхъ
Отдѣленіемъ задачъ. 1. *Тюркские элементы въ русскомъ языке до татарского нашествія*: Выясненіе, какія слова тюркского происхож-
дения, сохранившіяся въ русскомъ языке, восходятъ къ общеславян-
ской эпохѣ. Определение словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ
изъ тюркскихъ нарѣчій до татарского нашествія, на основаніи: 1) ізслѣ-
дованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусского, бѣлорусского
и малорусского), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ
туркскихъ словъ можно относить во времени, предшествующему образо-
ванію этихъ вѣтвей русского языка; 2) систематического ізслѣдованія
русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в.,
со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ на-
рѣчій. Кроме словъ тюркского происхождѣній, ізслѣдованію подлежать
и тѣ иноземные слова, которые вошли въ русский языкъ черезъ по-
средство тюркскихъ нарѣчій. При определеніи тѣхъ или другихъ заим-
ствованій, должно иметьъ въ виду точное, по возможности, пріуроченіе
нихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыхъ представляли

туркіскіе говоры*). Впрочемъ, въ виду сравнительной скучности матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологического пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлы эпохи татарского нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго периода. 2. *Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшиe въ русскій языкъ до XV вѣка:* Определеніе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ: — Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русский (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Определеніе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчий (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія. Примѣчаніе: Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи. 3. *Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ:* Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польского языка въ русскій литературный языкъ, съ указаниемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведений русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ. 4. *Уменьшительные, увеличительные и т. п. имена въ русскомъ языкѣ:* Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительные, увеличительные, ласкательные, презрительные и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственные) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (общеславянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ имёнъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индоевропейскихъ языковъ. 5. *Слова русскаго языка со звукомъ «х»:* Фонетическое условіе происхожденія звука «х» въ общеславянскомъ языѣ, рассматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскіе заимствованные слова со звукомъ «х» или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ

* Результаты изслѣдованія (слова иноzemнаго происхожденія, заимствованные въ русской языкѣ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣть общеславянское «х», въ сопоставлениі со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаниемъ для каждого случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе «х» въ общеславянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука «х» въ словахъ русскаго языка: «х» какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языке; «х» въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ «х». 6. *Финское влияние на лексическую сторону русского языка:* Древній слой заимствованій, ведущій свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношений. Новѣйшая областная заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверо-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финами. Желательно разграничение заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ. 7. *Иноземные материалы по терминологии художества и ремесла въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVII столѣтій:* Предлагается собрать слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значение термина съ объясненіемъ его происхожденія. 8. *Скандинавские элементы въ русскомъ языке:* Слова скандинавского происхожденія: а) въ литературномъ языкѣ; б) въ отдельныхъ говорахъ (насколько имѣется материалъ по этимъ говорамъ); в) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка. Слова скандинавского происхожденія: 1) составляющія исключительную принадлежность русскихъ славянъ (или всѣхъ, или же только великоруссовъ, въ отличие отъ малоруссовъ, 2) встрѣчаемыя тоже въ другихъ языкахъ славянскихъ, 3) встрѣчающіяся тоже въ языкахъ балтійскихъ: древне-пруссскомъ, литовскомъ и латышскомъ. Собственный имена и мѣстные названія, обязанныя своимъ возникновеніемъ скандинавскому влиянию. Къ систематическому обозрѣнію материала должны быть приложены, со ссылками на §§ сочиненія, алфавитные списки (словари) всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ 1) русскихъ, 2) скандинавскихъ.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р. Преміи присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представлены не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія. Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1906 года—напечатанны въ двухъ, рукописныхъ въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ.

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатные, такъ и рукописные сочиненія на русскомъ, французскомъ, немецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждого конкурснаго трехлѣтія особою комиссию, которая образуется при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Премія проф. А. А. Котляревскаго, половина въ 500 рублей, присуждена проф. харьковскаго университета С. М. Бульбакину за изслѣдованіе по истории и діалектологіи польскаго языка. *Русск. Вѣд.*

Двадцати-пятилѣтіе «Памятныхъ книжекъ Вятской губерніи». Ежегодное изданіе Вятского Губернского Статистического Комитета «Памятная Книжка Вятской губерніи» вышла въ 1904-мъ году 25-й разъ. Передъ нами 25 солидныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ громадную массу очень интереснаго матеріала. Съ первыхъ же лѣтъ своего изданія «Памятная Книжка» не стала ограничиваться одними справочными соображеніями, но поставила себѣ цѣлью подготавливать матеріалъ для полнаго описанія губерніи въ статистическомъ, историческомъ и другихъ отношеніяхъ. И за четверть вѣка своего существованія она настолько успѣла въ этомъ, что является теперь самымъ необходимымъ пособіемъ для всякаго, кто пожелалъ бы изучать обширный Вятскій край въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Особенно посчастливилось статистическому отдѣлу, въ которомъ работаль и работает главнымъ образомъ редакторъ «Книжки» членъ-секретарь Комитета *Н. А. Спаскій*. Громадная масса точныхъ, хорошо обработанныхъ свѣдѣній. Для этнографіи наибольшій интересъ представляютъ статистическая данныя о племенномъ составѣ губерніи, очень разнообразномъ, о многочисленныхъ толкахъ и сектахъ мѣстныхъ старообрядцевъ, объ отхожихъ и кустарныхъ промыслахъ и другихъ занятіяхъ населенія, и т. п.

Не меньшимъ богатствомъ отличается исторический отдѣль, украшенный многочисленными статьями маститаго мѣстнаго историка *А. С. Верещагина* и извѣстнаго археолога *А. А. Спицына*. И здѣсь очень много крайне интереснаго для этнографа. Укажемъ, для примѣра, на статьи А. С. Верещагина: «Древнійшія поселенія и колонизация Вятскаго края» (1882 г., стр. 114—121), «Щочитаніе Николы Можайскаго на Вяткѣ въ XVII в.» (1902, 36—49); статьи Спицына: «Къ исторіи вятскихъ инородцевъ» (1889 г., 207), «Вятская старина» (1885 г., 149—191) и др.

Собственно-этнографический отдѣль «Книжекъ» также нужно назвать очень богатымъ. Много прекрасныхъ статей посвящено инородцамъ мѣстнаго края. Очень цѣнная статья *Н. П. Штейнфельда* «Бесермяне» (1895 г., 220—259) является почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній обѣ этой загадочной народности. Громадный научный интересъ представляютъ статьи о вотякахъ покойнаго *Н. Г. Первухина* (1889 г.; 1890, 1—84) и *Г. Е. Верещагина* (1896 г. и 1897). Татары посвящены статьи *Н. П. Штейнфельда* (1894 г.) и *П. М. Сорокина* (1897 г.); черемисамъ статья *В. К. Маницикало* (1893 г.). Не меньше статей посвящено описанію русскаго населения губерніи. Перечислять здѣсь эти статьи мы, къ сожалѣнію, лишены возможности за недостаткомъ мѣста. Назовемъ лишь громадный трудъ покойнаго *Н. М. Васнецова*: «Матеріалы для объяснительного словаря Вятскаго говора» (1892—1903), доведенные пока до буквы *п*.

Мы указали только на главные отдыбы «Книжекъ» и отмѣтили лишь чистожную долю напечатанныхъ въ нихъ статей. За подробностями отсылаемъ интересующихъ къ «Указателю статей» за всѣ 25 лѣтъ изданія, напечатанному въ «Книжкѣ» 1904 года.

Юбилей «Памятной Книжки Вятской губерніи» является всецѣло юбилемъ ея теперешнаго редактора, члена-секретаря Комитета *Н. А. Спасскаго*, подъ редакціей котораго вышли всѣ 25 книжекъ. Самое изданіе можно назвать роднымъ дѣтищемъ г. Спасскаго, которому онъ посвятилъ свои главныя силы, свои труды и свою любовь. Заслуга Спасскаго и въ томъ, что онъ сумѣлъ привлечь къ сотрудничеству цѣлый рядъ мѣстныхъ изслѣдователей.

Несомнѣнныи и громадныи заслуги г. Спасскаго въ развитіи разсматриваемаго нами изданія даютъ намъ поводъ подробнѣе остановиться на этой замѣчательной личности.

Николай Александрович Спасский родился въ 1846 году. Среднее образованіе получилъ въ Вятской гимназіи, курсъ которой окончилъ въ 1863 г. Черезъ годъ поступилъ въ Казанскій Университетъ и окончилъ курсъ его по естественному факультету въ 1869 г. Мечты Н. А-вича посвятить свою жизнь педагогической дѣятельности не сбылись: въ то время какъ разъ повѣяло классицизмомъ, и преподаваніе естественныхъ наукъ было исключено изъ гимпазій, а реальныхъ училищъ еще не было. Молодому естественнику, противъ всѣхъ его желаній, пришлось поступить въ чиновники. Въ томъ же 1869 г. Н. А-вичъ поступаетъ въ только что открытый тогда въ Вяткѣ Мировой Съездъ, въ званіи помощника секретаря. Съ слѣдующаго года одновременно служить и въ мѣстномъ губернскомъ земствѣ, въ качествѣ дѣлопроизводителя по специальнымъ вопросамъ (напр. обѣ открытий въ Вяткѣ сельско-хозяйственнаго училища, о проведеніи желѣзной дороги на Архангельскъ и т. п.).

Въ 1872 году губернаторъ Чарыковъ предложилъ Н. А. Спасскому должность секретаря Вятскаго статистического комитета. Съ 1874 по 1891 годъ Н. А-вичъ состоялъ одновременно редакторомъ неофиціальной части «Вятскихъ губернскихъ Вѣдомостей» (самый лучшій періодъ этого полезнаго изданія), а также исполнялъ различные порученія Комитета: въ неурожайный 1877—78 годъ произвелъ экономическое обслѣдованіе пострадавшихъ волостей, въ 1882 г. былъ командированъ въ Москву на Всероссійскую выставку для устройства Вятскаго кустарного отдѣла, въ 1890 г. съ такимъ же порученіемъ на выставку въ Казани, и т. д. Въ 1876. г. награжденъ золотою медалью за доставленіе трудовъ на Московскую Антропологическую выставку; въ 1885 г. серебряною медалью Общества Любителей Естествознанія при Московскому университѣтѣ за доставленіе свѣдѣній по первоначальному воспитанію дѣтей; въ 1890 г. избранъ членомъ названаго Общества. 28 ноября 1904 года, при открытии въ Вяткѣ Губернской Архивной Комиссіи избранъ предсѣдателемъ этой послѣдней.

Пожелавъ «Памятной Книжкѣ Вятской губ.» дальнѣйшихъ успѣховъ на избранномъ ею пути всестороннаго изученія края, мы въ то же время

не можемъ не высказать желанія, чтобы и подобныя изданія другихъ губерній Россіи послѣдовали этому прекрасному примѣру.

Д. З-минъ.

Изъ области цензуры русской народной пѣсни интересные факты сообщаетъ г. Мартемьяновъ въ специальной брошюрѣ объ этомъ вопросѣ.

Въ царствованіе Николая I изысканіе въ области народной пѣсни нѣсколько расширилось. Но это не значить, что и цензура тогда сдѣлалась менѣе подозрительной. Ничего подобного не случилось. Печатаніе пѣсень разбойничихъ въ близкихъ къ нимъ казачихъ въ это царствованіе почти совсѣмъ не допускалось; если же онѣ иногда и проскальзывали въ печать, то развѣ ужъ въ искашенномъ видѣ, болѣе или менѣе «благонамѣренныя». Да и съ другими, преимущественно бытовыми, пѣснями было не лучше.

Пушкинъ, горячо интересовавшійся народною поэзіей, еще въ 1827 г. напрасно хлопоталъ о разрешеніи напечатать пѣсни о Разинѣ. Отказали наотрѣзъ. Мотивъ: разинскія пѣсни къ напечатанію «неприличны» — терминъ, съ которымъ въ примѣненіи къ пѣснямъ мы встрѣтимся еще не разъ.

Осторожный Сахаровъ, усердный собиратель народныхъ пѣсень, долженъ былъ, подобно своимъ предшественникамъ екатерининскихъ временъ, «исправлять и кальчить» ихъ; иначе онѣ не могли появляться въ печати.

Въ 1844 г. И. В. Кирѣевскій задумалъ издать свое богатое собраніе пѣсень. Надо было обратиться къ цензурѣ, и для настъ очень любопытны совѣты, данные ему по этому поводу его братомъ — Иваномъ Васильевичемъ. Чтобы обеспечить выпускъ пѣсень, Иванъ Васильевичъ рекомендовалъ хлопотать передъ самимъ министромъ Уваровымъ. Но и тутъ требовались сильные доводы, даже съ ссылкой на Европу. «Главное, на чёмъ основываются (при объясненіяхъ съ министромъ), — пишетъ Иванъ Васильевичъ брату, — это то, что пѣсни народныя, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощикова надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ наши народныя пѣсни, и еще старинныя. Это будетъ смѣхъ по всей Германии».

По авторъ письма напрасно возлагалъ столь сильныя упованія на Европу и на германскій смѣхъ; цензура не сдалась, и многія изъ собранныхъ Кирѣевскимъ пѣсень, кажется, и доселе покоятся въ рукописи въ Румянцовскомъ музѣ.

Съ XI по вторую половину XIX в. наша народная пѣсня пережила, несомнѣнно, немало тяжелыхъ дней. За этотъ длинный періодъ въ ея исторіи, безспорно, преобладаютъ невеселыя страницы, свидѣтельствующія о горькой долѣ пѣсни. Даже XVIII в., несмотря на относительную тогдашнюю пѣсенную свободу, особенно во второй половинѣ столѣтія, удостоенной лестной клички «вѣка пѣсень и пѣсениковъ», нашей пѣснѣ «жилось», въ сущности, очень нелегко. И хуже всего было положеніе исторической.

Это подтверждается не только «пѣсennыми дѣлами», но и любопытнымъ письмомъ Прокофія Демидова къ Г. Ф. Миллеру, отъ 22 сентября 1768 г., по поводу пѣсни «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское». Въ демидовскомъ письмѣ, появившемся въ печати цѣликомъ лишь недавно, говорится, что посыпаемую Миллеру пѣсню о селе Преображенскомъ нашъ любитель народной словесности «досталъ отъ сибирскихъ людей, понеже туда всѣхъ разумныхъ дураковъ посыпаютъ, которые прошедшую исторію поютъ на голосу». У себя дома, на Руси, за исключениемъ какой-нибудь далекой глупши, пѣть исторію тогда, съѣдовательно, не полагалось. Такъ, конечно, было и на дѣлѣ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что когда уже въ наше время стали усердно разыскивать «народную исторію» — былины, то пришлось отправлять за ними экспедиціи въ глухіе олонецкіе и архангельскіе края — въ эту «русскую Испаднію», где раньше некому было истреблять памятники народной словесности. Но XVIII в. все же еще можетъ считаться сноснымъ для пѣсенъ. По замѣчанію г. Пыпина, въ этомъ вѣкѣ пѣсни были менѣе испорчены, чѣмъ теперь, пѣсни «еще имѣла свѣжую творческую силу»; и потому въ тогдашнихъ пѣсенныхъ записяхъ больше цѣльности. Позже пѣсенный текстъ сдѣлался гораздо темнѣе и хуже. Оттого же, «наприимѣръ, продолжаетъ г. Пыпинъ, записанный теперь пѣсни о Петре Великомъ, видимо, отрывочны и фантастически спутаны».

Въ конечномъ результата — гибель пѣкоторыхъ первовъ пародного творчества, опустошеніе «народной души».

Сиб. Вѣд.

Новое музыкально-этнографическое изданіе только что выпустила музыкально-этнографическая комиссія, состоящая при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, а именно: систематически составленный «Школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень для младшаго возраста», заключающій въ себѣ 55 номеровъ чисто-народныхъ пѣсень, подобранныхъ въ строгой послѣдовательности по степени ихъ трудности, начиная съ простѣйшихъ одноголосныхъ и кончая трехголосными, причемъ тексты, во избѣженіе затрудненій, всѣ силою подведены подъ ноты, какъ они поются народомъ, что значительно облегчаетъ пользованіе сборникомъ.

Готовится къ печати второй выпускъ — для старшаго возраста.

Определеніемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія «Школьный Сборникъ» допущенъ къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ средніхъ и низкихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Цѣна 1-го выпуска 45 коп., съ пересыпкой подъ бандеролью 51 к. съ валожнымъ платежомъ — 68 коп. Адресъ: въ Москву, въ Румянцовскій Музей, *Н. А. Янчуку*.

«Южная рѣчъ» — подъ такимъ заглавіемъ киевское общество имени Т. Г. Шевченка приступило къ изданию сборника сочиненій извѣстной изслѣдовательницы русской народной жизни А. Я. Ефименко.

«Русск. Вѣд.».

Новый нѣмецій этнографический журналъ. „Globus“ привѣтствуетъ появление нового этнографического журнала въ Германіи. Въ Эльберфельдѣ выходитъ съ 1904 г. Zeitschrift d. Vereins f. rheinische u. westfälische Volkskunde. Одинъ изъ издателей ея фольклористъ P. Sartori. Цѣна изд. 5 марокъ. Въ двухъ первыхъ №№ помѣщены и. пр. слѣдующія статьи: *Iostes*, Roland in Schimpf u. Ernst.—*Sartori*, Todansagen. *Schell*, Zum Baumkultus im Bergischen.—*Wehrhan*, Ein Detmolder Thierprozess v. 1644.—*Dirksen*, Volksmedizin am Niederrhein.—*Rademacher*, Fastnachtsbräuche. и др.

Художественно этнографический музей въ Гуцульщинѣ, именно въ ея столицѣ, мѣстечкѣ Коссовѣ, на границѣ Восточной Галиціи и Буковины, основывается, благодаря стараніямъ врача Бобровскаго, для собирания произведений мѣстного народнаго искусства. Какъ известно, гуцулы выдѣляются среди русиновъ живописностью своихъ костюмовъ и недюжинной художественностью своихъ издѣлій изъ дерева, кожи, глины и металла.

„Русск. Вѣд.“.

Рѣдкая коллекція кружевъ получена промышленнымъ музеемъ въ Санктъ-Галленъ, центральномъ мѣстѣ швейцарской кружевной промышленности. Это—даръ отъ нѣкоего Икля. Собрание это содержитъ до 7,000 образцовъ кружевъ и вышивокъ всѣхъ временъ и странъ.

„Русск. Вѣд.“.

Изъ области материальной культуры въ Хорватіи: Въ Загребѣ издается интересное изслѣдованіе I. Holjac и M. Pilar, Kroatische Bauformen. Матеріаль, печатаемый лишь теперь на средства Ingenieur u. Architektenverein'a въ Загребѣ, является тѣмъ болѣе интереснымъ, что онъ собранъ еще въ 1885 г., тогда какъ съ тѣхъ поръ, благодаря возрастанию въ цѣнѣ строительного матеріала, дуба, въ типѣ крестьянскихъ построекъ Хорватіи происходятъ нѣкоторыя перемѣнны: исчезаютъ оригинальные и красиво украшенные дома и сараи. Все изданіе будетъ состоять изъ 5 вып., изъ которыхъ вышелъ пока одинъ, и закончится въ 1905 г. Къ послѣднему выпуску предполагается приложить очеркъ о крестьянскомъ жилищѣ въ Хорватіи.

„Globus“.

Исторія польского искусства обогатилась вышедшимъ сороковымъ и послѣднимъ выпускомъ предпринятаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ крупнаго изданія памятниковъ города Кракова (Pomniki Krakowa). Матеріаль для этого изданія доставили два художника: Максимилианъ и Станиславъ Церха, отецъ и сынъ, которые въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ зарисовывали всѣ памятники краковскаго зодчества и скульптуры, частью теперь уже разрушенные. Обширный текстъ пера

Феликса Коперы, директора национального музея въ Krakowѣ, служить не только объясненіемъ рисунковъ, но составляеть, кроме того, самостоятельный опытъ исторіи искусства въ Польшѣ во всѣхъ его проявленіяхъ.

„Русск. Вѣд.“.

На мѣстѣ древняго кельтскаго царства въ Болгаріи, недалеко отъ Казанлыка, въ бассейнѣ р. Тунджа, на Туловской равнинѣ (отъ села Турова, на ней находящагося), произведены были по инициативѣ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія Шишманова раскопки одного кургана. По снятіи верхняго слоя въ немъ были найдены: уриа, наполненная пепломъ, стеклянныи сосудъ и большой въ 1 $\frac{1}{2}$, м. вышиной позолоченный металлический свѣтильникъ съ изображеніемъ головы кошки. Раскопки еще не закончены. Вышина кургана 12 м., окружность—около 60 м. Полагаютъ, что курганъ этотъ относится къ эпохѣ кельтовъ. Извѣстно, что въ III в. до Р. Х. эта часть Болгаріи входила въ составъ бывшаго кельтскаго царства, главнымъ городомъ котораго былъ Тиле.

„Русск. Вѣд.“.

Важныи доисторическіи находки въ Швейцаріи сдѣланы недавно около станціи Тайнгенъ, линіи Шафгаузенъ-Констацъ въ Швейцаріи, въ одной пещерѣ.

Самая пещера,—мѣстные жители называютъ ее Kesslerloch,—была известна уже давно, и еще въ 1873 году въ ней сдѣланы были находки палеолитической эпохи. Но недавно д-ръ Мильхъ произвелъ въ пещерѣ больше основательныи раскопки и нашелъ *множество остатковъ палеолитическою періода*, какъ-то: костей животныхъ, употреблявшихся человѣкомъ въ пищу, и разныи орудія изъ кремня и кости. Найденные виды животныхъ отчасти степные, какъ сусликъ, хомякъ, отчасти лѣсные—благородный олень, косуля, медведь; кроме того, найдены остатки вымершихъ животныхъ: мамонта, пещернаго льва, носорога. Оружіемъ служили остроги, стрѣлы и копья съ наконечниками изъ кремня, изъ второго изготавливались также ножи, скребки, проколки и проч. Изъ костей дѣлались иглы, очевидно, для сшиванія шкуръ. На нѣкоторыхъ костяныхъ оружіяхъ встрѣчаются нарѣзки для украшенія, найдена также одна человѣческая статуэтка, грубо вырѣзанная изъ оленья рога, и нѣсколько изображеній рыбы, оленя и дикой лошади или осла. Изъ остатковъ самого человѣка найденъ только одинъ скелетъ, роста всего 124 сант., но съ вполнѣ развитыми костями. Нахodka этого скелета подтверждаетъ выводъ Болльмана о существованіи въ важенный вѣкъ въ Европѣ карликовой расы.

„Русск. Вѣд.“.

О „1001 ночи“ появились новыи работы. Въ «Трудахъ по востоково-вѣдѣнію» (вып. III*) напечатано «Изслѣдованіе о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи I. Эструпа», переводъ съ датскаго Т. Ланге, со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ А. Крымскаго, въ

переводъ съ малорусскаго, съ дополненіями автора. (М. 1905 г. 8⁰. LXXXVII, 117 стр.). На-дняхъ вышелъ послѣдній XVI томъ французскаго перевода «Тысячи и одной ночи», сдѣланый съ арабскаго подлинника Мардруса (J. Mardrus). Это огромное предпріятіе начато было пять лѣтъ тому назадъ, въ 1899 году, и теперь, когда оно закончено, является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ какъ съ научной, такъ и съ литературной точки зренія. Мардрусь сдѣлалъ съ одного изъ лучшихъ текстовъ, булакскаго, полный, дослойный переводъ съ сохраненіемъ всѣхъ стиховъ и неудобныхъ съ точки зренія современныхъ приличій мѣстъ. Переводъ сдѣланъ хорошимъ французскимъ языкомъ.

«Анналы ислама» изданы герцогомъ Leone Caetani (въ Миланѣ). «Анналы» охватываютъ весь періодъ мусульманства отъ Магомета до завоеванія Египта турками.

,Русск. Вѣд.“

«Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ по XVII-ое столѣтіе» — подъ такимъ заглавиемъ Я. Г. Гурляндъ помѣстилъ статью въ «Извѣстіяхъ о-ва Ист., Арх. и Эти. при Каз. унив.» (т. XX, вып. 4—5, стр. 49—158. 1904 г.). Здѣсь разсмотрѣны «Зачатки степного законодательства», «Чингисъ-Хань и его Иса», «Второстепенные законодательные документы эпохи Чингисъ-Хана и его потомковъ», «Монголо-Ойратскій союзъ и уложеніе 1640 года», «Второстепенные законодательные акты 17 столѣтія у монголо-ойратовъ» (Абаканская писаница, Шалобалинская писаница), «О религиозныхъ вліяніяхъ на степное законодательство», а также степные законы бурятъ (братьскихъ), тунгусовъ и киргизовъ.

Киргизскія сказки, записанныя М. Н. Бекимовсъмъ и помѣщеныя въ томъ же выпускѣ казанскихъ «Извѣстій о-ва Ист., Арх. и Эти., числомъ 6, по отзыву Н. Ф. Катаanova, представляютъ интересные варианты. Сказки эти: I. Объ одномъ богатырѣ, побѣждавшемъ злыхъ духовъ; II. О богачѣ Алдыръ-Коcе и хитромъ его работнике; III. О Карапашъ-сулу и Каражакъ-батырѣ; IV. Объ Алдыръ-Коcе и его продѣкахъ; V. О золотоволосомъ Тотамбаѣ и сестрѣ его — колдуньѣ; VI. Объ одномъ мурзѣ, купившемъ сонъ и сдѣлавшемся царемъ.

Моленіе на мордовскомъ пчельникѣ и другіе обряды и причитанія, связанныя съ этимъ моленіемъ (20-го юля), описаны въ статьѣ Владимира Савкина «На мордовскомъ пчельнике» («Изв. о-ва Ист., Арх. и Эти. при Каз. унив.», т. XX, вып. 4—5, стр. 192—198). Старикъ-пчельникъ передъ лицомъ приносить въ жертву бѣлаго гуся и произносить: «Царица! вольть тебѣ приносимъ живую душу, пусть размножится наша пасѣка»... и т. д. Далѣе идутъ другія жертвы, и другія моленія, между прочимъ: «Дай намъ, Господи, воскъ ради нашихъ умершихъ

родителей», обращаются къ «царицѣ лѣса», къ покойнымъ «дѣдамъ, прадѣдамъ, свекрамъ и свекровамъ», къ «Царю Ильѣ, Зосимѣ и Савватию», пьютъ изъ стоячтнѣй чашки «пуре» (медовый напитокъ). Ковшъ «пуре» вливается старикомъ въ родникъ, при чёмъ произносится заклинаніе: «Старикъ семидесяти овраговъ, семидесяти горъ и ручьевъ, весь лѣсъ и что въ лѣсу! идите ко мнѣ на пиръ въ мой пчельникъ!». Да же старикъ, а потомъ одна изъ старухъ голосомъ подражаютъ какому-то завывашю духову.

Народныя «бирки», распространенные въ Чистопольскомъ уѣздѣ, описаны съ иллюстрациями въ «Ізвѣстіяхъ о-ва Истор., Арх. и Этн. при Баз. Унив.». Т. XX, вып. 6, въ статейкѣ В. Лобанова, а именно, даны рисунки и описание слѣдующихъ видовъ «бирокъ»: 1) «подводныхъ колодокъ» (очередь давать подводу); 2) штемпелей (на разныя суммы денегъ, количество предметовъ и т. д.); 3) «податныхъ бирокъ»; 4) «жеребьевъ» и «колодокъ» (роль квитанціи и расписки); 5) деревенскихъ вывесокъ: соломенное кольцо, пара обручей и т. п.

Експедиція для изученія енисейскихъ остатковъ организуется Комитетомъ для изслѣдованія Азіи. Племена этого остались всего нѣсколько сотъ человѣкъ, и они по своему языку рѣзко отличаются отъ прочихъ остатковъ и отъ другихъ сибирскихъ инородцевъ.

„Русск. Вѣд.“.

Областной музей и библіотека въ Асхабадѣ, основанные заботами ген.-ад. А. Н. Куропаткина, освящены 14-го ноября въ специальнѣ выстроенномъ зданіи. Въ библіотекѣ собрано уже до 10,000 экземпляровъ книгъ и брошюръ. Музей состоялся первоначально изъ экспонатовъ, поступившихъ отъ средне-азіатского отдѣла всероссійской выставки 1896 г. Библіотека была сформирована въ 1895 г., а музей въ 1898 г. но до постройки собственного зданія были тѣсны и неудобны. Зданіе сооружено двухъэтажное, состоящее изъ 10 просторныхъ свѣтлыхъ залъ: два книгохранилища, читальня, экспедиціонная, зоологический отдѣль, ботаническо-минералогической, этнографической, лабораторія и обширный вестибюль.

„Правит. Вѣст.“.

О горныхъ таджикахъ, ихъ бытѣ, вѣрованіяхъ, нѣкоторыхъ древностяхъ и т. п. интересныя свѣдѣнія находятся въ вышедшемъ описаніи (на англ. языке), путешествія по Памиру датчанина Олуфузена (Olu-fusen, Through the Unknown Pamirs. The second Danish Pamir Expedition, 1898—1899. L. 1904). Авторъ посѣтилъ Ваханъ, Ишкашимъ, Гаракъ на верхнемъ Пянджѣ, зимовалъ у Хорока при впаденіи Гунда въ Пянджъ.

„Русск. Вѣд.“.

Населеніе Индіи. Изъ опубликованныхъ пѣдавно въ Синей книжѣ результатовъ переписи населенія въ Индіи въ 1901 г. видно, что тамъ насчитывалось на 1,766,597 англ. кв. миляхъ (4,576,600 кв. кил.) 294,361,056 жителей. 61,5% поверхности съ 78,87% населенія состояли непосредственно подъ англійскимъ владычествомъ; остальное принадлежало туземнымъ государствамъ. Самая большая англійская провинція—Бирма, самая населенная—Бенгалия съ 78½ милли. жителей. Самое населенное туземное государство—Гайдерабадъ съ 11 милли. жителей. Изъ религій самая распространенная браманизмъ, насчитывающей болѣе 207 милли. послѣдователей; 62½ милли. магометанъ и 9½ милли. (почти исключительно въ Бирмѣ) буддистовъ. Перепись насчитываетъ еще 94 тыс. парси (въ Бомбѣ), почти 3 милли. христіанъ (въ томъ числѣ 2,664 тыс. туземцевъ) и 8½ милли. «анимистовъ». Изъ 1,000 туземцевъ только 53 могутъ читать и писать. Языковъ и царѣчай насчитывается 147; изъ нихъ 25 относятся къ арійскимъ, на которыхъ говорятъ 221 милли. населения, 14—къ дравидійской вѣтви (56½ милли. населения) и 79—къ тибетско-бирманской (9½ милли.). Языки послѣдней категоріи распространены въ Гималаяхъ, Ассамѣ, Бирмѣ, дравидійскіе—въ центрѣ и на югѣ Индостана, арійскіе—въ остальныхъ частяхъ Индіи.

„Русск. Вѣд.“.

По классической археологіи и искусству въ послѣднее время фирмой Reimer въ Берлинѣ изданъ рядъ цѣнныхъ трудовъ, какъ-то: «Magnisia am Maeander», описание раскопокъ С. Humann, архитектурныхъ памятниковъ J. Cothe и скульптуръ C. Watzinger; «Die Sculpturen des Vatikanischen Museums», beschr. v. W. Amelung, T. I. H. Schliemann's «Sammlung Trojanischer Alterthümer», beschr. v. H. Schmidt (подробный каталогъ троянскихъ древностей коллекціи Шлимана съ 9-ю табл. и 1,176 рис. въ текстѣ); «Thera», раскопки 1895—1902 гг. Т. III. Исторія города Теры, изд. Г. Ф. Гертрипгеромъ и Вильскимъ; «Gordion», раскопки 1900 г., опис. G. и A. Körte; K. Runczewski, «Gevölbeschmuck im Römischen Alterthum», со мног. табл. и рис.; «Die attischen Grabreliefs», her. v. A. Conze; «Die Sculpturen des Pergamon-Museums zu Berlin (33 листа платинотипій) и др.

„Русск. Вѣд.“.

Введеніе археологіи въ школѣ встрѣчаѣтъ все больше и больше сторонниковъ. Весной 1905 г. соберется въ Аеннахъ первый международный археологический конгрессъ. На конгрессѣ между прочимъ будетъ поднять вопросъ о введеніи въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній въ числѣ второстепенныхъ предметовъ преподаванія археологіи и исторіи искусства. Намѣченъ рядъ археологическихъ экскурсій по Греціи и на острова Эгейскаго моря.

„Русск. Вѣд.“.

Программа археологического международного конгресса въ Аеннахъ выработана организационнымъ комитетомъ. Конгрессъ откроется 25 марта 1905 г. и будетъ распадаться на семь секций: 1) классическая археология; 2) доисторическая и восточная археология; 3) раскопки, музеи и поддержание античныхъ памятниковъ; 4) эпиграфика и история; 5) географія и топографія въ ихъ отношенияхъ къ археологии; 6) византийская и древне-христіанская археология; 7) археология какъ предметъ преподаванія. Подробно разработанная программа включаетъ въ себя расписание продолжительной (до 20-го апреля) экскурсіи по всемъ болѣе или менѣе выдающимся мѣстамъ раскопокъ въ Греции, на островахъ и на юнійскомъ побережье Малой Азіи. Желающіе принять участіе въ конгрессѣ должны заявить объ этомъ не позднѣе 1-го февраля (18-го января) 1905 года, причемъ къ заявлению долженъ быть приложенъ взносъ въ 20 фр. Ежедневные расходы по поездкамъ исчисляются приблизительно въ 10 руб.

„Русск. Вѣд.“.

Въ микенскихъ раскопкахъ на о. Критѣ у Кноса обнаружены богатыя находки, въ томъ числѣ масса глиняныхъ сосудовъ съ микенскими письменами, двѣ фигурки египетского стиля, выточенный камень съ протокритскими надписями, обломки сосуда съ изображеніемъ кабана, метрическая надпись, содержащая гимнъ Зевсу Диктейскому и др.

„Русск. Вѣд.“.

Изображеніе Орфея на очень цѣнной древней мозаїкѣ (мозаичный полъ) недавно найдено подъ Иерусалимомъ. Орфей съ лирою представляетъ главную фигуру этой мозаики. Онъ окруженнъ звѣрями, которыхъ укрощаетъ своей игрой. Въ четырехъ углахъ картины находятся одинаковые окруженные цветами группы; наверху и внизу—двѣ женскихъ головки съ греческими надписями: Феодосія и Георгія. Между Орфеемъ и обоими портретами сдѣланы еще декоративные рисунки. Нахodka отправлена въ Константинопольский музей.

„Русск. Вѣд.“.

Раскопки знаменитаго святилища Амона въ египетскихъ Фивахъ французскимъ археологомъ Легрэномъ сопровождались замѣчательной находкой.

Легрэнъ наткнулся на крипту, полную статуй. Большинство—бронзовыя. Около тысячи статуй изображаютъ Озириса въ его различныхъ воплощеніяхъ. Обрадованный неожиданной удачей, Легрэнъ продолжалъ поиски въ томъ же направлениі и нашелъ еще около 450-ти статуй, на этотъ разъ каменныхъ, но хорошо сохранившихся. Легрэнъ надѣется, что его находки этимъ не ограничатся. Изъ найденныхъ статуй многія изображаютъ царей различныхъ династій. Такъ, среди нихъ есть изображеніе царя второй династіи Ка-Сехмепи, четвертой—Хеопса, пятой—Саха-Ра, много статуй царей восемнадцатой династіи. По мнѣнію Легрэна, его послѣднія находки заполняютъ много пробѣловъ въ исторіи

Египта. Какъ известно, еще Геродотъ видѣлъ храмъ Амона въ Фивахъ, въ которомъ ему показывали рядъ изъ 341 статуй, изображающихъ верховныхъ жрецовъ Амона, изъ чего онъ между прочимъ заключилъ, что святилища не менѣе 11,340 лѣтъ. Такъ какъ среди найденныхъ есть много статуй жрецовъ, то Легранъ предполагаетъ, что раскопанный имъ подземный храмъ и есть видѣнныи Геродотомъ. Масперо внесъ ту поправку въ гипотезу Леграна, что во время Птоломеевъ статуи святилища Амона, утратившаго популярность среди эллинизированного населения столицы, были перенесены въ подземную крипту, гдѣ остались предметомъ почитанія немногихъ друзей старины. „Русск. Вѣд.“.

«Змѣиная богиня» и культура «креста» у пеласгическихъ грековъ. Вышедши недавно *Ежегодникъ Британской Школы въ Аѳинахъ* (The Annual of the British School at Athens) (№ IX, 1903—1904) содержитъ въ себѣ отчеты о раскопкахъ на островѣ Критѣ, продолжающихъ известныи изслѣдованія Evans'a остатковъ «микенской» или «миноанской» культуры, предшествовавшей эллинской и относящейся къ эпохамъ за 4,000—2,000 лѣтъ до нашей эры. Новый свѣтъ на религию этой пеласгической Греціи проливаетъ открытие изображеній (изъ голубаго фаянса, сходнаго съ древнѣйшимъ египетскимъ) «змѣиной богини» и мраморнаго *креста*, составлявшаго, повидимому, главный предметъ культа. Дополненіемъ къ этимъ отчетамъ можетъ служить описание раскопокъ въ Филакопи на о. Мелосѣ (Excavations at Phylakopi in Melos. Hellenic Society, Suppl. Paper, № 4), гдѣ также были найдены предметы той же культуры, выказывающей черты сходства съ египетской временемъ отъ XII до XVIII династій. „Русск. Вѣд.“.

Законы вавилонского царя Хаммураби, бывшаго современникомъ Авраама, издалъ въ переводѣ и въ подлиннике Гуго Винклеръ, спадившій текстъ цѣнными примѣчаніями. Для исторіи культуры законы Хаммураби особенно интересны потому, что съ этими законами въ нѣкоторыхъ частяхъ представляютъ большое сходство законы Моисея.

„Русск. Вѣд.“.

Къ изученію еврейской народности. Д-ръ А. С. Вайсенбергъ, состоящий членомъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, много лѣтъ занимающійся изслѣдованіемъ евреевъ въ антропологическомъ отношеніи и известныи своими антропологическими трудами не только въ Россіи, но и за границей, въ настоящее время приступилъ къ изученію бытовой жизни еврейской націи, ея духовнаго склада, народнаго творчества и вопроса объ отношеніи ея къ другимъ народностямъ, что должно составить интересное дополненіе къ его антропологическимъ трудамъ и дать объясненіе и нѣкоторымъ вопросамъ антропологии евреевъ.

Съ цѣлью болѣе всесторонняго изученія этого вопроса и въ видахъ полученія возможно большаго количества данныхыхъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ, д-ръ Вайсенбергъ обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ, кто можетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, не отказать въ своемъ просвѣщеніи содѣйствіемъ.

Для руководства наблюденій по тѣмъ вопросамъ, которые ему кажутся болѣе важными, онъ предлагаетъ нижеслѣдующую программу, отвѣты на которую могутъ быть присылаемы или въ редакцію «Этнографическаго Обозрѣнія» или непосредственно д-ру А. С. Вайсенбергу (Адр. Елисаветградъ).

Вопросные пункты:

1. Какіе вы знаете пѣсни, имѣющія какія-либо отношенія къ евреямъ и еврейству?

2. Какіе вы знаете легенды, сказки и разсказы, въ которыхъ фигурируютъ евреи или еврейство?

3. Какіе вы знаете повѣрія, обряды и обычай, въ которыхъ фигурируютъ евреи или еврейство?

4. Какіе вы знаете заговоры, заклинанія и причитанія, въ которыхъ участвуютъ евреи или еврейство?

5. Какія вы знаете пословицы, поговорки и прибаутки, имѣющія отношеніе къ евреямъ или еврейству?

6. Какія вы знаете топографическія названія, имѣющія отношеніе къ евреямъ, и каково происхожденіе этихъ названій? (Напримѣръ: Жидъ-озеро, Жидовка-балка и т. п.).

7. Каковъ взглядъ народа на еврейскіе праздники? Повѣрія и разсказы, относящіеся къ нимъ.

8. Каковъ, вообще, взглядъ народа на еврейскую религію, ея отношеніе къ христіанству и наоборотъ? Повѣрія и разсказы, относящіеся сюда. Разсказы о выкrestахъ, взглядъ на нихъ.

9. Каковъ, вообще, взглядъ народа на характеръ еврея и его дѣятельность? Разсказы, относящіеся сюда.

10. Каковъ взглядъ народа на происшедшія въ послѣднія десятилѣтія перемѣны въ положеніи евреевъ? Нашли ли еврейскіе погромы, выселеніе евреевъ изъ деревень и введеніе винной монополіи (въ отношеніи ея къ евреямъ) какое-либо выраженіе въ народномъ творчествѣ? Пѣсни, разсказы и пр. относящіеся сюда произведенія.

При этомъ необходимо принять во вниманіе нижеслѣдующія условія:

а) Сообщать данные въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ пришлось услышать изъ устъ рассказывающаго, ничего не прибавляя отъ себя и не стѣсняясь выраженіями, а также направленіемъ, проглядывающимъ въ разсказахъ, будь оно благопріятно или неблагопріятно для евреевъ. Требуется только объективное отношеніе къ предмету.

б) Необходимо указать народность рассказывающаго (малороссъ, молдаванинъ и т. п.) и мѣсто его жительства.

в) Не стѣсняться сообщеніемъ хотя бы и малѣйшаго факта, придерживающійся пословицы: съ міру по читкѣ—голому рубашка.

г) Если известны какая-либо литературные данные по затронутымъ здѣсь вопросамъ, то прошу не отказать сообщить источники (полное название книги съ обозначеніемъ страницы, гдѣ напечатана пѣсня, разсказъ и т. п., имѣющіе отношеніе къ евреямъ).

д) Для облегченія обработки материала желательно иметь каждую цѣльную вещь записанной четко и разборчиво на особомъ листѣ бумаги. Запись можетъ быть сдѣлана по желанію съ сохраненіемъ мѣстнаго говора или на литературномъ языке.

Еврейское населеніе Россіи, его занятія сельскохозяйственнымъ, ремесленнымъ, чернорабочимъ, фабрично заводскимъ трудомъ, еврейская нужда, благотворительность и образование получаютъ интересное освѣщеніе въ недавно вышедшемъ «Сборникѣ материаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи». (Томы I и II. Изд. евр. колонизац. о-ва, Спб. 1904). Огромная часть еврейской массы ищетъ, но не находитъ средствъ существованія въ физическомъ труде. Свыше 500,000 человѣкъ живутъ репесломъ, или 13,2% еврейского населения, тогда какъ въ богатой и промышленной Германіи процентъ ремесленниковъ не превышаетъ 6—7. Другими словами, въ силу ограниченія права жительства, численность евреевъ-ремесленниковъ превышаетъ надобность въ нихъ населенія, а при такихъ условіяхъ удѣльь ремесленниковъ—жалкий заработка и упорная безработица. Свыше 100,000 евреевъ живутъ трудомъ чернорабочихъ, изъ нихъ до 13,000 выходятъ на полевые работы. Около 9,000 семействъ (съ 51 тыс. душъ) занимаются землемѣрческимъ хозяйствомъ въ еврейскихъ колоніяхъ, 21,500 человѣкъ—сельскохозяйственными промыслами въ колоній и т. д., такъ что общая численность еврейского населения, живущаго сельскохозяйственными промыслами, достигаетъ до 150,000 человѣкъ несмотря на то, что законодательство сдѣлало для евреевъ занятіе землемѣромъ почти невозможнымъ. До 32,000 насчитано корреспондентами евреевъ-рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ; небольшое число ихъ объясняется нежеланіемъ предпринимателей брать къ себѣ евреевъ-рабочихъ въ виду празднованія иудаи субботы, чѣмъ нарушился бы общій ходъ работы, и отсутствія въ средѣ евреевъ техническихъ знаний. Мелкихъ фабрикъ и заводовъ, принадлежащихъ евреямъ, насчитано до 2,500 — 3,000. Но масса живеть не капиталомъ, а трудомъ, и этотъ трудъ не даетъ возможности прокормиться. Отсюда — громадный ростъ еврейской нищеты, пауперизма. Число семействъ, пользовавшихся въ 1898 г. общественною организационою благотворительностью, составило... 19% всего числа, въ большихъ же городахъ—отъ 25-ти до 37,7%!

„Русск. Евр.“.

Къ изученію быта франкфуртскихъ евреевъ. Знаменитое еврейское гетто во Франкфуртѣ-на-Майнѣ дождалась своего историка въ лице проф. И. Кракауера, только-что издавшаго монографію о немъ «Geschichte der

Judengasse in Frankfurt a/M.. Авторъ даетъ подробную его исторію съ момента возникновенія въ 1462 г. вплоть до 1887 г., когда послѣднія постройки гетто были снесены, рисуетъ его бытъ и удѣляетъ особое вниманіе своеобразной архитектурѣ и внутреннему устройству его домовъ.

„Русск. Вѣд.“.

Вторая серія Талмуда въ русскомъ переводе оріенталиста Н. А. Переображенія явится продолженіемъ первой, заключающей въ себѣ переводъ *Мишны* и *Тосефты* въ шести томахъ. **Вторая серія Талмуда** будетъ заключать источники (Мехильта, Сифра, Сифре) и первые трактаты Бавы (Бавилонского Талмуда).

Переводъ этотъ является первымъ полнымъ и всесторонне объясненнымъ переводомъ *Талмуда* не только на русскомъ языке, но и вообще на европейскомъ.

Попытокъ перевода *Талмуда* имѣется множество, начиная съ 1519 г., когда лейбъ-медикъ германского императора Максимилиана Павелъ Риццусъ (крещ. евр., проф. философіи въ Павії), по порученію этого императора, взялся перевести весь Талмудъ на латинский языкъ. Дѣло въ томъ, что Максимилианъ, по настоянию доминиканскихъ монаховъ, повелѣлъ въ 1509 г. сжечь Талмудъ, какъ крайне еретическую книгу, вслѣдствіе чего возгорѣлся извѣстный въ исторіи споръ между доминиканцами и знаменитымъ гуманистомъ Рейхлиномъ, возставшимъ на защиту Талмуда. Императоръ заинтересовался содержаніемъ столь сѣйпо осужденной имъ книги и поручилъ своему приближенному еврею перевести ее. Но Риццусъ вскорѣ умеръ, успѣвъ перевести полностью лишь одинъ трактатъ. Послѣ него было много попытокъ перевода въ теченіе XVI и XVII вѣковъ. Еврейскій языкъ сталъ преподаваться во всѣхъ университетахъ, и Талмудъ изучался какъ важный предметъ богословской науки. Переводы отдельныхъ трактатовъ Талмуда часто подавались молодыми богословами въ качествѣ докторскихъ диссертаций. Въ началѣ XVIII в. амстердамскій профессоръ Суренгуйзъ собралъ имѣвшіеся переводы отдельныхъ трактатовъ и издалъ всю Мишну на латинскомъ языке. Первый нѣмецкій переводъ Мишны изданъ въ 1763 г.

Хуже обстоитъ дѣло съ другой основной частью Талмуда, Тосефой, которая, будучи еще труднѣе Мишны, самими евреями изучается неохотно, несмотря на ея чрезвычайную историческую, лингвистическую и литературную важность. Единственная попытка перевести Тосефту сдѣлана была до насъ въ XVIII в. (1755—1757) принявшимъ католичество еврейскимъ ученымъ Блазіо Уголино, успѣвшимъ перевести почти половину Тосефты на латинский языкъ. Но этотъ переводъ, подобно другимъ латинскимъ переводамъ того времени, является подстрочникомъ, буквально передающимъ еврейскій текстъ слово за словомъ. Едва ли этотъ варварскій латинскій языкъ когда-нибудь кѣмъ-нибудь былъ понятъ. Въ 1902 г. нѣмецкій учѣный Heinrich Laible издалъ переводъ одного первого трактата Тосефты, и нѣмецкая критика привѣтствовала это предпріятіе, какъ великий подвигъ, дѣлающій наконецъ

доступнымъ для ученаго міра одно изъ важнейшихъ произведеній еврейской мысли.

Не останавливаясь на другихъ попыткахъ перевода (существуетъ на иѣмецкомъ языке цѣлая книга о переводахъ Талмуда, «Kritische Geschichte der Talmud Uebersetzungen», гдѣ перечислено около 90 работы на 14 языкахъ), слѣдуетъ отмѣтить лишь работу Пиннера, задумавшаго въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія издать па иѣмецкомъ языкѣ весь Талмудъ въ 28 томахъ. Первый (и единственный) трактатъ этого перевода вышелъ въ 1842 г. съ субсидіей русскаго правительства (переводъ посвященъ императору Николаю I, который, по имѣющимся въ литературѣ свѣдѣніямъ, ассигновалъ извѣстную сумму специальнно на переводъ Талмуда).

Ни одна изъ этихъ попытокъ не доведена до конца, такъ что мы доселъ, несмотря на 400-лѣтнюю дѣятельность цѣлой арміи переводчиковъ, не имѣемъ всего Талмуда въ переводѣ ни на одномъ европейскомъ языкѣ.

Переводчики собственно и не собирались давать *весь Талмудъ*. Одни переводили съ апологетической или реабилитационной цѣлью, и выбирали такие трактаты, которые даютъ параллели христіанскому учению (папр. о Мессии) или церковныхъ обычаяхъ, или римскому праву, другие преслѣдовали цѣли полемической и переводили тѣ трактаты, гдѣ излагается учение Талмуда о язычникахъ (подъ которыми переводчики подставляли «христіанъ», хотя это явный анахронизмъ, такъ какъ Талмудъ знаетъ только іудео-христіанъ, какъ еврейскую секту, и то очень мало), трети переводили съ филологической цѣлью (*ad linguam discendam*) или богословской (для экзегетики, гомилетики и т. п.), или религіозно-правственной (*ad apicum pietate excolendum*). Никто изъ нихъ не переводилъ *Талмудъ для Талмуда*, не видѣлъ въ немъ самомъ самодовѣющеї цѣли. Этимъ и объясняется то на первый взглядъ поразительное обстоятельство, что почти никто не начинай съ начала, а всѣ тянулись къ концамъ, къ верхамъ, выбирая самыя позднія произведения, хотя отъ этого переводъ становился чрезвычайно темнымъ, ибо эти произведения предполагаютъ уже извѣстными читателю работы предшествующихъ вѣковъ. Евреи, изучающіе Талмудъ съ чисто практическими цѣлями, также обращаютъ все свое вниманіе на позднѣйшія произведения, но тутъ это понятно, такъ какъ для повседневной практики древніе законы имѣютъ сравнительно меньшее значеніе, нежели позднѣйшіе, зато изученіе Талмуда невѣроятно осложняется. По плану Перефековича, обнимающему *весь Талмудъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія, сначала подлежать переводу произведенія древнѣйшій, такъ называемой, таннитской эпохи (т. е. Мишна, Тосфота, Мехильта, Сифра и Сифро), а затѣмъ уже на нихъ, какъ на фундаментѣ, должны быть выведены прочія части (гемары), которая какъ по формѣ, такъ и по характеру представляютъ собой не болѣе, какъ объясненія древнѣйшихъ произведеній. Только при такой хронологической системѣ перевода, передающей въ естественномъ порядкѣ посте-

пенця напластыванія, и могутъ быть понятны сложные талмудические дебаты, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ устранишіи и разъясненіи противорѣчій между различными мѣстами основныхъ произведений.

Таинственность, окружавшая *Талмуд*, породила, какъ извѣстно, крайнія и противорѣчивыя мнѣнія о его содержаніи.

Талмуд въ средніе вѣка многократно сожигался и внесенъ въ списокъ запрещенныхъ католикамъ, зловредныхъ книгъ (Index librorum prohibitorum). Средневѣковая цензура вычеркнула изъ *Талмуда* массу мѣсть, гдѣ имѣются неодобрительные отзывы о Римѣ, гдѣ возвеличивается Израиль, какъ избранный народъ Божій, восхваляется обрѣзаніе и т. п., мѣсть, казавшихся средневѣковымъ цензорамъ соблазнительными для читателей *Талмуда*. Такъ какъ эти мѣста къ печатанію запрещались, то они евреями тщательно заучивались наизусть, передавались отъ учителей къ ученикамъ, ходили въ спискахъ. Теперь они поздаются отдельно и составляютъ необходимое дополненіе къ печатаемымъ въ Россіи изданіямъ *Талмуда*. Разумѣется, съ точки зрѣнія цензуры нашего времени, въ этихъ мѣстахъ ничего противоцензурного нѣть, и всѣ они *безъ единаго исключенія* вошли въ русскій переводъ, не встрѣтивъ никакихъ препятствій.

Средневѣковой взглядъ на *Талмуд* получилъ сильное распространение въ европейскомъ обществѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ антисемитического движения въ концѣ прошлаго столѣтія: антисемиты поспѣшили воспользоваться для своихъ цѣлей старымъ пугаломъ. Литература христіанъ о *Талмудѣ* громадна. Но въ ней наберется не болѣе 2—3 книгъ, принадлежащихъ серьезнымъ ученымъ, действительно изучившимъ то, о чёмъ говорить. Антисемитскіе же писатели обыкновенно *Талмуда* не знаютъ. Только крайней безпомощностью русской публики въ вопросахъ еврейской литературы можно объяснить безнаказанное появленіе на русскомъ языкѣ сочиненій такихъ лицъ, какъ Пятковскій («Государство въ государствѣ»), Шмаковъ («Еврейскія рѣчи»), Лютостанскій («*Талмуд* и Евреи»), въ которыхъ съ неслыханной дерзостью приписываются *Талмуду* грубо сfaѣбркованные тексты.

Поэтому особенно необходимо полный строго-научный, виѣ всикихъ полемическихъ или религіозныхъ видій, переводъ *Талмуда*. *Талмуд* есть чрезвычайной важности историческій и религіозный памятникъ, который, въ силу печальныхъ историческихъ условій, не внесъ еще своей доли въ сокровищницу человѣческой мысли. Съ одной стороны, онъ важенъ для исторіи религій вообще, ибо создавался въ эпоху великаго броженія человѣческаго ума, когда зарождались величайшія религіозныя системы; важенъ для исторіи христіанства, составляя ключъ къ пониманію многихъ сторонъ еврейскаго быта и еврейской мысли, перенесенныхъ въ первоначальную христіанскую общину, съ другой,— онъ важенъ какъ первоисточникъ для исторіи еврейства, археологии, этнографіи, географіи, хронологіи и прочихъ наукъ, связанныхъ съ исторіей, а съ третьей, онъ — доселѣ дѣйствующій религіозный и правовой кодексъ, со многими отраслями котораго (напр. брачнымъ правомъ) при-

ходится считаться не только евреямъ, но и современному государству, въ которомъ живутъ евреи.

Языкъ Талмуда, вообще крайне сжатый и неудобный для перевода, изобилуетъ намеками на разные библейские законы и существовавшіе обычаи, намеками, можетъ быть, понятными и извѣстными ученымъ евреямъ, но не извѣстными простымъ смертнымъ, для коихъ переводъ предназначается. Это вызвало необходимость большихъ введеній и многочисленныхъ примѣчаній, почти вдвое увеличившихъ объемъ перевода.

Русскій переводъ имѣть въ виду читателя, совсѣмъ неподготовленнаго, незнакомаго даже съ Библіей. Въ виду этого подробно раскрываются и разясняются всѣ ссылки на Библію и на другія мѣста Талмуда, всѣ указанія на существующіе у евреевъ обычаи и на всякаго рода факты, исторические, этнографические и т. п., естественно предполагающіеся въ Талмудѣ общеизвѣстными. Гдѣ содержаніе допускаетъ иллюстрацію, чертежомъ или рисункомъ, планомъ, фотографіей, тамъ таковая дана. Кроме того, не оставлено безъ вниманія и положеніе того или другого вопроса у современныхъ евреевъ, сть каковой цѣлью даны въ прибавленіяхъ отрывки изъ дѣйствующихъ законодательныхъ кодексовъ—Маймонида и Шулханъ Аруха, молитвы, изображенія филактерій, мезузъ, разводного письма, синагогального рога и т. п.

Самый переводъ близокъ къ подлиннику.

Такъ какъ количество и объемъ томовъ пока еще не поддается определенію, переводъ издается серіями, по 12 книгъ (выпусковъ) приблизительно равнаго объема. Нѣсколько книгъ, представляющихъ вмѣстѣ законченное цѣлое, образуютъ томъ сть отдельной пагинаціей.

Закончившійся второй (базельскій) международный конгрессъ по исторіи религій былъ богатъ интересными сообщеніями. На конгрессѣ присутствовало болѣе 250-ти членовъ. Изъ рефератовъ обратили на себя вниманіе сообщенія: ассириолога *Германаса*—о монотеизмѣ въ древне-аввилонской религіи, тонийскаго ученаго *Watanabe*—о религіяхъ современной Японіи (причемъ имъ было обращено вниманіе на эволюціонный характеръ японскаго буддизма, обнаруживающаго наклонность къ сближенію съ христіанскими вѣроученіями), д-ра *Sarasin'a*—о религіозныхъ представленіяхъ примитивныхъ народностей, проф. *Кольбаха*—о вліяніи изобразительного искусства на религіи Египта, Вавилоніи и Греціи и др. Изъ Россіи были представлены доклады *B. Сирошевской* («Религія племени Айдо на о. Иесо») и *A. Аракеляна* («Религія древнихъ армянъ»).

»Русск. Вѣд.«.

Нравственный кодексъ Японіи, основой которого служать передававшіеся по традиції взгляды и правила японскаго рыцарства (самураевъ), изложенъ въ изданной лѣтъ пять тому назадъ книжкѣ: *Буши-до* (Душа Японіи). Мысли, собранныя японскимъ ученымъ *Иназо Нитобэ*. Пер. съ подл. А. Салмановой. М. 1905. (167 стр.). Ц. 60 коп.

«Буши-до» значить собственно «рыцарский путь», т. е. какъ долженъ жить и вести себя «рыцарь» или джентльменъ. Переводъ этой книжки представляетъ особый интересъ теперь, когда волей судьбы мы должны бороться съ японцами и быть свидѣтелями примѣровъ ихъ военного рыцарства. Сочиненіе Нитобэ было изложено уже ранѣе на русскомъ языкѣ—съ нѣкоторыми добавленіями—г. Богословскимъ, въ статьѣ „Къ вопросу о характеристицѣ японцевъ“ (Владив. 1903), изданной въ *Извѣстіяхъ* Восточного института. Но работу г. Богословского трудно найти въ продажѣ, а потому новое издаеніе книжки является вполнѣ умѣстнымъ. Переводъ не вѣздѣ гладокъ, но въ общемъ удовлетворителенъ, издаеніе чистенькое и книжкѣ можно пожелать распространенія, тѣмъ болѣе, что доходъ отъ продажи ея имѣть поступить «въ фондъ постройки Народнаго дома г. Владивостока».

„Русск. Вѣд.“.

О развитіи японской лирической поэзіи интересныя данныя сообщаетъ изслѣдователь ея Отто Гаузерь.

Въ періодъ своего расцвѣта, совпавшаго съ временемъ средневѣковаго европейскаго миниатюрства, японская лирика воспѣвала главнымъ образомъ весну и любовь, но затѣмъ застыла и свелась постепенно къ словеснымъ фокусамъ по опредѣленной программѣ, которая требовала, чтобы чувства выражались обязательно въ 15-ти строкахъ по 31-му слогу въ каждой, что близко подходило къ схемѣ нашихъ сонетовъ, съ тою только разницей, что японская лирика не знала риѳмы. Проникновеніе западно-европейской культуры въ Японію произвело переломъ въ японской лирической поэзіи; появились переводы на японскій языкъ лучшихъ произведеній западно-европейской поэзіи. Переводчики стремились сочтать европейскую форму съ духомъ своей отечественной лирики. Вскорѣ появились и оригинальныя произведенія японской лирики, образцы коихъ имѣются въ настоящее время въ переводахъ на европейскіе языки. Наиболѣе виднымъ современнымъ японскимъ лирикомъ является Никамура Акиба, прославившійся поэмой «Видѣніе на полѣ битвы» и выступившій въ 1898 г. съ сборникомъ «Цвѣты и осенне листья».

„Русск. Вѣд.“.

Къ исторіи искусствъ Дальн资料го Востока. Въ Лондонѣ вышло англійское изданіе японскаго художественнаго журнала *The Kokka* подъ ред. проф. Тавашими въ Токіо. Журналъ этотъ выходитъ съ 1889 г. и знакомить съ сокровищами искусства Дальн资料го Востока, хранящимися въ почти недоступныхъ частныхъ коллекціяхъ и журналахъ.

„Русск. Вѣд.“.

Китайскіе амулеты. Н. N. Stuart издалъ интересный каталогъ можетъ восточно-азіатскихъ государствъ, находящихся въ коллекції Общества Искусства и Наукъ въ Батавіи, (Nazg, Nijhoff, 1904). Между

прочими, имъ описаны также китайскіе амулеты, имѣющіе видъ монетъ (четырехъугольные съ отверстиемъ посреди). На нихъ иногда находятся незамысловатыя надписи вродѣ: «Много счастья, долгіе годы, 100 сыновей, 1000 внуковъ». — «Пусть всѣ сыновья достигнутъ высшихъ научныхъ ступеней». — «Долголѣтіе какъ у журавля и черепахи» и т. д. На нѣкоторыхъ амулетахъ встрѣчаются изображенія дракона, саламандры, цветовъ сливнаго дерева, кипариса, считающихся символами счастья. На одномъ амулете изображенъ олень (luh), пѣдающій лилии: это надо читать luh ja i, т. е. «Доходы отъ административной должности по желанію». На нѣкоторыхъ написаны заклинанія противъ злыхъ духовъ. Въ коллекціи находятся и католическіе образки. На одномъ изъ нихъ изображено око, подъ нимъ Богоматерь и вокругъ надпись: «Марія, моли за насъ и за дѣтей язычниковъ». На обратной сторонѣ — св. Іосифъ Обручникъ и надпись: «Св. Іосифъ, великий патронъ Китая, моли за насъ».

„Globus“.

Къ этнографіи Австралии. Globus обращаетъ вниманіе на выходъ нового труда извѣстныхъ изслѣдователей Австралии Спенсера и Джиллена: Spencer a Gillen, The Northern Tribes of Central Australia. Онъ является какъ бы продолженіемъ ихъ первого труда: The Northern Tribes of Central Australia и результатомъ годового пребыванія среди туземныхъ племенъ. Особенное вниманіе оба изслѣдователя посвятили богатой духовной культурѣ описываемыхъ племенъ, которая стоитъ въ несоответствіи (какъ вообще у австралийцевъ) съ чрезвычайно бѣдной культурой материальной. Сумѣвъ возбудить, какъ рѣдко удавалось изслѣдователямъ, вполнѣ довѣріе туземцевъ, Спенсеръ и Джилленъ собрали богатые материалы о вѣрѣ въ колдовство, о шаманахъ, о тотемахъ, тотемистическихъ обрядахъ, соціальномъ устройствѣ и т. д. Въ отдѣлѣ о материальной культурѣ они подробно описали вооруженіе, одежду, утварь, орнаментику и декоративное искусство туземцевъ. Спенсеръ и Джилленъ между прочимъ выставляютъ слѣдующую теорію заселенія Австралии племенами, пришедшими съ сѣвера. Первымъ потокомъ на материкъ хлынула раса, стоявшая на весьма низкой ступени культуры — представителями ея служать вымершіе теперь тасманийцы. Вслѣдъ за тѣмъ материкъ наводнили другіе пришельцы съ сѣвера — нынѣшніе австралийцы; они стояли на довольно высокой ступени цивилизациіи и регрессировали лишь постепенно. Доказательствомъ этого послѣдняго положенія Спенсеръ и Джилленъ считаютъ именно высоту ихъ духовной культуры сравнительно съ бѣдностью культуры материальной. Въ области вѣрованій оба изслѣдователя подчеркиваютъ полное отсутствіе представлений о верховномъ существѣ и о возмездіи послѣ смерти.

Палеонтологическая изысканія Клаача въ Австралии. Только что вернулся изъ своего путешествія въ Австралию гейдельбергской профессоръ Г. Клаачъ (Klaatsch).

Проф. Клаачъ специализировался на изученіи палеонтологии человѣка и культуры палеолитического вѣка. Имъ совершио иѣсколько поѣздокъ по Франції, Бельгіи, Германіи и Англіи для ознакомленія въ музеяхъ и на мѣстахъ раскопокъ (въ пещерахъ и т. д.) съ древнѣйшими остатками человѣка въ Европѣ. Желая пополнить свои знанія наблюденіями надъ бытомъ современныхъ дикарей, живущихъ еще въ условіяхъ каменнаго вѣка, онъ отправился въ Австралию. Здѣсь онъ путешествовалъ сначала въ бассейнахъ рѣкъ Батавіи и Арчера, посѣщалъ тамъ стоянки темнокожихъ дикарей и изучалъ ихъ бытъ. Для безопасности его сопровождалъ вооруженный отрядъ. Послѣ того онъ отправился на острова въ заливѣ Карпентарія, гдѣ живетъ племя, почти совершенно незнакомое съ бѣлыми. Здѣсь Клаачъ занимался антропологическимъ и этнографическимъ изученіемъ населенія, для каковой цѣли правительство Квинсленда предоставило въ его распоряженіе казенный пароходъ. Имъ вывезенъ изъ своего путешествія богатый матеріаль, разработкой котораго онъ и намѣренъ теперь заняться.

„Русск. Вѣд.“.

Питекантропосъ на Явѣ. Въ газетѣ *Soir* появилось сенсаціонное извѣстіе, что на островѣ Явѣ двумъ europейцамъ удалось наблюдать живого питекантропоса. Оставляя на отвѣтственности газеты сомнительное извѣстіе, передаемъ иѣкоторыи подробности.

Голландскій купецъ Ванъ-Беренъ отправился на охоту, заблудился въ лѣсу и долженъ былъ переночевать подъ деревомъ. Ночью его разбудили странные звуки, близко подходившіе къ словамъ курри-курри. Утромъ купецъ увидѣлъ на деревѣ колосальное гнѣзdo съ круглымъ отверстиемъ въ полиметра діаметромъ. Въ отверстіе выглянула голова съ щетинистыми темнорусыми волосами, затѣмъ на землю спустилось животное, очень напоминавшее собою человѣка. Вернувшись въ обитаемыя мѣста, Ванъ-Беренъ вскорѣ снова отправился въ лѣсъ въ обществѣ американского натуралиста, д-ра Вердегоуза. Они отыскали дерево, на которомъ, какъ оказалось, жила цѣлая семья питекантропосовъ. Ученый устроилъ себѣ шалашъ подъ деревомъ и прожилъ тамъ около трехъ мѣсяцовъ, наблюдая привыки животныхъ. Вотъ результаты этихъ наблюдений. У туземцевъ питекантропосы извѣстны подъ названиемъ аш-перицъ. Ихъ характерной чертою является чистоплотность; они часто купаются, чего другія обезьяны не дѣлаютъ. Ходятъ они, конечно, нагими, но самки украшаютъ себя ожерельями изъ мелкихъ вѣточекъ и ягодъ, очень заботливо ухаживають за дѣтенышами и поютъ, убаюкивая ихъ. Языкъ у нихъ членораздѣльный, но очень бѣдный; пища состоять изъ плодовъ, корней, рыбы и птичьихъ яицъ. Они знакомы съ огнемъ, но не умѣютъ еще его добывать. Вердегоузъ не представилъ

никакихъ фактическихъ данныхъ въ подтверждение своего рассказа. Но, какъ сообщаеть та же газета, по его указаніямъ отправилась въ лѣсъ для изученія живого питекантропоса цѣлая группа ученыхъ.

„Русск. Вѣд.“

Къ этнографіи Африки. Майоромъ Р. Н. Г. Powell-Cotton'омъ (*Geograph. Journ.* 1904, VII), посѣтившимъ въ 1902 г. сѣверныя области Уланды, были встрѣчены оригиналныя для Африки двухэтажныя хижины. Въ такихъ хижинахъ живеть племя tereth, занимающее склоны горъ Морото и Эльгонъ. Племя это внушаетъ соудилищъ племенамъ страхъ, такъ какъ среди нихъ будто бы имѣется много колдуновъ. На восточномъ склонѣ горы Эльгонъ живеть племя wongabun . Это пещерные жители. Но пещеры, по мнѣнію Powell Cotton'a, искусственно обѣданы не современнымъ имъ населеніемъ.

„Globus“.

Изученіе карликовыхъ племенъ Африки будетъ пополнено скоро свѣдѣніями, которыхъ разсчитывается добыть англійскій изслѣдователь, майоръ Науэлл Коттонъ, предпринимающій экспедицію въ Центральную Африку, въ область между истоками Нила и рѣкою Замбези.

Путешественникъ думаетъ прожить некоторое время въ странѣ людоѣдовъ Конго, а затѣмъ займется изученіемъ карликовыхъ племенъ тропическаго лѣса и области къ западу отъ озера Киву. На британскую территорію онъ намѣренъ выйти въ странѣ Ньясса, чтобы спуститься затѣмъ къ берегу р. Замбези.

„Русск. Вѣд.“.

По этнографіи Бразиліи доставилъ новыя свѣдѣнія д-ръ Теодоръ Кохъ, командированный туда берлинскимъ этнографическимъ музеемъ и опубликовавшій недавно отчетъ о своихъ изысканіяхъ въ области верхняго течения Амазонки.

Съ середины февраля до начала іюля онъ находился въ пути, въ теченіе которого встрѣтилъ на Rio-Tики совершенно неизвѣстныя до сихъ поръ индѣйскія племена. Выступивъ изъ своей главной квартиры въ Сан-Фелипе, Кохъ направился къ югу, добрался до рѣки Курикуріаи, поднялся вверхъ по ней и по ее лѣвому притоку Канаури; отсюда онъ черезъ низкій водораздѣлъ достигъ рѣки Карамабача и по ней до Уаупеса, большого западнаго притока Rio-Негро. Rio-Tики и является притокомъ Уаупеса. Область этой рѣки до сихъ поръ ни разу не посѣщалась бѣльми. Добраться до нея водой было нелегко, ибо рѣка пересѣчена множествомъ водопадовъ и пороговъ. Особенно красивъ водопадъ Кугуру, 15 м. высоты. Въ этихъ случаяхъ Кохъ долженъ былъ выходить, изъ ботика и по сухому пути обходить водопады. Въ то время какъ долина Курикуріаи населена очень слабо (въ ней живутъ только индѣйцы племени тукано да почти совсѣмъ дикие маку, которые бродятъ по лѣсамъ, не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства), долина Тики населена очень густо; тутъ живутъ индѣйцы племень тукано, дезана, дикана бара и маку. По-

следние имѣютъ лишь очень отдаленную лингвистическую связь съ маку изъ долины Курикуари, а въ долинѣ Тики исполняютъ роль домашнихъ рабовъ у болѣе сильныхъ племенъ. Изъ послѣднихъ особенно интересны дикана и бара, и наблюденія надъ ними Коха имѣютъ наибольшее научное значеніе. Благодаря замкнутому образу жизни они совершенно не затронуты деморализирующими вліяніемъ цивилизациіи, и Кохъ, который живъ въ ихъ деревняхъ нѣсколько недѣль, имѣлъ возможность наблюдать тутъ подлинный бытъ индѣйцевъ. Онъ собралъ множество фотографій, 13 листовъ словаря и пріобрѣлъ многочисленные предметы быта.

„Русск. Вѣд.“.

Матеріальная культура американскихъ племенъ нашла оригинального изслѣдователя въ лицѣ *Holmes'a*. Въ недавно разосланномъ по научнымъ учрежденіямъ 20-мъ годичномъ отчетѣ Bureau of Ethnologie въ Вашингтонѣ за 1898—99 гг. находится его работа: *Aboriginal Pottery of the Eastern United States* (237 стр. и 186 табл.). Хольмъ изслѣдуетъ гончарную издѣлія туземныхъ племенъ восточной части Соед. Штатовъ на пять группъ: 1) долины средняго течения Миссисипи; 2) южно-апалахская группа; 3) области между Аллеганскими горами и Атлантическимъ Океаномъ; 4) ирокезская группа и 5) съверо-западная. На приложенной карте показана область распространенія каждой группы. Керамика Сѣв. Америки не достигала никогда высоты керамики Центральной Америки и Перу; тѣмъ не менѣе и здѣсь встрѣчаются отдѣльные образцы высокаго достоинства. Въ произведеніяхъ южныхъ областей проявляется сходство съ мексиканскими издѣліями. Особенно хороши раскрашенныя лицевыя урны изъ долины средняго течения Миссисипи. Хольмъ изучилъ основательно богатый матеріалъ, собранный въ музеяхъ Америки, вслѣдствіе чего ему было возможно подробно опредѣлить область распространенія каждой группы и культурный уровень изготавителей, отразившійся на формѣ и отдѣлкѣ сосудовъ. Онъ подробно описалъ также форму, окраску, украшенія гончарныхъ издѣлій на основаніи изученного имъ матеріала, а также старинныхъ источниковъ—описаний и рисунковъ.

„Globus“.

Населеніе Гренландіи по даннымъ переписи 1901 г., недавно опубликованнымъ датскимъ правительствомъ, почти все состоить изъ эскимосовъ. Количество европейскихъ колонистовъ съ 1840 г. (280 чел.) непрерывно уменьшалось (до 272 ч. въ 1901 г.), а вообще населеніе Гренландіи за послѣдніе десять лѣтъ (1891—1901) увеличилось на 9% и составляло въ 1901 г.—11,893 чел. Женщинъ значительно больше, чѣмъ мужчинъ, что статистики объясняютъ опасными для жизни промыслами туземцевъ, уносящими много жертвъ. Смертность постепенно однако уменьшается. Пространство Гренландіи занимаетъ 2.170,00 кв. кил., изъ которыхъ только 88,000 приходится на землю, свободную отъ льда и глетчеровъ. Наиболѣе населенные пункты—Суннертогенъ (382 жит.) и Юліенгабъ (333 жит.).

„Русск. Вѣд.“.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановской* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., предсѣдателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучинъ*); выходить 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на 1905 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Исторический Музей, Секретарю Антропологического Отдѣла *А. А. Ивановскому*.

Редакція

„ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЗРѦНІЯ“

ПЕЧАТАЕТЬ ПЛАТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ПОЗАДІ ТЕКСТА.

Цѣна одного объявленія на цѣлой страницѣ—
10 руб., на $\frac{1}{2}$ страницѣ—5 р. 50 коп. и на $\frac{1}{4}$ страницѣ—3 рубля.

Постороннія приложенія для разсылки при изданіи принимаются по особому соглашенію.

Конторамъ, доставляющимъ объявленія, дѣлается скидка: съ обѣявленій русскихъ 10%, съ обѣявленій заграничныхъ 20%.

ПРОДАЮТСЯ СЛЕДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографического Отдѣла И. О. Л. Е., А. и З.

Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографиче-
скаго Обозрѣнія“.

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред.
акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ф. Миллера*. М. 1894. 8°.
VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (распродано).

2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ*, съ
предисловіемъ проф. *В. Ф. Миллера*. М. 1901. 8°. XV + 618
стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ
Скоропечатни *А. А. Левенсонъ*).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Фед. Миллера*, издан-
ный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ
ред. *Н. А. Янчука*. М. 1900. 4°. XXII + 368 стр. Ц. 3 р. (за
границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко*. Матеріалы по этнографіи русскаго на-
селенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг.
4°. VII + 221 + X + 276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб.
(Издание почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред.
Ф. Я. Трейланда. М. 1881. 4°. X + 224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за
границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографического Отдѣла 1874—
1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190
стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186 + 7 стр. Ц. 2 р.
за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа:
а) для собирания этнографическихъ свѣдѣній, б) для собира-
ния свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII +
217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго
населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 гг.
4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ*. Русскіе лопари (очерки прошлаго и
современнаго быта). М. 1890. II + 472 стр. 3 фототип. и карт.
Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловский*. Шаманство (сравнительно-этногра-
фические очерки). М. 1892. 4°. IV + 115 стр. Ц. 1 р. 50 к. (за
границу 2 руб.).

12) *И. А. Житенкій*. Очерки быта Астраханскихъ калмы-
ковъ. М. 1893. 4°. II + 73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к.
(за границу 1 р. 60 к.).

Поступила въ продажу новая книга:

АРХАНГЕЛЬСКІЯ БЫЛИНЫ

и

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ,

собранныя А. Д. Григорьевымъ въ 1899—1901 гг.

Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа.

Томъ I. Часть I: Поморье. Часть II: Пинега.

Издание Императорской Академіи Наукъ.

Сборникъ объемомъ въ 48 печатныхъ листовъ 8° и со-
держить въ себѣ, помимо текстовъ 212 поморскихъ и пин-
ежскихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, еще 56 напѣ-
вовъ къ пимъ, предисловіе ко всему изданію, свѣдѣнія объ
эпической традиції въ Поморѣ и Пинежскомъ краѣ, био-
графіи пѣвцовъ и пѣвицъ, предисловіе къ напѣвамъ, алфа-
витные указатели и обзоръ вариантовъ былинъ и истори-
ческихъ пѣсень.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова въ
Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.

Можно получать также въ книжныхъ магазинахъ Суворина
(въ Москвѣ, Петербургѣ и др. городахъ) и Вольфа, Пу-
тиловой, „Трудъ“ и др. въ Москвѣ.

Открыта подписка на 1905 годъ (годъ однаждытый)
на ЖУРНАЛЪ
„ЗЕМЛЕВѢДѢНИЕ“.

ИЗДАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОТДѢЛЕНИЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества любителей естествознанія, антропологии
и этнографіи

подъ РЕДАКЦІЕЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛЕНИЯ ПРОФ. Д. Н. Анучина.

Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимуще-
ственію Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія раз-
личныхъ странъ, обзору геогр. литературы и т. д.

Выходитъ въ Москвѣ 4-ия книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12
печатныхъ листовъ съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкою—6 руб.

Гг. иностранные благоволятъ обращаться по адресу: Географическое отдѣленіе
Общества любителей естествознанія, Политехнический музей, Москва. Прежне
годы, 1895—1903, могутъ быть получены по 5 р. за годъ, а 1894 годъ безъ
1-й книжки (оставшейся въ немногихъ экземплярахъ)—за 3 р. Всѣ года (1894—
1903), безъ 1-й книжки 1894 г., со всѣми приложеніями могутъ быть получены
за 46 р., съ подпиской на 1904 г.—за 50 р., а съ 1-й книжкой 1894 г.—за 65 р.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Землевѣдѣнія“ помѣщены между прочимъ статьи: Б. Ф. Адлеръ: „Сѣверогерманская низменность“; Н. М. Альбовъ: „Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа“—„Очерки растительности Колхиды“—„Природа Огненной Земли“; проф. Н. И. Андрусовъ: „Поѣздка въ Дагестанъ“; проф. Д. Н. Анучинъ: „Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представлений“—„Суша“ (краткія свѣдѣнія по орографіи)—„Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двіны“—„И. В. Муляковъ и его научные труды“—„О преподаваніи географіи“; В. В. Богдановъ: „Мурманъ“; Л. С. Вергъ: „Аральское море“; В. Г. Богоразъ: „Ламуты“; А. М. Беркенгеймъ: „Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины“—„Современное экономическое положеніе Сирии и Палестины“—„Переселенческое дѣло“; И. В. Богоявленскій: „Въ верховьяхъ Аму-Дары“; П. А. Вѣльский: „Гальшиа“—„Петровскія озера Корчевск. у.“; проф. А. И. Воейковъ: „Воздѣлываніе человѣка на природѣ“; М. М. Воскобойниковъ: „Изъ наблюдений на Памире“; А. Грачевъ: „Объ озерахъ Костромской губ.“; Б. М. Житковъ и С. А. Бутурлинъ: „По Сѣверу Россіи“; А. А. Ивановскій: „Истоки рѣки Москвы“—„Озеро Горка“—„Арапат“; П. Г. Игнатовъ: „По южному Алтаю“; проф. А. Н. Красновъ: „Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина“; проф. П. И. Кротовъ: „Вятскій увалъ“—„О постановкѣ препода-
ванія географіи въ средн. учебн. заведеніяхъ“; А. А. Круберъ: „О болотахъ Моск. и Ряз. губ.“—„Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы“—„О карстовыхъ явле-
ніяхъ въ Россіи“—„Новая Гвинея“; Г. И. Куликовскій: „Зараставшая и перидически исчезающая озера Обонежского края“; М. Л. Леваневскій: „Очерки Киргизской степей“; проф. Э. Е. Лейстъ: „Луна и погода“; В. И. Леоновъ: „Озера въ области р. Пры, Рязанск. г.“—„Озера Нижней Рачи, въ Закавказье“; Е. И. Луценко: „Поѣздка въ алтайскіи теленгеты“—„Озера въ области истоковъ Дона“; А. К. Ф. М.: „Альпи-
низмъ“; В. Г. Михайловскій: „Горные группы и ледники Центрального Кавказа“; М. В. Никольскій: „Слѣды ассироавиллонской культуры на Кавказѣ“; проф. В. А. Обручевъ: „Природа и жители Центральной Азии“; проф. А. П. Павловъ: „О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ влияніемъ работы поливальныхъ и поверхностныхъ водъ“; С. Е. Паткановъ: „По Юкатану“; Х. С. Г. Султановъ: „Свят. область мусульманъ въ Аравіи“; пр.-доц. Г. И. Танфильевъ: „Домостр. стени Евр. Россіи“—„О торфяни-
кахъ Моск. губ.“; И. Тихоновичъ: „Въ киргизскихъ степяхъ Семипалатинской обл.“; пр.-доц. В. А. Федченко: „Задачи ботанической географіи“; А. Ф. Флеровъ: „Ботанико-географіч. очерки“; Д. Чорцъ: „Оч. физ. геогр. Южн. Америки“; А. Яриловъ: „Педология или наука о почвѣ“ и др. Кроме того мелкія извѣстія и библиографическая замѣтка. Приложения къ журналу вишаны: 1) Ф. Нансенъ. Среди льдовъ во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт.; 2) Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ, 894 стр.; 3) Арт. Гейки. О преподаваніи географіи. Советы учи-
телямъ; 4) проф. С. Гюнтеръ. Исторія географ. открытій и успѣхи научного землевѣдѣ-
нія въ XIX вѣкѣ. (Печатается и будетъ доставлена подписчикамъ на 1905 годъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г.

Годъ X.

на ежемѣсячный научно-популярный и пе-
дагогический журналъ

Годъ X.

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ и ГЕОГРАФІЯ“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключениемъ двухъ лѣтніхъ мѣсяцевъ (января—февраля), книжками изъ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учителльскихъ библіотекъ учителльскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ ОДОБРЕНЪ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставить себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналахъ имются отдѣлы: 1) научно-популярные статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретического и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и террапурумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранный литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

Весьма желательно установление живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставить себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція просить лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, асемскій управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналахъ были помѣщены статьи: И. Я. Акинфіева, А. П. Артари, Л. И. Бородовскаго, проф. А. Ф. Брандта, В. В. Богданова, П. Вольногорскаго, Н. Н. Вануловскаго, проф. С. П. Глазенапа, М. И. Голенина, проф. А. С. Догеля, М. И. Демкова, Л. Н. Елагина, В. Е. Жадовскаго, Б. М. Житкова, проф. Н. Ю. Зографа, Н. Ф. Золотницкаго, проф. Н. Ф. Кащенка, проф. Н. И. Кузнецова, проф. И. А. Каблукова, проф. Н. М. Кулагина, Г. А. Ко-жевникова, М. А. Кожевниковой, проф. А. Н. Краснова, М. Э. Мендельсона, С. П. Мечя, Г. А. Надсона, А. М. Никольскаго, Н. Д. Носилова, проф. А. П. Павлова, А. Н. Рождественскаго, проф. В. В. Сапожникова, Н. А. Сату-нина, Н. К. Сентъ-Илер, М. М. Сизова, В. И. Талѣева, проф. Н. А. Тимирязева, проф. А. А. Тихомирова, П. Р. Фрейберга, проф. В. М. Шимкевича, П. Ю. Шмидта и нѣкоторыя другія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересыпкою 4 р. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересыпкою и доставкою 2 р. 50 к.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 и 1904 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссию и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждого годового полагаго экземпляра.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ: Москва, Донская, домъ Давиловой.

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.